

3 1761 06411853 2

БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.

БИБЛИОТЕКА САМООБРАЗОВАНІЯ.

Н. Карѣевъ.

ОБЩІЙ ХОДЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРИИ.

ОЧЕРКИ ГЛАВНѢЙШИХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЭПОХЪ.

6-е бесплатное приложение къ журналу

„Вѣстникъ и Библиотека Самообразования“
на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1903

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 мая 1903 г.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.

Предисловіе.

Настоящая книга представляет собою то же самое, что издавныя мною раньше «Введенія» въ курсы исторіи новѣйшаго времени (1881), древняго міра (1882), среднихъ вѣковъ (1883), новаго времени (1884) и древняго Востока (1887), а также «Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени» (1893) и «Главныя обобщенія всемірной исторіи» (1903). Названныя «Введенія», дѣйствительно, были введенія въ читанныя мною общіе университетскіе курсы, которымъ я обыкновенно предпосылалъ общіе обзоры большихъ отдѣловъ исторіи. Что касается до двухъ остальныхъ книгъ, то онѣ тоже имѣютъ характеръ общихъ обзоровъ, но являются уже не введеніями, а подведеніями итоговъ. «Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени» была написана мною послѣ выхода въ свѣтъ первыхъ трехъ томовъ моей «Исторіи Западной Европы въ новое время» (1892 и слѣд.), какъ обобщеніе главнаго содержанія этого труда, могущее, вмѣстѣ съ тѣмъ, быть введеніемъ въ исторію XIX вѣка, которая (до 1870 г.) потомъ и изложена была въ четвертомъ и пятомъ томахъ названнаго сочиненія. Наконецъ, «Главныя обобщенія всемірной исторіи» были задуманы и выполнены мною, чтобы свести къ болѣе объединенному и обобщенному виду весь фактическій и идейный матеріалъ, заключающійся въ моихъ «Учебныхъ книгахъ» древней, средней и новой исторіи, предназначенныхъ для средняго образованія. Теперь, въ сущности, я даю какъ бы сліяніе въ одно цѣлое наиболѣе существеннаго содержанія названныхъ книжекъ съ всемірно-исторической точки зрѣнія, переработанное притомъ и дополненное.

Въ чемъ заключается всемірно-историческая точка зрѣнія, это объяснено въ первой главѣ настоящей книги, и потому здѣсь объ этомъ

нечего говорить. Замѣчу только, что названная точка зрѣнія есть по самому существу своему историко-философская, и, слѣдовательно, предлагаемые очерки «Общаго хода всемірной исторіи» относятся къ такъ называемымъ философіямъ исторіи. Въ книгахъ подобнаго рода очень часто философія, въ смыслѣ логической системы, получаетъ перевѣсъ надъ исторіей, въ смыслѣ построенія, основаннаго на реальномъ взаимоотношеніи фактовъ. Эта книжка, наоборотъ, имѣетъ скорѣе именно историческій чѣмъ философскій характеръ, и для того, чтобы понимать ея содержаніе, достаточно вообще лишь знанія средне-учебнаго курса исторіи и нѣкотораго научнаго образованія вообще. Успѣхъ, какой имѣли среди лицъ, занимающихся самообразованіемъ, названныя выше книжки, позволяетъ мнѣ надѣяться, что и эта не будетъ лишнею для тѣхъ, которые желаютъ охватить всемірную исторію въ ея цѣлости.

Настоящая книжка—первая въ задуманной редакціей «Вѣстника и Библіотеки Самообразованія» серіи историческихъ книгъ общаго содержанія.

2 мая 1903 г.

Очеркъ первый.

Всемирно-историческая точка зрѣнія.

Постепенное объединеніе судебъ стдѣльныхъ странъ и народовъ. — Бѣглый взглядъ на цѣлое всемірной исторіи. — Необходимость изученія общаго хода исторіи и задача философіи исторіи. — Два способа философскаго построенія всемірно-историческаго процесса. — Примѣненіе идеи законмѣрности къ пониманію всемірно-историческаго процесса. — Разборъ нѣкоторыхъ возраженій противъ всемірно-исторической точки зрѣнія. — Обычное дѣленіе всемірной исторіи и его ненаучность. — Схема, предложенная Л. Мечниковымъ. — Теорія культурно-историческихъ типовъ.

Всемирная исторія не есть только сумма частныхъ исторій, т.-е. исторій отдѣльныхъ странъ и народовъ. Смотрѣть на исторію человѣчества такимъ образомъ мы имѣли бы право только въ томъ случаѣ, если бы жизнь каждой страны, каждаго народа протекала совершенно обособленно, внѣ какой бы то ни было связи съ исторіей другихъ странъ, другихъ народовъ. Всякому извѣстно, что въ настоящее время нѣтъ ни одного почти уголка заселенной земли, который такъ или иначе, въ той или другой мѣрѣ не испытывалъ бы на себѣ вліянія со стороны того, что происходитъ въ другихъ мѣстахъ, и что сближеніе между наиболѣе отдаленными одна отъ другой странами, одинъ отъ другого народами дѣлается все болѣе и болѣе тѣснымъ. Политическіе интересы современныхъ государствъ и націй въ разныхъ частяхъ свѣта до такой степени переплелись между собою, что мы имѣемъ полное право говорить о существованіи міровой политики, какъ сложной системы взаимоотношеній между всѣми цивилизованными и варварскими народами всѣхъ пяти частей свѣта, отъ каковыхъ взаимоотношеній зависятъ судьбы и дикихъ племенъ, населяющихъ еще значительныя пространства суши. Мы можемъ также говорить о существованіи міровой торговли, т.-е. объ экономическомъ взаимодействіи между

всѣми частями свѣта или составляющими ихъ отдѣльными странами. Наконецъ, быстрое распространеніе по всему земному шару всего того, что входитъ въ понятіе высшей культуры, свидѣтельствуетъ равнымъ образомъ, что исторія движется въ объединительномъ направленіи.

Конечно, движеніе это началось не со вчерашняго дня. Въ началѣ человѣческой исторіи была полная разрозненность отдѣльныхъ группъ, на которыя дѣлились всѣ племена земного шара: люди жили небольшими ордами и родами, большею частью враждовавшими со своими ближайшими сосѣдями, да и впослѣдствіи, когда въ нѣсколькихъ пунктахъ Стараго Свѣта возникли первыя государственныя организаци, онѣ отдѣлялись одна отъ другой обширными пространствами безъ путей сообщенія, безъ культурнаго населенія, безъ исторической жизни. Только постепенно началось сближеніе между отдѣльными культурными оазисами, но началось оно все-таки очень давно, и имѣетъ оно весьма длинную исторію, измѣряющуюся цѣлыми тысячелѣтіями. Съ этой точки зрѣнія всемірная исторія и является передъ нами какъ процессъ постепеннаго установленія политическихъ, экономическихъ и культурныхъ взаимоотношеній между населеніями отдѣльныхъ странъ, т.-е. процессъ постепеннаго объединенія человѣчества, расширенія и углубленія связей, мало-по-малу образующихся между разными странами и народами. Въ этомъ процессѣ каждая отдѣльная часть человѣчества, имъ захватываемая, все болѣе и болѣе начинаетъ жить двойною жизнью, т.-е. жизнью своею собственною, мѣстной и особою, и жизнью общею, универсальною, состоящею, съ одной стороны, въ томъ или иномъ участіи въ дѣлахъ другихъ народовъ, а съ другой—въ испытываніи разнородныхъ вліяній, идущихъ отъ этихъ другихъ народовъ. То, что касается только самого народа, есть, такъ сказать, его частное достояніе, и всемірная исторія человѣчества, конечно, есть прежде всего сумма такихъ частныхъ исторій, но она получаетъ право на наименованіе всемірной исторіи лишь постольку, поскольку судьбы отдѣльныхъ народовъ переплетаются между собою, одинъ народъ оказываетъ на другой то или иное вліяніе, между народами устанавливается извѣстная историческая преемственность, и такимъ образомъ надъ суммою частныхъ исторій возникаетъ исторія общая, универсальная, всемірная.

Бросимъ теперь же самый бѣглый взглядъ на цѣлое всемірной исторіи, чтобы, охвативъ это цѣлое сразу, найти въ немъ фактическое подтвержденіе высказанной только-что общей мысли.

Извѣстно, что развитая культурная жизнь зародилась первоначально лишь на немногихъ пунктахъ земного шара и только постепенно распространялась и на другія страны, причемъ самостоятельно она зарождалась лишь въ извѣстныхъ географическихъ условіяхъ—топографическихъ, климатическихъ и почвенныхъ. Такими колыбелями цивили-

лизаціи были рѣчныя долины Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга и Янь-цзы-цзяна южнѣе 40° с. ш. и съ весьма плодородною почвою. Можно поэтому сказать, что первыми цивилизаціями были цивилизаціи рѣчныя *): въ древнѣйшую эпоху культурныя страны были въ буквальномъ смыслѣ оазисами среди громадной пустыни, и всемірная исторія началась лишь тогда, когда началось сближеніе между такими изолированными странами. Въ то самое время, какъ Китай и Индія, отдѣленные отъ другихъ древнихъ культурныхъ странъ громадными и трудно проходимыми пространствами, жили въ общемъ обособленно отъ остальныхъ намъ извѣстныхъ народовъ древности, самыя старыя историческія страны міра, Египетъ и Месопотамія, весьма рано вошли въ соприкосновеніе между собою, когда одинъ изъ первыхъ египетскихъ фараоновъ XVIII династіи, воцареніе которой относятъ за 17 вѣковъ до Р. Х., предпринялъ завоеваніе Сири и дошелъ до Тигра и Евфрата. За періодомъ рѣчныхъ цивилизацій послѣдовалъ періодъ цивилизацій морскихъ. Его открываетъ исторія финикійцевъ, которые своей колонизаціей превратили Средиземное море въ финикійское озеро. Этотъ предприимчивый народъ явился и первымъ распространителемъ цивилизаціи, возникшей въ рѣчныхъ долинахъ Нила, Тигра и Евфрата, по берегамъ моря, которое, дѣйствительно, сдѣлалось «средиземнымъ» для культурныхъ странъ древности. Финикійцевъ смѣнили греки, развившіе свою колонизацію по берегамъ этого моря, съ прибавкою къ нему и морей Мраморнаго, Чернаго и Азовскаго. Затѣмъ это же море сдѣлалось внутреннимъ озеромъ Римской имперіи, объединившей подъ своею властью чуть не весь древній міръ (за исключеніемъ Индіи и Китая). Впослѣдствіи, съ расширеніемъ исторической сцены, къ старому «средиземному» морю прибавились другія «средиземныя» же моря (Нѣмецкое и Балтійское), игравшія такую же роль въ средніе вѣка и въ новое время. По отношенію къ морямъ въ наиболѣе благоприятныя условія поставлена Европа, и съ переходомъ власти надъ Средиземнымъ моремъ къ грекамъ, этому первому европейскому историческому народу, и первенство въ исторіи цивилизаціи перешло къ Европѣ. Въ настоящее время мы живемъ въ періодъ океанической цивилизаціи, начало которому было положено великими географическими открытіями конца XV и начала XVI в., а именно морского пути въ Индію, Америки, первымъ кругосвѣтнымъ плаваніемъ и т. п. Въ связь съ этимъ постепеннымъ расширеніемъ исторической сцены нужно поставить еще два общихъ факта: смѣну господства отдѣльныхъ человѣческихъ расъ и объединеніе исторіи отдѣльныхъ странъ въ исторію человѣчества.

*) См. ниже, въ концѣ главы.

Извѣстно, что человѣчество распадается на нѣсколько расъ, между которыми существуютъ не только физическія, но и психическія особенности. Не всѣ расы одинаково одарены въ духовномъ отношеніи, и потому онѣ могутъ быть раздѣлены на высшія и низшія. Народы, принадлежащіе къ послѣднимъ, и до сихъ поръ находятся въ дикомъ состояніи или едва перешли на стадію варварства. Историческіе народы принадлежатъ, напротивъ, къ высшимъ, болѣе одареннымъ расамъ. Повидимому, древнѣйшія цивилизаціи принадлежали монгольской расѣ (это, впрочемъ,—вопросъ довольно темный и спорный), но настоящее развитіе цивилизаціи происходило, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ расы бѣлой. Въ ней первенство въ хронологическомъ отношеніи принадлежитъ семитамъ, игравшимъ главнѣйшую роль въ древнѣйшей исторіи Востока отъ Месопотаміи до Египта. Позднѣе, съ выступленіемъ въ Азіи персовъ и въ Европѣ грековъ, господство перешло къ арійской расѣ, за которою оно остается и понынѣ. Къ благопріятнымъ географическимъ условіямъ европейской исторіи нужно присоединить и это важное условіе антропологическое: громадное большинство населенія нашей части свѣта, т.-е. всѣ народы романскіе, германскіе и славянскіе (съ литовцами), принадлежитъ къ арійской расѣ, и они же колонизовали въ новое время Америку, Австралію, сѣверную Азію (Сибирь), не говоря объ южно-азиатскихъ и африканскихъ поселеніяхъ и владѣніяхъ европейцевъ среди сплошнаго туземнаго населенія, иногда дикаго или полудикаго (въ Африкѣ) или уже ранѣе жившаго историческою жизнью (въ Египтѣ, въ Индіи).

Изъ всего этого видна и вся историческая преемственность. Исторія Китая и Индіи стоитъ особнякомъ (равно какъ и исторія Мексики и Перу въ Америкѣ до прихода европейцевъ). Главною сценою всемірной исторіи, на которой въ древнѣйшія времена происходили военныя и мирныя столкновенія народовъ, была передняя Азія съ Египтомъ. За полторы тысячи лѣтъ до Р. Х. египтяне предприняли завоеваніе Сиріи и въ первый разъ пришли въ соприкосновеніе съ Ассиріей. Сирія послѣ этого на долгое время дѣлается ареною борьбы между Египтомъ и Ассиріей, и какъ-разъ въ это время финикійцы сдѣлались распространителями египетской и ассириовавилонской цивилизаціи. Къ этому же времени относится политическая исторія евреевъ, которымъ постоянно пришлось испытывать на себѣ ведшуюся съ переменнымъ счастьемъ войну между Египтомъ и Ассиріей. Въ концѣ концовъ, въ этой борьбѣ Ассирія одержала верхъ, но только для того, чтобы пасть (VII в. до Р. Х.) и расчистить путь для завоеванія всѣхъ этихъ странъ (въ VI в.), т.-е. Вавилоніи, Ассиріи, Сиріи, Египта, Малой Азіи, царствомъ Персидскимъ, войска котораго заходили уже и въ такія страны, гдѣ не появлялись ни

Египтяне; ни ассирійцы. Особенно важное значеніе имѣло то обстоятельство, что это громадное царство, включившее въ себя разнородныя націи и племена на разныхъ ступеняхъ цивилизаціи, около 500 г. до Р. X. вступило въ борьбу съ греками, которая окончилась завоеваніемъ самой Персіи греками при Александрѣ Македонскомъ и основаніемъ въ отдѣльныхъ ея провинціяхъ новыхъ «эллинистическихъ» государствъ. Затѣмъ и сама Греція, и эллинистическія царства на Востокъ были постепенно завоеваны Римомъ, который, побѣдивъ соперничавшій съ нимъ въ западной половинѣ Средиземнаго моря Картагенъ и подчинивъ себѣ берега всей этой части названнаго моря, образовалъ громадную всемірную монархію.

Всѣ эти политическія событія и перемѣны, начиная съ перваго похода египетскихъ фараоновъ на Сирію и кончая образованіемъ Римской имперіи, не могли, конечно, не отразиться на культурномъ взаимодействіи между отдѣльными странами и народами, образовавшими главный историческій міръ. Результатомъ взаимодействія было объединеніе большей части древняго міра на почвѣ греческой образованности, римской гражданственности и христіанской религіи, возникшей среди еврейскаго народа. Эта общая цивилизація, благодаря завоеванію римлянами странъ, ранѣе не жившихъ культурною жизнью (Испанія, Галлія, части Германіи и Британіи, сѣверной части Балканскаго полуострова), и благодаря совершившемуся позднѣе принятію христіанства изъ Рима или Византіи народами сѣверной и восточной Европы, расширила историческую сцену, включивъ въ нее всю Европу, а впоследствии и всѣ страны, гдѣ только селились европейцы. Но одновременно съ христіанскимъ объединеніемъ европейскихъ народовъ стало съ VII в. по Р. X. совершаться объединеніе мусульманское въ Азіи и въ Африкѣ, между тѣмъ какъ самъ христіанскій міръ въ Европѣ распался (IX—XI вв.) на западный (католическій) и восточный (православный). Въковая борьба между христіанствомъ и магометанствомъ, въ которой послѣднее одерживало побѣды надъ первымъ *) окончилось все-таки побѣдою перваго. Прибавимъ, что въ средніе вѣка мусульмане развили у себя на старо-греческой основѣ блестящую цивилизацію, которая хотя скоро пала, но не осталась безъ вліянія на успѣхи образованности у европейскихъ народовъ. Въ общемъ наиболѣе вліятельною преемницею, продолжательницею и распространительницею по

*) Завоеваніе азіатскихъ и африканскихъ областей Римской имперіи въ VII в., завоеваніе Испаніи маврами въ VIII в., завоеваніе Руси монголами, принявшими вѣкорѣ затѣмъ исламъ, въ XIII в., завоеваніе славянскихъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ въ XIV в. и завоеваніе Византійской имперіи въ XV в. турками, которые въ XVI и XVII вв. представляли собою весьма опасную для Европы силу.

всему міру цивилизаціи греко-римскаго происхожденія сдѣлалась, благодаря болѣе выгоднымъ географическимъ и историческимъ условіямъ, Западная Европа, откуда главнѣйшія приобрѣтенія цивилизаціи стали распространяться въ новое время и на страны Восточной Европы, и во вновь открытыя земли Америки, Австраліи, Африки, и къ древнимъ культурнымъ народамъ Востока.

Вотъ эти-то взаимоотношенія и преемственность народовъ и цивилизаціи и составляютъ единство всемирной исторіи, въ которой, конечно, отдѣльные народы играли и играютъ далеко неодинаковую роль. Благодаря этой же преемственности и тѣмъ заимствованіямъ, какія одинъ народъ дѣлаетъ у другого, возможно установить историческую послѣдовательность отдѣльныхъ сторонъ нашей цивилизаціи, многими началами которой мы обязаны древнимъ культурнымъ странамъ Востока. Нельзя здѣсь не отмѣтить въ этой исторіи множества случаевъ гибели цѣлыхъ цивилизаціи и долговременнаго культурнаго застоя. Такъ, погибли многія древне-восточныя цивилизаціи отчасти вслѣдствіе внутренней своей непрочности, отчасти вслѣдствіе внѣшнихъ катастрофъ, въ родѣ варварскихъ вторженій. Главною причиною внутренней непрочности древнихъ цивилизаціи было, какъ мы увидимъ, то обстоятельство, что онѣ представляли изъ себя лишь цивилизаціи незначительнаго большинства, тогда какъ угнетенная народная масса пребывала въ самомъ жалкомъ невѣжествѣ. Съ другой стороны, цивилизованныя страны представляли изъ себя сначала, какъ только-что было сказано, лишь оазисы среди громаднхъ пространствъ, населенныхъ дикими и полудикими народами, со стороны которыхъ всегда этимъ странамъ грозили опустошительныя нашествія. Послѣднія нерѣдко сопровождались настоящими катастрофами, въ лучшемъ случаѣ задерживавшими только дальнѣйшее развитіе цивилизаціи, но иногда и прямо уничтожавшими большую часть сдѣланныхъ успѣховъ. Уже древнему Египту приходилось постоянно обороняться отъ сосѣднихъ кочевниковъ. Также извѣстны скинскія нашествія на Азію. Не менѣе варваровъ губили цивилизацію и международныя войны съ завоевательными цѣлями. Въ исторіи паденія античной цивилизаціи весьма важную роль играли также нашествія варварскихъ народовъ, часть которыхъ даже разрушила Римскую имперію. Однимъ изъ неблагоприятныхъ условій для исторіи цивилизаціи на востокѣ Европы были постоянныя нашествія на нее азіатскихъ кочевыхъ народовъ (напр., завоеваніе Руси монголами и Балканскаго полуострова—турками). Западная Европа была въ этомъ отношеніи счастливѣе Восточной, такъ какъ была лучше ограждена отъ подобнаго рода нашествій. Чѣмъ далѣе, однако, подвигается исторія, тѣмъ все болѣе и болѣе усиливаются условія прочности цивилизаціи. Въ настоящее время образованныя страны уже не представляютъ изъ

себя немногихъ оазисовъ среди культурной пустыни, и варварство все болѣе и болѣе отступаетъ передъ цивилизаціей. Съ другой стороны, съ улучшеніемъ политическаго, юридическаго и экономическаго положенія народныхъ массъ, съ распространеніемъ между ними образованія, цивилизація является болѣе обезпеченной и отъ внутреннихъ катастрофъ.

Этому упроченію внѣшнихъ и внутреннихъ условій цивилизаціи въ исторіи самого прогресса соотвѣтствуетъ и большее совершенство новой цивилизаціи сравнительно съ прежними. Не говоря уже объ успѣхѣхъ знаній и техническихъ изобрѣтеній, сказывающихся на всей нашей духовной и матеріальной жизни, главное различіе заключается въ большемъ развитіи и болѣе самостоятельности человѣческой личности. Въ древнихъ восточныхъ царствахъ—какъ и теперь еще на Востокѣ—человѣкъ былъ поработенъ всецѣло религіознымъ догматизмомъ и политическимъ деспотизмомъ, вообще, являющимися главными причинами историческаго застоя. Впервые въ Европѣ у грековъ возникли самостоятельная философія и свободное государство, заключающія въ себѣ принципы культурнаго развитія и лучшаго соціального положенія человѣческой личности. Какъ ни различны были въ разные времена и въ разныхъ мѣстахъ судьбы прогресса, сколькимъ бы случайностямъ онъ ни подвергался, какъ бы односторонне онъ ни совершался, сколько бы, наконецъ, ни было въ его исторіи возвращеній вспять,—въ общемъ ходъ всемірной цивилизаціи былъ прогрессивный, хотя въ самой Европѣ, гдѣ жизнь создала для него наиболѣе благоприятныя условія, исторія прогресса шла въ высшей степени неравномѣрно, и за временами болѣе быстрого движенія впередъ слѣдовали періоды застоя и реакціи, прерывавшіе это поступательное движеніе.

Еще за полтора вѣка до Р. Х. греческій историкъ Полибій въ своей «Всеобщей исторіи» указывалъ на то, что къ его времени «судьба свела вмѣстѣ всѣ происшествія вселенной и заставила ихъ дѣйствовать въ одномъ направленіи», вслѣдствіе чего, по его словамъ, «частныя исторіи, какъ члены, отдѣленные отъ тѣла, не могутъ дать представленія о цѣломъ». Черезъ восемнадцать столѣтій послѣ него извѣстный французскій писатель, епископъ г. Мо, Боссюэтъ, въ своемъ «Разсужденіи о всемірной исторіи», точно также говорилъ о необходимости выработки общаго взгляда на исторію, который по отношенію къ отдѣльнымъ странамъ и эпохамъ былъ бы тѣмъ же самымъ, что представляетъ изъ себя общая географическая карта по отношенію къ картамъ отдѣльныхъ странъ. Еще болѣе, чѣмъ во II в. до Р. Х. или въ XVII в. по Р. Х., должна чувствоваться потребность въ объединенномъ представленіи хода всемірной исторіи въ наше время, когда сама исторія сдѣлалась дѣйствительно міровою и когда, съ другой

стороны, мы имѣемъ за собою цѣлый рядъ историко-философскихъ попытокъ охватить все прошлое человѣчества, какъ великій всемірно-историческій процессъ, въ который все болѣе и болѣе втягиваются отдѣльныя страны и народы для участія въ общемъ культурномъ движеніи къ лучшему будущему всего человѣчества.

Я не стану здѣсь распространяться о томъ, что такое философія исторіи, какъ она возникла и развивалась, какія въ ней существуютъ школы и направленія, въ чемъ заключаются положительныя и отрицательныя стороны разныхъ ея концепцій и системъ, но это не мѣшаетъ мнѣ упомянуть, что именно изображеніе всемірно-историческаго процесса съ нѣкоторой общей точки зрѣнія и есть основная задача философіи исторіи. Было бы долго разсматривать всѣ способы, употреблявшіеся для разрѣшенія указанной задачи, и только въ видѣ примѣровъ я приведу двѣ концепціи, стоящія въ связи съ стремленіемъ къ объединенному изображенію общаго хода исторіи.

Въ концѣ XVIII в. Кондорсе, желая начертать «историческую картину успѣховъ человѣческаго ума» *), придумалъ для этого такую форму: «необходимо, говоритъ онъ, выбрать факты изъ исторіи разныхъ народовъ, сблизить между собою и соединить эти факты, дабы извлечь изъ нихъ гипотетическую исторію одного народа (*l'histoire hypothétique d'un peuple unique*) и составить картину его успѣховъ». Совсѣмъ иная идея была положена нѣмецкимъ философомъ Гегелемъ въ основу его «Философіи исторіи»: съ точки зрѣнія его системы «всемірный духъ», развивающійся въ исторіи, переселяется отъ одного народа къ другому, изъ которыхъ каждый въ извѣстное время есть носитель «всемірнаго духа» на данной ступени его развитія, да и народы лишь тогда имѣютъ исторію, когда въ нихъ обитаетъ этотъ «духъ», никогда, по представленію Гегеля, не бывающій дважды въ одномъ мѣстѣ или въ двухъ мѣстахъ одновременно. Обѣ концепціи—результатъ стремленія подняться выше механическаго соединенія частныхъ исторій, выше установленія одной только простой связи между многими,—подняться до единства, до «гипотетической исторіи одного народа», до изображенія единаго процесса во многихъ народахъ. Взглядъ Кондорсе, однако, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, да и самъ этотъ мыслитель называетъ свое представленіе гипотетическимъ: историческіе факты, знаменующіе успѣхи человѣческаго ума, относятся не къ одному народу, а ко многимъ, и въ этомъ смыслѣ концепція Гегеля вѣрнѣе. Но если взглядъ Кондорсе завѣдомо гипотетическій, то представленіе нѣмецкаго философа не менѣе явно фантастическое;

*) Condorcet, «Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain».

тѣмъ болѣе, что, подмѣтивъ преимущество націй и включивъ въ нее особнякомъ стоявшіе Китай и Индію, Гегель при этомъ вытянулъ всю исторію по прямой линіи, упустивъ изъ виду, что народы не только смѣняютъ другъ друга, но и находятся во взаимодействіи. Изъ этого-то взаимодействія и происходитъ движеніе многихъ народовъ въ одномъ направленіи, позволяющее выбирать факты изъ жизни разныхъ націй для отнесенія ихъ къ единому гипотетическому народу. Если при концепціи Кондорсе исчезаетъ цѣлая сторона исторіи, т.-е. разнообразіе ея національныхъ факторовъ и происходящее между ними взаимодействіе, то ничто не мѣшаетъ намъ представить много членовъ, находящіеся во взаимодействіи, какъ одно цѣлое, и выдвинуть на первый планъ то, что относится не къ одной части этого цѣлага, а болѣе или менѣе ко всѣмъ. Какъ области одного государства, живя мѣстною жизнью, участвуютъ и въ жизни общей, такъ и нѣсколько народовъ могутъ составить высшую единицу, особый историческій міръ. въ родѣ греко-римскаго, христіанскаго, мусульманскаго и т. п. Тутъ уже не гипотетически мы можемъ смотрѣть на совокупность многихъ націй, какъ на одинъ народъ, и не фантастически говорить о постоянномъ переходѣ культурнаго развитія отъ одной націи къ другой. Какъ національный типъ есть результатъ сліянія племенныхъ особенностей, или какъ одинъ національный типъ можетъ имѣть нѣсколько мѣстныхъ видоизмѣненій, такъ и нѣсколько народовъ, связанныхъ взаимодействіемъ и обоюдными культурными вліяніями, способны создать до нѣкоторой степени общій типъ, видоизмѣненіями котораго и будутъ отдѣльные народы. Подобный типъ,—это, признаюсь, все-таки отвлеченіе, рассматриваемое, однако, въ реальныхъ экземплярахъ отдѣльныхъ народовъ,—заключаетъ въ себѣ болѣе реального, чѣмъ «единичный народъ» Кондорсе и объединяющій исторію человѣчества «всемирный духъ» Гегеля. Каждый народъ придаетъ общему для многихъ явленію своеобразную окраску, и каждый народъ создаетъ нѣчто свое, что усваивается потомъ другими народами и, такимъ образомъ, дѣлается общимъ имъ всѣмъ.

Такой общій типъ въ наиболѣе развитой степени представляетъ изъ себя, напр., Западная Европа, народы которой, какъ мы увидимъ, обособившись отъ остальнаго историческаго міра въ тѣсномъ взаимодействіи между собою, оказывали постоянно одинъ на другой культурныя вліянія весьма разнороднаго характера: феодализмъ, католицизмъ, романтизмъ, гуманизмъ, протестантизмъ, абсолютизмъ, «пресвѣщеніе» и т. д.,—все это общія разныя народамъ явленія, которыя или только выступаютъ болѣе рельефнымъ образомъ, или раньше и сильнѣе развиваются въ одной какой-либо отдѣльной странѣ, вслѣдствіе чего, и возможна нѣкоторая общая исторія западно-европейскихъ народовъ, какъ

бы исторія «единичнаго народа», какъ бы исторія нѣкотораго «духа», переходящаго отъ одного народа къ другому, — съ гуманизмомъ изъ Италіи въ Германію, съ протестантизмомъ изъ Германіи въ другія страны и т. д. Было бы, конечно, слишкомъ смѣло примѣнять то же самое, напр., къ культурнымъ націямъ древняго Востока: здѣсь не было такой тѣсной и общей жизни, какъ въ романо-германской Европѣ въ средніе вѣка и новое время. Но, съ другой стороны, эта оговорка касается, собственно говоря, не существа дѣла, а лишь меньшей развитости одного и того же явленія въ древности сравнительно съ новымъ временемъ: народы древняго Востока, за полтора слишкомъ тысячелѣтія до Р. Х., тоже вѣдъ начали сближаться между собою, испытывать общую судьбу, мѣняться другъ съ другомъ идеями, знаніями, искусствами и т. п. Притомъ раннія цивилизаціи имѣютъ весьма много общаго между собою, и это дозволяетъ намъ говорить не только объ особомъ мірѣ древняго Востока, но и объ особомъ древне-восточномъ культурномъ типѣ, видоизмѣненія котораго мы наблюдаемъ во всѣхъ великихъ и малыхъ царствахъ Египта и Передней Азіи. Возникновеніе, развитіе, видоизмѣненія этого типа въ области религіи, философіи и науки, въ области государства и общественныхъ отношеній, въ зависимости отъ того, что возникало въ одной странѣ и переходило въ другія, отъ взаимодѣйствія между отдѣльными націями, отъ приобщенія къ совмѣстной исторической жизни и иныхъ еще народовъ,—таковы рамки, въ которыхъ можетъ быть уложена и общая исторія Востока, хотя, конечно, внѣ этихъ рамокъ останется еще очень много такого, что имѣетъ значеніе лишь для исторіи одной какой-либо страны. Но такова, въ концѣ концовъ, сущность всякой общей исторіи въ смыслѣ не простой только суммы исторій частныхъ. Съ точки зрѣнія общаго культурнаго типа позволительно притомъ объединять разсмотрѣніе такихъ странъ, которыя и не находились въ общеніи между собою: здѣсь возможно историческое построеніе по сравнительному методу, имѣющему въ настоящее время такое широкое примѣненіе въ наукѣ. Этотъ методъ уже не стѣсняется ни временемъ, ни пространствомъ, и примѣненіе его къ исторіи древняго Востока можетъ еще болѣе способствовать единству ея построенія, поскольку разныя страны представляли въ своей исторіи сходныя черты, позволяющія находить въ нихъ нѣчто такое, что присуще всѣмъ этимъ странамъ.

Объединяя въ одно цѣлое частныя исторіи отдѣльныхъ народовъ, философія исторіи должна не только имѣть въ виду то общее, которое возникаетъ на почвѣ ихъ взаимодѣйствія, но и тѣ общія черты, которыя наблюдаются въ исторіи отдѣльныхъ народовъ, благодаря тому, что культурное и социальное развитіе совершается закономерно, и что одинаковыя причины и условія порождаютъ одинаковыя же слѣдствія и

явленія. Идея законѣрности развитія общества и его культуры играетъ первенствующую роль въ современной исторической наукѣ при объясненіи частныхъ явленій или въ пониманіи хода развитія отдѣльныхъ народовъ, но эта же идея законѣрности должна быть, конечно, прилагаема и къ построению всѣмирно-историческаго процесса, взятаго въ цѣломъ. Но здѣсь возможно одно недоразумѣніе, которое я считаю нужнымъ теперь же устранить, чтобы съ самаго же начала стать на правильную, по моему мнѣнію, и единственно возможную въ научномъ отношеніи точку зрѣнія.

Допустимъ, что мы находимся въ полномъ обладаніи знаніемъ тѣхъ законовъ, по которымъ совершается культурное и социальное развитіе, и насъ только спрашиваютъ, въ чемъ мы должны видѣть, такъ сказать, осуществленіе формулъ, заключающихъ въ себѣ наше знаніе этихъ законовъ, во всемъ ли именно всѣмирно-историческомъ процессѣ, взятомъ въ цѣломъ, или въ исторіи отдѣльныхъ народовъ, взятыхъ особнякомъ. Въ первомъ случаѣ, въ каждой эпохѣ мы будемъ видѣть только дальнѣйшій моментъ развитія, т.-е. продолженіе процесса, начавшагося раньше, а во второмъ—явленія многихъ послѣдующихъ эпохъ будутъ представляться намъ лишь видоизмѣненными повтореніями уже и раньше встрѣчавшихся нами явленій. Съ одной точки зрѣнія все человѣчество, какъ единое цѣлое, будетъ переживать на нашихъ глазахъ возрасты младенчества, отрочества, юности, зрѣлости и т. д., и отдѣльные народы будутъ цѣликомъ попадать всей своей исторіей въ тотъ или другой изъ этихъ возрастовъ, но со второй точки зрѣнія каждый отдѣльный народъ долженъ проходить всѣ эти возрасты, и греческая исторія, напр., будетъ разсматриваться не какъ—ну тамъ юность человѣчества что-ли, а какъ нѣчто, заключающее въ себѣ разные возрасты. Въ виду того, что человѣчество въ прошломъ никогда не было единымъ цѣлымъ, и что отдѣльные народы въ разное время проходили приблизительно одинаковые фазисы развитія, мы должны въ этомъ вопросѣ стать на вторую точку зрѣнія, хотя и не можемъ отрицать того, что въ извѣстной степени болѣе поздніе народы лишь продолжаютъ то, что было начато народами болѣе ранними. Такъ вѣдь и отдѣльные люди совершаютъ, каждый въ отдѣльности, одинъ и тотъ же циклъ жизни отъ рожденія до смерти, и въ этомъ отношеніи дѣти только повторяютъ своихъ родителей, что не мѣшаетъ, однако, дѣтямъ въ то же время и продолжать дѣла, начатыя отцами, брать на себя ихъ предпріятія и вести ихъ дальше. То же, въ сущности, мы наблюдаемъ и въ жизни народовъ, а между тѣмъ очень многіе писатели построили всѣмирную исторію такъ, какъ—будто отдѣльные народы были въ ней лишь отдѣльными моментами, не имѣющими самостоятельнаго значенія и соответствующи-

щами лишь разнымъ возрастамъ нѣкотораго отвлеченнаго цѣлаго, называемаго человѣчествомъ.

Такова была, наприм., и точка зрѣнія Гегеля, который прямо распредѣлил періоды всемірной історіи по возрастамъ дѣтства, молодости, зрѣлости и старости человѣчества. Съ какими затрудненіями мы встрѣчаемся, становясь на такую точку зрѣнія, объ этомъ можно судить хотя бы по слѣдующему примѣру.

Весьма вліятельный французскій мыслитель первой половины XIX в., Огюсть Контъ, родоначальникъ позитивной философіи и соціологіи, видѣлъ основной законъ історіи въ созданной имъ формулѣ умственнаго развитія человѣчества. По этой формулѣ человѣческой умъ сначала объясняетъ себѣ явленія природы непосредственнымъ дѣйствіемъ въ нихъ особыхъ сверхъ-естественныхъ дѣятелей, потомъ замѣняетъ представленія объ этихъ дѣятеляхъ отвлеченными понятіями о нѣкоторыхъ общихъ сущностяхъ, лежащихъ въ основѣ явленій, и только впоследствии, оставляя оба эти способа объяснять явленія природы, приходитъ къ познанію дѣйствительныхъ ея законовъ, т.-е. постоянной фактической связи между наблюдаемыми явленіями. Этимъ тремъ способамъ, имѣющимъ значеніе трехъ стадій или фазисовъ въ развитіи міросозерцанія, Контъ даетъ, какъ извѣстно, названія теологическаго, метафизическаго и позитивнаго, въ свою очередь, подраздѣляя теологическую стадію на стадіи фетишизма, политеизма и монотеизма: фетишизмъ заключался въ признаніи всѣхъ предметовъ одушевленными, въ политеизмѣ мы имѣемъ дѣло уже съ опредѣленнымъ количествомъ боговъ, заправляющихъ извѣстными категоріями явленій, а монотеизмъ устраняетъ, наконецъ, это множество боговъ для подчиненія міра единому Богу. Здѣсь не мѣсто входить въ общее обсужденіе этой формулы, и весь вопросъ заключается въ томъ, въ какомъ смыслѣ это обобщеніе Конта должно быть прилагаемо къ дѣйствительной історіи міросозерцанія. Самъ Контъ примѣнилъ его къ всемірно-историческому развитію, взятому въ цѣломъ, записавъ, такъ сказать, всю древность въ теологическій и притомъ спеціально политеистическій фазисъ развитія, какъ-будто въ древности не было метафизики (да и какой еще метафизики!), и какъ-будто не древніе же положили начало чисто научному знанію. Вотъ и возникаетъ вопросъ, не слѣдовало ли бы прилагать эту формулу Конта не къ цѣлому всемірно-историческаго процесса, а къ історіи отдѣльныхъ народовъ? Тогда мы и увидѣли бы, что прослѣдить переходы отъ теологическаго міросозерцанія къ метафизическому и отъ этого послѣдняго къ позитивному есть полная возможность въ одной древности, цѣликомъ занесенной Контомъ въ политеистическій фазисъ, и что въ средніе вѣка и новое время этотъ процессъ движенія человѣческой мысли по тремъ стадіямъ опять по-

вторился въ наиболѣе существенныхъ своихъ чертахъ. Конечно, въ средніе вѣка и въ новое время мысль европейскихъ народовъ развивалась на основахъ, созданныхъ греками и римлянами, и въ этомъ отношеніи была какъ бы только продолженіемъ начатаго уже раньше, но, въ сущности, на зарѣ своей исторіи новые народы стояли на той же ступени развитія, на какой были и древніе въ началѣ своего развитія, и новымъ народамъ поэтому, въ самомъ дѣлѣ, приходилось повторить то, что древними въ свое время было уже продѣлано, хотя бы это повтореніе, разумѣется, и совершалось уже при новыхъ, болѣе сложныхъ условіяхъ.

То же самое разсужденіе мы имѣемъ право примѣнить и къ экономическому развитію и спросить, продолжаетъ ли только средне-вѣковая и новая Европа экономическое развитіе древняго міра, или послѣдній прошелъ всѣ тѣ стадіи, которыя потомъ повторялъ,— конечно, въ большихъ размѣрахъ и съ болѣе глубокими результатами,—міръ средне-вѣковой и новой Европы.

Къ этому послѣднему вопросу мы еще вернемся, когда будемъ разсматривать взаимныя отношенія классическаго міра, съ одной стороны, и средне-вѣковой и новой Европы, съ другой: собственно говоря, это уже вопросъ болѣе спеціальныи, касающійся сущности того, что называется переходомъ отъ древности къ среднимъ вѣкамъ, тогда какъ здѣсь насъ интересуеетъ вопросъ болѣе общій, въ чемъ именно должна состоять всемірно-историческая точка зрѣнія. Дѣло въ томъ, что въ послѣднее время противъ этой точки зрѣнія стали возставать нѣкоторые историки, находя ее ненаучною, видя въ ней, главнымъ образомъ, остатокъ «тегелъянства» съ его совершенно произвольнымъ построеніемъ всемірной исторіи по нѣкоторой логической схемѣ.

Этотъ взглядъ, говорятъ противники всемірно-исторической точки зрѣнія, сводится къ тому, что существуетъ одно великое, непрерывно-связанное органическое цѣлое, «человѣчество», которое всегда «шло по одной линіи, развивалось по одному плану или закону, направлялось къ одной цѣли и осуществляло необходимо вытекавшія изъ этого плана или закона частныя задачи, приближавшія его къ общей цѣли». При такомъ взглядѣ «исторія того или другаго отдѣльнаго народа представляется не самостоятельнымъ кругомъ явленій, а лишь необходимой промежуточной ступенью» въ процессѣ всемірной исторіи, и «хронологическая послѣдовательность должна казаться и логической». Я отнюдь не стану защищать такой историко-философской точки зрѣнія, тѣмъ болѣе, что въ своихъ «Основныхъ вопросахъ философіи исторіи» посвятилъ нѣсколько страницъ разбору такого именно взгляда, по которому человѣчество въ своей исторіи представляетъ изъ себя будто бы единое органическое цѣлое, а самая

эта исторія будто бы совершается по единому плану или закону. Но понятіе всемірной исторіи возникло вовсе не такъ, какъ представляется это его противникамъ, видящимъ въ немъ порожденіе «гегельянства» или, вообще, «метафизики». На самомъ дѣлѣ оно вовсе не было обязано своимъ происхожденіемъ философіи исторіи второй половины XVIII в. и первой половины XIX в., и даже вообще какой бы тамъ ни было философіи. Мы уже упомянули, что о всемірной исторіи заговорилъ еще двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ греческій историкъ Полибій, и заговорилъ потому, что на лицо передъ нимъ былъ фактъ взаимодѣйствія частныхъ исторій. До меня, такъ приблизительно самъ онъ заявлялъ, никто не писалъ всеобщей исторіи, но теперь въ силу обстоятельствъ дѣла Италіи и Африки такъ перепутались съ дѣлами Азіи и Греціи, что всѣ происшествія вселенной соединились во-едино. Вотъ эта-та точка зрѣнія и есть, какъ мы видѣли, всемірно-историческая, и потому, по существу дѣла, она является лишь констатированіемъ общаго факта, существующаго въ исторіи дѣйствительно.

Всемірно-историческую точку зрѣнія критикуютъ и съ другой стороны. По мнѣнію ея противниковъ, «существенной задачей историческаго изображенія» должно быть «установленіе взаимодѣйствія тѣхъ силъ, которыя возникали и работали внутри опредѣленной народной или общественной среды», т.-е. изученіе «не движенія человѣчества въ цѣломъ, потому что человѣчество есть въ значительной мѣрѣ цѣпь случайно связанныхъ группъ, а движенія человѣческаго общества» вообще. Я согласенъ, конечно, съ такимъ взглядомъ на «человѣчество» въ его прошломъ, хотя и съ оговорками, и согласенъ съ тѣмъ, что изъ занятій исторіей нужно выносить общее представленіе о томъ, въ чемъ заключается «движеніе человѣческаго общества» и «какія силы возникали и работали» внутри отдѣльныхъ историческихъ обществъ, но совершенно непонятно, почему одна задача исключается другою. Я даже думаю, наоборотъ, что, удовлетворительное рѣшеніе одной задачи немислимо безъ рѣшенія другой. Отдѣльныя общества одни съ другими сталкиваются, одни на другія вліяютъ, сливаются между собою въ болѣе крупныя единицы и пр., и пр., и въ этихъ процессахъ всегда происходитъ взаимодѣйствіе внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній. Конечно, искусственно можно выдѣлать для разсмотрѣнія внутренніе процессы каждой отдѣльной страны, но если это дѣлать систематически, т.-е. совсѣмъ не касаясь внѣшнихъ отношеній и вліяній, результатомъ будетъ полное незнаніе общаго хода всемірной исторіи—съ судьбами смѣнявшихся въ ней народовъ, съ преемственностью цивилизацій, съ прогрессомъ культурныхъ идей и соціальныхъ формъ, выходящимъ за предѣлы исторіи отдѣль-

ныхъ народностей. Это все разныя задачи, а именно задача соціологическая, заключающаяся въ изученіи «движенія человѣческаго общества» вообще, потомъ задача частно-историческая въ изслѣдованіи того, «какія силы возникали и работали» внутри отдѣльныхъ народовъ, и, наконецъ, всемірно-историческая, историко-философская по преимуществу,—въ изображеніи общаго хода исторіи человѣчества, постепенно объединяющагося и прогрессирующаго.

Впрочемъ, сами противники всемірно-исторической точки зрѣнія идутъ иногда на уступки, хотя и суживая при этомъ сферу ея примѣненія. Они готовы, пожалуй, допустить употребленіе термина «всемирная исторія» въ смыслѣ «простой всеобщности историческаго обзора», но урѣзывая значеніе этого термина. Именно, отвергнувъ концепцію историко-философскую, они сводятъ иногда дѣло лишь къ вопросу о педагогическомъ удобствѣ, которое, быть-можетъ, представляется группировкою матеріала по культурнымъ вліяніямъ однихъ народовъ на другіе въ случаяхъ разнаго рода заимствованій (азбуки, сказаній, литературныхъ образовъ и формъ, церковныхъ учреждений и религиозныхъ понятій и т. д.). Современному историку, оговариваются при этомъ они, теперь уже трудно рѣшиться на то, чтобы основною задачею въ изображеніи историческихъ судебъ смѣнявшихся народовъ поставить наследственную передачу идей отъ одного къ другому и чтобы за руководящую линію принять общую преемственность культурныхъ понятій и формъ въ предѣлахъ человѣчества, ибо связующая нить нерѣдко оказывалась бы слишкомъ слабою, и даже одна нить, прерываясь, должна была бы замѣняться другою. Да, все это совершенно вѣрно, но вѣдь международныя отношенія не исчерпываются же одними заимствованиями культурныхъ понятій и формъ. Есть вѣдь и другія отношенія—войнъ, союзовъ, завоеваній, присоединеній и т. п., которыя вліяютъ и на внутреннюю жизнь народовъ и изъ болѣе мелкихъ обществъ создаютъ болѣе крупныя политическія тѣла. Чего стоитъ, напримѣръ, въ древней исторіи одно греко-македонское завоеваніе Востока или образованіе Римской имперіи! Возражая далѣе противъ возможности группировать всю исторію около культурныхъ заимствованій, критики, между прочимъ, замѣчаютъ, что и въ вопросѣ о заимствованияхъ все-таки на первомъ планѣ будетъ стоять вопросъ о томъ, какія же внутреннія основанія въ жизни новаго народа сдѣлали такое воспріятіе возможнымъ и необходимымъ? Всемирно-историческая точка зрѣнія и не требуетъ такой исключительной группировки, и отнюдь не устраняетъ дѣйствительно имѣющаго большую важность вопроса о внутреннихъ условіяхъ, дѣлающихъ возможнымъ то или другое культурное воспріятіе; сводя же международныя отношенія лишь къ однимъ культурнымъ заимствованиямъ, критики упускаютъ изъ виду

другую сторону дѣла, связанную съ вопросомъ о заимствованіяхъ. Внутреннія условія, конечно, играютъ въ этихъ случаяхъ громадную роль, но важную роль въ исторіи заимствованій играли всегда и внѣшнія отношенія между отдѣльными обществами (т.-е. народами и государствами), т.-е. именно тѣ самыя отношенія, о которыхъ говоритъ уже Птолибій и которыя были тоже построены въ цѣлую систему, изображающую ихъ общій историческій ходъ. Кромѣ культурной передачи идей и формъ отъ народа къ народу, есть еще въ дѣйствительности и то, что мы называемъ историческими судьбами народовъ. Только имѣя общее представленіе объ этихъ судьбахъ, легко уяснить себѣ, почему и какимъ образомъ возможно было воспріятіе тѣмъ или другимъ народомъ въ такое-то именно время и именно такихъ-то и такихъ-то, а не иныхъ культурныхъ вліяній, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, понять вообще историческую судьбу самого этого народа. Сами критики, заявляя, что они, конечно, «охотно признають преемственность нѣкоторыхъ идей, перешедшихъ въ новую Европу изъ древняго греко-римскаго міра», находятъ нужнымъ отмѣтить при этомъ, что ни одна изъ этихъ идей не могла бы прivityся среди народностей Западной Европы, «если бы не было извѣстной взаимной связи, тяготѣнія и сношеній между ними», т.-е. какъ между самими этими народностями, такъ и между ними и Римомъ въ качествѣ средоточія упомянутыхъ идей. Самое образованіе такого Рима, самое тяготѣніе къ нему другихъ народностей, самыя эти ихъ сношенія между собою, все это — факты, выходящіе за предѣлы исторіи одного народа, т.-е. какъ-разъ факты значенія всемірно-историческаго, универсальнаго. И потому соотвѣтственную точку зрѣнія даетъ намъ вовсе не призрачная философія исторіи въ родѣ гегеліанской, а сама дѣйствительная исторія. Съ другой стороны, говоря о культурныхъ заимствованіяхъ, къ которымъ будто бы сводятся всѣ взаимоотношенія отдѣльныхъ обществъ, прогивники всемірно-исторической точки зрѣнія берутъ эти культурныя отношенія большею частью лишь въ смыслѣ исторической переемственности послѣдовательныхъ цивилизацій, тогда какъ существуетъ въ исторіи еще и культурное взаимодействіе одновременно живущихъ и различнымъ образомъ вліяющихъ другъ на друга народовъ. «Гегельянство» какъ-разъ было злоупотребленіемъ идеей одной преемственности: недаромъ же у Гегеля историческій процессъ начинается въ Китаѣ, откуда переходитъ въ Индію, чтобы затѣмъ совершаться въ Персіи, какъ-будто и Китай, и Индія, и Персія не существовали одновременно, а одна другую смѣняли въ общемъ теченіи исторіи. Нѣтъ, дѣло здѣсь не въ одной преемственности разновременно живущихъ націй, но и во взаимодействіи націй, одна другой современныхъ и очень перѣдко одна на другую вліяющихъ.

Не будемъ долго останавливаться на обычномъ дѣленіи всемірной исторіи на древнюю, среднюю и новую. Господствуя до сихъ поръ въ школахъ и въ исторической литературѣ, оно, не имѣетъ ни малѣйшаго научнаго основанія. Уже одно происхожденіе термина «средніе вѣка», «средневѣковье» весьма характерно. Именно филологи XVII в., слѣдя за судьбами латинскаго языка, раздѣлили его исторію на три большіе періода: золотымъ его вѣкомъ они считали классическій періодъ до Антониновъ, временемъ наибольшаго упадка (*infima latinitas*) послѣднюю эпоху передъ началомъ знаменитаго возрожденія наукъ и искусствъ, а все промежуточное время они называли среднею эпохою латинскаго языка (*media latinitas*). Весьма скоро это понятіе «средняго вѣка» (*medium aevum*) было перенесено и на общую исторію для обозначенія тысячелѣтія, протекшаго между паденіемъ Западной Римской имперіи и паденіемъ Константинополя (или открытіемъ Америки). Когда происхожденіе термина было позабыто, ему дано было новое истолкованіе: видя въ исторіи классическаго міра древнюю исторію Европы, новую исторію которой начинается съ эпохи возрожденія, ученые обозначили весь промежуточный періодъ между древней и новой исторіей, какъ средніе вѣка. Такимъ образомъ, этотъ терминъ имѣетъ условно-хронологическій смыслъ, обозначая въ общемъ VI—XV вв. по Р. Х. прежде всего для Западной Европы, и лишь позднѣе этотъ терминъ сталъ употребляться и для обозначенія тѣхъ же столѣтій въ исторіи, напримѣръ, азіатскихъ народовъ (мусульманскій Востокъ въ средніе вѣка, средневѣковой Китай и т. п.). За самое послѣднее время слова: «средніе вѣка», «средневѣковье», «средневѣковой» начали получать совсѣмъ особое и уже не-хронологическое значеніе, когда говорятъ, напримѣръ, о «средневѣковомъ социальномъ или политическомъ строѣ», о «средневѣковомъ міросозерцаніи», имѣя въ виду наиболѣе характерныя черты среднихъ вѣковъ на Западѣ и аналогичныя имъ явленія въ другія времена и у другихъ народовъ. Въ этомъ смыслѣ извѣстный нѣмецкій историкъ Эдуардъ Мейеръ говоритъ о древнегреческомъ средневѣковьи, подъ которымъ онъ разумѣетъ бытъ, наполняющій своими основными чертами главныя экономическія и политическія явленія феодальной эпохи на Западѣ. Такимъ образомъ, выдѣленіе среднихъ вѣковъ въ совершенно обособленный отдѣлъ всемірной исторіи имѣетъ совершенно искусственное и условное значеніе. Во всякомъ случаѣ, если, какъ мы увидимъ, между древностью и средними вѣками и можно положить извѣстную грань вслѣдствіе полнаго преобразования жизни европейскихъ народовъ на рубежѣ древнихъ и среднихъ вѣковъ, то такой грани между средневѣковьемъ и новымъ временемъ уже не существуетъ: средніе вѣка, новое и, какъ принято еще обозначать XIX вѣкъ, новѣйшее время, это, въ сущности,—одинъ

большой отдѣлъ всемірної історіи, такъ сказать, равносильный другому такому же большому отдѣлу—древнему міру, для котораго притомъ установленіе разницы между історіей азіатско-африканскаго Востока и европейскаго греко-римскаго міра имѣетъ гораздо большій смыслъ, чѣмъ разрываніе на двѣ, какъ бы совершенно отдѣльныя одна отъ другой части—міра новыхъ европейскихъ народовъ.

Ненаучность дѣленія всемірної історіи на древнюю, среднюю и новую, не мѣшающая, однако, пользоваться этимъ дѣленіемъ по укоренившейся уже привычкѣ и въ силу чисто внѣшняго его удобства, заставляла многихъ искать иныхъ основаній для расчлененія всемірної історіи на крупныя отдѣлы. Одна изъ такихъ попытокъ сдѣлана была извѣстнымъ географомъ Львомъ Мечниковымъ въ его книгѣ «Цивилизація и великія историческія рѣки» *). Въ его построеніи всемірная історія является раздѣленною на три большихъ періода цивилизацій рѣчной, морской и океанической. Къ первому авторъ относитъ древнѣйшія восточныя цивилизаціи; съ финикійцами історія вступаетъ въ свой морской періодъ, въ который Мечниковымъ включается вся классическая древность и всѣ средніе вѣка до открытія Америки и морского пути въ Индію; наконецъ, новое время составляетъ океанической періодъ всемірної історіи, охватывающій весь земной шаръ. Эта схема, которою мы уже и воспользовались въ самомъ началѣ этого очерка, имѣетъ свое научное значеніе, и мы къ ней еще вернемся.

Замѣняя традиціонное дѣленіе всемірної історіи на древнюю, среднюю и новую другимъ, болѣе рациональнымъ, на рѣчной, морской и океанической періоды, Мечниковъ остается на всемірно-исторической точкѣ зрѣнія, которая въ его построеніи даже получаетъ новое подтвержденіе. Наоборотъ, нѣкоторые писатели, предавая замѣнить старое дѣленіе новымъ, совершенно разрушаютъ при этомъ всемірно-историческую точку зрѣнія. Въ русской литературѣ особенно настаивалъ на необходимости перестройки общей схемы всемірної історіи Н. Я. Данилевскій въ своей книгѣ «Россія и Европа», имѣя въ виду, впрочемъ, не столько отвлеченный интересъ историческаго знанія, сколько практическую цѣль обоснованія своего славянофильскаго ученія. Въ критической разработкѣ вопроса о шаблонномъ дѣленіи всемірної історіи и о томъ призрачномъ единствѣ, которое было внесено въ прошлыя судьбы челоѣчества гегельянствомъ, авторъ этой книги совершенно правъ, но, такъ сказать, желая выпрямить сломанную палку, онъ слишкомъ перегибаетъ ее въ другую сторону, и даваемое имъ рѣшеніе интересующаго насъ вопроса не выдерживаетъ строгой кри-

*) Вышла въ свѣтъ по-французски въ Парижѣ въ 1889 г.; есть русскій переводъ.

тики *). Именно Данилевскій, правильно указывая на то, что нѣтъ никакой возможности вытянуть въ одну непрерывную линію исторію, одновременно совершающуюся въ разныхъ мѣстахъ, сдѣлалъ отсюда тотъ выводъ, что и вообще никакой всемірной исторіи, собственно говоря, нѣтъ, а есть только отдѣльные, совершенно другъ отъ друга обособленные «культурно-историческіе типы», которыхъ онъ насчитываетъ больше десяти: 1) египетскій, 2) китайскій, 3) ассирійско-вавилоно-финикійскій, халдейскій или древне-семитическій, 4) индійскій, 5) иранскій, 6) еврейскій, 7) греческій, 8) римскій, 9) ново-семитическій или аравійскій, 10) романо-германскій и 11) греко-славянскій (съ прибавкою къ нимъ, пожалуй, еще типовъ мексиканскаго и перувіанскаго). Данилевскому ужасно хочется видѣть въ каждомъ такомъ типѣ нѣчто изначала обособленное, вполне самобытное, и онъ даже утверждаетъ, будто «начала цивилизаціи одного культурно-историческаго типа не передаются народамъ другого типа». Мы не станемъ останавливаться на тѣхъ странныхъ выводахъ, къ которымъ могло бы привести логическое развитіе этой мысли, но дѣло какъ-разъ въ томъ, что вообще Данилевскій былъ не въ состояніи доводить каждое свое утвержденіе до конца, и въ его теоріи поэтому масса противорѣчій. Онъ самъ до извѣстной степени—и притомъ въ пользу оспариваемой имъ самимъ всемірно-исторической точки зрѣнія—различаетъ между перечисленными имъ типами типы, уединенные отъ типовъ или цивилизацій преемственныхъ, «плоды дѣятельности которыхъ передавались отъ одного другому». Типами второй категоріи онъ считаетъ египетскій, ассирійско-вавилоно-финикійскій, греческій, римскій, еврейскій и романо-германскій или европейскій. «Результаты, говоритъ онъ самъ,—результаты, достигнутые послѣдовательными трудами этихъ пяти или шести цивилизацій, своевременно смѣнявшихъ одна другую, должны были далеко превзойти совершенно уединенныя цивилизаціи, каковы китайская и индійская, хотя бы эти послѣднія однѣ равнялись всѣмъ имъ продолжительностью жизни». Но это—уже прямая защита именно той самой всемірно-исторической точки зрѣнія, которая въ принципѣ отрицается теоріей культурно-историческихъ типовъ.

*) См. нашу статью «Теорія культурно-историческихъ типовъ» (во второмъ изданіи «Историко-философскихъ и социологическихъ этюдовъ»).

Очеркъ второй.

Древнѣйшія восточныя цивилизаціи.

Три отдѣльныхъ историческихъ міра въ древности.—Особенное значеніе ближайшаго Востока.—Начало всемірной исторіи.—Главные періоды общей исторіи Востока.—Что можно считать концомъ исторіи древняго Востока?—Причины возникновенія древнѣйшихъ цивилизацій въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ.—Историческое превосходство ближайшаго Востока надъ Китаемъ и Индіей.—Причины гибели древнѣйшихъ цивилизацій и культурнаго застоя въ исторіи восточныхъ народовъ.—Значеніе Востока въ религіозной исторіи человѣчества.—Культурное вліяніе Востока на европейскую исторію.—Неодинаковое значеніе отдѣльныхъ восточныхъ народовъ во всемірной исторіи.

Передъ эпохой полного расцвѣта греческой культуры, родоначальницы современной европейской цивилизаціи, въ Азіи—къ которой древніе относили и Египетъ—существовало три отдѣльныхъ историческихъ міра. Одинъ изъ этихъ міровъ составлялъ Китай на крайнемъ востокѣ Азіи, другой образовался на югѣ, Индія; третій міръ представляла собою юго-западная Азія съ Египтомъ. Послѣдній и есть древній Востокъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, гдѣ возникли самыя раннія цивилизаціи и началась всемірная исторія. Древность китайской и индійской культуръ, сама по себѣ очень почтенная, не можетъ, однако, идти въ сравненіе съ тою незапамятною стариною, которая была свидѣтельницею зарожденія исторической жизни въ долинѣ Нила и въ области Тигра и Евфрата. Съ другой стороны, Китай и Индія составили два совершенно обособленные міра, стоявшіе какъ бы въ сторонѣ отъ «большой дороги» историческаго движенія, тогда какъ третій міръ именно и былъ главнымъ путемъ, по которому пошло это движеніе. Китай и Индія не вышли изъ замкнутыхъ границъ, и въ ихъ предѣлахъ развились и установились двѣ цивилизаціи, изъ которыхъ каждая была продуктомъ, главнымъ образомъ, одной расы. Совсѣмъ иное дѣло—ближайшій къ намъ Востокъ: здѣсь происходили смѣшеніе и, такъ сказать, наслоеніе многихъ расъ, оставлявшихъ разные слѣды на исторіи этого міра; здѣсь, болѣе

чѣмъ за полторы тысячи лѣтъ до нашей эры, произошло сопряженіе двухъ древнѣйшихъ историческихъ народовъ, египтянъ и вавилоно-ассирійцевъ, между которыми лежала Сирія, имѣвшая въ числѣ своихъ жителей финикійцевъ, которые разносили цивилизацію по своимъ отдаленнымъ колоніямъ,—и евреевъ, столь важныхъ въ исторіи религіознаго сознанія передовой части человѣчества; здѣсь жили и другіе народы, поочередно приобщавшіеся къ международному историческому движенію, причѣмъ постепенно расширялись и географическіе предѣлы этого міра; наконецъ, въ зависимости какъ отъ событій, происходившихъ въ этомъ мірѣ, такъ и отъ его культурной жизни, началась историческая жизнь перваго европейскаго народа—грековъ. Позднѣе, въ эпоху Александра Македонскаго, и еще позднѣе, во времена Римской имперіи, европейскій Западъ и азіатскій Востокъ составляютъ уже какъ бы одинъ историческій міръ, поражающій насъ крайнею пестротою своего состава, при сравненіи съ которою культуры китайская и индійская производятъ впечатлѣніе каждая чего-то въ высшей степени простого и однороднаго. Исторія Китая есть, въ сущности, исторія одного народа, расширившаго свою власть и наложившаго печать своего вліянія на сосѣднія племена. То же имѣемъ мы право сказать и объ Индіи, хотя бы въ ней самой и образовались черты различія между частями единой націи, раскинутой на обширной территоріи. Только въ позднѣйшія времена Китай и Индія были втянуты въ исторію передовой части человѣчества, которая именно и зародилась во взаимодействіи народовъ сначала Египта, Сиріи и Месопотаміи, потомъ Ирана и Малой Азіи, наконецъ, южной Европы. Исторія Китая и исторія Индіи, съ этой точки зрѣнія, т.-е. безотносительно къ пространству этихъ двухъ странъ и количеству ихъ жителей, суть только побочныя теченія всемірной исторіи, выбравшей себѣ другое главное русло. Современная Европа, идущая во главѣ всего человѣчества, возникла на основахъ греко-римскаго міра, который, въ свою очередь, явился во многихъ отношеніяхъ продолжателемъ дѣлъ, начатыхъ Востокомъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Вотъ почему мыслители, пытавшіеся придать всемірно-историческому процессу единство плана, либо совсѣмъ игнорировали Китай и Индію, какъ-будто бы ихъ никогда не существовало, либо затруднялись, какое мѣсто имъ отвести въ общей схемѣ исторіи, либо, наконецъ, ставили Китай и Индію въ чисто фантастическую связь съ остальною исторіей древности*).

*) По Гегелю, всемірная исторія есть процессъ выработки «всемирнымъ духомъ» сознанія своей свободы, и, по его схемѣ, этотъ духъ, такъ сказать, движется съ Востока на Западъ, причѣмъ въ Китаѣ онъ еще спитъ, въ Индіи уже грезитъ, въ Персіи просыпается, хотя еще и не познаетъ своей сущности, и т. д. Ср. выше, стр. 12—13.

Итакъ, тотъ историческій міръ, который можно назвать Востокомъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, отличается отъ двухъ другихъ современныхъ ему историческихъ міровъ и болѣею древностью, и болѣшимъ разнообразіемъ своего состава, и болѣе тѣсною связью своею съ тѣмъ, что принято называть всемірною исторіей. Исторія есть жизнь и движеніе, и именно ближайшій къ намъ Востокъ былъ въ древности свидѣтелемъ наибольшаго количества крупныхъ перемѣнъ, имѣвшихъ вліяніе на судьбу многихъ народовъ, тогда какъ Китай съ давнѣйшихъ поръ сдѣлался воплощеніемъ неподвижности въ характерѣ и бытѣ народа, а перемѣны, происходившія въ Индіи, блѣднѣютъ въ сравненіи съ появленіями и исчезновеніями народовъ, съ возвышеніями и паденіями царствъ, съ распространеніями и уничтоженіями цѣлыхъ культуръ на ближайшемъ Востокѣ. Всемірная исторія заключается во взаимодействіи и преемственности націй, а тутъ мы какъ-разъ имѣемъ и то, и другое. Особенно важно то, что въ этомъ взаимодействіи участвовали народы, успѣвшіе въ предыдущіе періоды своей исторіи выработать своеобразныя культуры, одновременное существованіе которыхъ и сообщаетъ такое разнообразіе исторической жизни этого Востока. Этимъ и было положено начало объединенію многихъ народовъ, которому предстояло сдѣлаться одною изъ наиболѣе существенныхъ сторонъ всемірно-историческаго процесса.

Этотъ важный фактъ долженъ быть намъ памятенъ съ самаго начала нашего обученія исторіи. Именно всѣ мы начинаемъ учиться этому предмету по такъ называемой священной исторіи вѣхаго завіѣта, заключающей въ себѣ, главнымъ образомъ, повѣствованіе о судьбахъ еврейскаго народа, но тутъ же мы впервые знакомимся и съ другими странами древняго Востока, начиная съ Египта и кончая Персіей. Это происходитъ не только потому, что исторія еврейскаго народа переплетается съ исторіей и египтянъ, и ассирійцевъ, и вавилонянъ, и персовъ, и болѣе незначительныхъ сосѣдей Израиля, финикійцевъ и филистимлянъ, но и потому, что сами еврейскія книги, по которымъ составляются «руководства къ священной исторіи», говорятъ обо всѣхъ этихъ народахъ. Еврейскіе бытописатели, повѣствуя о судьбахъ своего народа, были не только національными исторіографами, но и общими историками своего времени, потому что они не могли говорить объ еврейскихъ дѣлахъ, не касаясь исторіи другихъ націй, игравшихъ ту или другую роль въ судьбахъ самихъ евреевъ. Уже они, пожалуй, могли бы формулировать необходимость общей исторіи, такъ какъ во II в. до Р. Х. доказывалъ эту необходимость Полибій, говоря, что «судьба свела вмѣстѣ всѣ происшествія вселенной» *). Такое же значеніе имѣетъ и то, что Ге-

*) См. выше стр. 11.

родотъ, «отецъ исторіи», жившій въ эпоху греко-персидскихъ войнъ, соединилъ въ одномъ трудѣ все, что узналъ о тогдшнемъ культурномъ Востока: послѣдній уже составлялъ особый міръ, заключавшій въ себѣ много народовъ, а политически бывшій даже объединеннымъ въ могущественную державу подъ властью «великаго царя». Напомню, наконецъ, что у христіанскихъ писателей средневѣковья общою схемою всемірной исторіи была грандіозная картина пророка Даніила—смѣны четырехъ монархій, представляющая изъ себя формулу, которая возникла при зрѣлищѣ судьбъ древняго Востока. Уже въ XIX вѣкѣ познакомились мы еще и съ содержаніемъ имѣющихъ историческій характеръ записей царей египетскихъ, ассирійскихъ, персидскихъ: онѣ говорятъ намъ объ отдаленныхъ походахъ, объ обширныхъ завоеваніяхъ, о чуждыхъ народахъ, т.-е. опять-таки касаются исторіи не одной страны.

Въ настоящее время мы въ состояніи даже опредѣлить эпоху и назвать фактъ, когда положено было первое начало болѣе широкому политическому взаимодействию народовъ, хотя бы оно выражалось сначала, главнымъ образомъ, въ военныхъ предпріятіяхъ и разрушительныхъ нашествіяхъ. Одинъ изъ первыхъ египетскихъ фараоновъ XVIII династіи, вступленіе которой относятъ за семнадцать вѣковъ до Р. Х., именно Тутмесъ I, предпринялъ завоеваніе Сиріи и дошелъ до Месопотаміи, гдѣ, равнымъ образомъ, давно уже существовали развитая историческая жизнь и высокая культура. «Со вступленіемъ египтянъ въ Сирію, говоритъ Масперо, открывается новая эпоха въ судьбахъ древнихъ націй: кончается исторія обособленныхъ народовъ, начинается исторія міра». «Такимъ образомъ, замѣчаетъ по поводу того же факта Георгъ Веберъ, Египетъ выступаетъ изъ своей замкнутости и становится государствомъ, участвующимъ въ общемъ ходѣ человѣческой исторіи». Это же появленіе египтянъ въ Месопотаміи Ванъ-деръ-Бергъ называетъ «первымъ важнымъ событіемъ въ исторіи Ассиріи», зависѣвшей сначала отъ Халдеи, а потомъ сдѣлавшейся одною изъ великихъ монархій Востока. Завоеваніе Сиріи Тутмесомъ I повлекло за собою подчиненіе Египту финикійскихъ городовъ, и именно, пользуясь покровительствомъ фараоновъ, Сидонъ своею колонизаціей превращаетъ Средиземное море въ финикійское озеро, на островахъ и берегахъ котораго онъ основываетъ, по выраженію Масперо, «настоящую колоніальную имперію». Въ этихъ странахъ финикійцы явились и піонерами цивилизаціи, посредниками въ распространеніи искусствъ Египта, Ассиріи и Вавилона. Таково было начало той всемірно-исторической драмы, которая съ тѣхъ поръ безъ перерыва, хотя мѣняя сцену и актеровъ, равно какъ свое содержаніе и свой характеръ, разыгрывается уже около тридцати пяти вѣковъ.

Завоевательные походы фараоновъ XVIII династіи въ Азію открываютъ первый періодъ общей исторіи народовъ Востока. Сирія дѣлается съ этого момента на долгое время страной, которую стремятся завоевать и упрочить за собою сначала египтяне, потомъ ассирійцы, но которая постоянно дѣлаетъ попытки сбросить съ себя чуждое иго; вмѣстѣ съ тѣмъ, сирійскіе походы и приводятъ въ соприкосновеніе фараоновъ и царей ассирійскихъ. Первоначально роль господина этой части Азіи выпадаетъ на долю болѣе древняго Египта, распространяющаго свое владычество до Тигра и Евфрата и на время ставящаго въ зависимость отъ себя страну Ассура; это эпоха финикійской колонизаціи, миграціи народовъ Малой Азіи и ихъ нападений на Египетъ, «исхода» Израиля изъ страны фараоновъ, появленія филистимлянъ въ Сиріи. За періодомъ египетскаго преобладанія слѣдуетъ періодъ преобладанія ассирійскаго. Овладевъ за 1300 лѣтъ до Р. Х. Вавилономъ, раньше господствовавшимъ надъ Ассиріей, цари послѣдней устремляются на Сирію, которая теперь большею частью, хотя и съ перерывами, и находится отъ нея въ политической зависимости. Въ одинъ изъ такихъ перерывовъ возникаетъ между Египтомъ и Ассиріей Еврейское царство, но оно скоро раздѣлилось, отъ него отпали покоренныя племена, гегемонія въ Сиріи отъ Иерусалима перешла къ Дамаску, и эта страна снова сдѣлалась ареной вражескихъ нашествій, кончившихся новымъ ассирійскимъ завоеваніемъ. Особенно велико было могущество Ассиріи между 722 и 625 г. до Р. Х., когда самый Египетъ подпадалъ подъ власть ея царей-завоевателей. Такимъ образомъ, на первые два періода общей исторіи Востока приходится около тысячи лѣтъ, въ теченіе которыхъ происходятъ завоеванія Сиріи Египтомъ и Ассиріей, причемъ въ началѣ перваго періода фараоны доходятъ до Месопотаміи, а въ концѣ втораго, наоборотъ, ассирійскіе цари повелѣваютъ въ самомъ Египтѣ, въ Сиріи же за это время появляются новые народы, возникаютъ и падаютъ царства.

Въ 625 г. до Р. Х. паденіемъ Ассиріи открывается новый періодъ. Исторія Ассиріи стоитъ въ тѣсной связи съ исторіей Халдеи (Вавилоніи), болѣе ея древней и давшей ей самую культуру,—и со сѣдняго съ нею Элама. На сѣверъ отъ послѣдней страны вплоть до Каспія съ востока подвинулись мидяне, которые въ концѣ VIII вѣка были завоеваны ассирійскими царями. Около середины слѣдующаго столѣтія произошло политическое объединеніе Мидіи, скоро затѣмъ въ союзѣ съ Вавилономъ и разрушившей Ассирійское царство. Предоставивъ Сирію Вавилону, новое государство двигается въ это время въ Малую Азію, гдѣ его успѣхамъ кладетъ предѣлъ царство Лидійское, до того времени еще не участвовавшее въ общей исторіи. Па-

деніе Ассиріи сопровождается, такимъ образомъ, выступленіемъ на сцену исторіи новыхъ народовъ и соотвѣтственнымъ расширеніемъ самой этой сцены. Къ двумъ старымъ политическимъ силамъ—Египту и Вавилоніи, и теперь оспаривающимъ другъ у друга обладаніе Сиріей, прибавляются двѣ новыя—Мидія и Лидія. Въ VI вѣкѣ всѣмъ этимъ государствамъ суждено было сдѣлаться добычею Персіи: для Мидіи восшествіе на престолъ Кира было, однако, скорѣе перемѣною династіи, чѣмъ иноземнымъ завоеваніемъ, а подчиненіе этимъ царемъ и его преемникомъ Лидіи, Вавилоніи и Египта персидскому владычеству—только продолженіемъ дѣла, начатаго Мидіей. Поэтому третій періодъ можно назвать мидо-персидскимъ. Персидскіе цари производятъ завоеванія уже въ болѣе отдаленныхъ странахъ, куда не заходили ни египетскія, ни ассирійскія арміи. Между прочимъ, новая монархія приходитъ въ соприкосновеніе на востокѣ съ частью индійскаго міра, на западѣ—съ міромъ греческимъ. Извѣстно, однако, что западныя отношенія Персидской монархіи имѣли несравненно большее историческое значеніе, чѣмъ восточныя, оставшіяся безъ серьезныхъ результатовъ. Греко-персидскія отношенія V и IV вѣковъ подготовляли наступленіе новаго періода, характеризующагося уже европейскимъ господствомъ въ странахъ древняго Востока. Полагая на весь мидо-персидскій періодъ около 300 лѣтъ, съ послѣдней трети IV в. до Р. X. мы должны начать четвертый періодъ исторіи древняго Востока: это—времена македонскаго завоеванія Персидской монархіи, образованія на Востокѣ новыхъ царствъ, въ которыхъ стала распространяться греческая образованность (эллинизмъ), и постепеннаго превращенія всѣхъ этихъ царствъ на западъ отъ Тигра въ римскія провинціи—и такъ до конца древней исторіи.

Обыкновенно разсмотрѣніе исторіи древняго Востока не доводится до этого греко-римскаго періода: ее принято оканчивать либо около 500 года, т.-е. доводить до греко-персидскихъ войнъ, либо около 330 г., т.-е. доводить до завоеванія Персидскаго царства Александромъ Македонскимъ, отдѣляя, такимъ образомъ, исторію Востока древнѣйшаго отъ исторіи Востока въ эпоху распространенія греческой образованности и римскаго господства. Для такого отдѣленія, конечно, существуютъ и свои основанія: побѣды грековъ надъ восточными полчищами, пришедшими въ Европу въ началѣ V в., и завоеваніе обширной восточной монархіи горстью европейцевъ въ исходѣ IV столѣтія знаменуютъ собою цѣлый переворотъ во всемирной исторіи, и съ этой точки зрѣнія исторіи правы, оканчивая «исторію Востока» на временахъ Ксеркса или Дарія Кодомана. Но ни возвышеніе Греціи и македонское завоеваніе, проложившее на Востокъ путь эллинизму, ни превращеніе Передней Азіи и Египта въ рим-

скія провинціи не были концомъ стараго Востока, въ смыслѣ полнаго исчезновенія его прежнихъ формъ быта и культурныхъ традицій. Мало того: въ эпоху разложенія античной цивилизаціи, Востокъ, которому многимъ была обязана и греческая культура въ самомъ своемъ началѣ, еще разъ оказалъ могучее дѣйствіе на греко-римскій міръ въ формѣ наплыва древнихъ религіозныхъ вѣрованій Азіи и Египта въ Европу, предшествовавшаго распространенію по тогдашней «вселенной» христіанства, возникновеніе котораго придаетъ особое значеніе во всемірной исторіи одному изъ старыхъ восточныхъ же народовъ, евреямъ. Побѣда христіанства надъ эллинскою мудростію и надъ римскою государственною властью была настоящимъ концомъ не только для классическаго міра, но и для исторіи древняго Востока, ибо въ разныхъ формахъ его язычества и сохранялось въ греко-римскія времена все, что только было наиболѣе національнаго среди населенія его старыхъ культурныхъ странъ.

Индія и Китай не дали начала такому историческому развитію, какому положилъ основаніе древній Востокъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Разбирать всѣ причины второстепеннаго значенія этихъ двухъ странъ съ всемірно-исторической точки зрѣнія мы здѣсь не можемъ по самой сложности этой темы, но это не мѣшаетъ намъ все-таки остановиться на неодинаковости нѣкоторыхъ географическихъ условій четырехъ древнѣйшихъ цивилизацій, т.-е. египетской, ассиро-вавилонской, индійской и китайской. Многія изъ этихъ условій были одинаковы, и именно ими объясняется раннее появленіе болѣе развитой культуры въ древнѣйшихъ историческихъ странахъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Индія и Китай были поставлены въ худшія условія, чѣмъ Египетъ и Ассиро-Вавилонія. Мы и рассмотримъ сейчасъ и тѣ, и другія условія.

«Въ Азіи,—говоритъ Бокль въ одномъ мѣстѣ своего знаменитаго труда *),—въ Азіи цивилизація всегда ограничивалась тою широкою полосою, гдѣ плодородная наносная почва обезпечивала человѣку необходимую долю богатствъ, безъ которой умственное развитіе не можетъ начаться. Эта громадная область простирается съ небольшими перерывами отъ восточной части южнаго Китая до западныхъ береговъ Малой Азіи, Финикій и Палестины». Указавъ на неблагоприятныя условія для культурной жизни, представляемая землями на сѣверъ отъ этой полосы, равно какъ Аравіей и всею Сѣвальною Африкою англійскій историкъ продолжаетъ: «вся восточная часть африканской пустыни орошается водами Нила, иль котораго покрываетъ песчаную почву плодородными полосами, и, такимъ образомъ, трудъ получаетъ обильное, чрезвычайное вознагражденіе»; въ этомъ Бокль и видитъ причину того, что «узкая долина Нила сдѣлалась мѣстомъ рожденія

*) «Исторія цивилизацій въ Англіи».

египетской цивилизаціи». Общій выводъ отсюда онъ дѣлаетъ такой: «Въ Азіи, въ Африкѣ причиной цивилизаціи было плодородіе почвы, приносящей обильныя жатвы; въ Европѣ—болѣе счастливый климатъ, побуждающій къ болѣе усиленной работѣ. Въ первомъ случаѣ результатъ зависитъ отъ отношенія между почвой и ея произведеніями, словомъ, отъ простаго дѣйствія одной части внѣшней природы на другую, въ послѣднемъ—отъ отношеній между климатомъ и работникомъ, т. е. отъ вліянія внѣшней природы не на самоё себя, а на человѣка. Изъ этихъ двухъ разрядовъ отношеній первый, какъ менѣе сложный, менѣе подлежитъ колебаніямъ и потому ранѣе проявляется. Вотъ почему въ движеніи цивилизаціи первые шаги несомнѣнно принадлежатъ болѣе плодороднымъ странамъ, Азіи и Африкѣ». Въ этихъ словахъ Бокля отмѣчена дѣйствительно важная особенность возникновенія древнѣйшихъ цивилизацій: онѣ были всѣ порождены странами съ весьма плодородною почвою. Египетъ въ древности былъ настоящею «житницею міра», самъ будучи «даромъ Нила», который послѣ своихъ разлитій оставлялъ жирныя осадки тропической почвы. Второю колыбелью цивилизаціи былъ Сеннааръ (Вавилонія), южная часть «Междурѣчья», образуемаго Тигромъ и Евфратомъ, которые своими разливами также утучняли почву; въ свое время здѣсь былъ настоящий «садъ Азіи», какимъ слылъ нѣкогда и сосѣдній Эламъ, тоже колыбель цивилизаціи—на ближайшемъ къ намъ Востокѣ. Извѣстно также, что роскошная долина Инда и Ганга, гдѣ, равнымъ образомъ, разлилась самостоятельная культура, относится къ числу плодороднѣйшихъ странъ въ свѣтѣ. Наконецъ, и Китай, также рано ставшій родиной весьма древней культуры, равнымъ образомъ, славится своимъ плодородіемъ. Вмѣстѣ съ этимъ, всѣ названныя страны находятся въ очень тепломъ климатѣ, южнѣе 40° с. ш., гдѣ всѣ человѣческія потребности легко удовлетворяются. Самостоятельное возникновеніе древнѣйшихъ цивилизацій въ земляхъ, лежащихъ приблизительно въ однихъ и тѣхъ же широтахъ и представляющихъ приблизительно одинаковыя условія относительно почвы, указываетъ на то, какую важную роль играла физическая природа при зарожденіи культурной жизни. Замѣчательно, что и въ Новомъ Свѣтѣ Мексика и Перу, имѣвшія уже нѣкоторую цивилизацію до прихода европейцевъ въ Америку, какъ относительно плодородія почвы и теплоты климата, такъ и относительно естественныхъ произведеній, очень легко подводятся подъ общія черты, характеризующія природу Египта, Месопотаміи, Индостана и Китая,—лишь не указаніе на тѣ географическія условія, которыя были наиболѣе благоприятными для возникновенія цивилизаціи. Культурные оазисы среди варварской пустыни, прежде чѣмъ стать таковыми, уже были оазисами и въ физическомъ смыслѣ среди иногда колоссальной пустыни, тянущейся съ перерывами отъ Сахары до Гоби.

Географическое распределе́ніе этихъ культурныхъ оазисовъ было, съ другой стороны, неодинаково благоприятно для ихъ дальнѣйшаго значенія во всемірной исторіи. Китай разобщается съ Индіей цѣлымъ рядомъ высокихъ горныхъ цѣпей, Индія—съ Месопотаміей также горами и пустынями, но Месопотамія и Египеть уже были менѣе разобщены между собою, а лежавшая по дорогѣ изъ одной страны въ другую Сирія, удобная для передвиженія торговыхъ каравановъ и завоевательныхъ армій, примыкала однимъ своимъ краемъ къ Средиземному морю, окруженному берегами трехъ главныхъ частей Старога Свѣта. Только здѣсь, въ юго-западномъ углу Азіи и сѣверо-восточномъ углу Африки и сложились наиболѣе благоприятныя условія для перехода изъ періода рѣчныхъ цивилизацій въ морской періодъ исторіи.

Мы уже упоминали именно о географической схемѣ всемірной исторіи, предложенной Мечниковымъ, и считаемъ теперь не лишнимъ подробнѣе изложить его взглядъ на общій ходъ исторіи въ примѣненіи спеціально къ древнему Востоку.

Отмѣтимъ, прежде всего тѣ отдѣльныя мѣста объ исключительно «рѣчномъ характерѣ» древнѣйшихъ цивилизацій и о моментѣ перехода въ морской періодъ.

«Въ настоящее время, говоритъ Мечниковъ, спеціалистами признано, что древнѣйшимъ поприщемъ египетской цивилизаціи служила долина отъ дельты до перваго порога, близъ Ассуана. Съ интересующей насъ точки зрѣнія чрезвычайно характернымъ является выборъ древнѣйшей изъ египетскихъ столицъ въ Мемфисѣ, у самой вершины дельты. Египетская цивилизація исторически, такимъ образомъ, является намъ въ первый разъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Средиземнаго моря, но какъ-будто для того, чтобы отгнѣнить свой рѣчной характеръ, она поворачивается къ морю спиною и направляется вверхъ по теченію рѣки, на югъ, въ Оиваиду и дальше, до самаго Мероэ. Египтяне считали море проклятою, отверженной стихіей, входитъ въ общеніе съ которой было бы грѣшно. Ихъ жрецамъ строго воспрещалось сносіться съ мореходами, и флотъ, который фараоны принуждены были завести въ позднѣйшія времена, состоялъ изъ наемниковъ. Плутархъ очень подробно излагаетъ тѣ мистическіе мотивы, которыми египтяне еще и въ его времена объясняли самимъ себѣ это свое отвращеніе отъ моря. Дѣйствительныя же причины такой ихъ моребоязни вытекали довольно просто изъ сущности ихъ положенія. Пока теченіе Нила не было приведено въ порядокъ вѣковыми работами канализаціи, эта рѣка, тотчасъ же за Мемфисомъ, развѣтвлялась на множество болотистыхъ рукавовъ, нагромождавшихъ иль и наносы у берега моря. Дельта въ окончательномъ своемъ видѣ является продуктомъ цивилизаціи больше, чѣмъ природы; первоначально же она

представляла изъ себя необитаемую болотную мѣстность, испещренную во всѣхъ направленіяхъ затоками и застоями прѣсной и морской воды, заражавшими воздухъ своими тлетворными испареніями. Какъ народъ исключительно земледѣльческій, египтяне не имѣли повода интересоваться моремъ; да оно и дѣйствительно не имѣло для нихъ значенія до тѣхъ поръ, пока берега его оставались или совсѣмъ пустынными, или же были населены троплодитами. Когда же, значительно позднѣе, по синимъ волнамъ этого по преимуществу самаго культурнаго изъ морей стали плавать лодки финикійскихъ, критскихъ, малоазіатскихъ и греческихъ пиратовъ, то они стали только новою грозою для поморскихъ египетскихъ городовъ и селъ, богатство которыхъ служило для нихъ особенно лакомою приманкою. Появленіе этихъ морскихъ разбойниковъ произвело въ царствѣ фараоновъ совершенную панику. Скоро пришлось откупаться отъ морскихъ разбойниковъ, нанимать ихъ же на фараонову службу, для охраненія морского берега отъ другихъ такихъ же пришельцевъ. Когда же на Средиземномъ морѣ прочно утвердились такіе могущественные соперники, какъ финикійскіе, малоазіатскіе и греческіе республиканскіе союзы, то передъ рѣчною споконьвѣка египетскою цивилизаціей открывалось только двѣ дороги: или превзойти своихъ противниковъ морскимъ могуществомъ, или же ступеваться. На первое у нея уже не хватало жизненности, а потому съ тѣхъ дальнихъ поръ и до настоящаго времени Египетъ уже не имѣетъ самостоятельнаго историческаго существованія, а только выноситъ на своихъ плечахъ непрерывный рядъ чуждыхъ завоеваній».

Тѣ же самыя явленія съ нѣкоторыми мѣстными особенностями представляетъ для Мечникова и исторія месопотамской цивилизаціи, такъ какъ онъ находитъ «замѣчательную аналогію географическаго положенія древнѣйшихъ столицъ Халдеи—отъ Дильмуна до Ура и Вавилона съ положеніемъ Мемфиса и Оивъ. Близкіе на первый взглядъ къ внутреннему морю (Персидскій заливъ) города эти были въ дѣйствительности отдѣлены отъ него негостепримной болотной полосой, которую образовали устья Евфрата и Тигра, прежде чѣмъ трудъ и искусство многочисленныхъ поколѣній не вывели ихъ изъ природнаго хаоса и не вогнали въ одно русло Шатъ-Эль-Арабъ. Какъ въ Египтѣ, такъ точно и въ Месопотаміи, цивилизація въ теченіе почти двадцати вѣковъ отворачивается отъ моря и устремляется вверхъ по рѣкамъ, породившимъ ее, къ Арату, имѣя главными своими средоточіями внутренніе города: Ассуръ, Ниневію, Кархемышъ, т.-е. и здѣсь точно такъ же, какъ на нильскихъ берегахъ, историческая цивилизація переживаетъ долгій первичный или рѣчной періодъ, прежде чѣмъ — не раньше VII в. до Р. X.—естественный ходъ времени ставитъ и передъ ней, въ свою очередь, роковую дилемму: преобразиться въ мор-

скую цивилизацію, т.-е. вступить въ новый возрастъ своего развитія или же ступшеваться передъ болѣе свѣжими цивилизаціями, успѣвшимъ уже расцвѣсть на средиземно-морскихъ берегахъ, по усвоеніи наслѣдства египетской исторіи». Сначала эта цивилизація, какъ и египетская, развивается и зрѣетъ долго въ рѣчной, континентальной средѣ сухимъ путемъ распространяя свое историческое вліяніе на всю юго-западную Азію, но послѣ паденія Ассиріи съ возникновенія такъ называемой второй Вавилонской монархіи, для месопотамской цивилизаціи наступаетъ рѣшительный морской періодъ. Въ этомъ мы убѣждаемся уже по тому усердію, съ которымъ Навуходоносоръ, главный зиждитель позднѣйшаго вавилонскаго могущества, старается открыть свое столицѣ доступъ къ морю, но, какъ извѣстно, политическое могущество ново-вавилонской монархіи продолжалось всего нѣсколько десятковъ лѣтъ. Персидское завоеваніе положило конецъ месопотамской независимости и даже грозило повернуть исторію юго-западной Азіи назадъ къ рѣчнымъ временамъ.

Близость названныхъ странъ одной къ другой и къ Средиземному морю, этому главному культурному морю древности, была особенно благоприятнымъ условіемъ для болѣе тѣснаго взаимодѣйствія, въ этой части древняго міра, старѣйшихъ историческихъ народовъ и для перехода цивилизаціи изъ рѣчного періода въ морской. Для Индіи и Китая такихъ условій не существовало. «Индія, говоритъ Мечниковъ сравнительно скоро утрачиваетъ свое міровое культурно-историческое значеніе, именно потому, что ея рѣки открываютъ ей довольно плохой доступъ къ двумъ очень невыгодно одареннымъ природой внутреннимъ морямъ. Къ тому же, замѣчаетъ онъ еще, вмѣстѣ съ Китаемъ, она является уже нѣсколько запоздалою на всемірно-историческомъ поприщѣ, вслѣдствіе этой запоздалости исторія обѣихъ этихъ странъ представляетъ болѣе специальный и узкій интересъ, имѣя немного точекъ соприкосновенія съ міровой исторіей Запада».

Рѣшительно морской характеръ приняла лишь исторія странъ, прилегающихъ къ Средиземному морю, и здѣсь первымъ народомъ съ всемірно-историческимъ значеніемъ явились финскійцы, главнѣйшая забота которыхъ заключается именно въ томъ, что они перенесли всемірную исторію изъ рѣчной географической среды въ среду средиземно-морскую. Ближайшимъ послѣдствіемъ такого перемѣщенія было то, что культуры, развивавшіяся до тѣхъ поръ изолированно одна отъ другой, въ тѣсной зависимости отъ судьбы какого-нибудь народа, смѣнились цивилизаціей, имѣющей уже общій, космополитическій характеръ. «Съ этихъ поръ, какъ говоритъ Мечниковъ, отдѣльныя націи уже могутъ слабѣть, блѣднѣть, вовсе исчезать съ историческаго поприща, но свѣточъ всемірной культуры не гаснетъ уже никогда. Отъ

финикійцевъ его перенимають эллины, вызывающіе къ исторической жизни Италію и Римъ, создающіе ту имперію, которую иначе и нельзя назвать, какъ средиземно-морской, потому что въ ней не преобладалъ ни одинъ націоналистическій элементъ, а участвовали все народы, живущіе вокругъ Средиземнаго моря».

Но если цивилизаціи ближайшаго Востока были первою основою дальнѣйшаго культурнаго развитія главной части историческаго человечества, то, съ другой стороны, ни въ Индіи, ни въ Китаѣ мы не наблюдаемъ такихъ переворотовъ, которые на ближайшемъ Востокѣ влекли за собою полную гибель стараго — съ замѣною его новымъ и даже съ рѣзкими возвращеніями назадъ.

Въ самомъ дѣлѣ, тотъ историческій міръ, въ которомъ было положено начало главному теченію исторіи, въ настоящее время можно назвать совершенно исчезнувшимъ съ лица земли, не въ томъ только смыслѣ, что всякое прошедшее есть для настоящаго нѣчто переставшее существовать, но главнымъ образомъ въ томъ, что въ данномъ случаѣ прошедшее не имѣетъ въ настоящемъ своего непосредственнаго продолженія. Въ послѣднемъ отношеніи совсѣмъ не то наблюдаемъ мы въ исторіи Китая или Индіи: между тѣмъ, какъ отъ древняго Востока въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова остались одни, если можно такъ выразиться, археологическіе слѣды, древніе Китай и Индія продолжаютъ еще жить до сихъ поръ въ Китаѣ и Индіи современныхъ. Другими словами, цивилизаціи древняго Востока, за исключеніемъ китайской и индійской, въ настоящее время болѣе уже не существуетъ даже въ измѣненныхъ формахъ: это—цивилизациі вымершія, уступившія мѣсто историческимъ явленіямъ совсѣмъ другого происхожденія. Въ сравненіи съ исчезновеніемъ культуръ египетской, ассиро-вавилонской, финикійской и т. д. не можетъ идти въ полное сравненіе даже то крушеніе греко-римской образованности, которое произошло въ началѣ такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ европейской исторіи: не сохранись о народахъ Передней Азіи и Египта извѣстій въ Библии и у классическихъ авторовъ и не оставъ эти народы сами о себѣ вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ,—которые притомъ стали открываться и изучаться только въ XIX в.,—мы имѣли бы право говорить даже о совершенно безслѣдномъ исчезновеніи для насъ всей исторіи ближайшаго къ намъ Востока. Не въ такомъ положеніи, повторяемъ, находятся Китай и Индія: древнѣйшая ихъ исторія продолжается доселѣ, не испытавъ ничего такого, что напоминало бы гибель культуръ египетской или ассиро-вавилонской.

Но здѣсь, въ исторіи этихъ двухъ странъ, мы имѣемъ дѣло уже съ другимъ явленіемъ, весьма характернымъ вообще для наиболѣе раннихъ цивилизацій, лишь только онѣ достигали нѣкоторой высоты:

я говорю объ извѣстномъ культурномъ застоѣ и Китая, и Индіи. Въ этихъ странахъ историческая жизнь зародилась раньше эпохи полного расцвѣта греческой цивилизаціи, а между тѣмъ и китайцы, и индійцы, довольно рано выработавъ свою культуру, страшно отстали отъ европейскихъ націй, хотя предки послѣднихъ только-что готовились вступить въ историческую жизнь, когда сама античная цивилизація уже успѣла отцвѣсти. Это явленіе, т.-е. отсталость китайцевъ и индійцевъ, по сравненіи ихъ съ европейцами, можетъ объясниться либо тѣмъ, что оба азіатскіе народа находились въ болѣе медленномъ, хотя и непрерывномъ движеніи, либо тѣмъ, что, сравнительно быстро достигнувъ сначала значительной культурной высоты, они впоследствии, такъ сказать, остановились въ своемъ поступательномъ движеніи, застыли и замерли въ традиціонныхъ формахъ быта. Извѣстно, что въ исторической литературѣ—и не безъ основанія—составилось представленіе о застоѣ, какъ о характерной особенностии исторіи обѣихъ названныхъ странъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій: застои обозначаетъ едва замѣтное, крайне медленное движеніе,—такъ какъ абсолютнаго зстоя не бываетъ,—обозначаетъ также коснѣніе на давно достигнутыхъ ступеняхъ быта, предполагающихъ, однако, извѣстное движеніе въ болѣе отдаленномъ прошломъ. «Китайцы,—говоритъ авторъ одного обширнаго историко-философскаго труда,—китайцы неподвижны не въ томъ довольно общепринятомъ смыслѣ, что будто бы все сплошь остается у нихъ неизмѣннымъ; напротивъ, культуры своей добились они кропотливымъ, настойчивымъ трудомъ, и государство ихъ испытало на себѣ много потрясеній,—но они консервативны въ томъ значеніи, что крѣпко держатся за все, что успѣли разъ себѣ добыть, и за первичную форму своего жизненнаго начала, такъ что все развитіе ихъ совершается въ предѣлахъ послѣдняго, не переходя за его завѣтную черту; у нихъ не возникаетъ ничего существенно новаго, ни черезъ усвоеніе со стороны, ни благодаря процессу внутренняго самораскрытія. Китайцы, прибавляетъ тотъ же писатель, были малыми дѣтьми, какъ и все человѣчество той отдаленной эпохи, но дѣтьми же они и остались, дѣтьми же состарились, такъ что символомъ цѣлаго народа является герой сказанія, Лао-цзе, который будто бы родился на свѣтъ сѣдовласымъ старцемъ *)». Конечно, исторія Индіи не подойдетъ подъ эту характеристику, но именно здѣсь-то мѣ съ особенною ясностью, весьма пригодною для частной иллюстраціи общаго явленія, и наблюдаемъ быстрое и богатое развитіе исторической жизни, за которымъ слѣдуютъ вѣка зстоя. «Съ устойчивостью, принадлежащею характеру восточныхъ народовъ,—чи-

*) Морицъ Каррьеръ, «Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры».

аемъ мы въ одной большой «Всеобщей исторіи *»),—индійцы продолжали съ той поры (съ македонской и александрійской эпохи) держаться, какъ держатся еще и теперь, своего фантастическаго вѣроученія, своего стѣснительнаго кастоваго устройства, строгаго аскетизма, вѣры въ долгій рядъ возрожденій,—словомъ, всѣхъ тѣхъ учрежденій и теорій, которыми была парализована и подавлена ихъ нравственная энергія. Много было завоевателей, становившихся желѣзною ногою на выю индійскаго народа; много было военныхъ нашествій, сторговавшихся опустошительными бурями въ благодатную страну и заливавшихъ ее кровью; но старыя основы индійской жизни пережили всѣ перевороты, выдержали всѣ угнетенія, всѣ преслѣдованія, устояли противъ всѣхъ попытокъ передѣлать понятія индійцевъ». «Въ теченіе стлѣдующихъ вѣковъ, говорится еще въ одномъ мѣстѣ той же книги, произошло, правда, много измѣненій въ религіозныхъ понятіяхъ и богослужебныхъ обрядахъ индійцевъ, обогатилась ихъ наука, явились у нихъ великія произведенія поэзіи, другихъ искусствъ, — но творческая сила націи была уже истощена; основныя черты индійской жизни неизмѣнно сохранили тотъ видъ, въ какомъ существовали раньше».

Гибель цивилизаціи въ одномъ случаѣ и культурный застой въ двухъ другихъ — вотъ какая судьба постигла народы, ранѣе всѣхъ наступившіе на историческое поприще,—народы, исторію которыхъ мы имѣемъ право разсматривать какъ первый фазисъ исторіи общечеловѣческаго прогресса. Обобщая эти и подобныя имъ факты (особенно паденіе греко-римской цивилизаціи въ эпоху германскаго варварства на западѣ Европы и византійскаго коснѣнія на Востокѣ), многіе историки готовы были объяснять такіе случаи гибели цивилизаціи и культурнаго застоя, встрѣчающіеся въ исторіи, по аналогіи съ жизнью индивидуума, естественно и необходимо приводящей къ старости и оканчивающейся смертью: нація также исчерпываетъ свои силы, какъ индивидуумъ, и, старѣя, дѣлается неспособной къ дальнѣйшему движенію. Какъ ни удобна эта аналогія для объясненій общаго характера, она, во-первыхъ, не можетъ устранить необходимости въ частныхъ объясненіяхъ для каждаго отдѣльнаго случая, когда только мы имѣемъ дѣло съ прекращеніемъ историческаго движенія, а, во-вторыхъ, сама по себѣ она основывается на гипотезѣ, доказательства которой весьма шатки и противъ которой, наоборотъ, можно привести немало вѣскихъ доводовъ. Не разбирая здѣсь самыхъ основаній такой теоріи, это завлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ главнаго предмета,—я ограничусь лишь указаніемъ на то, что гибель цивилизаціи происходитъ всегда преимущественно отъ причинъ внѣшнихъ,

*) Г. Веберъ, «Всемирная исторія».

тогда какъ культурный застой или регрессъ бываетъ большею частью результатомъ хотя и внутреннихъ условий жизни народа. но такихъ, которыя лежатъ не «въ крови» послѣдняго, якобы вырождающейся въ силу самаго процесса исторической жизни, а въ социальныхъ формахъ народа и его понятіяхъ, разъ тѣ и другія принимаютъ характеръ неблагопріятный и даже прямо враждебный всякому движенію впередъ. Можно даже утвердительно сказать, что именно въ началѣ всемірной исторіи вѣднннн условия существованія культурныхъ народовъ постоянно грозили гибелью ихъ цивилизаціи, а внутренняя ихъ жизнь необходимо складывалась такимъ образомъ, что очень часто сама же обусловливала неизбѣжность застоя послѣ или менѣе продолжительнаго движенія впередъ. Не приводя здѣсь подробно теоретическихъ доказательствъ въ пользу такого взгляда, я только подкрѣплю это положеніе на нѣсколькихъ обобщенныхъ примѣрахъ, заимствованныхъ изъ исторіи древняго Востока.

Во-первыхъ, народамъ, среди которыхъ развивались древнѣйшія цивилизаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самимъ этимъ цивилизаціямъ постоянно грозили варварскія нашествія, весьма опасныя по своимъ послѣдствіямъ. Если для античной образованности на Западѣ весьма печальныя послѣдствія имѣло такъ называемое «великое переселеніе народовъ» въ началѣ среднихъ вѣковъ, то цивилизація должна была считать себя еще менѣе прочною, когда ей принадлежало только нѣсколько оазисовъ среди совсѣмъ некультурныхъ народовъ. Возьмемъ одинъ Египетъ: съ древнѣйшихъ временъ его населенію пришлось оберегать Суэзскій перешеекъ отъ вторженія азіатскихъ кочевниковъ, не говоря уже о почти постоянной, въ теченіе долгаго времени, опасности со стороны нубійцевъ и либійцевъ; тѣмъ не менѣе, номады (шусъ или шасу) прорвались-таки въ Египетъ и на весьма долгое время (2200—1700 до Р. Х.) имъ завладѣли. По мѣстному преданію, они разрушили храмы боговъ, перебили множество народа, обратили оставшихся въ живыхъ въ рабство и наложили дань на всю страну. Потомъ и самимъ завоевателямъ пришлось также оберегать покоренную землю отъ новыхъ нашествій изъ-за Суэзскаго перешейка. Послѣ освобожденія Египта отъ «гиксовъ», онъ подвергался еще нашествіямъ со стороны мало-азіатскихъ народовъ, соединявшихся съ либійцами, которые всегда готовы были съ запада нападать на Египетъ, какъ семиты нападали съ востока, и если бы въ очень раннія эпохи своей исторіи Египетъ не распространилъ образованность свою на югъ, въ Эѳіопію, то и временное владычество послѣдней надъ страной фараоновъ тоже, пожалуй, имѣло бы для египетской цивилизаціи результаты столь же плачевныя, какъ и господство гиксовъ. Другой примѣръ—«скіоскія» нашествія на Азію. Съ незапамятныхъ временъ изъ-за Кавказа,

отъ поры до поры, на Малую Азію нападали киммерійцы, которые въслѣдствіи стали совершать набѣги и на ассирійскія владѣнія, встрѣчая здѣсь, впрочемъ, отпоръ. Около 632 г. до Р. Х. скиѣмъ удалось, однако, разграбить Мидію, опустошить Ассирію, истребить половину населенія въ Месопотаміи, напасть на Сирію и даже дойти до Египта, отъ котораго отвратили ихъ только богатые дары Псамметиха. По словамъ Геродота, скиѣ господствовали въ Азіи 28 лѣтъ, но даже семи-восми лѣтъ, принимаемыхъ для этого періода новѣйшими историками, достаточно для объясненія быстро послѣдовавшаго за этимъ паденія Ассиріи. Не накопляя другихъ примѣровъ варварскихъ вторженій въ культурныя страны, мы можемъ видѣть въ подобныхъ событіяхъ одну изъ причинъ непрочности древнѣйшихъ цивилизацій: это были, въ полномъ смыслѣ, оазисы среди пустыни, которымъ грозила опасность быть засыпанными ея песками. Извѣстно, что многія, нѣкогда культурныя страны, именно въ силу такихъ причинъ, дѣлались достояніемъ настоящей пустыни, и чѣмъ далѣе мы идемъ въ глубь вѣковъ, тѣмъ все болѣе и болѣе уменьшаются число и величина такихъ оазисовъ, и, слѣдовательно, тѣмъ все менѣе и менѣе прочною должна была быть цивилизація. Прогрессъ въ первомъ своемъ фазисѣ—на каковой и приходится исторія древняго Востока—съ этой стороны былъ поставленъ въ крайне неблагопріятныя условія, особенно если мы примемъ еще въ расчетъ, что сами и «историческіе народы» поступали одинъ съ другимъ не лучше гисовъ и скиѣвъ: достаточно вспомнить подвиги однихъ ассирійцевъ съ ихъ безцѣльною жестокостью и страстью къ разрушенію, да и вообще международная исторія Востока есть исторія разрушенія городовъ, разоренія странъ, истребленія, порабощенія, увода въ плѣнъ цѣлыхъ населеній. Война сама по себѣ есть явленіе варварское, а въ исторіи древняго Востока и совѣмъ уже невозможно провести границы между вторженіемъ варваровъ въ культурную страну и завоевательнымъ походомъ культурнаго народа на варваровъ. «Я пронесся какъ опустошительный ураганъ»—говоритъ о себѣ ассирійскій царь, Сеннахерибъ; я призвалъ (въ завоеванный Эламъ)—объявляетъ о себѣ другой царь, Ассурбанипалъ,—дикихъ звѣрей, змѣй, животныхъ пустыни и газелей»,—вотъ содержаніе всей военной исторіи не одной Ассиріи, но и другихъ культурныхъ народовъ древняго Востока. Оберегать себя отъ подобныхъ вражескихъ вторженій было трудно и въ томъ еще отношеніи, что это требовало большого напряженія матеріальныхъ силъ и тѣмъ самымъ подрывало экономическое развитіе этихъ народовъ.

Это—по части внѣшнихъ условій существованія отдѣльныхъ историческихъ народовъ Востока, которымъ, съ эпохи подчиненія всѣхъ ихъ персамъ, какъ бы на руду было написано подвергаться затѣмъ

все новымъ и новымъ иноземнымъ завоеваніямъ. Перейдемъ теперь къ внутреннимъ условіямъ исторической жизни восточныхъ народовъ какъ въ древности, такъ даже и теперь.

Если на первыхъ порахъ могли принадлежать цивилизаціи только, говоря фигурально, оазисы, то сама она могла возникнуть лишь въ крупныхъ политическихъ организаціяхъ, которыя, въ свою очередь, складывались и поддерживались сначала путемъ одного принужденія: безъ образованія въ Египтѣ могущественнаго царства, кочевники, стремившіеся въ благодатную долину Нила, не дали бы развиться въ ней зародышамъ культуры, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы ей уже не такъ были страшны нашествія варваровъ, а съ другой стороны, только на большой территоріи, подчинявшейся общей власти, могла прекратиться вѣчная война между мелкими соціальными группами, на какія распадалась въ доисторическомъ своемъ существованіи отдѣльные народы; война же съ внѣшними врагами далеко уже не занимала всѣхъ свободныхъ людей, что позволяло значительному количеству населенія предаваться главнымъ образомъ мирнымъ занятіямъ. Но сами организаціи эти возникли путемъ принужденія, путемъ порабощенія однѣхъ группъ другими, путемъ подчиненія всѣхъ единой власти, главною задачею которой было не давать государству разсыпаться на составныя части и понуждать его жителей къ дѣйствіямъ, имѣвшимъ цѣлю поддержку этого цѣлага противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Древнія восточныя государства всѣ были деспотіями: въ нихъ все болѣе и болѣе развивались произволъ власти у правителей и инстинктъ повиновенія въ подданныхъ, поглощеніе личности государствомъ и ослабленіе личной инициативы въ единицахъ, несмотря на частыя вспышки анархіи и своекорыстное поведеніе людей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, если для развитія цивилизаціи необходимы были крупныя политическія организаціи, то съ такою же необходимостью и возникали эти организаціи только путемъ принужденія, а въ этомъ, какъ въ зародышѣ, лежалъ весь политическій бытъ восточныхъ народовъ, т. - е. все болѣе и болѣе усиливавшіеся деспотизмъ, съ одной стороны, и порабощеніе массъ, съ другой,— условія, крайне неблагоприятныя для историческаго движенія, тѣмъ болѣе, что деспотизмъ все яснѣе и яснѣе сознавалъ интересъ свой—силою поддерживать *statum quo*, а сами народы подконецъ уже и не могли представить себѣ иного порядка вещей. Въ одномъ лишь искусственому соединенію подъ одною деспотическою властью: исторія Египта насчитываетъ нѣсколько распаденій одинаго царства на отдѣльныя княжества, происходившихъ путемъ возмущеній противъ центральной власти, а Ассирія постоянно вновь должна была завоевывать

свои владѣнія, подавляя возстанія подвластныхъ населеній. Исторія Еврейскаго царства въ этомъ отношеніи есть сколокъ съ исторіи Египетской и Ассирійской монархій: соединеніе «колѣнъ» происходитъ въ виду опасности отъ сосѣдей и путемъ принужденія; вновь основанное царство немедленно принимаетъ форму восточной деспотіи и устремляется на путь завоеваній, которыя, однако, не остаются прочными приобрѣтеніями государства, да и само единое царство распадается.

Политическій деспотизмъ восточныхъ монархій находилъ естественное свое дополненіе въ социальномъ порабощеніи массъ. Последнее, будучи до извѣстной степени однимъ изъ условій зарожденія культурной жизни среди меньшинства, поставленнаго въ болѣе благоприятное положеніе, съ другой стороны, однако, при новыхъ и новыхъ успѣхахъ цивилизаціи, не сопровождавшихся соотвѣстными улучшеніями въ жизни этихъ массъ, было одною изъ причинъ печальной судьбы всѣхъ восточныхъ народовъ. Каждый новый шагъ, сдѣланный страной на пути историческаго прогресса, увеличивалъ пропасть между культурнымъ меньшинствомъ и рабочею массою, причемъ первое весьма скоро начинало обнаруживать еще и склонность къ «изнѣженности», а вторая все болѣе и болѣе тупѣла. Для начала развитія культуры, конечно, нужны были и крупная политическая организація, при которой населенію извѣстной территоріи можно было бы предаваться мирнымъ занятіямъ, и извѣстный классъ общества, который выдѣлялся бы изъ массы, занятой исключительно добываніемъ средствъ къ существованію, но какъ самыя раннія государства складываются путемъ голаго принужденія, влекущаго за собою политическій деспотизмъ, такъ и выдѣленіе культурнаго класса изъ народной массы съ самаго начала было, въ сущности, установленіемъ сословія господъ надъ порабощенной массою, тѣмъ болѣе еще, что различіе между господами и ихъ подвластными складывалось и благодаря одолженіямъ и пораженіямъ на поляхъ битвы со всевозможными формами плѣненія, какъ ихъ неизбежными послѣдствіями.

Въ этомъ деспотизмѣ и этомъ порабощеніи, которые сами заключали въ себѣ помѣху для дальнѣйшаго свободнаго развитія общественныхъ силъ, мы должны видѣть еще и одинъ изъ результатовъ вообще слабаго развитія личнаго начала въ древнѣйшихъ обществахъ. На Востокъ, говоря словами Гегеля, духъ не сознавалъ своей сущности, каковая заключается въ свободѣ, т.-е. личность легко подчинялась всему виѣшнему, цѣлямъ, для нея постороннимъ,—въ своей дѣятельности, и понятіямъ, пришедшимъ къ ней извнѣ,—въ своемъ мышленіи. Разъ безсознательною, коллективною, съ традиціонными приѣмами дѣятельностью народа выработаны были извѣстныя формы мысли и жизни, извѣстныя понятія и порядки, отдѣльная личность подчи-

нялась имъ въ силу того, что находила все это уже готовымъ, являясь на свѣтъ Божій, а такое подчиненіе всѣхъ установившемуся укладу неминуемо влекло за собою застои, косиѣніе. Культурно-соціальная среда, бывающая, конечно, всегда на первыхъ ступеняхъ историческаго развитія продуктомъ бессознательной и коллективной работы надъ такимъ же путемъ сложившимися традиціями, имѣетъ тенденцію подчинять себѣ личность, и чѣмъ личность менѣе развита,—а такова она на раннихъ ступеняхъ общественнаго быта,—тѣмъ легче и подчиняется она этой средѣ, т.-е. тѣмъ большее господство получаетъ послѣдняя въ жизни всего народа, и тѣмъ труднѣе дѣлается для него выйти изъ заколдованнаго круга традиціонныхъ понятій и порядковъ. На Востокѣ такъ и случилось: пока складывалась культурно-соціальная среда того или другого народа, мы еще наблюдаемъ историческое движеніе, но въ виду только-что отмѣченной слабости личнаго элемента въ начальныхъ періодахъ исторіи, эта культурно-соціальная среда сама рано или поздно начинала принимать характеръ, враждебный развитію личнаго начала. Какъ необходимый въ обществѣ элементъ власти, развѣсившій на счетъ другихъ силъ общества, крайне слабыхъ въ началѣ исторіи, даль восточнымъ государствамъ деспотическій строй, какъ, съ другой стороны, не менѣе неизбежное расчлененіе народа на классы, принявъ уродливое направленіе, сдѣлалось одною изъ причинъ внутренняго безсилія общества,—совершенно такъ же и соціально-культурная среда получила въ этихъ государствахъ одностороннее развитіе именно въ силу слабости личнаго элемента на первыхъ ступеняхъ исторіи, подавивъ личность и подчинивъ ее всему, имѣвшему происхожденіе въ бессознательной, коллективной, традиціонной сторонѣ исторіи.

Рядомъ съ политическимъ и соціальнымъ угнетеніемъ, тяготѣвшимъ надъ населеніемъ восточныхъ деспотій, слѣдуетъ поставить и чисто жреческій характеръ всѣхъ главныхъ проявленій духовной культуры на древнемъ Востокѣ. Если принять формулу умственнаго развитія человѣчества, предложенную Контомъ въ качествѣ основнаго закона исторіи, то придется сказать, что развитіе восточныхъ народовъ не перешагнуло за предѣлы теологическаго фазиса. Главнымъ результатомъ всей дѣятельности этихъ народовъ въ области духовной культуры было созданіе великихъ религіозныхъ системъ, налагавшихъ печать на всю жизнь общества и подчинявшихъ ее извѣстному общему укладу, какъ данному ей свыше и потому неприкосновенному для человѣческаго произвола. Браманизмъ въ Индіи освящалъ дѣленіе общества на касты; пранскій маздеизмъ опутывалъ личную жизнь цѣлою сѣтью мертваго формализма и подчинялъ ее рабскому игу неподвижнаго закона; у египтянъ, которые, по сло-

вамъ Геродота, были религіознѣе всѣхъ людей, религія также играла первенствующую роль во всѣхъ подробностяхъ частной и общественной жизни; религіозный строй жизни Израиля равнымъ образомъ можетъ служить примѣромъ этой особенности восточныхъ цивилизацій.

Вотъ почему въ исторіи человѣчества древній Востокъ прежде всего представляется намъ какъ родина всѣхъ великихъ религіозныхъ системъ, нѣкоторыя изъ которыхъ вышли далеко за предѣлы породившихъ ихъ національностей и распространились широко среди другихъ народовъ. Мы еще остановимся на такъ называемомъ религіозномъ синкретизмѣ, характеризующемъ времена Римской имперіи, когда восточные вѣрованія и культы стали распространяться и среди населеній европейскихъ провинцій этой міровой державы. Здѣсь пока нужно отмѣтить, что всѣ три великія міровыя религіи, т.-е. такія религіи, которыя переросли рамки первоначально чисто національнаго значенія, вышли изъ отдѣльныхъ странъ Востока. Первою по времени міровой религіей явился буддизмъ, возникновеніе котораго относится къ VI в. до Р. X. Онъ былъ результатомъ долговременнаго процесса религіозной эволюціи, совершавшейся въ Индіи, но въ то время, какъ болѣе раннія формы индійской религіи—поэтичeskій ведизмъ и философскій браманизмъ—имѣли чисто національный характеръ, буддизмъ, который, въ концѣ концовъ, въ самой Индіи даже не удержался, приобрѣлъ многочисленныхъ послѣдователей на обширной территоріи отъ Цейлона и Сіама до сопредѣльныхъ странъ Сибири и Монголіи и отъ береговъ нижней Волги до Японіи. Точной статистики послѣдователей буддизма не существуетъ, но ихъ теперь, во всякомъ случаѣ, многіе десятки, если не сотни милліоновъ.

Востокъ является колыбелью и второй, по времени, но самой важной по своему историческому значенію міровой религіи—христіанства. Религіозная исторія Израиля имѣетъ сама по себѣ глубокій интересъ, но еврейскій культъ Іеговы отличался, какъ извѣстно, чисто національнымъ характеромъ. Выросшее на почвѣ юдаизма христіанство съ самаго же начала приняло характеръ религіи универсальной, и распространеніе его на обширной территоріи Римской имперіи имѣетъ значеніе одного изъ величайшихъ фактовъ всемірной исторіи.

Наконецъ, на Востокѣ же—только уже въ началѣ среднихъ вѣковъ—явилась и третья міровая религія, насчитывающая въ настоящее время многіе милліоны послѣдователей, магометанство.

Было бы, однако, односторонне видѣть въ культурномъ вліяніи Востока на всемірную исторію только одну религіозную сторону. Для главнаго историческаго міра Востокъ былъ родиной весьма многихъ научныхъ и техническихъ знаній, плодами которыхъ мы пользуемся до сихъ поръ. Если на греческую цивилизацію мы должны

смотрѣть какъ на главный источникъ всего дальнѣйшаго культурнаго прогресса Европы, стоящей теперь во главѣ всего міра, то сами греки обязаны были начатками своихъ теоретическихъ и практическихъ знаній заимствованиямъ у восточныхъ народовъ. Этотъ общій фактъ заслуживаетъ быть особенно отмѣченнымъ.

Заселяя постепенно острова и западный берегъ Малой Азіи, греческіе выходцы приходили здѣсь въ соприкосновеніе съ народами, стоявшими уже сравнительно съ ними на высшемъ уровнѣ культуры: у этихъ народовъ они и заимствовали начатки своей образованности. Въ Малой Азіи и на островѣ Кипрѣ, когда сюда пришли греки, уже существовала довольно высокая культура, находившаяся подъ сильнымъ вліяніемъ Вавилона и Египта. На материкѣ она распространялась посредствомъ сухопутной торговли, на Кипрѣ и островахъ Эгейскаго моря—мореплавателями-финикійцами (на Кипрѣ имѣвшими къ тому же и свои колоніи). Въ этой второй своей родинѣ греки познакомились со всѣмъ тѣмъ, что только было выработано важнаго Востокомъ въ культурномъ отношеніи. Болѣе непосредственное, а потому особенно широкое и сильное вліяніе должны были оказывать на грековъ, конечно, ихъ ближайшіе малоазіатскіе сосѣди, у которыхъ они заимствовали очень многое въ своей матеріальной культурѣ—въ жилищѣ, домашней утвари, одеждѣ, вооруженіи и т. п. Сначала греки пользовались продуктами иноземной промышленности (ткани, сосуды, оружіе и т. п.), но потомъ стали изготовлять разныя вещи сами, хотя первоначально лишь по иностраннымъ образцамъ и только позднѣе выработали самостоятельную технику. Съ Востока черезъ Лидію пришла къ грекамъ чеканка монеты, да и торговая мѣры грековъ были также восточнаго (вавилонскаго) происхожденія. Греческій алфавитъ, какъ извѣстно, есть не что иное, какъ измѣненный алфавитъ сирійскихъ семитовъ, перешедшій къ эллинамъ или черезъ Малую Азію, или при посредствѣ финикійцевъ. Греки только придали нѣкоторымъ знакамъ значеніе гласныхъ (которыхъ не было у семитовъ) и прибавили еще нѣсколько буквъ, но названіе буквъ (альфа, бета, гамма, дельта и т. д.) и ихъ порядокъ сохранились тѣ же, что и въ финикійской азбукѣ. Наконецъ, храмы и статуи боговъ въ Греціи равнымъ образомъ носили въ себѣ первоначально слѣды вліянія восточныхъ религіозныхъ вѣрованій и искусства.

Конечно, въ смыслѣ вліянія на послѣдующую исторію отдѣльные народы Востока играли далеко не одинаковую роль. Политическое значеніе индійцевъ и евреевъ со всемірно-исторической точки зрѣнія можно назвать ничтожнымъ, но оба эти народа оказали громадное вліяніе на религіозную жизнь человѣчества. Наоборотъ, персы очень мало сдѣлали для духовной культуры, но зато ихъ значеніе въ

политической исторіи древности было громаднымъ. Въ распространеніи культуры особую роль сыграли финикійцы, хотя сами, повидному, очень мало внесли оригинальнаго въ общую сокровищницу цивилизаціи. Какъ, однако, многосторонни могли быть вліянія отдѣльныхъ странъ на другія, объ этомъ, напр., можетъ свидѣтельствовать то значеніе, какое по праву принадлежитъ во всемірной исторіи древнѣйшей культурной странѣ—Египту.

Египтяне, какъ извѣстно, создали самую раннюю письменность, перешедши постепенно отъ идеографическаго письма (изображенія предметовъ) къ буквенному, причемъ ихъ азбука легла въ основу финикійскаго алфавита, изъ котораго образовались впоследствии алфавиты греческій и латинскій. Въ Египтѣ же получили начало медицина съ анатоміей (балъзамированіе труповъ), геометрія (землемѣріе), механика и архитектура (постройка пирамидъ), астрономія (опредѣленіе времени разлитія Нила по годичнымъ перемѣнамъ звѣзднаго неба) и т. п., хотя теоретическія части этихъ наукъ часто состояли изъ чисто магическихъ и міѳологическихъ представленій. Особаго совершенства достигли египтяне въ ремеслахъ и всякаго рода техникахъ. До сихъ поръ еще поражаютъ насъ громадныя сооруженія древнихъ египтянъ, въ родѣ пирамидъ, которыя до новѣйшихъ европейскихъ сооруженій оставались высочайшими на землѣ человѣческими постройками. Гидравлическія работы, произведенныя египтянами, также указываютъ на высокое развитіе ихъ техническихъ знаній. Въ скульптурѣ, живописи и поэзіи они равнымъ образомъ сдѣлали большіе успѣхи. Но особенно важно то, что Египетъ рано началъ и постоянно продолжалъ оказывать вліяніе на другіе народы древности, чему способствовали, кромѣ торговыхъ сношеній, походы фараоновъ въ Азію и завоеванія, которымъ подвергался самъ Египетъ, сдѣлавшійся въ 525 г. до Р. X. провинціей Персидской монархіи, потомъ вошедшій въ составъ монархіи Александра Македонскаго и три вѣка затѣмъ находившійся подъ властью грековъ, пока (въ 30 г. до Р. X.) не превратился въ провинцію Римской имперіи. Въ эпоху греческаго и римскаго владычества онъ былъ страной, гдѣ отъ столкновенія идей Запада и Востока возникали новыя культурныя формы. Если въ первыя времена своего существованія Египетъ научилъ другіе народы азбукѣ и элементамъ разныхъ практическихъ искусствъ, то въ греко-римскую эпоху его жреческая религія оказала нѣкоторое вліяніе на духовную жизнь тогдашняго историческаго міра. Культъ египетскихъ боговъ довольно рано (еще до завоеванія Египта) сталъ проникать въ Римъ и все болѣе и болѣе распространяться въ разныхъ частяхъ имперіи. Въ египетской Александріи, гдѣ одно время процвѣтали греческія науки и искусства (при Птоломеяхъ), въ пер-

вья столѣтія нашей эры возникла особая религіозная философія (неоплатонизмъ), въ которой греческая мысль подчинилась сильному восточному вліянію. Изъ Египта же въ христіанскую эпоху вышли аскетизмъ и многочисленныя ереси, которые отражаютъ на собѣ несомнѣнное вліяніе древне-египетскихъ моральныхъ и религіозныхъ представленій. Даже въ отношеніи политическомъ его исторія не прошла безслѣдно: именно онъ былъ родиной бюрократической системы управления, традиціи которой съ успѣхомъ продолжала послѣ Александра Македонскаго греческая династія Птолемеевъ, а затѣмъ— императорскій Римъ и Византія. Равнымъ образомъ и въ исторіи первоначальнаго христіанства Египетъ игралъ весьма значительную роль, ибо Александрія была однимъ изъ наиболѣе важныхъ центровъ новой религіи; александрійскій патріархъ очень долго первенствовалъ на Востокѣ. Сначала греческая цивилизація, а потомъ христіанство мало-по-малу стерли слѣды самобытной египетской культуры, хотя, быть-можетъ, сила монофизитской ереси все еще доказывала нѣкоторую живучесть древнихъ идейныхъ традицій этой страны и въ болѣе позднія эпохи.

Очеркъ третій.

Греко-римскій міръ. 12. / *а*

Важность знакомства съ исторіей классическаго міра.—Географическія условія греко-римской исторіи.—Сравнительная характеристика грековъ и римлянъ.—Различіе греческаго и римскаго наслѣдства.—Различіе въ политической исторіи Греціи и Рима.—Превосходство греко-римской цивилизаціи надъ восточной.—Начало политической свободы и свѣтской культуры въ античномъ мірѣ.—Вопросъ о различномъ пониманіи и осуществленіи принципа свободы въ античномъ и новомъ мірѣ.—Вопросъ о рабствѣ въ античномъ мірѣ.—Греко-римское объединеніе культурнаго міра.—Романизація варваровъ.—Натискъ варваровъ на Римскію имперію.—Постепенный упадокъ имперіи.—Прогрессъ въ античномъ мірѣ.

«Въ Греціи мы впервые чувствуемъ себя дома». Эти слова принадлежатъ Гегелю и были написаны имъ въ его знаменитой «Философіи исторіи». Въ Греціи мы, дѣйствительно, чувствуемъ себя дома: это значитъ, что исторія древней Эллады уже близка намъ, болѣе близка, чѣмъ исторія Востока. Въ самомъ дѣлѣ, европейская исторія начинается въ Греціи, откуда цивилизація перешла въ Римъ и черезъ него—вмѣстѣ со «вторымъ Римомъ», т. е. Византіей—къ новымъ европейскимъ народамъ. Греція—первая страна духовной и общественной свободы, не существовавшей въ государствахъ Востока. Греческая цивилизація, порожденная этимъ новымъ духомъ, чуждымъ болѣе раннимъ культурнымъ народамъ, съ полнымъ правомъ можетъ быть названа главнымъ источникомъ европейской цивилизаціи. Другимъ такимъ же, какъ греки, народомъ, оказавшимъ громадное вліяніе на всю исторію передовой части челоѣчества, были римляне, и въ римской исторіи мы равнымъ образомъ «чувствуемъ себя дома». Начавъ европейскую исторію, классическій міръ и послѣ своей гибели, какъ извѣстно, продолжалъ оказывать могущественное вліяніе на но-

вые народы: вся культурная жизнь Европы обновилась въ такъ называемую эпоху «возрожденія» (съ XIV в.), когда философія, наука, литература и искусство античныхъ народовъ стали снова изучаться и оказывать непосредственное дѣйствіе на умственную жизнь новыхъ европейскихъ націй.

До расцвѣта новѣйшей исторической литературы, совершившагося въ XIX в., общее историческое образованіе питалось почти исключительно классическимъ матеріаломъ. Если бы лѣтъ полтора-стому назадъ пришлось отвѣчать на вопросъ, какого рода историческія книги предпочтительнѣе всего читать въ цѣляхъ гуманитарнаго и гражданскаго образованія, пришлось бы, за немногими исключеніями, указывать лишь на сочиненія древнихъ историковъ. Дѣло въ томъ, что тогда почти и не было другого матеріала для историческаго чтенія: средневѣковая исторія стала обрабатываться только въ первой половинѣ XIX в., да и новая также, и потому кругъ историческаго чтенія долженъ былъ ограничиваться однимъ классическимъ міромъ. Хотя въ настоящее время область общаго историческаго образованія страшно расширилась, тѣмъ не менѣе знакомство съ классическимъ міромъ должно играть весьма важную роль въ этомъ образованіи—и прежде всего съ всемирно-исторической точки зрѣнія. Становясь на эту точку зрѣнія, мы, конечно, не станемъ разсматривать классическую древность, какъ нѣчто исключительное и безпримѣрное. Это бывало раньше, но теперь едва-ли кто-либо станетъ утверждать, будто классическій міръ представляетъ собою нѣчто совершенно особенное въ исторіи человѣчества, дающее намъ право и даже насъ обязывающее выдѣлять его изъ остальной исторіи и ставить особнякомъ и, такъ сказать, «въ конкурсъ». Впрочемъ, еще очень недавно приходилось вооружаться противъ такого взгляда, и не только у насъ, охотно повторяющихся зады европейской науки, но даже и тамъ, гдѣ вообще нужно было бы предполагать болѣе здравыя сужденія о научныхъ предметахъ. Напр., въ 1873 г. извѣстный англійскій историкъ Эдуардъ Фриманъ прочиталъ въ Кембриджскомъ университетѣ лекцію подъ заглавіемъ «Единство исторіи», въ которой сильно вооружился противъ выдѣленія классическихъ народовъ въ какой-то особый, замкнутый въ себѣ самый историческій міръ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что эта лекція тотчасъ же была переведена у насъ въ журналъ «Знаніе» *). Еще очень недавно и русскій ученый, проф. Р. Ю. Випперъ, нашелъ небезполезнымъ въ особой статьѣ **) подвергнуть

*) См. другой ея переводъ въ приложеніи къ «Сравнительной политикѣ» (Сиб 1880 г.).

**) «Школьное преподаваніе исторіи и новая историческая наука» въ «Вѣстникѣ Воспитанія» за 1898 г.

критикѣ мнѣніе многихъ педагоговъ о привилегированномъ положеніи классическаго міра. И эта статья направлена противъ педагогическаго предразсудка, будто въ древней исторіи «все особенно цѣнно, все превосходно и все отмѣчено печатью великаго духа». Дѣйствительно, въ матеріалѣ и построеніяхъ древней исторіи весьма еще недавно многіе продолжали видѣть иѣчто, можно было бы сказать, магическое по своему педагогическому воздѣйствію и въ нравственномъ, и въ умственномъ отношеніи. Чуть ли не до вчерашняго дня античный человѣкъ многими считался по преимуществу «цѣльнымъ человѣкомъ, не раздѣлаемымъ рефлексіей, уравнивающимъ, безъ внутреннихъ противорѣчій, со спокойнымъ душевнымъ міромъ, гармоніей духа и тѣла и т. п.», и въ древнемъ мірѣ предполагалась всюду какая-то «правильность, логичность, какъ бы живой разумокъ въ событіяхъ». Научная, всемірно-историческая точка зрѣнія требуетъ, чтобы и классическій міръ разсматривался въ связи съ древнимъ Востокомъ, съ которымъ онъ былъ связанъ и культурно, и политически, и чтобы, разсматривая его въ немъ самомъ, мы откосились къ нему совершенно такъ же, какъ относимся къ другимъ отдѣламъ исторіи безъ идеализаціи античнаго человѣка и всего быта классическихъ народовъ и безъ предвзятой мысли, будто общіе законы культурнаго и политическаго развитія выразились въ наибольшей чистотѣ и съ наибольшею ясностью именно въ исторіи только этихъ народовъ. Съ другой стороны, знакомясь съ исторіей античнаго міра, не слѣдуетъ никогда упускать изъ виду и того наслѣдія, которое онъ оставилъ средневѣковой Европѣ, и того вліянія, которое онъ, скажемъ такъ, и изъ-за гроба продолжалъ оказывать на ту же Европу въ новое время. Въ этомъ и заключается правильное отношеніе къ античному міру съ всемірно-исторической точки зрѣнія: нужно именно включать его въ общій процессъ исторіи, какъ совершенно равноправнаго звена на ряду съ древнимъ Востокомъ и средневѣковою и новою Европою и постоянно при этомъ помнить о томъ, что въ однихъ отношеніяхъ классическіе народы лишь продолжали дѣло, начатое народами древняго Востока, какъ, въ свою очередь, средневѣковая и новая Европа лишь продолжала работу самого античнаго міра, тогда какъ въ другихъ отношеніяхъ въ исторіи Греціи и Рима мы имѣемъ частные примѣры полнаго цикла историческаго существованія двухъ націй отъ первыхъ зачатковъ культурной жизни чрезъ эпоху полнаго процвѣтанія до періода совершеннаго упадка прежней жизнедѣятельности. Мысль о томъ, будто только греки и римляне развивались нормально, уже оставлена: совершенно нормальное историческое развитіе вообще можетъ быть только отвлеченной идеей нашего ума, отнюдь не реальностью, и въ этомъ смыслѣ античное развитіе не было болѣе нормальнымъ, чѣмъ всякое другое. Каждый

народъ по-своему проходитъ фазисы культурно-соціальной эволюціи, и ни одно развитіе въ этомъ отношеніи не можетъ быть названо болѣе нормальнымъ, нежели всѣ остальные. Греки и римляне развивались въ особыхъ условіяхъ сравнительно и съ древнимъ Востокомъ, и съ народами теперешней Европы, и этими условіями опредѣляется своеобразность ихъ развитія, но опытный взглядъ историка, вооруженнаго всеми приобрѣтеніями современной науки, обнаружитъ и подъ своеобразностью античнаго развитія многія общія черты всякаго историческаго развитія въ смыслѣ постепеннаго перехода съ однихъ ступеней цивилизаціи на другія. Народы античнаго міра въ своей культурно-соціальной эволюціи повторили многое изъ того, что уже было пережито народами древняго Востока, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, греки и римляне пошли и далѣе, выработавъ у себя свободныя формы государственной жизни и свѣтскую науку. Въ свою очередь, и Европа въ средніе вѣка и въ новое время повторила въ своемъ развитіи то, что уже существовало—въ иныхъ только формахъ—въ исторіи античнаго міра, но, равнымъ образомъ, и она превзошла болѣе раннее развитіе, во многихъ отношеніяхъ сдѣлавъ такіе шаги впередъ, которые, если можно такъ выразиться, оказались не подъ силу грекамъ и римлянамъ. Въ этомъ и заключается всемірно-историческій прогрессъ культуры—въ постепенномъ опереживаніи послѣдующими великими эпохами эпохъ предыдущихъ.

Окончательнымъ результатомъ греко-римской исторіи было культурное и политическое объединеніе юго-западной Европы, сѣверной Африки и западной окраины Азіи въ единой обширной, поистинѣ міровой державѣ. Это была громадная территорія, окружавшая Средиземное море, приблизительно между 10° и 60° восточной долготы и между 30° и 50° сѣверной широты: внѣ этихъ предѣловъ были сравнительно незначительные отрѣзки самыхъ отдаленныхъ отъ центра провинцій. Въ центрѣ этой территоріи, въ средней части Средиземнаго моря, лежали два полуострова, находившіеся во главѣ и впереди всей остальной массы земель: въ Италіи Римъ былъ въ такомъ же разстояніи отъ западной границы имперіи, въ какомъ самый замѣчательный городъ Греціи—Афины—находился отъ границы восточной; по отношенію къ широтѣ оба эти города были одинаково отдалены отъ сѣверной и южной границъ имперіи. Линія между восточной и западной частями имперіи, шедшая по 37° в. долготы, дѣлила эту имперію на двѣ равныя половины: восточная, въ которой господствовалъ элементъ греческій, состояла изъ такихъ странъ, цивилизація которыхъ имѣла болѣе древность, нежели греческая, потому что здѣсь находились Египетъ, Палестина, Финикія и страны другихъ народовъ юго-западной Азіи, и греческая культура стала здѣсь рас-

пространяться со времени образованія обширной монархіи Александра Македонскаго. Западная часть Средиземнаго моря была, наоборотъ, окружена странами, изъ которыхъ только одна карфагенская область могла поспорить съ Римомъ по древности своей культуры: всѣ остальные начали жить историческою жизнью лишь послѣ того, какъ подчинились римскому вліянію. Центральное положеніе Греціи и Италіи на Средиземномъ морѣ имѣло весьма важное значеніе въ судьбахъ паселявшихъ ихъ народовъ, а указанное раздѣленіе бассейна Средиземнаго моря было одною изъ причинъ того, что греки ранѣе римлянъ выступили на поприще исторіи: во-первыхъ, Греція находилась въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ образованнымъ Востокомъ; во-вторыхъ, сношеніямъ съ Востокомъ содѣйствовало здѣсь то обстоятельство, что именно восточный берегъ греческаго полуострова представляетъ изъ себя самую развитую береговую линію со множествомъ заливовъ и удобныхъ гаваней, а далѣе на востокъ отъ этого берега разбросаны по морю острова, сближающіе его съ берегами Азіи. Эта же восточная часть полуострова и въ другихъ отношеніяхъ представляла изъ себя наиболѣе выгодныя условія для ранняго расцвѣта культурной жизни. Совсѣмъ другое мы видимъ въ Италіи, въ которой какъ-разъ западный берегъ, обращенный къ малокультурнымъ странамъ, былъ гораздо развитѣе восточнаго, совершенно почти лишеннаго удобныхъ гаваней. По малому количеству окружающихъ острововъ, Апеннинскій полуостровъ также не можетъ идти въ сравненіе съ Элладой. Поэтому, Италія не могла войти такъ скоро въ сообщеніе съ Востокомъ, бывшимъ у грековъ, такъ сказать, подъ рукою. Въ самомъ дѣлѣ, съ Малейскаго мыса на югѣ Пелопоннеса видны вершины острова Крита, съ Крита—горы Родоса, съ Родоса—берегъ Малой Азіи; два дня пути отдѣляютъ Критъ отъ Кирены въ Африкѣ, и однимъ только лишнимъ днемъ измѣняется разстояніе до Египта: въ Эгейскомъ морѣ острова лежатъ, какъ камни, по которымъ можно перейти черезъ рѣку въ мелкомъ мѣстѣ. Море, доступное для мирныхъ путешественниковъ и неудобное для передвиженія громадныхъ армій, защищало Грецію и Италію со стороны береговъ, и классическимъ народамъ нечего было вѣчно бояться вторженія съ этой стороны какихъ-либо варварскихъ ордъ, игравшихъ такую крупную роль въ исторіи Востока. Грекамъ и римлянамъ поэтому незначѣмъ было строить такія крѣпости на границахъ, къ какимъ прибѣгали египтяне: тамъ, гдѣ не защищало море, защищали горы—именно на сѣверѣ обоихъ полуострововъ. Безъ этихъ естественныхъ огражденій немислимо было бы существованіе множества мелкихъ, самостоятельныхъ и разьединенныхъ между собою государствъ Греціи и столь быстрое развитіе ихъ культуры.

Устройство поверхности обоихъ полуострововъ, особенно гре-

ческаго, было столь же благоприятно для культурной жизни. На небольшомъ пространствѣ какихъ-нибудь полторы тысячи квадратныхъ миль Греція представляетъ изъ себя страшное разнообразіе. На сѣверѣ отъ Эгейскаго моря климатъ напоминаетъ Среднюю Германію, въ Фессалии уже вѣчно зеленыя деревья, градусомъ еще южнѣе произрастаютъ оливковыя деревья, на островѣ Евбеѣ и въ Атикѣ понадаются даже пальма, и т. д. Во всѣхъ направленіяхъ Грецію пересекаютъ горы, которыя разнообразятъ мѣстность и дѣлятъ полуостровъ на несхожіе между собой кантоны: въ Атикѣ почва была плохого качества, въ сосѣдней Беотіи, наоборотъ, весьма плодородная; въ то время какъ въ приморскихъ частяхъ восточной части полуострова была развита цивилизація, на западѣ, напр., въ Этоліи жители еще во времена римскаго завоеванія находились въ варварскомъ состояніи. Въ Италиі разнообразіе было меньшее, но и здѣсь, напр., хорошимъ пашнямъ западной части можно противополжить богатыя пастбища восточной. За то въ Италиі и легче было образованіе одного государства при отсутствіи той замкнутости отдѣльныхъ областей и различія въ племенномъ характерѣ ихъ жителей, которыя характеризуютъ древнюю Грецію.

Сами древніе понимали, что климатъ ихъ страны—особый даръ боговъ. «Воздухъ у насъ, говорилъ Эврипидъ, легкій и нѣжный: зимній холодъ совсѣмъ не суровъ, и насъ не ранятъ стрѣлы Феба». Климатъ не заставлялъ грека и римлянина строить себѣ жилища съ толстыми стѣнами, чтобы предохранять себя отъ холода и жара; человѣкъ цѣлый день могъ проводить на воздухѣ, не закупориваясь въ нагрѣтую комнату и не изнемогая отъ палящихъ лучей солнца, подобно жителю Египта, Месопотаміи и Индіи. Мягкая атмосфера дѣлала для него почти излишнюю чрезмѣрную заботу объ одеждѣ и пищѣ, исключала возможность злоупотребленія спиртными напитками, постоянно поддерживала въ немъ бодрость духа и тѣла, жажду кипучей дѣятельности и удовольствій. Съ другой стороны, общій видъ страны, вся природа не представляли изъ себя ничего ужасающаго воображеніе младенческаго ума. Здѣсь нѣтъ ни особенно высокихъ горъ, ни страшно большихъ рѣкъ, ни дремучихъ лѣсовъ, ни безбрежныхъ равнинъ и степей, и самое море, заключенное въ извилистыхъ берегахъ и усѣянное островами, напоминаетъ скорѣе смѣющееся озеро, чѣмъ грозный океанъ. Нѣтъ здѣсь также животныхъ и растительныхъ чудовищъ тропической природы. Воздухъ несомненно прозраченъ, и пейзажъ способенъ только воспитывать эстетическое чувство, которое было такъ тонко развито въ древнемъ грекѣ. Все это имѣло необыкновенное вліяніе на міросозерцаніе, на весь складъ ума древняго грека: окружающая природа, весь внѣшній міръ не по-

давлили, не удручали его. Ему было чуждо чувство чего-то грандіознаго, которое характеризуетъ всё религіи Востока, и въ равновѣсіи своихъ духовныхъ способностей онъ не знаетъ ни религіознаго ужаса, ни необходимости снискивать себѣ милость грознаго Божества мистическимъ самосозерцаніемъ и аскетическимъ умерщвленіемъ своей плоти. Греки были одного происхожденія съ древними индійцами, а между тѣмъ какая громадная разнища замѣчается между ними подъ влияніемъ природы заселенныхъ ими странъ! Индійская литература есть по преимуществу литература болѣзненнаго воображенія, направленаго на все ужасное, грандіозное, подавляющее умъ: индеецъ громоздитъ чудеса на чудеса, и герои его сказаній живутъ по сотнямъ тысячъ и миллионамъ лѣтъ. Грозная природа Индіи съ ея горами, достигающими до небесъ, съ ея могучими рѣками, съ непроходимыми лѣсами, населенными страшными и опасными звѣрями, съ приводящими въ трепеть грозами и бурями, ураганами и землетрясеніями, постоянно подавляла умъ поселившагося въ Индіи человѣка, и онъ дѣлался какъ бы неспособнымъ видѣть въ грозныхъ силахъ природы естественныя явленія, которыя можно изучать и которыми до извѣстной степени можно управлять. Поразительнѣе всего сказалось это влияніе природы на индійской міѳологіи, бывшей первоначально одного происхожденія съ греческой. Индеецъ соединялъ всегда въ своемъ воображеніи самыя страшныя образы съ наиболѣе уважаемыми богами: его боги—какія-то чудовища, то оюясанныя змѣями, то украшенныя ожерельями изъ человѣческихъ костей; у боговъ этихъ по нѣскольку головъ, по три глаза, по четыре и болѣе рукъ; ихъ атрибуты—орудія смерти и черта замученныхъ жертвъ, тогда какъ, наоборотъ, грекъ воспроизводилъ въ своихъ богахъ идеальную человѣческую красоту. Въ греческой міѳологіи боги дѣйствуютъ какъ обыкновенные люди съ человѣческими страстями и склонностями, индійская же міѳологія полна разказовъ о самыхъ необыкновенныхъ подвигахъ боговъ, превышающихъ силы самаго необыкновеннаго человѣка.

Оба передовые народа античнаго міра—греки и римляне—принадлежали къ одной и той же арійской расѣ, которая съ выступленіемъ мидянъ и персовъ становится во главѣ всемірной исторіи послѣ времени историческаго господства семитовъ. Многое обличаетъ особое родство населенія обоихъ южныхъ полуострововъ, сдѣлавшихся главными центрами исторической жизни въ послѣднія столѣтія передъ Р. Х., по роль обоихъ народовъ во всемірной исторіи была не совѣмъ одинаковая, какъ-будто природа неодинаково ихъ одарила и предназначила имъ выполненіе разныхъ задачъ въ исторіи человѣчества.

Есть небольшое произведеніе Майкова, подъ названіемъ «Іафетъ». Въ немъ библейскій патріархъ, благословляя своихъ внуковъ, отъ

которыхъ должны произойти европейскіе народы, изрекаетъ такое пророчество двумъ братьямъ, ставшимъ родоначальниками грековъ и римлянъ.

«Ты,—говоритъ снѣ будущему прародителю грековъ,—

Ты, черпокудрое дитя,
Иди на Западъ! Тамъ, гдѣ море
Покрыто грудой острововъ,
Есть пышный край. Тамъ на просторѣ
Разросся лавръ. Въ груди холмовъ
Таится мраморъ. Мѣткимъ ломомъ
Отъ праха мраморъ оторви
И мысли молніи и громомъ
Ею ты къ жизни призови»...

Другому своему внуку патриархъ уже предрекаетъ нѣчто иное:

«А ты, младенецъ съ строгимъ окомъ
И величавостью чела,
Суровый духомъ передъ рокомъ,—
Тебѣ вѣковъ грядущихъ мгла
Готовитъ власть надъ цѣлымъ міромъ,
И будешь ты племя кумиромъ,
И, какъ рабы, они толпой
Пойдутъ въ оковы за тобой».

Съ этой поэтической характеристикой грековъ и римлянъ мы можемъ сопоставить одно мѣсто изъ «Энеиды», гдѣ проводится подобная же параллель между двумя народами античнаго міра *). «Другіе — говоритъ Virgilій о грекахъ — сумѣютъ, пожалуй, мягче выковать дышанную жизнью мѣдъ, лучше изваять изъ мрамора одушевленные лики, сумѣютъ краснѣе говорить въ судахъ, точнѣе измѣрить пути небесные и предсказать восходъ любого свѣтила: ты, римлянинъ, помышляй о державной власти надъ народами. Твое искусство будетъ въ томъ, чтобы водворять вездѣ законъ міра, щадя по-

*) Excudent alii spirantia mollius aera—

Credo equidem—vivos ducent de marmore vultus,
Orabunt causas melius coelique meatus
Describent radio et surgentia sidera dicent.
Tu regere imperio populos, Romane, memento!
Haec tibi erunt artes: pacisque imponere morem,
Parcere subjectis et debellare superbos.

корныхъ и оружіемъ низлагаая строптивыхъ». Такъ, уже и въ древности понималось различіе между національнымъ гениемъ грековъ и римлянъ: преобладающей чертой первыхъ является творчество въ сферѣ художества и поэзіи, науки и философіи, преобладающею чертою другихъ—творчество въ области практической жизни и государственнаго строительства. Грекъ, такъ сказать, олицетворяетъ собой теоретическій умъ, римлянинъ—практическую волю. Греція выработала искусство и философію, въ которыхъ римляне всегда были учениками старшихъ своихъ братьевъ и никогда не могли достигнуть той высоты, на какой стояли послѣдніе; въ Италіи не было такого великаго скульптора, какъ Фидій; Virgilій ниже Гомера, взятаго имъ за образецъ для подражанія; Плиніи не можетъ идти въ сравненіе съ Аристотелемъ; Платонъ и Демосеенъ оставляютъ позади себя Цицерона. За то въ области права римляне превзошли своихъ учителей по части искусства и философіи, такъ что, по выраженію Цицерона, греческіе законы въ сравненіи съ римскими представлялись чѣмъ-то младенческимъ и смѣшнымъ; искусство сумѣли они направить на служеніе утилитарнымъ цѣлямъ и особенно развили у себя архитектуру, а изъ ученій греческой философіи преимущественно привились у римлянъ тѣ ея направленія, которыя имѣютъ практическое значеніе, т.-е. различныя моральныя системы, въ особенности стоицизмъ и эпикуреизмъ. Однимъ словомъ, грекъ и римлянинъ—это антитезы идеализма и реализма, стремленія къ истинѣ и красотѣ и стремленія къ пользѣ и пригодности, теоретической мысли и практической дѣятельности, вдохновенія и рассудочности, поэзіи и прозы, религіи, какъ міросозерцанія, и религіи, какъ государственнаго установленія.

Интересно также посмотрѣть, въ чемъ каждый изъ обоихъ народовъ видѣлъ свое преимущество передъ другими, съ чѣмъ отождествлялъ главный признакъ своей національности. Грекъ именно полагалъ свою сущность въ образованности: слова «эллинъ» и «образованный» сдѣлались мало-по-малу почти синонимами, и тотъ, кто не имѣлъ этого образованія, былъ варваръ,—имя, которое греки давали всѣмъ остальнымъ народамъ. Римлянинъ, напротивъ, былъ гордъ своимъ гражданствомъ, онъ былъ гражданинъ, только одинъ пользовался правами, изъ обладанія которыми были исключены всѣ остальные народы: того, кого греки звали варваромъ, т.-е. челоукомъ, не имѣющимъ эллинскаго образованія, въ Римѣ называли перегриномъ, и перегрины отличались отъ римлянъ именно тѣмъ, что на нихъ не распространялось ихъ гражданское право. Отношеніе между эллиномъ и варваромъ такимъ образомъ—то же, что между гражданиномъ и перегриномъ, только въ основѣ различія лежали разные принципы.

Вошедши въ дѣятельныя сношенія съ иноплемениками, греки и

римляне заимствовали отъ нихъ различныя вещи, каждый сообразно со свойствами своей духовной природы. Объединяющая мысль первыхъ въ позднѣйшую эпоху создала въ Александріи изъ смѣшенія философскихъ системъ Греціи съ теологическими воззрѣніями Востока особую философскую систему (неоплатонизмъ), которая какъ бы должна была дать общее міросозерцаніе всѣмъ народамъ, входившимъ въ кругъ эллинскаго вліянія. Съ своей стороны, римляне изъ знакомства съ обычаями покоренныхъ ими народовъ создали такъ называемое общенародное право (*jus gentium*), которое должно было объединить въ юридическомъ отношеніи всѣ народы, вошедшіе въ составъ Римской имперіи. Греціи не удалось, подобно Риму, подчинить себѣ политически другія земли, и эллинизация Востока совершалась, главнымъ образомъ, въ силу превосходства греческой цивилизациі надъ восточной, тогда какъ Римъ утверждалъ свое господство силою меча и практичностью своихъ законовъ, и романизация Запада была результатомъ политическаго подчиненія Риму и умѣнія римлянъ связывать интересы побѣжденныхъ съ интересами побѣдителей. Слѣдовательно, по отношенію къ другимъ народамъ грекъ былъ наставникъ и просвѣтитель, римлянинъ—господинъ и организаторъ.

Вотъ почему такъ неодинаково и само наслѣдство, оставленное намъ обоими классическими народами: въ искусствѣ, въ поэзіи, въ наукѣ, въ философіи новые народы—ученики грековъ, и Еврона особенно двинулась впередъ въ эпоху Возрожденія, когда люди, изучавшіе классическую древность, замѣтили недостаточность однихъ латинскихъ ея источниковъ и обратились къ греческимъ писателямъ, какъ къ главнымъ носителямъ древней образованности. Наоборотъ, въ политикѣ и въ наукѣ права новые народы—ученики римлянъ, такъ что до сихъ поръ еще однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ юридическаго преподаванія по старой традиціи все еще является римское право. Все остальное въ Римѣ развилось послѣ знакомства съ греками и подъ вліяніемъ этого знакомства, но право тамъ было самобытнымъ, оно зародилось и развилось на національной почвѣ еще до начала греческаго вліянія: когда стало дѣйствовать послѣднее, въ Римѣ уже были положены прочныя основы для дальнѣйшаго правового развитія. Поэтому и въ той объединяющей разныя народы работѣ, которую совершили классическіе народы, роль ихъ была неодинакова: эллинизация Востока, проникновеніе эллинскимъ элементомъ римской культуры, были распространеніемъ образованности, уничтоженіемъ стараго различія между культурнымъ человѣкомъ и варваромъ, тогда какъ романизация Запада и распространеніе римскаго владычества на множество странъ древняго міра вели, въ концѣ концовъ, къ уничтоженію юридическаго различія между отдѣльными націями,

къ превращенію всевозможныхъ перегриновъ въ римскихъ гражданъ, равноправныхъ членовъ одного большого отечества. Характернымъ фактомъ является то, что самый видный дѣятель зарождавшагося христіанства, апостоль Павелъ, родомъ іудей, былъ эллиномъ по своему образованію и римскимъ гражданиномъ по своему общественному положенію.

И на склонѣ дней своихъ, т. е. въ концѣ античнаго міра, греки и римляне остались вѣрны своему характеру, и въ эпоху распространенія христіанства каждый изъ этихъ двухъ народовъ отнесся къ новой религіи по-своему. Сначала христіанство было встрѣчено ими, какъ извѣстно, очень враждебно, и языческое общество вступило съ нимъ въ борьбу, продолжавшуюся болѣе трехъ вѣковъ, но мотивы этой вражды были у грековъ одни, а у римлянъ—другіе. Эллины, гордый своей образованностью, видѣлъ въ новомъ ученіи прежде всего нѣчто опасное именно для этой образованности. Главными защитниками падающаго язычества въ греческой половинѣ имперіи были риторы и философы, и послѣднимъ императоромъ, вступившимъ въ борьбу съ христіанствомъ, былъ Юліанъ, который былъ, прежде всего, философъ, поклонникъ чистаго эллинизма. Причина вражды къ христіанству у римлянина была нѣсколько иная: онъ чуялъ съ этой стороны бѣду для своего государства; онъ видѣлъ въ зарождавшейся церкви опасную въ политическомъ отношеніи организацію; онъ враждебно относился къ ученію, не хотѣвшему признавать его законовъ,—и главными противниками христіанства со стороны римлянъ были императоры и жрецы, ревниво оберегавшіе свою власть и свое вліяніе на общество. Словомъ, тамъ, гдѣ теоретикъ грекъ видѣлъ заблужденіе, практическій римлянинъ усматривалъ политическій вредъ. Когда, далѣе, христіанство мало-по-малу одержало побѣду и сдѣлалось господствующею религіею имперіи, а изъ грековъ и римлянъ вышло великое множество церковныхъ писателей, христіанскихъ философовъ и дѣятелей, какъ ни глубоко былъ переворотъ, заключавшійся въ побѣдѣ христіанства надъ язычествомъ, все-таки старыя особенности характера обоихъ народовъ въ языческую эпоху проявились и въ дѣятельности ихъ потомковъ. Въ восточной половинѣ имперіи, гдѣ господствовала эллинскій элементъ, главнымъ образомъ и происходила теоретическая разработка догматовъ новой религіи, выработка христіанской отвлеченной философіи: отношеніе троичности ипостасей къ единству Божества, отношеніе божескаго существа къ человѣческому или божеской воли къ человѣческой въ Іисусѣ Христѣ и т. д.—таковы были главные вопросы, которые поставилъ себѣ греческій умъ. Изъ-за различнаго пониманія этихъ вопросовъ происходила горячая полемика, возникали разныя ереси аріанъ, монофизитовъ, моноелитовъ и т. д., и всѣ

великіе соборы, рѣшавшіе догматическіе вопросы христіанства, собирались на востокѣ имперіи. Поэтому богословская литература грековъ очень рано приняла обширныя размѣры, и во время спора, приведшаго къ раздѣленію вселенской церкви, западное духовенство упрекало восточное въ томъ, что нигдѣ не было столько ересей, какъ среди грековъ. Такимъ образомъ, и по отношенію къ христіанству греческій умъ остался вѣренъ самому себѣ: это умъ мыслителя, философа, теоретика, который любитъ отвлеченное знаніе ради чистой истины, и которому нравится строить системы ради выработки общихъ взглядовъ и стройнаго міросозерцанія. И римскій геній остался также вѣренъ себѣ: западная половина имперіи мало принимала участія въ теологическихъ спорахъ восточной, но здѣсь зато разрѣшались вопросы болѣе практическіе, вырабатывались церковная мораль и дисциплина, опредѣлялось отношеніе церкви къ государству, а когда явилась потребность кодифицировать церковныя законы, римское же право послужило образцомъ и для этой кодификаціи (*jus canonіcum*). Интересно также и то, что созерцательное монашество появилось впервые на востокѣ имперіи; въ западной же половинѣ его встрѣтили сначала крайне враждебно, и само оно приняло здѣсь болѣе практическій характеръ: монахи, какъ извѣстно, сдѣлались здѣсь пионерами цивилизаціи у германскихъ варваровъ и колонизаторами мало заселенныхъ мѣстностей.

Такъ проходятъ основныя черты характера классическихъ народовъ черезъ всю ихъ исторію. Этими чертами опредѣляется и ихъ всемирно-историческая роль, какъ объединителей древняго міра подъ господствомъ одной образованности и подъ властью одного законодательства, и ихъ роль, какъ наставниковъ новой Европы въ художествѣхъ, наукѣхъ, философій, правѣхъ и политикѣхъ.

Еще одна черта различія между греками и римлянами, это—разный характеръ ихъ государственной жизни.

Греція родилась и умерла раздѣленной: у грековъ не было тѣхъ свойствъ характера, той практичности въ поведеніи, которыя позволили римлянину создать прочное государство и подчинить ему такую массу самыхъ разнородныхъ земель. Греки были въ вѣчной ссорѣ между собою, и даже когда Дарій и Ксерксъ предприняли покореніе ихъ страны, между ними не было единодушія. Ни одному городу Греціи не удалось установить прочно свою гегемонію надъ всею странюю, подобно тому, какъ Римъ достигъ этого надъ италійскими племенами: попытки Спарты, Аѣнды, Фивъ не удаются, и побѣжденные скорѣе готовы были искать помощи у персовъ, чѣмъ согласиться на подчиненіе какому-либо греческому же городу. Грека не хватило такимъ образомъ на созданіе большого государства; величайшіе мыслители Эллады,

Платонъ и Аристотель, низводятъ число гражданъ государства до 5—10 тысячъ свободныхъ людей; болѣе этого, по ихъ мнѣнію, значило бы жить какимъ-то безформеннымъ стадомъ. Грекъ не былъ способенъ, подобно римлянину, подчиняться какому-либо обширному единству, считая своимъ отечествомъ нѣчто большее, чѣмъ родной городъ съ его окрестными деревнями. Честолюбіе грековъ не имѣло столь обширныхъ размѣровъ, какъ римское: они не мечтали о власти надъ міромъ. Въ своихъ отношеніяхъ къ побѣжденнымъ соплеменникамъ и варварамъ греки были исключительнѣе римлянъ; въ варварахъ они видѣли людей низшей породы и не могли допустить равноправности между собою и ими. Сами греки, писавшіе римскую исторію, удивляются въ этомъ отношеніи гражданамъ вѣчнаго города. Похвала Риму изъ устъ Діодора Сицилійскаго, Полибія, Діонисія Галикарнаскаго, Плутарха, похвала побѣжденныхъ побѣдителямъ, есть, въ сущности, признаніе грековъ въ томъ, что римляне были менѣе исключительны, нежели они. Другіе изъ этихъ писателей отмѣтили ту черту характера римлянъ, которая позволяла имъ заимствовать полезныя учрежденія у другихъ народовъ. Поэтому, во взаимодѣйствіи между греками и римлянами вліяніе первыхъ на послѣднихъ было болѣе важнымъ, нежели обратное. Очень вѣрно оцѣнили римскіе писатели историческую роль эллинской расы, говоря, что она цивилизовала народы, смягчая ихъ нравы и дѣлая ихъ человѣчнѣе. Когда римляне завладѣли Греціей, они сами должны были сознаться, что побѣжденные духовно ихъ побѣдили, и выраженіемъ этого могутъ служить извѣстныя слова Горация:

*Graecia capta ferum victorem cepit et artes
Intulit agresti Latio.*

Но, получивъ греческую образованность, Римъ своими завоеваніями распространилъ ее тамъ, гдѣ не было непосредственнаго вліянія грековъ.

Греческая образованность и римская государственность были много выше того, что въ культурномъ и политическомъ отношеніяхъ было достигнуто народами древняго Востока. Начатки своей культуры греки заимствовали съ Востока,—это они сами хорошо сознавали, — но на пути умственнаго развитія они пошли дальше своихъ учителей. Что греки сами не отрицали культурнаго вліянія на нихъ другихъ народовъ, это видно, между прочимъ, изъ греческихъ же преданій о восточныхъ переселенцахъ, которые, пришедши въ Элладу, научили ея жителей разнымъ ремесламъ, искусствамъ, торговлѣ и положили основаніе многимъ ея городамъ. Такимъ цивилизаторомъ Атики былъ египтянинъ Кекропъ; другой египтянинъ, Данаѣ, былъ цивили-

зиторомъ Арголиды; финикіянинъ Кадмъ поселился въ Беотіи и научилъ жителей этой области искусству письма, умѣнію добывать рѣду и т. п. Съ другой стороны, Египетъ считался у грековъ вообще колыбелью науки, и на умѣннѣйшихъ философовъ и законодателей своей націи, на Ликурга и Солона, на Пифагора и Платона, они смотрѣли какъ на послѣдователей египетскихъ ученыхъ. «Если, говоритъ, напр., Страбонъ, эллины выучились геометріи у египтянъ, то астрономія и ариѳметика перешли къ намъ несомнѣнно отъ финикіяны».

Но то, что греки заимствовали у народовъ Египта и Азіи, были именно только зачатки, элементы цивилизаціи; дальнѣйшее же культурное развитіе грековъ было дѣломъ ихъ собственнаго генія. Они сумѣли самобытно переработать все заимствованное и пойти далѣе своихъ учителей, обогнали ихъ и сами сдѣлались ихъ наставниками. Въ то время, какъ Востокъ пересталъ подвигаться впередъ, и его цивилизація пришла въ упадокъ, оставивъ самые ничтожные слѣды, эллинизмъ широко распространился по древнему міру, такъ что ему обязаны и мы своею образованностью. Самое главное было то, что греки внесли въ умственную дѣятельность элементъ чистой любознательности. Настоящая наука — дочь греческаго духа. Купецъ - финикіецъ нуждался въ ариѳметическихъ правилахъ для своихъ торговыхъ счетовъ, землемѣръ и архитекторъ египтянинъ зналъ кое-какіе геометрическіе пріемы, которые ему были нужны для его гигантскихъ сооружений и для опредѣленія границъ своего поля, ежегодно скрывавашагося подъ волнами нильскаго наводненія, но греку было мало такой науки. Платонъ въ своемъ «Государствѣ» отмѣтилъ, какъ основную черту греческаго племени, любопытство и страсть къ знанію. Грекъ съ особымъ упорствомъ доискивался причинъ интересовавшихъ его явленій. Когда Геродотъ спрашивалъ жителей Египта о причинѣ періодическихъ разливовъ Нила, то оказалось, что ни у жрецовъ, ни у свѣтскихъ людей не было никакой гипотезы для объясненія явленія, столь близко касавашагося жителей страны; между тѣмъ греки придумали три объясненія, и Геродотъ, разсматривая ихъ, даетъ четвертое отъ себя. За 600 лѣтъ до Р. Х. Фалесъ Милетскій занимался доказательствомъ теоремы о равенствѣ угловъ равносторонняго треугольника. Когда Пифагоръ доказалъ свою знаменную теорему о квадратѣ гипотенузы, то, по преданію, принесъ богамъ въ жертву сто быковъ. Многія научныя открытія грековъ даже оставались долгое время совсѣмъ безъ всякаго практическаго примѣненія; такъ, напр., ихъ изслѣдованія о свойствахъ копическихъ свѣчей были примѣнены только черезъ семнадцать вѣковъ, когда Кеплеръ искалъ законовъ движенія планетъ. Грекамъ правился самый процессъ мышленія, имъ нравилось самое знаніе. Поэтому ими и были положены основы всѣхъ

почти извѣстныхъ намъ наукъ. Цѣлый рядъ ученыхъ создала Греція въ математикѣ отъ Пифагора до Архимеда, въ астрономіи отъ Θαλεσα и Пифагора до Гиппарха и Птолемея, въ естествознаніи отъ Гиппократѣ до Аристотеля и александрійскихъ анатомовъ, въ исторіи отъ Геродота до Фукидида и Полибія, въ логикѣ, политикѣ, морали, эстетикѣ отъ Платона, Ксенофонта, Аристотеля, до стоиковъ и неоплатониковъ. Греческіе философы идутъ непрерывнымъ рядомъ черезъ цѣлое тысячелѣтіе отъ Θαλεса до Прокла, перепробовавъ чуть не всѣ пути метафизическаго мышленія, и нѣкоторыя геніальныя догадки греческихъ мыслителей нерѣдко находятъ въ современной наукѣ только подтвержденіе.

Греки были первымъ народомъ на земномъ шарѣ, у котораго развилась такая наука, и въ этомъ отношеніи античная цивилизація превосходитъ восточную. То же можно сказать и о римскомъ, государственномъ элементѣ античной цивилизаціи. Римъ осуществилъ всемірную монархію, бывшую цѣлю и политическихъ стремленій восточныхъ завоевателей. Не говоря уже объ обширныхъ завоеваніяхъ Египта при 18, 19 и 20 династіяхъ, мы имѣемъ въ исторіи Востока три страны, которыя прямо стремились къ покоренію міра: тутъ попеременно стояли во главѣ цѣлыхъ царствъ и народовъ сначала Ассирія, потомъ Вавилонія и, наконецъ, Персія, причемъ послѣдняя распространила свои предѣлы отъ 40° до 90° в. д. и отъ 25° до 45° с. ш., включивъ въ свой составъ Египетъ, Сирію съ Фінікіей и Палестиной, Малую Азію и Армению, Ассирію и Вавилонію и обширныя земли между Тигромъ и Индомъ съ запада на востокъ и отъ Каспійскаго и Аральскаго морей до Персидскаго залива съ сѣвера на югъ: цари персидскіе надѣялись, что у Персіи не будетъ другихъ границъ, кромѣ неба. Но монархіи эти были недолговѣчны. Ассирійская имперія продержалась на высотѣ своего могущества лишь около вѣка (722—625); все могущество Вавилона выразилось въ одномъ царствованіи Навуходоносора, не продолжавшемся и полустолѣтія (604 — 561); болѣе долгое существованіе обезпечила судьба за Персіей: могущество ея началось около 560 г. и продержалось до 330 г., но до какой степени было непрочно это могущество, видно изъ того, что Александру Македонскому нужно было лишь выиграть нѣсколько сраженій, чтобы положить конецъ имперіи Кира. Отличительная черта всѣхъ этихъ восточныхъ монархій заключалась въ чисто механическомъ соединеніи разныхъ земель и націй. Величайшимъ организаторомъ Персидской монархіи былъ Дарій Гистаспъ, но онъ не сумѣлъ создать такой системы, которая сліяла бы побѣжденныхъ съ побѣдителями: данная имъ государству организація преслѣдовала одиѣ административныя и финансовыя цѣли. Еще одна черта характеризуетъ большую часть вос-

точныхъ завоевателей: это—именно то, что мы встрѣчаемъ потомъ у Аттилы и Тамерлана,—чисто безцѣльное разореніе и опустошеніе завоеванныхъ странъ. Римъ, какъ ни много было на немъ грѣховъ по отношенію къ побѣжденнымъ, создалъ громадную державу, просуществовавшую цѣлый рядъ вѣковъ. Подъ властью этого поистинѣ «вѣчнаго города» народы низшей культуры романизировались, и всѣ вообще мало-по-малу вошли въ составъ римскаго гражданства. Сила не оставалась силой, но переходила въ право, которое постепенно очищалось отъ грубыхъ элементовъ и переставало быть исключительнымъ, распространяясь постепенно на всѣ народы. Римская имперія была ассоціаціей разныхъ націй, а не безформеннымъ аггломератомъ. У народовъ людей открывались передъ глазами широкіе горизонты, и подъ господствомъ Рима, который изъ города-государя превратился въ простую столицу имперіи,—воспиталось сознаніе братства народовъ и равенства всѣхъ людей. Выходъ изъ національной исключительности, которая характеризуетъ жизнь древняго Востока, совершился только на почвѣ Европы подъ влияніемъ завоеваній Рима, перерожденного греческой дивилизаціей.

13/4. На европейской почвѣ, въ гражданскихъ общинахъ Элады и Италіи выросла и политическая свобода, взглядъ на государство, какъ на общее дѣло всѣхъ гражданъ: таковъ смыслъ латинскаго слова *respublica*. Народы Востока жили въ деспотіи, и въ понятіе, которое составилъ себѣ грекъ о варварахъ, входила не только культурная грубость, но и подчиненіе деспотическому правительству. «У варваровъ, говоритъ Аристотель, нѣтъ никого, кто имѣлъ бы власть по самой природѣ; общество ихъ состоитъ изъ рабынь и рабовъ; поэтому выраженіе поэтовъ: элинамъ прилично властвовать надъ варварами—нужно понимать въ томъ смыслѣ, что варваръ и рабъ по своей природѣ одно и то же». Въ Греціи и въ Римѣ государство устанавливаетъ не единая особа деспота и не божественная воля, какъ въ теократіяхъ, а вся совокупность гражданъ. Подъ влияніемъ политической свободы на почвѣ Элады и Италіи впервые развивается поэтому и гражданское равенство свободныхъ людей. Греція и Римъ не похожи на тѣ теократіи, въ которыхъ господствовало отъ имени божества сословіе жрецовъ: въ позднія эпохи исторіи Греціи и Рима жрецовъ выбираетъ народъ на время, какъ обыкновенныхъ сановниковъ, и исполненіе ими своихъ обязанностей не спимаетъ съ нихъ общихъ обязанностей гражданина; они не только не каста, но и не сословіе. У грека и римлянина при всей ихъ религіозности не было вѣры въ божественное происхожденіе ихъ политическихъ учреждений, которая такъ прочно сохранялась на Востокѣ рядомъ съ деспотизмомъ царей. Государство въ античномъ мѣрѣ—не созданіе боговъ, а дѣло

рукъ человѣческихъ, нѣчто такое, что, слѣдовательно, и передѣлывать можно человѣческими же руками. Религія здѣсь поэтому не играла той роли, какую играла на Востока: она не развивалась въ догматическія системы, подобныя тѣмъ, которыя выработали себѣ народы Азіи. Величайшимъ продуктомъ умственной жизни этихъ народовъ было созданіе, такъ сказать, ученыхъ религіозныхъ системъ, какія мы находимъ у египетскихъ жрецовъ, иранскихъ маговъ, халдеевъ и брамановъ. Вся философія Востока имѣетъ тотъ же характеръ, и только на европейской почвѣ развилась впервые философія свѣтская. За то ни отъ грековъ, ни отъ римлянъ и не сохранилось ни одной книги, которую можно было бы сопоставить съ такими произведеніями религіознаго творчества, каковы Законы Ману у индійцевъ, иранская Зенд-Авеста и еврейская Библія. Классическія религіи были продуктомъ чисто народнаго творчества и подвергались, главнымъ образомъ, только поэтической обработкѣ: испытующая мысль обращалась не къ миѣческимъ вѣрованіямъ, а къ изученію внѣшняго міра и человѣческаго духа. Только въ эпоху паденія классической цивилизаціи въ греко-египетской Александріи, гдѣ столкнулись идеи Востока и идеи Запада, возникла такъ называемая неоплатоническая философія, имѣвшая много общаго съ теософіей азіатскихъ культурныхъ народовъ. Мысль въ античномъ мірѣ впервые освободилась отъ догматизма сакральной традиціи, застывшей въ неизмѣнной формѣ и охватившей собою всѣ подробности политической, соціальной и частной жизни. Если, такимъ образомъ, восточная цивилизація была проникнута во всѣхъ своихъ частностяхъ религіознымъ элементомъ, то цивилизація классическихъ народовъ была, наоборотъ, по преимуществу свѣтскою. Греческая философія не считалась откровеніемъ, даннымъ свыше богами, а приобрѣтеніемъ испытующаго ума человѣка; это была не готовая мудрость, полученная сверхъестественнымъ путемъ, а только исканіе истины, стремленіе къ мудрости, въ чемъ и заключается смыслъ греческаго слова *φιλοσοφία*. Равнымъ образомъ, и римское право не было кодексомъ юридическихъ и моральныхъ предписаній, продиктованныхъ человѣку свыше, подобно еврейскому закону или законодательству Ману въ Индіи: это было право, созданное людьми, т.-е. народомъ и его властями, къ которымъ прибавились потомъ и особые знатоки права, мало-по-малу освоившіеся съ выводами греческой философіи.

Касааясь вопроса о первомъ во всемирной исторіи появленіи гражданской свободы и свободы мысли именно въ античномъ мірѣ, нельзя обойти молчаніемъ довольно распространенную мысль, будто въ одномъ отношеніи между пониманіемъ и осуществленіемъ свободы въ античномъ и новомъ мірѣ существуетъ только полная

противоположность *). Вотъ въ чемъ, собственно говоря, заключается дѣло.

Употребляя въ исторіи слово «свобода», всегда слѣдуетъ различать между понятіями свободы въ смыслѣ участія въ государственныхъ дѣлахъ и свободы въ смыслѣ личной независимости. Между тѣмъ это различіе прочно установилось въ умахъ историковъ и политиковъ довольно поздно. Съ тѣхъ поръ, какъ произошло въ Западной Европѣ такъ называемое возрожденіе наукъ и искусствъ, въ политической жизни грековъ и римлянъ стали видѣть высокіе образцы гражданской доблести и гражданской свободы. Въ особенности сильна была эта идеализація политическихъ формъ древности во Франціи XVIII в., въ эпоху просвѣтительной философіи и великой революціи. Правда, уже въ срединѣ указаннаго столѣтія Монтескье предостерегалъ отъ смѣшенія «власти народа» и «свободы народа», но большинство постоянно смѣшивало оба понятія и единственно въ перенесеніи верховной власти съ королей на народъ видѣло необходимое условіе вообще свободы, какъ-будто все дѣло заключалось въ томъ, въ чьихъ рукахъ находилась власть, а не въ томъ, каковы были ея предѣлы. Особенно рѣзко проводилось отождествленіе свободы съ народовластіемъ, которому притомъ придавалась совершенная неограниченность, въ «Общественномъ Договорѣ» Руссо и въ политической дѣятельности партіи якобинцевъ, игравшихъ очень крупную роль въ исторіи французской революціи. Наоборотъ, въ XIX в. стали особенно подчеркивать разницу между властью народа и свободою народа, выдвинувъ на первый планъ свободу личности, которая можетъ отсутствовать въ государствѣ даже въ томъ случаѣ, когда верховная власть имѣетъ чисто демократическую организацію. вмѣстѣ съ этимъ стали прямо противопоставлять античное пониманіе свободы, какъ широкаго участія во власти, пониманію свободы въ новое время, какъ широкой личной независимости. Вотъ, что, напр., писалъ въ двадцатыхъ годахъ XIX в. теоретикъ тогдашняго французскаго либерализма, Бенжаменъ Констанъ, основная мысль котораго сдѣлалась общимъ мѣстомъ многихъ историческихъ и политическихъ разсужденій всей остальной части XIX в. «Свобода въ античныхъ республикахъ состояла болѣе въ дѣятельномъ участіи въ общемъ властвованіи, нежели въ спокойномъ пользованіи личной независимостью, и даже для обезпеченія этого участія чувство личной независимости въ извѣстной степени приносилось въ жертву. Новыя государства замѣнили непосредственное народовластіе народнымъ представительствомъ, въ силу чего каждый, не пользуясь непосредственно

*) О дальнѣйшемъ подробнѣе въ нашей книгѣ «Государство-городъ античнаго міра».

властью, ею и не наслаждается. Но зато люди новаго времени, чтобы быть счастливыми, не нуждаются ни въ чемъ, кромѣ полной независимости во всемъ, что относится къ сферѣ ихъ дѣятельности, къ ихъ занятіямъ, предпріятіямъ и фантазіямъ». Дѣйствительно, въ томъ отношеніи, что въ античномъ мірѣ участіе народа во власти осуществлялось въ формѣ непосредственнаго народовластія, т.-е. народныхъ собраній, въ которыхъ могли участвовать лично всѣ граждане, а въ новомъ мірѣ—въ формѣ народнаго представительства, т.-е. избранія народомъ своихъ представителей для рѣшенія ими важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ,—въ этомъ именно отношеніи разница между античнымъ и новымъ мірами не подлежитъ сомнѣнію, и объясняется она тѣмъ, что въ эпоху существованія у грековъ и римлянъ свободныхъ политическихъ формъ государство совпадало съ городской общиной, состоявшей изъ сравнительно небольшого числа гражданъ, тогда какъ новые народы большею частью составляютъ территоріальныя государства очень значительныхъ размѣровъ, при которыхъ непосредственное народовластіе совершенно немислимо. Но въ приведенныхъ словахъ французскаго писателя указывается на то, что народовластіе у грековъ и римлянъ покупалось прямо цѣною личной свободы, которая якобы совершенно приносилась въ жертву государству. Особенно распространилось представленіе о безусловномъ полномъ властии античнаго государства, о полномъ поглощеніи государствомъ личности гражданина, благодаря книгѣ французскаго историка Фюстель де Куланжа «Гражданская община античнаго міра», написанной вообще съ точки зрѣнія полного несходства всѣхъ понятій и учреждений у грековъ и римлянъ, съ одной стороны, и новыхъ народовъ, съ другой. Гражданинъ античнаго государства получалъ всѣ свои права отъ этого самаго государства, и внѣ государства онъ былъ ничто. Отсюда, по словамъ историка, то полномъ властіе государства, которое характеризуетъ античный политическій бытъ и такъ рѣзко отличается его отъ новаго европейскаго. Гражданинъ принадлежалъ не себѣ, а общинѣ. Въ Спартѣ только смерть освобождала его отъ военной службы; въ Афинахъ послѣдняя была обязательна до шестидесяти, въ Римѣ—до пятидесяти лѣтъ. Имущество частнаго лица было какъ бы въ полномъ распоряженіи государства: послѣднее могло приказать женщинамъ выдать всѣ свои драгоценности, кредиторамъ — поступиться въ его пользу своими ссудами и т. д. Вступленіе гражданина въ бракъ не ускользало отъ государственнаго вмѣшательства: афинскій законъ не позволялъ человѣку оставаться холостымъ, въ Спартѣ наказывали тѣхъ, которые опаздывали женитьбой. «Римляне, — говоритъ Плутархъ въ біографіи Катона Старшаго,—не думали, чтобы каждому надлежало предоставить на волю жениться, имѣть дѣтей, избирать родъ жизни,

давать праздники, наконецъ, вообще слѣдовать своимъ желаніямъ и вкусамъ, безъ предварительнаго разрѣшенія и надзора». Государство могло предписывать работу въ Аѳинахъ и праздность въ Спартѣ. Древніе уставы Спарты и Рима разрѣшали отцу умерщвлять уродливаго ребенка, и подобный же законъ внесли Платонъ и Аристотель въ свои идеальныя законодательства. Мелочи жизни также регулировались закономъ: въ Локрахъ мужчины не имѣли права пить вино безъ примѣси воды; въ Римѣ, въ Милетѣ, въ Массили (Марсели) это запрещалось женщинамъ; въ Родосѣ и въ Византіи законъ не допускалъ бритья бородъ; законодательство Спарты устанавливало женскій головной уборъ. Послѣ пораженія спартанцевъ при Левктрахъ родители убитыхъ воиновъ должны были, по предписанію начальства, являться въ свѣтъ съ веселыми лицами. Въ одно время въ Аѳинахъ гражданинъ не смѣлъ не принадлежать къ какой-либо партіи: за политическій индифферентизмъ его могли постигнуть изгнаніе и конфискація имущества. Можно было вѣрить или не вѣрить въ божества общія и міровыя, каковы, напр., Зевсъ небесный или Юнона, можно было ненавидѣть и презирать боговъ сосѣдняго города, но никто не смѣлъ усомниться въ государственной святынѣ: Сократъ заплатилъ жизнью за преступленіе подобнаго рода. Это былъ какой-то культъ государства, и государственность нерѣдко такъ же опутывала жизнь греческаго или римскаго гражданина, какъ на Востоцкѣ религіозныя предписанія. Но верховнымъ предметомъ этого культа было здѣсь не вѣдѣмое міровое божество, а земное отечество въ предѣлахъ гражданской общины. Все это совершенно вѣрныя наблюденія, но, съ одной стороны, въ извѣстныя эпохи подобнаго рода явленія наблюдаются и въ исторіи новыхъ европейскихъ народовъ, а съ другой, и въ самомъ классическомъ мірѣ не всегда и не вездѣ личность была въ такомъ угнетеніи у государства, и индивидуальная свобода не такъ уже была чужда понятіямъ и учрежденіямъ античныхъ народовъ.

Регламентаціи частной жизни въ государствахъ-городахъ античнаго міра, примѣры которой только-что были приведены, существовала и въ средневѣковыхъ городскихъ общинахъ, отъ которыхъ она была отчасти унаслѣдована и такъ называемымъ «полицейскимъ государствомъ» (Polizeistaat) новаго времени. Равнымъ образомъ и для поглощенія личности государствомъ въ древнихъ республикахъ можно тоже привести не мало аналогій изъ исторіи теперешнихъ европейскихъ народовъ: укажемъ хотя бы на то закрѣпощеніе личности государству, которое характеризуетъ внутренній бытъ Россіи въ ту эпоху, когда все ея населеніе состояло изъ однихъ или служилыхъ, или тяглыхъ людей, и человѣческая личность исчезала въ подданномъ государствѣ. Немало можно отмѣтить въ новой исторіи и примѣровъ госу-

дарственного тяготѣнія надъ религіозными вѣрованіями подданныхъ; достаточно напомнить хотя бы о томъ, что въ эпоху религіозной реформациі XVI в., когда впервые громко былъ заявленъ въ новой Европѣ принципъ свободы совѣсти, не только былъ провозглашенъ, но и проведенъ въ жизни и противоположный принципъ зависимости религіозныхъ вѣрованій подданныхъ отъ усмотрѣнія государственной власти—въ знаменитой формулѣ: «чья страна, того и вѣра» (*cujus regio, ejus religio*), принятой аугсбургскимъ религіознымъ миромъ 1555 г. Указываютъ еще и на то, что въ области политическихъ идей античный міръ выставилъ рядъ писателей (особенно Платона), которые явились теоретиками полновластія государства, полного поглощенія въ государствѣ личности гражданина, но и тутъ можно спросить: а развѣ новая Европа не выставляла писателей, которые провозглашали принципъ безусловнаго, неограниченнаго, совершенно абсолютнаго властвованія государства надъ личностью гражданина и не дѣлали изъ государства своего рода земного божества? Вспомнимъ хотя бы въ XVII в. Гоббза, который въ этомъ отношеніи не уступитъ Платону. Съ другой стороны, и классическая древность не такъ-то ужъ, какъ это себѣ представляютъ, чуждалась индивидуальной свободы и въ области политическихъ идей, и въ самихъ явленіяхъ государственной жизни. Въ началѣ исторіи каждаго народа мы наблюдаемъ поглощеніе личности въ томъ политическомъ дѣломъ, къ которому она принадлежитъ, т.-е. въ родѣ или въ общинѣ, а также въ болѣе крупныхъ общественныхъ организаціяхъ, которыя складываются изъ отдѣльныхъ родовъ и общинъ. Одна изъ сторонъ культурно-соціального развитія, совершающагося въ исторической жизни, именно въ томъ и заключается, что личность — въ разныхъ сферахъ своего индивидуальнаго существованія—постепенно высвобождается изъ-подъ гнета, наложеннаго на нее условіями общественнаго быта древнѣйшихъ эпохъ исторіи, приходитъ къ сознанію своихъ естественныхъ правъ, какъ самостоятельнаго я, и начинаетъ предъявлять къ жизни свои притязанія на ту или другую мѣру свободы. Античный міръ въ свое время шелъ въ данномъ отношеніи по тому же пути, по которому впоследствии пошла и новая Европа, и все различіе заключается лишь въ томъ, что она опередила античный міръ и потому полнѣе и яснѣе, нежели онъ, формулировала и осуществила принципъ индивидуальной свободы. Теперь, при меньшей предвзятости въ изученіи исторіи Греціи и Рима, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что классическіе народы тоже постепенно вырабатывали въ своей средѣ индивидуалистическія стремленія. Вообще менѣе всего могли держаться наиболѣе стѣснительныя для личной свободы государственныя постановленія въ демократіяхъ, гдѣ господствовало всеобщее равенство въ

гражданскихъ правахъ и власть находилась въ рукахъ большинства, не очень-то охотно налагавшаго на себя какія бы то ни было узмы. «По общему мнѣнiю, говоритъ Аристотель въ своей «Политикѣ», демократія опредѣляется двумя характеристическими чертами: онѣ суть господство большинства и свобода. Справедливое здѣсь считаютъ равенствомъ, равенство же состоитъ въ признанiи верховнаго закона за тѣмъ, что нравится большинству. Такимъ образомъ въ этихъ демократiяхъ каждый живетъ, какъ ему угодно, каждый по своей волѣ».

Сошлюсь еще на извѣстную рѣчь Перикла, приводимую Фукидидомъ, въ которой знаменитый вождь аѳинской демократiи, сравнивая порядки родного города со спартанскими, указывалъ на то, что въ Аѳинахъ живетъ гораздо свободнѣе и вольнѣе. Демократическiй строй вообще устанавливался въ государствахъ съ развитою промышленностью и торговлею и со скученностью населенiя въ городѣ, которыя какъ нельзя болѣе содѣйствовали разложенiю стараго уклада жизни съ его подчиненiемъ личности родовымъ и семейнымъ связямъ и съ господствомъ въ немъ традиціоннаго міросозерцанiя. Но эта личная свобода, какой не зналъ древнiй Востокъ, существовала далеко не для всего населенiя каждаго даннаго государства, въ которомъ только можно констатировать ея присутствiе. Самый замѣчательный опытъ организации свободнаго демократическаго государства сдѣланъ былъ Аѳинами V и IV вв. до Р. X., и этотъ опытъ можетъ считаться вообще характеристичнымъ для античнаго народовластiя. Во-первыхъ, демократiя въ древнемъ мірѣ, какъ было уже сказано, была непосредственной, т.-е. въ политической власти участвовалъ весь народъ лично, такъ какъ граждане для рѣшенiя государственныхъ вопросовъ сами сходились на общее вѣче. Но, во-вторыхъ, подъ народомъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ разумѣть не все населенiе государства, а лишь ту его часть, которая составляла гражданство: античныя республики были замкнутыя общины, и внѣ ихъ еще находились, не говоря уже о рабахъ, разные другіе мѣстные жители, которые, будучи лично свободными, не пользовались политическими правами (въ Атикѣ, напр., они назывались метэками). Въ-третьихъ, распространяя свою власть на другіе города и земли, создавая изъ нихъ цѣлую державу, аѳинская демократiя смотрѣла на гражданъ подвластныхъ городовъ, какъ на своихъ подданныхъ, на счетъ которыхъ потомъ аѳинскiй демосъ и старался жить. Свободные и полноправные граждане городовыхъ республикъ античнаго міра такимъ образомъ составляли только часть населенiя каждаго отдѣльнаго государства, остальные были или лишь обыватели, лично свободные, но лишеныя участiя въ политической жизни, или крѣпостные и рабы, находившіеся въ прямой юридической зависимости отъ полноправныхъ гражданъ, или подданные послѣднихъ, если тому

или другому государству-городу удавалось подчинить себѣ какую-либо чужую, прежде бывшую самостоятельную общину. Въ своей «Философій исторіи» Гегель видѣлъ прогрессъ въ осуществленіи свободы, какъ самой основы, по его мнѣнію, всемірной исторіи *), въ томъ, что на Востоку свободенъ былъ только одинъ (т. е. деспотъ), въ классическомъ мірѣ, свобода дѣлается достояніемъ только нѣкоторыхъ, а въ новомъ мірѣ свободны всѣ. Дѣйствительно, Европа въ своемъ гражданскомъ быту осуществила принципъ всеобщей гражданской свободы, тогда какъ античная цивилизація такъ и скончалась, сохранивъ въ числѣ своихъ учрежденій рабство, но не слѣдуетъ забывать, что новый міръ раздѣлялся съ людскою неволею лишь въ серединѣ прошлаго столѣтія: только въ шестидесятихъ годахъ XIX в. пало, на примѣръ, въ Россіи крѣпостное право, а въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ было уничтожено невольничество негровъ. И въ этомъ, слѣдовательно, отношеніи новый міръ сдѣлалъ такой шагъ впередъ, который оказался совершенно не по силамъ античной эпохѣ, но этотъ шагъ, повторяю, былъ сдѣланъ только въ самое послѣднее время, и такимъ образомъ въ теченіи четырнадцати столѣтій средневѣковая и новая Европа—въ тѣхъ или другихъ частяхъ своихъ—не разставалась съ юридической неволей большей или меньшей части своего населенія.

Впрочемъ, многіе пытались положить рѣзкую грань между двумя главными формами неволи—рабствомъ и крѣпостничествомъ, изъ которыхъ рабство было объявлено соціальнымъ явленіемъ, характернымъ для античнаго міра, а крѣпостное состояніе—для среднихъ вѣковъ, причемъ въ этомъ послѣднемъ видѣли смягченную форму рабства. На самомъ дѣлѣ, главная разница между обоими состояніями не юридическая, а экономическая, и обѣ формы одинаково встрѣчаются и въ древности, и въ позднѣйшее время. Крѣпостной крестьянинъ, это—подневольный фермеръ, сидящій на своемъ хозяйствѣ, зависимомъ отъ какого-либо господина, и платящій этому господину оброкъ; такіе крѣпостные существовали и въ Греціи (лаконскіе гелоты, эссалійскіе пенесты и т. п.), и въ Римской имперіи (колоны). Рабъ, это, наоборотъ,—подневольный рабочій, живущій и работающій въ господскомъ хозяйствѣ и на господскомъ содержаніи. Обѣ формы, собственно, существовали и въ древнемъ мірѣ, и у новыхъ европейскихъ народовъ, и преобладаніе одной изъ нихъ надъ другою не зависѣло отъ того или другого момента всемірно-историческаго процесса, а обуславливалось мѣстными и временными экономическими и культурными причинами. Онѣ создали и то, что въ Греціи рабскій трудъ примѣнялся почти ис-

*) См. стр. 25, прим.

ключительно къ обрабатывающей промышленности, а въ Римѣ—въ сельскомъ хозяйствѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, и такими же экономическими и культурными причинами объясняется, что развитіе обрабатывающей промышленности въ древности сопровождалось и развитіемъ рабства,—опять одно изъ явленій, свидѣтельствующихъ объ отсталости античной цивилизаціи отъ новѣйшей европейской.

Въ общемъ обзорѣ всемірной исторіи нѣтъ возможности, да нѣтъ и надобности останавливаться на внутренней исторіи отдѣльныхъ странъ и на всѣхъ международныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между отдѣльными государствами. Въ нашемъ очеркѣ на первомъ планѣ должна быть міровая роль Греціи и Рима, которая началась лишь со времени греко-македонскаго завоеванія Востока и образованія великой Римской державы: съ этихъ двухъ фактовъ и начинается объединеніе обоими классическими народами всѣхъ странъ вокругъ главнаго моря древности—Средиземнаго.

Съ середины VI до середины IV в. до Р. Х. великой міровой державой была Персія, включившая въ свой составъ всѣ культурныя страны Востока и часть греческаго міра. Во второй половинѣ IV столѣтія эта обширная держава подверглась греко-македонскому завоеванію, проложившему широкій путь эллинизму на весь Востокъ. Приблизительно черезъ сто лѣтъ послѣ этого Римъ объединилъ подъ своею властью всю Италію и впервые сталъ твердою ногою внѣ Апеннинскаго полуострова, положивъ завоеваніемъ Сициліи начало своимъ провинціямъ, которыя мало-по-малу, какъ кольцомъ, охватили все Средиземное море съ его островами, а еще столѣтіемъ позже началось постепенное приобрѣтеніе Римомъ земель, гдѣ господствовала греческая культура. Какъ греки вытѣснили финикійцевъ изъ восточной части Средиземнаго моря, такъ римляне отняли у карфагенянъ—тоже по происхожденію своему финикійцевъ—западную часть этого моря, а затѣмъ подчинили себѣ и самихъ грековъ, и основанныя ими «эллинистическія» царства на Востокѣ.

Завоеваніе Александромъ Македонскимъ и греками Персидской монархіи было началомъ совершенно новой эпохи въ исторіи не только Греціи, но и всего тогдашняго историческаго міра. Внутреннія событія въ самой Греціи, утратившей политическую независимость, хотя и не вполне освободившейся отъ прежнихъ раздоровъ, отступаютъ для историка на задній планъ—передъ этимъ завоеваніемъ греками восточныхъ странъ, въ которыхъ, съ одной стороны, къ нимъ перешла политическая власть, а съ другой, стали развиваться греческая колонизація и распространяться греческая образованность, эллинизмъ. Высшая культура грековъ въ эту эпоху духовно подчинила себѣ варваровъ, и Греція, не сумѣвшая устроить своихъ собственныхъ полити-

ческихъ дѣлъ, сдѣлалась учительницею другихъ, болѣе отсталыхъ народовъ въ разныхъ областяхъ духовной жизни.—Еще съ эпохи ассирийскаго владычества главныя культурныя страны Востока большею частью не принадлежали народамъ, ихъ населявшимъ. Завоеваніе Персіи Александромъ Македонскимъ было только переходомъ Востока изъ-подъ власти одного народа подъ власть другого, и греко-македонское владычество было лишь продолженіемъ мидо-персидскаго. Но вмѣстѣ одной монархіи къ началу III в. образовалось, кромѣ самой Македоніи съ Греціей, на Востокѣ еще нѣсколько государствъ, изъ которыхъ главными были два. Большая часть азіатскихъ владѣній Александра отъ Индіи до Сиріи досталась, какъ извѣстно, Селевку и его потомкамъ. Селевкидамъ, впрочемъ, не удалось сохранить въ цѣлости первоначальную территорию своего царства, и отъ нея мало-по-малу отдѣлились новыя государства, какъ-то Армянское, Паряянское и Бактрійское. Основною областью царства Селевкидовъ остались Сирія и Месопотамія. Вторымъ большимъ царствомъ, образовавшимся изъ монархіи Александра, былъ Египетъ, доставшійся вмѣстѣ съ Палестиною Птолемею. Его потомки владѣли Египтомъ около трехъ столѣтій, но утратили Палестину въ пользу Сирійскаго царства Селевкидовъ. Кромѣ этихъ главныхъ эллинистическихъ царствъ, изъ монархіи Александра выдѣлились и второстепенныя, изъ которыхъ наиболѣе важны Понтійское и Виоинское по южному берегу Чернаго моря и Пергамское на югъ отъ Мраморнаго. Греческіе правители этихъ странъ и многочисленные переселенцы изъ Греціи и Македоніи распространяли вокругъ себя эллинскую культуру. Селевкиды въ Сиріи и Месопотаміи были настоящими продолжателями политики Александра Македонскаго, стремившагося подчинить варваровъ греческому вліянію. Подобно Александру, основавшему множество городовъ,—среди нихъ египетскую Александрію съ ея мировымъ значеніемъ,—и они строили новые города, тоже дѣлавшіеся центрами греческой образованности, промышленности и торговли, и нѣкоторые изъ этихъ городовъ (въ особенности Антиохія) также получили важное историческое значеніе. Царство Бактрійское равнымъ образомъ было проводникомъ греческой культуры на отдаленномъ Востокѣ. Но успѣхи эллинизации за Тигромъ и Евфратомъ были остановлены паряянами, полудикими кочевниками, сбросившими съ себя власть греко-сирійскихъ царей, и съ этими же паряянами (и смѣнившими ихъ въ III в. по Р. Х. ново-персами) не могли справиться и римляне. Въ Египтѣ при Птолемеяхъ тоже образовалось нѣсколько центровъ греческой культуры. Ихъ столица, Александрія, сдѣлалась даже главнымъ средоточіемъ эллинизма, благодаря массѣ грековъ, поселившихся въ этомъ городѣ.

Греческая культура не могла не оказывать вліянія и на туземное населеніе Востока, и греческій языкъ сталъ распространяться среди варваровъ. Даже самое слово «эллинъ» нѣсколько измѣнило свое значеніе и стало обозначать не столько человѣка греческаго происхожденія, сколько человѣка греческаго образованія. Иногда туземцы прямо писали по-гречески. Въ III в. египетскій жрецъ Манеонъ составилъ на этомъ языкѣ исторію Египта, отъ которой до насъ дошли отрывки. Современникъ его, халдейскій жрецъ Берозъ по-гречески же написалъ сочиненіе по исторіи Вавилона, тоже сохранившееся въ отрывкахъ. Многочисленные евреи, жившіе въ Александріи, совсѣмъ стали забывать свой языкъ, и потому потребовался греческій переводъ еврейскихъ священныхъ книгъ, сдѣланный семьюдесятью толковниками. Но, съ другой стороны, и сами греки не могли не подчиниться вліянію Востока, что придадо многимъ сторонамъ эллинистической культуры совершенно своеобразный характеръ. Сирийскіе и египетскіе наслѣдники Александра были въ сущности восточными деспотами, усвоившими всѣ традиціи прежнихъ царей, самовластно правившихъ безгласными и рабѣющими народами. Политическая форма эллинистическихъ царствъ такимъ образомъ есть въ сущности восточная деспотія. И въ области духовной культуры греки не избѣжали восточнаго вліянія. Въ Александріи въ эпоху Римской имперіи образовалась такъ называемая школа неоплатониковъ, которая сливала воедино на почвѣ философіи Платона отдѣльныя системы греческой философіи и религіозныя представленія разныхъ восточныхъ народовъ. Предшественникомъ этого направленія былъ александрійскій еврей I в. по Р. X. Филонъ, старавшійся доказать, что книги Моисея содержатъ то же самое ученіе, что и философія Платона, которую онъ истолковывалъ по-своему. Неоплатоники въ III—V вв. создали цѣлую философскую религію въ духѣ пантеизма въ которой міръ разсматривался какъ «эманация» (истеченіе) единого божественнаго начала и населялся разными богами и духами, созданными творческой фантазіей грековъ и восточныхъ народовъ. На этомъ ученіи особенно сильно сказалось вліяніе жреческихъ ученій Египта. Нѣсколько позже македонскаго завоеванія греческое вліяніе началъ въ широкихъ размѣрахъ испытывать на себѣ и Римъ. Вліяніе греческой литературы на римскую стало обнаруживаться въ концѣ III и началѣ II в. до Р. X. Но особенно греческое вліяніе въ Римѣ возросло послѣ завоеванія Греціи. Въ Римѣ появилась тогда масса грековъ въ самыхъ разнообразныхъ профессіяхъ—риторовъ и актеровъ, художниковъ и философовъ и т. п., и у самихъ богатыхъ римлянъ вошло въ обычай ѣздить учиться въ Аѳины, Александрію и Родосъ. Греческая культура продолжала оказывать свое вліяніе на

римскую и послѣ того, какъ римляне уже имѣли свою собственную литературу.

Таково было культурное объединеніе древняго міра, совершенное эллинизмомъ. Не меньшую важность имѣло и политическое объединеніе, совершенное Римомъ. Отъ середины IV в., когда римляне начали дѣлать завоеванія внѣ Лаціума, до середины I в., когда Римъ завладѣлъ послѣднимъ большимъ царствомъ на Средиземномъ морѣ, прошло около трехсотъ лѣтъ. Образованіе Римской имперіи не было дѣломъ быстрыхъ завоеваній, подобныхъ тѣмъ, которыя совершены были первыми персидскими царями или Александромъ Македонскимъ. Зато государство римлянъ, какъ было уже сказано выше, оказалось и много прочнѣе прежнихъ всемірныхъ монархій. Римская держава, какъ единое государство, продержалась еще четыре вѣка послѣ Р. X., и если въ V столѣтіи западная ея половина была раздѣлена новыми народами, то восточная половина продолжала жить, какъ непосредственное продолженіе великой имперіи, еще цѣлое тысячелѣтіе подъ именемъ имперіи Византійской. Римляне не только постепенно, а не сразу создали свою міровую державу, но и сумѣли довольно прочно связать между собою ея части въ одно цѣлое. Римъ началъ свои завоеванія, какъ городская республика, какихъ было много въ древней Греціи и Италіи, да и долгое время послѣ того, какъ создалась его громадная держава въ трехъ частяхъ свѣта, самъ онъ все еще продолжалъ оставаться государствомъ-городомъ, въ союзѣ съ которымъ и подъ властью котораго находились другіе города и страны. Лишь къ концу своего историческаго существованія, какъ главы міровой державы, Римъ превратился изъ города-государя въ простую лишь столицу государства, все свободное населеніе котораго получило къ началу III в. по Р. X. права римскаго гражданства. Хорошая сторона римскаго завоеванія для многихъ провинцій заключалась въ томъ, что подъ властью державнаго города прекращались раздиравшія ихъ войны. Такое, напримѣръ, значеніе имѣло установленіе власти Рима надъ Македоніей и Греціей или надъ Трансальпийской Галліей. Только періодъ внутреннихъ смутъ въ самомъ Римѣ ознаменовался возобновленіемъ военнаго времени и для провинцій, когда политическія партіи и честолюбивые полководцы вели междуусобныя войны на всемъ широкомъ пространствѣ римскихъ владѣній. Послѣ того, какъ эти смуты прекратились, провинціи опять стали пользоваться «римскимъ миромъ» (раx romana), какъ многіе тогда называли замиреніе державнымъ народомъ римскимъ всѣхъ странъ вокругъ Средиземнаго моря. Это общее умиротвореніе и гражданское объединеніе происходили главнымъ образомъ уже въ ту эпоху, когда Римъ утратилъ свой республиканскій строй и принялъ формы монархическаго государства.

Римское завоеваніе не устанавливало однообразнаго положенія для покоренныхъ. Принимая ихъ подъ свою власть и въ союзъ съ собою на весьма различныхъ основаніяхъ,—такъ что одному городу давались привилегіи, которыхъ не имѣлъ другой,—Римъ стремился разъединить ихъ интересы. Одни города управлялись своими выборными властями, другіе получали правителей изъ Рима; граждане однихъ пользовались римскимъ правомъ, но безъ участія въ римскихъ народныхъ собраніяхъ, граждане другихъ не могли пріобрѣтать собственности въ Римѣ и вступать въ бракъ съ римскими гражданками. Всѣ внѣитальянскія земли, завоеванныя римлянами, сдѣлавшись «провинціями», попали подъ абсолютную власть городской республики; покорившей міръ. Провинціалы даже не были союзниками на манеръ италійцевъ, хотя и у послѣднихъ именемъ союза прикрывалось въ сущности римское господство. Провинціи составляли уже прямо добычу римскаго народа, не имѣли самоуправленія, *de jure* лишались своей земли, становившейся собственностью державной республики, обогащали казну этой республики наложенными на нихъ податями. Совершая свои завоеванія, Римская государственная община почти не расширялась, какъ таковая. Народы не вступали въ римское государство, какъ это дѣлается въ наше время, когда съ присоединеніемъ новыхъ областей государство расширяетъ свои границы. Распространялось только римское державство, то, что называлось «имперіемъ римскаго народа». Подданные Рима какъ бы лишались всего, жили безъ обязательныхъ учрежденій, безъ законовъ, безъ магистратовъ, и только власть римскаго наместника поддерживала между ними порядокъ. Имперій, поручавшійся надъ провинціями проконсуламъ, былъ не чѣмъ инымъ, какъ временнымъ отчужденіемъ власти Рима надъ завоеванной землей въ руки какого-либо гражданина: послѣдній былъ не только правителемъ, но и законодателемъ, ибо римское право существовало лишь для гражданъ, а неграждане были перегрины, собственныхъ законовъ которыхъ Римъ не признавалъ. Свое право и свои учрежденія сохраняла *de jure* только одна гражданская община, остальные земли со стамилліоннымъ населеніемъ жили подъ имперіемъ этой общины и ея уполномоченныхъ. Понятно, что званіе римскаго гражданина сдѣлалось предметомъ пламенныхъ желаній для подвластныхъ народовъ: получить это званіе являлось однимъ средствомъ выйти изъ-подъ суроваго имперія, получить права и что-либо значить, но побѣдителямъ и въ голову не приходило давать эти права побѣжденнымъ. Только послѣ упорной союзнической войны (91—88 гг. до Р. Х.) всѣ свободные жители Италіи добились права римскихъ гражданъ, вся Италія превратилась въ территорію римскаго гражданства, т.е. римская гражданская община расшири-

лась въ дѣлую страну, и имперіи уже былъ не за предѣлами городской земли, а за предѣлами всей Италиі. Такъ только въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. совершился великій переворотъ превращенія римскаго государства изъ городской общины въ дѣлую страну, что, конечно, не могло не отразиться на внутреннемъ строѣ политической жизни самого Рима. Затѣмъ на очереди стояли провинціи. Въ нихъ также существовали нѣкоторые привилегированные города, имѣвшіе муниципальное устройство, т.-е. пользовавшіеся самоуправленіемъ. Въ Галліи, напр., и въ Испаніи заводили его сами римляне, считая невозможнымъ управлять провинціями однимъ имперіемъ своихъ намістниковъ, а въ Греціи городской быть былъ и безъ того развитъ, и римляне его не уничтожили. Жители такихъ городовъ также всячески стремились попасть въ число римскихъ гражданъ, и кто этого достигалъ, тотъ, такъ сказать, уже не принадлежалъ къ родному городу, дѣлался для него какъ бы чужимъ человѣкомъ, но зато попадалъ въ число господъ міра. Этотъ процессъ перехода провинціаловъ въ римскіе граждане совершался весьма медленно, когда Римъ оставался республикой, но въ Римѣ самомъ произошла важная перемѣна. Въ 30 г. до Р. Х. имперіи надъ провинціями достался одному лицу, которое державный народъ облекъ для управленія провинціями, и которое сумѣло достигнуть господства и надъ гражданами. Ставъ и надъ Римской республикой, и надъ ея подданными, новые владыки міра, римскіе императоры, начали сглаживать гражданское и политическое различіе между римлянами и ихъ подданными, пока въ началѣ III вѣка по Р. Х. права римскаго гражданина не были распространены на все свободное населеніе провинцій. Римскіе граждане съ этой поры были такимъ образомъ разбѣяны по всему міру; самъ Римъ пересталъ быть владыкою вселенной, отчудивъ отъ себя имперіи надъ провинціями въ руки верховнаго магистрата республики, и, какъ было уже сказано, превратился изъ державной городской общины въ простую столицу обширнаго государства. Всѣ свободные жители этой монархіи сдѣлались римлянами, существовало только одно отечество, одно правительство, одно право. Древній міръ былъ объединенъ; народы сливались въ одномъ громадномъ обществѣ подъ сѣнью римскаго государства.

Это объединеніе совершалось и въ религіозной сферѣ,—совершалось сначала въ формѣ такъ называемаго синкретизма, потомъ въ формѣ распространенія и утвержденія единой вѣры.

Древнѣйшія религіи, какъ было уже упомянуто, отличались чисто національнымъ и даже мѣстнымъ характеромъ, и каждый городъ имѣлъ своихъ боговъ, которые могли и не быть богами въ сосѣднихъ городахъ. Напримѣръ, самое образование общегреческой религіи произошло

не сразу, а національныя различія, т.-е. различія въ языкѣ, нравахъ и обычаяхъ, служили даже препятствіемъ для религіознаго общенія. Первоначальная религіозная исключительность, однако, не могла долго держаться, потому что народы очень рано стали заимствовать одинъ у другого отдѣльныя вѣрованія и подробности культа. Нѣкоторыя мифологическія представленія грековъ были восточнаго происхожденія, а римляне тоже довольно рано приняли кое-какіе эллинскіе мифы и культы. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ совершалось прямо официальное признаніе новыхъ боговъ. Въ своемъ суевѣрїи римляне даже «переманивали» къ себѣ божества своихъ враговъ, общая приносить имъ жертвы. Кромѣ того, они скрѣпляли политическіе союзы и религіознымъ общеніемъ съ союзниками. Съ завоеваніемъ провинцій, съ распространеніемъ римлянъ по всѣмъ странамъ вокругъ Средиземнаго моря, съ появленіемъ массы иноземцевъ въ самомъ Римѣ все болѣе и болѣе росло и крѣпло смѣшеніе боговъ разныхъ странъ и народовъ, т.-е. происходилъ такъ называемый религіозный синкретизмъ. Особеннымъ сочувствіемъ римлянъ пользовались восточныя культы съ ихъ таинственностью, пышностью и жреческими вліяніями. Въ Римѣ стали чествовать и Великую Мать боговъ, которой поклонялись въ Сирїи, и богиню египтянъ Изиду, и иранскаго бога свѣта Митру, и многихъ другихъ боговъ, боясь, не забыть ли еще кто-либо изъ боговъ, и даже ставя жертвенники неизвѣстнымъ богамъ. Привлекали къ себѣ общество и разныя мистерїи, т.-е. таинственные обряды, стоявшіе въ связи съ вѣрованіями въ загробную жизнь, которыя у самихъ римлянъ были очень мало развиты. Съ восточными культурами приходили и восточныя суевѣрія, на которыя особенно была падка невѣжественная толпа. Религіозными вѣрованіями Востока интересовались и нѣкоторые императоры (напримѣръ, Адріанъ). Въ III в. императоръ Геліогабалъ былъ самъ жрецомъ сирійскаго Ваала и привезъ съ собою въ Римъ священный камень роднаго храма, упавшій съ неба. Его родственникъ Александръ Северъ отличался даже особою склонностью къ религіозному синкретизму, и въ его дворцовомъ святилищѣ стояли статуи боговъ разныхъ народовъ; въ ихъ числѣ была даже статуя Иисуса Христа, котораго императоръ тоже включалъ въ сонмъ своихъ боговъ. Къ этой же категорїи культурныхъ явленій относится и возникновеніе уже отмѣченной выше неоплатонической философіи, въ которой основныя изложенія греческаго идеализма сливались воедино съ религіозными представленіями и самихъ грековъ, и восточныхъ народовъ. Этотъ религіозный синкретизмъ былъ, такъ сказать, попыткой выхода изъ тѣсныхъ рамокъ мѣстныхъ религій на широкую дорогу объединенія всѣхъ народовъ въ областяхъ вѣры и нравственныхъ требованій. Христіанство, возникшее въ Иудеѣ, дало удовлетвореніе религіознымъ стремле-

ніямъ греко-римскаго общества, явившись въ то же время проповѣдью, обращенною ко «всѣмъ языкамъ», и давъ начало вселенской церкви, въ которой не должно было быть національныхъ различій.

Займствовавъ высшую культуру у грековъ, римляне, въ свою очередь, переносили ее къ западнымъ варварамъ—къ испанцамъ, африканцамъ, галламъ, а позднѣе и къ британцамъ, еще позднѣе и къ германцамъ. Культурное объединеніе древняго міра было какъ бы прямымъ слѣдствіемъ его политическаго объединенія подъ властью Рима. На Востокѣ еще со временъ Александра Македонскаго, какъ мы видѣли, господствовалъ эллинизмъ, и въ культурномъ отношеніи римлянамъ тамъ дѣлать было нечего, но зато передъ романизмомъ открытъ былъ весь Западъ. Культурная жизнь дѣлала здѣсь такіе успѣхи, что въ эпоху имперіи изъ провинціаловъ выработалось не мало видныхъ государственныхъ дѣятелей и писателей. Наибольшихъ размѣровъ Римская имперія достигла, какъ мы знаемъ, въ началѣ II в. по Р. Х., и уже въ эту эпоху въ имперіи замѣтно было различіе между восточными и западными областями, изъ которыхъ первыя находились подъ культурнымъ вліяніемъ эллинизма, тогда какъ вторыя все болѣе и болѣе романизировались. Если мы проведемъ линію съ с.-з. на ю.-в., отъ теперешней границы между Англіей и Шотландіей, черезъ устье Рейна къ устью Дуная, то указанная линія раздѣлитъ всю Европу на двѣ неравныя части. На югъ отъ этой черты лежали въ первые вѣка нашей эры культурныя области Римской имперіи, къ сѣверу начиналось варварство, и лишь по сѣверному берегу Чернаго моря располагалось нѣсколько культурныхъ городовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ греческой колонизаціи. Въ Европѣ находилась бѣльшая часть Римской имперіи. Въ Азіи она владѣла, въ сущности, лишь Малою Азіей и сирійскимъ побережьемъ, въ Африкѣ—тоже только прибрежными странами. Такимъ образомъ, Римская имперія была по преимуществу государствомъ европейскимъ. За предѣлами имперіи, въ с.-в. части европейскаго материка жили варварскіе народы, которые тоже начали свою историческую жизнь подъ сильнымъ политическимъ и культурнымъ вліяніемъ Рима. Въ IV в. вся полоса земли между Нѣмецкимъ и Чернымъ морями, на с.-в. отъ линіи Рейна и Дуная была заселена германскими племенами, съ вторженіемъ которыхъ римляне познакомились еще за 100 лѣтъ до Р. Х. (кимвры и тевтоны). Германцы отдѣляли Римскую имперію отъ племенъ славянскихъ, которые тоже, но только гораздо позднѣе начали свои вторженія въ предѣлы имперіи. Бѣльшую часть пространства, какимъ владѣлъ Римъ на Западѣ, а именно Сѣверную Италію, Испанію, Галлію и Британнію, передъ ихъ завоеваніемъ Римомъ населяли кельты. Оставался долгое время соединенными между собою подъ одною властью, принимая къ себѣ рим-

скихъ колонистовъ и римскіе легіоны, подчиняясь римскому культурному вліянію, кельты сильно романизировались. Доказательствомъ этому можетъ служить то, что населеніе большей части названныхъ странъ: французы съ бельгійцами и частью швейцарцевъ, испанцы, португальцы и, наконецъ, конечно, сами итальянцы,—говорятъ на языкахъ, происходящихъ отъ простонародной латыни и по своему римскому происхожденію называемыхъ романскими (къ числу романскихъ языковъ принадлежитъ и румынскій, господствующій къ сѣверу отъ нижняго течения Дуная, въ бывшей римской провинціи Дакии).

Вся исторія Римской имперіи въ ея вѣншихъ отношеніяхъ была сплошною борьбою, которую ей пришлось вести одновременно на два фронта—въ Европѣ противъ германцевъ, отъ которыхъ имперія отдѣлялась рейнско-дунайской границей, въ Азіи противъ парянъ и смѣнившихъ ихъ новоперсовъ въ бассейнѣ Тигра и Евфрата. Борьба съ варварами значительно истощала силы мирнаго населенія имперіи, страдавшаго, кромѣ того, и отъ внутреннихъ ея недостатковъ. Уже императорамъ II в. по Р. Х. все болѣе и болѣе приходилось заботиться объ отраженіи варваровъ, тѣснившихъ имперію съ сѣвера и съ востока. Уже одно это, конечно, требовало постоянно большихъ расходовъ, вслѣдствіе чего приходилось увеличивать налоги, и они дѣлались все болѣе тягостными для населенія. Большихъ расходовъ требовала и введенная имперіей система управленія посредствомъ чиновничества, которое, какъ и прежніе правители провинцій, привыкало злоупотреблять своею властью и, вмѣшиваясь во всѣ мѣстныя дѣла, все болѣе и болѣе пріучало жителей къ пассивности. Съ другой стороны, съ прекращеніемъ завоеваній уже не было прежняго громаднаго ввоза рабовъ, между тѣмъ, какъ число рабовъ въ самой имперіи уменьшалось, потому что они вымирали отъ непосильной работы, отъ жестокаго обращенія и т. п. При установившейся въ имперіи системѣ веденія хозяйства съ помощью рабскаго труда это влекло за собою цѣлый экономическій переворотъ, ставившій передъ населеніемъ нелегкую задачу приспособленія къ новымъ условіямъ быта. Римское землевладѣніе сложилось въ систему крупныхъ помѣстій (латифундій) обрабатывавшихся рабами, а между тѣмъ этой рабочей силы уже не хватало какъ-разъ въ то время, когда требованія государства стали возрастать. Въ III и особенно въ IV в. всѣ эти явленія дали себя чувствовать съ особенно большою силою, подготовивъ постепенное ослабленіе жизнеспособности народовъ имперіи. Ея населеніе дѣлалось все менѣе и менѣе способнымъ оказывать сопротивленіе варварамъ и выносить бремя налоговъ. Съ конца III в. императоры вынуждены были для борьбы съ одними племенами германцевъ селить другія ихъ племена въ пограничныхъ областяхъ имперіи съ обязан-

ностью защищать ея предѣлы. Въмѣстѣ съ этимъ для правильного поступленія налоговъ они сочли необходимымъ прикрѣпить земледѣльческое населеніе къ землѣ, а землевладѣльцевъ къ ихъ городамъ для правильного отбыванія повинностей. Внутреннія смуты и злоупотребленія чиновниковъ довершали бѣдствія населенія многихъ провинцій. Областныя возстанія были часто лишь результатомъ недовольства ихъ населенія гнетомъ имперіи. Къ непосильнымъ для народа требованіямъ государства присоединялись еще поборы землевладѣльцевъ. Въ Галліи, наприм., народная масса была въ крѣпостномъ состояніи еще до римскаго завоеванія, которое не только не измѣнило этого отношенія, но даже прямо содѣйствовало развитію крупныхъ помѣстій. Недовольные галльскіе крестьяне въ союзѣ съ рабами, поденщиками и бродягами стали въ концѣ III в. составлять мятежныя шайки (багауды), которыя подняли даже цѣлое возстаніе. Недовольство закрѣпощеннаго населенія выражалось и въ томъ, что многіе прямо бѣжали къ варварамъ, вмѣстѣ съ которыми и нападали на области имперіи. Еще во II в. Плиніи говорилъ, что «латифундіи погубили Италію и провинціи», и дѣйстви-тельно, съ III в. экономическій упадокъ все сильнѣе и сильнѣе давалъ себя чувствовать, особенно на Западѣ, приводя за собою и вообще паденіе культурнаго уровня жизни. Общество Римской имперіи распалось на земельную аристократію и закрѣпощенный народъ. Обремененные тяжелыми повинностями, обнищавые, невѣжественные и приниженные колонны (крѣпостные крестьяне) не могли вести хорошо хозяйства на своихъ участкахъ и не имѣли особаго интереса поддерживать имперію. Разоренные куріалы, какъ звали съ IV в. землевладѣльческій классъ отдѣльныхъ мѣстностей, тоже теряютъ силу нести повинности и утрачиваютъ интересъ къ общественной жизни. Остались только сильными и свободными отъ общаго государственнаго закрѣпощенія представители самой крупной земельной знати. Пользуясь нѣкоторыми привилегіями по закону (въ родѣ свободы отъ несенія муниципальныхъ тягостей), члены этого сословія начали уклоняться и отъ платежа налоговъ, и отъ несенія военной службы и отказываться въ повиновеніи судамъ, хлопоча лишь о томъ, чтобы каждая латифундія была особымъ, замкнутымъ и самодовлѣющимъ міркомъ. Эти «господа земли», имѣвшіе въ своихъ владѣніяхъ все, что имъ было нужно, обособляли свои помѣстья и въ хозяйственномъ, и въ государственномъ отношеніи, какъ бы совсѣмъ не ощущая болѣе потребности въ сохраненіи единства имперіи. Римская знать въ своемъ равнодушіи къ политической жизни дошла до того, что ея члены стали отказываться отъ самыхъ важныхъ должностей въ государствѣ, чтобы сохранять свое положеніе независимыхъ господъ земли. Угнетая массу и доводя ее до полнаго равнодушія къ судьбамъ государства, магнаты

IV и особенно V вв., такимъ образомъ, подкалывали единство имперіи и утрачивали римскій патріотизмъ. Если колонны бѣжали къ варварамъ, то и магнаты не оказывали сопротивленія послѣднимъ, особенно когда чувствовали, что при новыхъ правителяхъ провинцій имъ не будетъ хуже. На Востоку съ его болѣе развитою экономическою жизнью и болѣе древнею культурою внутреннія отношенія имперіи были лучшими, и она съ болѣшимъ успѣхомъ отстаивала себя въ борьбѣ съ варварами. Недаромъ у императоровъ IV в. было рѣшительное предпочтеніе къ Востоку, куда и была перенесена столица имперіи Константиномъ Великимъ, въ городъ, названный по его имени Константинополемъ.

Римское правительство все болѣе и болѣе чувствовало въ IV в. трудность управленія обширной имперіей, которой въ это время приходилось бороться на два фронта, съ германцами и персами, тѣмъ болѣе, что натискъ дѣлался все болѣе и болѣе сильнымъ. Въ 395 г. Римская имперія раздѣлилась на двѣ половины, и вскорѣ затѣмъ западную половину постепенно заняли отдѣльныя германскія племена, основавшія здѣсь свои государства. Въ 476 г. произошло такъ называемое паденіе Западной Римской имперіи, считающееся по старой традиціи концомъ древней історіи и началомъ історіи среднихъ вѣковъ. Конечно, дѣло не въ этомъ событіи и не въ этой датѣ, но, во всякомъ случаѣ, со времени торжества въ Римской имперіи христіанства, со времени раздѣленія самой имперіи на двѣ половины съ обособленіемъ эллинизированныхъ и романизированныхъ ея частей, со времени появленія на сценѣ всемірной історіи германцевъ, а за ними и славянъ и съ паденія Западной Римской имперіи всемірная історія вступаетъ въ совершенно новый періодъ.

Мы видѣли въ этомъ очеркѣ античнаго міра, что онъ въ общемъ былъ шагомъ впередъ съ древнимъ Востокомъ, т.-е. что классическими народами былъ осуществленъ гораздо болѣе значительный прогрессъ сравнительно съ ихъ предшественниками въ історіи культурнаго и соціального развитія. Умственный прогрессъ у грековъ и римлянъ былъ тѣмъ болѣе возможенъ, что философская и научная мысль у нихъ пользовалась большею свободой, чѣмъ на Востоку; прогрессъ нравственный, въ свою очередь, былъ необходимымъ слѣдствіемъ выработки общечеловѣческой культуры и того взгляда на достоинство человѣка, который долженъ былъ возникнуть въ общинахъ, состоявшихъ изъ свободныхъ и дорожившихъ своею свободою гражданъ; прогрессъ соціальный, въ свою очередь, былъ обусловленъ тѣмъ, что публичная жизнь въ извѣстный, по крайней мѣрѣ, періодъ, не была замкнута въ опредѣленныя рамки, но свободно двигалась и свободно развивалась. Гдѣ нѣтъ свободы изслѣдованія, гдѣ человѣкъ не дорожитъ своимъ до-

стоинствомъ и не признаеть этого достоинства въ другихъ, гдѣ егдѣятельность скована чужими вѣднїями, тамъ нѣтъ и не можетъ быть прогресса. Такъ было на Востокѣ. Но не такъ было въ классическомъ мїрѣ, и классическій мїръ шелъ впередъ.

Доказывать, что греки и римляне прогрессировали въ умственномъ отношенїи,—совершенно излишне. Древнїе оставили Европѣ слишкомъ богатое наслѣдство въ своей наукѣ, философїи, правѣ, чтобы сомнѣваться въ этой истинѣ. Съ другой стороны, мы слишкомъ хорошо знаемъ, какъ невеликъ былъ умственный багажъ, съ которымъ они пустились въ свою историческую дорогу, чтобы не отвѣтить весьма обстоятельно на вопросъ, что же было сдѣлано ими? Греки были главными вождями въ этомъ путешествїи, и въ него они увлекли и другїе народы. Своимъ духовнымъ богатствомъ древнїе удивили европейцевъ конца среднихъ вѣковъ, и, только получивъ это наслѣдіе, новые народы особенно быстро двинулись впередъ. Самая идея прогресса, какъ показываетъ ея исторїя, возникла главнымъ образомъ изъ разсмотрѣнїя интеллектуальной исторїи древняго мїра.

Перейдемъ теперь къ морали. Начало исторической жизни грековъ и римлянъ было эпохой весьма низкаго уровня нравственнаго развитїя. Въ человѣкѣ цѣнились чуть ли не исключительно тѣло, физическая сила и ловкость; сила составляла единственное право по отношенїю ко всѣмъ людямъ, стоявшимъ внѣ извѣстной гражданской общины, внѣ извѣстнаго племени: нравственныя обязанности признавались только въ отношенїяхъ къ сочленамъ своего общества, которое понималось притомъ очень узко. У римлянъ слова «иностралець» и «врагъ» были синонимы, и само право освящало надъ врагомъ всякаго рода наслїя: «*adversus hostem aeterna auctoritas esto!*» То, что нынѣ считается преступнымъ, нерѣдко прославлялось, какъ героическій подвигъ, и греческая мїеологїя была полна такими разказами о богахъ, которые возмущали впоследствии болѣе чуткую совѣсть позднѣйшихъ поколѣнїй: на такихъ мїеахъ отразилось нравственное состоянїе общества, ихъ создавшаго, варварство той эпохи, когда они возникли. Беззащитные—старики, женщины, дѣти, люди, побѣжденные на войнѣ,—были предметомъ самаго грубаго наслїя. Человѣческая личность сама по себѣ не уважалась, и право освящало безконтрольную власть сильныхъ надъ слабыми: господинъ могъ, какъ ему было угодно, распоряжаться со своимъ рабомъ; женщина была вѣчнымъ малолѣткомъ и не имѣла почти никакихъ правъ по отношенїю къ своему отцу, мужу, опекуну; отцовская власть держала въ вѣчной кабалѣ взрослаго сына. Местъ, самая свирѣпая, неумолимая вражда были своего рода добродѣтелями. Въ международныхъ отношенїяхъ господствовала голая сила, и обращенїе побѣжденныхъ въ рабство было прогрессомъ сравнительно

съ тѣми случаями, когда ихъ избивали, щадя только женщинъ и дѣтей для продажи въ неволю. Съ другой стороны, существовавшія въ обществѣ моральныя предписанія, наблюдаясь лишь по отношенію къ членамъ одной гражданской общины, стояли въ тѣсной связи съ сакральными требованіями, не имѣвшими этического характера, и часто дѣяніе, въ нравственномъ смыслѣ безразличное, считалось болѣе важной доблестью, нежели какой-нибудь дѣйствительно моральный поступокъ. Позднѣйшая исторія сохранила много чертъ этого первобытнаго варварства; въ ней были эпохи сравнительно высокой цивилизаціи, когда нравственность была, однако, въ полномъ упадкѣ, но, несмотря на все это, можно обнаружить значительный моральный прогрессъ въ древнемъ мірѣ. Напримѣръ, этическія ученія составляютъ видную часть греческой философіи, а у римлянъ философія главнымъ образомъ и существовала только въ смыслѣ моральныхъ системъ. Въ этихъ ученіяхъ выработывался принципъ духовнаго достоинства и совершенства человѣка: идеаломъ было уже не атлетическое тѣло, не храбрость на войнѣ, не насильственность во всемъ поведеніи, свидѣтельствующая о физической мощи, а нѣчто другое, что каждый философъ опредѣлялъ по своему, но что мы можемъ обобщить подъ современнымъ выраженіемъ «нравственное развитіе». Далѣе, въ этихъ ученіяхъ принципъ морали освобождался отъ своего сакральнаго характера, благодаря которому нравственная обязанность и исполненіе какого-либо чисто-внѣшняго обряда считались за одно и то же: философія искала для морали основы въ природѣ человѣка и во всеобщемъ разумѣ и, даже выводя правила поведенія изъ врожденнаго человѣку стремленія къ счастью, умѣла все-таки самое счастье опредѣлять такъ, что оно не было похоже на чисто животное удовлетвореніе физическихъ потребностей низшаго порядка. По ученію стоиковъ, самому возвышенному, до какого только додумался древній человѣкъ, истинное блаженство сообщается добродѣтелю, т.-е. жизнью, сообразной съ разумной природой души. Въ эту философію все болѣе и болѣе проникаютъ и все болѣе и болѣе въ ней укрѣпляются симпатическія чувства къ человѣку, и самый стоицизмъ въ этомъ отношеніи совершилъ большой прогрессъ сравнительно съ собственнымъ основнымъ принципомъ, съ тою идеею, изъ которой исходила вся школа. Вначалѣ это была доктрина какого-то спокойнаго безразличія, философскаго безстрастія, которая порицала всякій аффектъ, нарушающій внутренній миръ человѣка, равновѣсіе его души. Мудрецъ, по первоначальному ученію стоиковъ не долженъ давать власти надъ собою состраданію; онъ не долженъ знать и чувства прощенія. Зло, господствующее въ мірѣ, стоики и не думали побѣждать: они учили только, что для себя лично его можно сдѣлать нечувствительнымъ, возвышаясь надъ нимъ безстрастіемъ

своего духа, и только. У позднѣйшихъ стоиковъ римской эпохи, у Сенеки, у Марка Аврелія, у Эпиктета, эта моральная доктрина уже отрѣшается отъ своей безразличной исключительности, и стоицизмъ дѣлается проповѣдью состраданія, любви къ ближнему, братства и одинаковаго достоинства всѣхъ людей. «Природа — говоритъ Сенека — сдѣлала насъ всѣхъ родными... Она внушила намъ взаимную любовь... Нужно жить для другихъ, если ты хочешь жить для себя... Природа вложила въ сердце человѣка любовь къ себѣ подобнымъ, она приказываетъ намъ быть имъ полезными, будутъ ли они свободные или рабы, благородные или вольноотпущенники. Вездѣ, гдѣ есть человѣкъ, есть мѣсто для благодѣянія... Есть-ли кто любящею человѣка? Люди рождены для взаимной помощи; они стремятся къ соединенію, хотя бы и быть полезными; они помогаютъ даже незнакомымъ; они готовы жертвовать собою ради другихъ». У Сенеки остается еще кое-что изъ того безстрастія, которое было идеаломъ раннихъ стоиковъ: «мудрецъ — говоритъ онъ наприм., — отретъ слезы другихъ, но не примѣшаетъ къ нимъ своихъ... Онъ не будетъ сострадательнымъ, но онъ будетъ помогать другимъ». Но за то онъ порицаетъ ненависть и мстительность, какъ недостойныя мудреца. У Эпиктета мы находимъ уже такія мѣста: «Это — разбойникъ, не долженъ ли онъ погибнуть? Скажи лучше, что этого человѣка находятъ въ заблужденіи, что онъ слѣпъ; развѣ слѣдуетъ предавать смерти слѣпца или глухого?.. Одинъ пиратъ потерпѣлъ кораблекрушеніе, и нѣкто далъ ему одѣяніе, принявъ его къ себѣ и снабдивъ всѣмъ необходимымъ. Когда его стали бранить за то, что онъ оказывалъ благодѣяніе разбойнику, онъ отвѣчалъ: я исполнилъ свой долгъ не по отношенію къ этому человѣку, а по отношенію къ человѣчеству... Ты гражданинъ міра, ты часть вселенной. Но какова главная обязанность гражданина? Это — не руководиться исключительно своей пользой, какъ-будто бы онъ былъ отдѣленъ отъ общаго союза, но дѣйствовать, какъ рука или нога, которыя — если бы могли разсуждать и понимать устройство природы — направляли бы свои движенія и свои стремленія сообразно съ потребностями всего тѣла». «Душа моя, — восклицаетъ императоръ Маркъ Аврелій, — испытаешь ли ты, наконецъ, блаженство любить людей и имъ благодѣтельствовать?.. Люби людей, съ которыми тебѣ суждено жить, и люби ихъ истинною любовью... Чего тебѣ еще нужно, когда ты дѣлаешь добро людямъ? Развѣ тебѣ недостаточно того, что ты сдѣлалъ нѣчто, соответствующее твоей природѣ, и ты хочешь еще награды? Это все равно, если бы глазъ потребовалъ платы за то, что смотритъ, и ноги за то, что ходятъ... Я членъ одного великаго тѣла, которое составляютъ всѣ разумныя существа... Такой-то меня презираетъ, это его дѣло. Что касается до меня, то я буду остерегаться дѣлать и говорить что-либо достойное

презрѣнія. Другой меня ненавидитъ, и это его дѣло. Я кротокъ и хорошо ко всѣмъ расположенъ»... Тѣ же стоики провозглашали, что отечество человѣка—вся вселенная, что и рабы имѣютъ тѣ же нравственныя достоинства, какія вообще заключаются въ человѣческой природѣ, что всѣ люди братья, что любовь къ ближнему есть главный законъ, связывающій всѣхъ людей въ одно великое отечество и т. д., т.-е. проповѣдовали принципы, діаметрально противоположныя тѣмъ, которые лежали въ основѣ морали грека и римлянина въ началѣ ихъ исторической жизни. Насколько эти принципы проникали въ жизнь, это другой вопросъ, но что они могли зародиться только въ обществѣ, достигшемъ извѣстной степени нравственнаго развитія, это едва ли подлежитъ сомнѣнію.

Теперь, наконецъ, прогрессъ социальный. Война есть одно изъ самыхъ антисоциальныхъ явленій. Греки и римляне начали съ войны; войной Римъ завоевалъ древній міръ; война прославлялась старыми поэтами. Объединеніе «вселенной» Римскою имперіею водворило миръ, по крайней мѣрѣ, внутри этой имперіи, направило общество къ болѣе мирной дѣятельности и заставило тогдашнихъ поэтовъ прославлять именно это умиротвореніе вселенной. Позднѣйшія войны имперіи имѣли цѣлью не столько расширеніе предѣловъ имперіи, сколько защиту ея границъ. Въ началѣ античной исторіи мы замѣчаемъ, далѣе, доведенный до крайности партикуляризмъ: отдѣльныя гражданскія общины вѣчно враждуютъ между собою, и если среди нихъ образуются союзы, то обыкновенно самая сильная пользуется союзомъ лишь для того, чтобы владычествовать надъ остальными: это—господство города надъ городомъ, гражданъ надъ побѣжденными, какъ антисоциальный результатъ изначальнаго въ Греціи и Италіи обособленія отдѣльныхъ общинъ, не считающихъ себя связанными между собою какими-либо узами. Но среди этого хаотическаго быта замѣчается и отчасти осуществляется стремленіе къ единенію на началахъ равноправности: греческіе города въ эпоху македонскаго владычества создали Ахейскій союзъ уже на началахъ равноправности; замкнутый сначала самъ въ себѣ, Римъ распространилъ права своихъ гражданъ на все свободное населеніе имперіи. Внутри самихъ гражданскихъ общинъ сначала господствуетъ антисоциальный принципъ крайняго неравенства; эпатриды и патриціи являются едиными господами и распорядителями общинъ, демось, плебеи либо совѣмъ исключены изъ пользованія политическими правами, либо играютъ самую послѣднюю роль. Развѣ нельзя причислить къ прогрессивнымъ явленіямъ паденіе этого неравенства, когда, напр., въ Аѣнахъ установилась демократія, или когда въ Римѣ были уравнены права патриціевъ и плебеевъ? Правда, античный міръ палъ, не уничтоживъ рабства, но и тутъ законодательство имперіи, взявшее

раба подъ свою защиту, было прогрессомъ въ сравненіи съ болѣе раннимъ правомъ, оставлявшимъ раба въ полной зависимости отъ господина. Соціальный принципъ есть принципъ солидарности, и понятное дѣло, что эта солидарность имѣла къ концу античнаго міра гораздо большую сферу дѣйствія, чѣмъ въ началѣ его исторіи: всѣ жители обширной имперіи въ качествѣ гражданъ единого государства были теперь такъ же политически солидарны между собою, какъ прежде могли быть солидарны только граждане одного города; между отдѣльными общественными классами было болѣе солидарности, когда ихъ права были уравнены, нежели тогда, когда сословія чуть не были готовы превратиться въ касты на подобіе тѣхъ, какія существовали въ Индіи. Правда, Римская имперія не осуществила принципа солидарности вполнѣ, но, спрашивается, осуществило ли его во всемъ его объемѣ хотя бы одно изъ новыхъ государствъ Европы? Не является ли осуществленіе этого принципа и теперь еще далекимъ идеаломъ будущаго въ мечтахъ лишь передовыхъ людей нашего времени? Нужно брать вещи относительно, и, смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, мы обнаружимъ и въ античномъ мірѣ прогрессъ соціальный. Одна исторія римскаго права есть исторія прогрессивнаго, постояннаго движенія впередъ къ разумному и общечеловѣческому. Старыя сакральныя воззрѣнія съ теченіемъ времени уступали мѣсто философскимъ, такъ какъ первые римскіе юристы стояли въ связи съ жречествомъ, послѣдніе находились подъ вліяніемъ стоиковъ. Старое, исключительно римское, строгое и буквальное право (*jus strictum*) стало вытѣсняться постепенно правомъ, основаннымъ не на буквѣ закона, а на справедливости (*jus aequum*), примѣняясь не къ данному только мѣсту, а къ потребностямъ всякаго народа (*jus gentium*). Въ политикѣ родовая связь первоначальныхъ общинъ, выражавшаяся въ словѣ *patria*, замѣнилась болѣе широкою связью общности интересовъ, что выразилось въ названіи государства общественнымъ дѣломъ (*res publica*, τὸ κοινόν). Свободныя учрежденія Греціи и Рима также воспитывали общественный духъ гражданъ, и уже Аристотель объявилъ, что «государство не что иное, какъ союзъ равныхъ между собою существъ, ищущихъ заодно благополучнаго и удобнаго существованія». Это уже не восточная деспотія, но это и не первоначальная античная община.

Совершивъ извѣстнаго рода прогрессъ, античный міръ палъ. На развалинахъ Западной Римской имперіи основались новые народы, начавшіе новую жизнь. Восточная, или Византійская имперія съ центромъ въ Константинополѣ продолжала еще существовать послѣ того около тысячи лѣтъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это было какое-то существованіе забытой смертью дряхлости. Паденіе античнаго міра давно уже сдѣлалось предметомъ историко-философскихъ разсужденій,

усматривавшихъ въ этомъ явленіи или нѣчто, предопредѣленное заранѣе Провидѣніемъ въ его неисповѣдимыхъ путяхъ, или естественный конецъ извѣстнаго момента въ исторіи человѣчества, совершающейся будто бы по извѣстному плану, выполняя который, отдѣльныя націи выступаютъ каждая со своей особой миссіей—осуществить извѣстную идею: роль сыграна, пора и сойти со сцены. Первый отвѣтъ ничего не рѣшаетъ въ вопросѣ, второй даетъ рѣшеніе совершенно произвольное.

На самомъ дѣлѣ въ исторіи не существуетъ прямолинейнаго и безостановочнаго прогресса, и рядомъ съ силами, двигающими общество впередъ, въ жизни проявляютъ себя еще иныя силы, которыя искажаютъ, замедляютъ, останавливаютъ прогрессъ и даже толкаютъ общество назадъ. Въслѣдствіе этого прогрессъ существуетъ рядомъ съ регрессомъ; поэтому же отдѣльныя теченія прогресса опережаютъ одно другое или одно отъ другого отстаютъ. Высокая культура народа, выработанная меньшинствомъ, не всегда гармонируетъ со степенью духовнаго развитія большинства, которое при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ главнымъ образомъ и начать задавать тонъ жизни. Подобнымъ же образомъ высшее умственное развитіе встрѣчается рядомъ съ меньшимъ соотвѣтствіемъ между поведеніемъ людей и ихъ нравственными правилами, нежели это было при менѣе значительномъ умственномъ развитіи, и тогда въ обществѣ происходитъ пониженіе нравственнаго уровня. Наконецъ, менѣе сносныя для большинства формы общежитія совмѣщаются иногда съ самымъ развитымъ міросозерцаніемъ, и тогда умственный прогрессъ, не сопровождаемый прогрессомъ социальнымъ, является чѣмъ-то одностороннимъ и непрочнымъ и т. д. Исторія есть явленіе въ высшей степени сложное, представляя рядъ одновременныхъ и послѣдовательныхъ, частью другъ друга обуславливающихъ, частью другъ на друга влияющихъ культурно-социальныхъ процессовъ весьма различнаго свойства. Очевидно, что между находящимися во взаимодействіи общественными явленіями есть прогрессивныя, есть и регрессивныя. Иногда послѣднія являются зародышами смертельной болѣзни, которую не въ силахъ предотвратить первыя, или же прогрессивной тенденціи приходится обрабатывать такой матеріалъ, который очень трудно поддается обработкѣ, и обрабатывать его притомъ средствами, прямо не ведущими къ цѣли. Таковъ именно былъ случай античнаго міра. Прогрессивность его исторіи очевидна, но въ высшее его состояніе перешли такіе старые недуги и выработались изъ нихъ такіе новые, что должны были естественно и необходимо привести къ смерти. Главная бѣда, какъ мы видѣли, заключалась въ томъ, что античная цивилизація была только цивилизаціей меньшинства, масса же продолжала коснѣть въ невѣжествѣ. Трудъ

этой массы поддерживалъ существованіе культурнаго слоя, но рабствомъ, бѣдностью, отвращеніемъ отъ нея образованныхъ классовъ, деспотизмомъ государства сама она была поставлена въ полную невозможность духовнаго развитія. Благодаря самому прогрессу, совершившемуся въ одномъ только культурномъ слоѣ, съ теченіемъ времени пропасть между меньшинствомъ и большинствомъ дѣлалась все большею и большею, и это уже само по себѣ было явленіемъ регрессивнымъ. Въ раннюю эпоху отдѣльные общественные классы были тѣснѣе связаны между собою одинаковою степенью умственнаго развитія, общими вѣрованіями, преданіями и т. п. Прогрессъ состоялъ какъ-разъ въ разложеніи этихъ вѣрованій и преданій, но такъ какъ онъ ограничился лишь однимъ слоємъ, то первоначальное единство разрушалось: культурный слой, интеллигенція пережила вѣру отцовъ и находилась подъ вліяніемъ философскихъ ученій, а масса жила всякаго рода суевѣріями; въ интеллигенціи выработывалась самая гуманная мораль, тогда какъ народъ былъ въ совершенно дикомъ состояніи; меньшинство додумывалось до болѣе правильныхъ формъ общежитія и пользовалось человѣческими правами, масса находилась въ порабощеніи, не имѣла ни правъ, ни патріотизма. Изолированное меньшинство не могло быть носителемъ прогресса, когда масса разучилась понимать меньшинство и начинала имъ тяготиться, какъ классомъ, жившимъ ея пѣтомъ и кровью и ей взамѣнъ ничего не дававшимъ. Большинство, которое составляетъ силу всякаго общества, не имѣло основаній поддерживать меньшинство, двигавшее общество впередъ, но отъ большинства оторванное, и само меньшинство, изолированное отъ массы, теряло подъ собою почву, лишалось своей основы, постепенно падало отъ внутренняго безсилія и внѣшнихъ ударовъ и утрачивало свою свободу, не имѣя возможности заинтересовать все населеніе въ ея поддержкѣ, а со свободой оно теряло одно изъ условий дальнѣйшаго развитія. Цивилизація должна была изсякнуть: невѣжественная, грубая, безправная масса не могла поддержать ту культуру, которую выработало для себя меньшинство. Такъ и случилось въ Римской имперіи. Въ основѣ ея находились многочисленныя массы рабовъ и крѣпостныхъ, жившихъ въ самой примитивной обстановкѣ, и лишь верхи общества были проникнуты или затронуты греко-римской цивилизаціей. Опираясь на политическую неразвитость всего населенія и на испорченность прежнихъ свободныхъ гражданъ, происшедшую отъ той деспотической власти, которую они имѣли надъ населеніемъ.—въ государствѣ водворился крайній деспотизмъ, задерживавшій свободное движеніе общества и истощавшій его матеріальныя силы. Мы уже видѣли, какія причины, съ другой стороны, приводили Римскую имперію къ экономическому оскуднѣнію, а за матеріальнымъ

об'єднаніємъ слѣдовали уменьшеніе народонаселенія, меньшая возможность для имущихъ классовъ поддерживать свою культурную жизнь, постепенное пониженіе интеллигенціи до уровня массы, усиленіе преданій этой массы, и все это вело къ застою, къ коснѣнію въ разъ установившихся рамкахъ: примѣръ—Византія съ ея чисто восточнымъ складомъ жизни. Античный міръ шель въ данномъ случаѣ, такъ сказать, по ложной дорогѣ. Онъ выработалъ многое въ области мысли, но эта мысль была достояніемъ незначительнаго меньшинства. Онъ сталъ доходить до болѣе высокой морали какъ-разъ въ то время, когда характеры мельчали подъ вліяніемъ политическаго деспотизма. Онъ установилъ лучшія формы общежитія, уничтоживъ вѣчную войну между народами, вошедшими въ составъ имперіи, уничтоживъ политическую и національную исключительность, уничтоживъ зародыши кастическаго устройства общества въ союзѣ свободныхъ людей, но онъ оставилъ существованіе рабства и выработалъ крайнее культурное неравенство. Могла ли быть прочна эта цивилизація, когда не было необходимыхъ условій ея прочности?

Древніе чувствовали, что ихъ міру приходитъ конецъ, сами видѣли его упадокъ и не могли вѣрить въ его прогрессъ. Они не понимали причинъ этого упадка, но что-то чуяли неладное, и тревога овладѣвала ихъ душами. Они не понимали, что непрочность всей ихъ цивилизаціи обусловливалась, главнымъ образомъ, тѣмъ, что она была оазисомъ въ пустынѣ: подули вѣтры, и песокъ пустыни стеръ съ лица земли роскошную растительность оазиса. Они не понимали, что ихъ умственный прогрессъ былъ непроченъ, ибо выработанное ими міросозерцаніе и ихъ свобода мысли не могли утвердиться въ обществѣ, когда масса была способна воспринимать одинъ догматическій мистицизмъ. Они не понимали, что ихъ прогрессъ нравственный уродовался самымъ отношеніемъ меньшинства къ большинству, которое продолжало жить въ варварскомъ состояніи, такъ что философская мораль интеллигенціи могла быть для него только гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Они не понимали, что всѣ успѣхи ихъ гражданственности не устранили главнаго и кореннаго недостатка ихъ соціальной жизни—и были далеки отъ установленія такой солидарности между меньшинствомъ и массой, которая позволяла бы первому идти впередъ и въ своемъ поступательномъ движеніи вести за собою послѣднюю. Постепенно это меньшинство уменьшалось количественно, не имѣя притока новыхъ силъ извнѣ и разоряясь матеріально отъ бѣдственнаго положенія массы,—падало качественно, извѣрившись въ своихъ старыхъ идеалахъ и будучи сковано грубымъ деспотизмомъ,—и, конечно, должно было утратить всякое вліяніе на массу, когда между нимъ и ею образовалась пропасть, усиленная эксплуатаціей одного класса другимъ.

Прежняя цивилизація пала. На сцену пришли новые народы, стоявшіе приблизительно на томъ же уровнѣ развитія, на какомъ находились сами греки и римляне въ началѣ своей исторіи. Зарождался новый порядокъ вещей. Людямъ снова пришлось доработываться до тѣхъ началъ, которыя уже были добыты древними. Но это новое варварство не было уже тѣмъ, чѣмъ было варварство старое. Регрессъ, замѣчаемый при переходѣ отъ древней исторіи къ среднимъ вѣкамъ, не могъ возвратити всемірной исторіи къ ея исходному пункту. Условій, благоприятныхъ для дальнѣйшаго движенія впередъ и для большей прочности будущей цивилизаціи, теперь было больше. Не все пало, кое-что и притомъ немаловажное уцѣлѣло. Новые народы сохранили въ началѣ своей исторіи очень многое изъ наслѣдства древнихъ. Жизнь, снова получившая религиозную окраску, подчинялась теперь не первобытному политеистическому міросозерцанію, а высшей религіи, которая сама пришла съ проповѣдью многихъ принциповъ, бывшихъ послѣднимъ словомъ умиравшей философіи. Когда средневѣковое развитіе довело Европу до способности снова понять пришедшую въ забвеніе античную цивилизацію, новые народы въ наслѣдіи древнихъ нашли богатый запасъ знаній, идей, опыта и, овладѣвъ имъ, облегчили тѣмъ самымъ свою дальнѣйшую культурную работу. Античный міръ не безслѣдно, такимъ образомъ, прожилъ свою жизнь для новой Европы, и паденіе его было не настолько полно, чтобы мы могли заниматься его исторіей ради одного отвлеченнаго интереса, какъ, напр., исторіей Китая, для насъ отдаленной и не связанной съ нами традиціей и преемственностью цивилизаціи. Не совсѣмъ поэтому мы неправы, когда, дѣля европейскую исторію на древнюю, среднюю и новую, пограничными столбами между этими тремя большими отдѣлами ставимъ, съ одной стороны, паденіе античной цивилизаціи, а съ другой такъ называемое возрожденіе классической древности въ концѣ среднихъ вѣковъ.

Очеркъ четвертый.

Общій взглядъ на средніе вѣка.

Три параллельныя средневѣковыя культуры: византійская, арабская и западно-европейская.—Распаденіе единаго историческаго міра на три обособленныя культурныхъ міра.—Культурный кризисъ въ концѣ античнаго міра.—Особенная важность западно-европейской исторіи.—Взаимныя отношенія мусульманскаго Востока и христіанской Европы въ средніе вѣка.—Средневѣковыя отношенія въ самомъ мусульманскомъ мірѣ.—Образованіе въ средніе вѣка романо-германскаго и греко-славянскаго міровъ въ Европѣ и ихъ взаимныя отношенія.

Если оставить въ сторонѣ Индію и Китай, какъ два обособленныхъ историческихъ міра, и сосредоточить все вниманіе на томъ историческомъ мірѣ, который образовался въ азіатскихъ, африканскихъ и европейскихъ странахъ, окружающихъ Средиземное море, и который былъ объединенъ въ большей своей части Римскою имперіей, то въ первомъ періодѣ средневѣковой исторіи эти страны, продолжавшія и потомъ быть главною ареною всемірной исторіи, окажутся распределенными между тремя обособленными культурами, изъ которыхъ каждая имѣла свой особый характеръ, свою особую судьбу. Эти культуры суть византійская, арабская и западно-европейская, называя ихъ въ порядкѣ, въ какомъ онѣ достигали наибольшаго своего развитія. Двѣ изъ этихъ культуръ, византійская и западно-европейская, были христіанскія, но онѣ были разъединены происшедшимъ въ IX—XI вв. раздѣленіемъ вселенской церкви на восточную и западную, третья же культура, арабская, составила особый и въ религіозномъ отношеніи міръ—мусульманскій. Такимъ образомъ распаденіе христіанскаго міра въ Европѣ на греко-восточную и римско-католическую церкви и отторженіе отъ этого міра азіатскихъ и африканскихъ областей бывшей Римской имперіи новой религіей, исламомъ, появившейся въ VII в.,

являются исходными пунктами обособленія трехъ культуръ, а то обстоятельство, что каждая изъ нихъ имѣла свой особый вѣроисповѣдный характеръ, само по себѣ въ высшей степени характерно и вообще для средневѣковья, какъ большого историческаго періода съ преобладаніемъ религіознаго начала въ жизни общества. Конечно, не одна религія была основою этого распаденія объединеннаго Римомъ историческаго міра, но и чисто политическія условія, и причины культурнаго и экономическаго свойства. Въ концѣ IV в. Римская имперія распалась на восточную и западную половины, очень между собою несходныя во многихъ отношеніяхъ. На Западѣ, мы видѣли, преобладалъ романскій элементъ, на Востокѣ—греческій, и, кромѣ того, въ экономическомъ отношеніи Востокъ стоялъ впереди Запада. Это было и во времена развитія финикійской и греческой торговли, и въ эпоху эллинистическихъ царствъ и образованія римской державы, и позднѣе, при имперіи. Перенесеніе политическаго центра изъ Рима въ Византию было какъ бы признаніемъ первенства Востока сравнительно съ Западомъ, и Востокъ доказалъ бѣольшую свою живучесть, сохранивъ старую римскую государственность въ то самое время, какъ на Западѣ въ теченіе V в. по Р. Х. эта государственность прекратила свое существованіе. Въ то самое время, какъ Византійская имперія, продолжавшая оффиціально называться Ромейской (т.-е. Римской), сохранила форму абсолютной монархіи съ бюрократической централизаціей, т.-е. политическую форму, утвердившуюся въ постепенно-античной Римской имперіи, и даже воскресила въ своемъ строѣ традиціи эллинистическихъ царствъ и даже деспотій древняго Востока, на Западѣ произошло полное крушеніе древнихъ учреждений съ возвращеніемъ общества къ болѣе примитивнымъ формамъ быта, и на мѣстѣ Римской имперіи возникло нѣсколько «варварскихъ» королевствъ, имѣвшихъ уже совершенно особый политическій и соціальный строй. На Востокѣ, какъ-никакъ, поддерживались въ средніе вѣка и торговля, и промышленность, которыя на Западѣ въ началѣ этого періода пришли въ страшный упадокъ. Все это привело не только къ варваризаціи Запада, но и къ обособленію его отъ Востока. Такъ дѣло было въ Европѣ, гдѣ, однако, Западъ на равной ногѣ съ Востокомъ распространялъ выработанную античнымъ міромъ культуру и христіанство въ тѣхъ странахъ, которыя раньше лежали за предѣлами всемірной исторіи. Культурныя вліянія, шедшія изъ Рима и романизованныхъ областей Запада, захватили всѣ страны за рейнско-дунайской линіей съ населеніемъ германскимъ, а отчасти и славянскимъ, не считая племенъ второстепеннаго значенія—мадьяръ, литовцевъ, финновъ. Наоборотъ, на Балканскомъ полуостровѣ и далѣе на сѣверѣ, за нижнимъ теченіемъ Дуная, а также въ странахъ между Чернымъ

и Балтійскимъ морями, гдѣ образовалось Русское государство, возобладала Византійская культура. И новые народы, слѣдовательно, вступившіе въ первомъ періодѣ среднихъ вѣковъ на поприще всемірно-исторического процесса, съ самаго начала распредѣлились между двумя обособленными культурами, образовавшимися въ Европѣ. Хотя и не вполне точно, но въ достаточной все-таки мѣрѣ вѣрно одинъ изъ этихъ міровъ обозначается, въ смыслѣ своего этнографического состава, какъ романо-германскій, другой—какъ греко-славянскій: главными народами западной культуры были тѣ, которые происходили или отъ романизованнаго населенія римскихъ провинцій Запада, или отъ древнихъ германцевъ, тогда какъ главными народами византійской культуры были, кромѣ самихъ грековъ, народы происхожденія славянскаго; неточность же названій «романо-германскій Западъ» и «греко-славянскій Востокъ» заключается въ томъ, что къ западной культурѣ примкнула и значительная часть славянства (чехи и поляки), а подъ влияніемъ культуры византійской была часть, хотя и не особенно, впрочемъ, важная, племени романскаго (румыны).

Въ то время, какъ въ Европѣ формировались оба эти средневѣковыхъ историческихъ, культурно-обособленныхъ міра, почти всѣ азіатскія и всѣ африканскія области бывшей Римской имперіи были отторгнуты отъ христіанства арабскимъ завоеваніемъ, результатомъ котораго были образованіе на громадной территоріи отъ Инда до Атлантическаго океана новой міровой державы, Арабскаго халифата, и утвержденіе на всемъ этомъ пространствѣ господства третьей послѣ буддизма и христіанства міровой религіи, ислама. Арабскій халифатъ своими размѣрами превзошелъ самоѣ Римскую имперію. Если мы сопоставимъ историческія карты древней Персидской державы, монархіи Александра Македонскаго и Римской имперіи съ историческою картою халифата *), то увидимъ, что въ сторону востока халифатъ простирался до тѣхъ же предѣловъ, какіе раньше имѣли Персидское царство и монархія Александра Великаго, а въ сторону запада—до крайнихъ пунктовъ прежней Римской имперіи. Эта громадная держава быстро возникла, но скоро, однако, стала распадаться, положивъ тѣмъ не менѣе начало третьему историческому міру среднихъ вѣковъ, магометанскому. Въ то время, когда европейскій Западъ былъ еще, какъ говорится, погруженъ въ варварство, и единственной хранительницей древняго образованія была Византія, въ халифатѣ произошло замѣчательное культурное развитіе, правда, тоже недолговѣчное, но тѣмъ не менѣе не прошедшее совершенно безслѣдно съ всемірно-исторической

*) Такое сопоставленіе читатель можетъ найти на первой таблицѣ картъ, приложенныхъ къ моему книжкѣ «Главные обобщенія всемірной історіи».

точки зрѣнія. Разсматривая ближе происхожденіе средневѣковой арабской культуры, которая одно время, несомнѣнно, стояла выше европейской, — не говорю: западной, но даже во многихъ отношеніяхъ и византійской, — мы неизбѣжно приходимъ къ тому выводу, что источникъ арабской культуры былъ все-таки, въ концѣ концовъ, греческій. Завоеватели-арабы весьма быстро подчинились культурному вліянію эллинизированныхъ областей Византійской имперіи, которыя они подчинили своему политическому господству, и все развитіе ихъ собственной культуры произошло такимъ образомъ на греческой основѣ. Многое изъ того, что было въ этой основѣ позабыто Византіей или отринуту, арабами было воспринято, и въ исторіи среднихъ вѣковъ былъ такой моментъ, когда мусульманская культура играла даже роль посредницы между западно-европейскою мыслью и греческимъ умственнымъ наслѣдствомъ. Достаточно именно вспомнить, что въ эпоху возрожденія на Западѣ философіи (въ формѣ такъ называемой схоластики) Аристотеля тамъ изучали въ латинскихъ переводахъ, сдѣланныхъ съ переводовъ арабскихъ, и съ толкованіями арабскихъ же ученыхъ. Этотъ знаменательный фактъ свидѣтельствуетъ также и о томъ, до какой степени въ самой Европѣ въ эту эпоху были разобщены въ культурномъ отношеніи Западъ и Византія, изъ которой только позднѣе, въ эпоху такъ называемаго классическаго возрожденія, настоящій греческій Аристотель былъ впервые принесенъ на Западъ.

Разсмотрѣнное разобщеніе романо-германскаго, греко-славянскаго и мусульманскаго міровъ было, конечно, регрессомъ по отношенію ко всему предыдущему ходу всемірной исторіи, совершавшемуся совсѣмъ въ иномъ направленіи, именно въ смыслѣ сближенія и объединенія. На Востокѣ шла непрерывная объединительная работа исторіи: за Египтомъ и Ассиріей, оспаривавшими между собою власть надъ сопредѣльными съ ними странами, выступила Персія, которая на двѣсти лѣтъ дала Востоку политическое единство; завоеванія Персидской монархіи Александромъ Македонскимъ, а эллинистическихъ царствъ, образовавшихся изъ его державы, Римомъ объединили исторію Востока съ исторіей Европы и въ культурномъ, и въ политическомъ отношеніи, и это объединеніе продолжалось около тысячи лѣтъ, — столько именно времени прошло отъ завоеванія Александромъ Македонскимъ Востока до перехода его подъ власть арабовъ, беря, напримѣръ, моменты двухъ завоеваній Египта — Александромъ въ 332 г. до Р. Х. и халифомъ Омаромъ въ 641 г. по Р. Х. Арабскій халифатъ сыгралъ великую объединительную роль на средневѣковомъ Востокѣ, но на счетъ прежняго греко-римскаго объединенія. Отторженіе исламомъ въ VII в. азіатскихъ и африканскихъ областей отъ христіанства, какъ прямого наслѣдника античной цивилизаціи, было умаленіемъ прежняго глав-

наго историческаго міра. Правда, въ Европѣ онъ расширился, включивъ въ свой составъ страны, лежавшія за рейнско-дунайской линіей, но зато здѣсь онъ распался на два отдѣла, между которыми культурныя связи сильно ослабѣли. Симптомами этого обособленія были судьбы греческаго языка на Западѣ и латинскаго на Востокѣ. Въ римскую эпоху исторіи античнаго міра установилось изученіе греческаго языка на Западѣ, какъ языка высшей культуры, а на Востокѣ латинскій языкъ сдѣлался вслѣдъ затѣмъ языкомъ официальныхъ актовъ правительства, или государственнымъ языкомъ, какъ говорится въ настоящее время. Въ средніе вѣка произошло паденіе греческаго языка на Западѣ и латинскаго на Востокѣ, и раздѣленіе церквей нанесло особенно сильный ударъ культурному взаимодействию обѣихъ половинъ Европы. Конечно, полнаго прекращенія сношеній между этими двумя половинами европейскаго, христіанскаго міра не могло произойти, но они до-нельзя сократились и сузились, тѣмъ болѣе, что самъ Западъ, если можно такъ выразиться, раскрошился на мелкія политическія тѣла, и общіе интересы совершенно отступили въ нихъ на задній планъ передъ мѣстными.

Регрессъ былъ не въ одномъ этомъ, но и въ самомъ характерѣ средневѣковой культуры. Уже въ послѣднія времена Римской имперіи общее направленіе духовной культуры античнаго міра было отклоненіемъ отъ того свѣтскаго и научнаго направленія, какое приняла греческая философская мысль, и отъ тѣхъ идей и методовъ, въ которыхъ выразился весь духъ античной цивилизаціи, какъ первой во всемірной исторіи стадіи постепенно совершающагося освобожденія человѣческаго ума. Отклоненіе это происходило въ такую сторону, что мы не можемъ не видѣть въ этомъ явленіи возвращенія всемірной исторіи къ пережитымъ уже фазисамъ культурной эволюціи, на которыхъ остановился древній Востокъ, не видѣть въ немъ, отклоненіи этомъ, вліянія Востока съ его мистицизмомъ и догматизмомъ на греко-римскій міръ. Распространеніе восточныхъ культвъ въ имперіи и религіозный синкретизмъ, о которомъ говорилось въ концѣ предыдущаго очерка, равно какъ отмѣченное тамъ же возникновеніе неоплатонической философіи съ ея особымъ интересомъ къ древнимъ міеамъ и многіе другіе однородные факты свидѣтельствуютъ намъ о глубокомъ процессѣ, совершавшемся въ греко-римскомъ обществѣ, о процессѣ ослабленія свѣтской культуры, о процессѣ усиленія культуры религіозной, а въ этомъ-то и заключалось возвращеніе къ восточной по характеру своему цивилизаціи; въ этомъ-то и состояло вторичное вліяніе Востока на европейскій міръ. Распространеніе и утвержденіе христіанства придало этому культурному кризису лишь особую окраску, но не христіанская проповѣдь къ нему привела. Истрѣченное враждебно представителями

античной культуры, оно само стало въ неприязненныя отношенія не только къ греко-римскому язычеству съ его грубыми суевѣрїями и безнравственностью, но и ко всей культурѣ, связанной исторически съ этимъ язычествомъ. Въ эту послѣднюю эпоху исторїи античнаго міра, когда на него, такъ сказать, уже надвигалось средневѣковье съ его исключительно религіозной культурой, во всей Римской имперїи литература, искусство, наука, философія свѣтскаго характера все болѣе и болѣе падаютъ и въ чисто римской, и въ греческой половинахъ имперїи, и всѣ лучшія умственныя силы уходятъ на служеніе церкви, въ нѣдрахъ которой образованность получила главнымъ образомъ теологическій характеръ, въ народныхъ же массахъ господствовали разныя восточныя суевѣрїя, которыхъ не въ силахъ было истребить и само христіанство. Въ самой церкви умственныя силы направились скоро на разрѣшеніе превышающихъ человѣческой разумъ догматическихъ вопросовъ, что породило цѣлый рядъ ересей, а вмѣстѣ съ ними и страшныя внутреннія смуты, во время которыхъ все болѣе и болѣе развивалась религіозная нетерпимость. Въ богословскіе споры стала затѣмъ вмѣшиваться и свѣтская власть. Теологическій догматизмъ мало-по-малу сдѣлалъ невозможнымъ существованіе свободнаго изслѣдованія. Съ Востока же проникъ въ греко-римскій міръ и аскетизмъ, сдѣлавшійся въ средніе вѣка главнымъ принципомъ морали. Античный человѣкъ всѣ цѣли своего существованія полагалъ въ земной жизни, но для аскетическаго взгляда земная жизнь должна была являться не чѣмъ инымъ, какъ приготовленіемъ къ загробному существованію, и это наложило свою печать на все средневѣковое міросозерцаніе. Оно было общимъ въ Европѣ одинаково и Востоку, и Западу, и характеристика средневѣковаго католицизма, которую мы дадимъ ниже, съ успѣхомъ можетъ быть обобщена и для пониманія аналогичныхъ культурныхъ чертъ и въ восточной половинѣ Европы. Напримѣръ, высшимъ продуктомъ умственной дѣятельности въ средніе вѣка считается схоластика, только отрѣшившись отъ которой, новая Европа двинулась впередъ въ области научнаго и философскаго мышленія. Мы привыкли смотрѣть на схоластику, какъ на исключительно западно-европейское историческое явленіе, но на самомъ дѣлѣ, съ тѣмъ же самымъ умонастроеніемъ, которое породило схоластику, мы встрѣчаемся и въ Византїи, и у арабовъ. Если что и давало послѣднимъ перевѣсъ въ средневѣковомъ культурномъ развитїи, то это были черты, наименѣе свойственныя настоящей, наиболѣе вѣрной своимъ принципамъ схоластикѣ, именно независимость мысли отъ вышнихъ авторитетовъ и интересъ къ реальному міру. Эти двѣ черты были особенно присущи греческому генію, и отъ возрожденія ихъ въ новой европейской культурѣ пошло все то умственное развитіе, которое привело къ

современнимъ философскимъ идеямъ и научнымъ знаніямъ; средневѣковое же міросозерцаніе осуждало оба эти источника всякаго движенія впередъ въ области интеллектуальной жизни. Заслуга арабской цивилизаціи въ томъ и заключалась, что въ ней, кромѣ схоластики, развивались и положительныя знанія, бывшія въ пренебреженіи у византійцевъ, а тѣмъ болѣе въ Западной Европѣ.

Выражаясь образно, главное русло всемірной історіи, образовавшееся изъ сліянія нѣсколькихъ древнихъ цивилизацій, было и широкимъ, и глубокимъ, но мало-по-малу оно стало, если въ общемъ и не суживаться, то мельчать и вмѣстѣ съ этимъ раздѣлилось на три отдѣльныя русла. Который же, спрашивается, изъ этихъ трехъ рукавовъ великой рѣки, изъ этихъ трехъ сузившихся вслѣдствіе своего раздѣленія теченій, долженъ разсматриваться какъ главный рукавъ, какъ теченіе, заключающее въ себѣ всю будущность цивилизаціи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть полученъ при самомъ бѣгломъ взглядѣ на судьбы трехъ средневѣковыхъ культуръ, о которыхъ шла у насъ рѣчь до сихъ поръ въ этомъ очеркѣ. Арабская цивилизація была лишь блестящимъ эпизодомъ безъ прочнаго значенія во всемірной історіи: подъ ея вліяніемъ совершалось культурное развитіе цѣлага ряда народовъ, которые оказались не въ состояніи воспринять все то жизненное, что заключалось въ арабской цивилизаціи ея блестящаго періода, и въ результатъ получилось то, что всѣ мусульманскія страны до сихъ поръ находятся вообще на ступеняхъ духовной культуры и социально-политическаго быта, на которыхъ стояли царства древняго Востока и стоятъ Индія и Китай (между прочимъ, тоже бывшіе въ средніе вѣка затронутыми мусульманствомъ). Нѣтъ, не здѣсь было главное русло всемірной історіи. Оно не было и въ средневѣковой історіи Восточной Европы, которой даже пришлось испытать на себѣ мусульманское иго въ лицѣ наихудшихъ представителей изъ всѣхъ послѣдователей ислама: въ XIII в. установилось надъ большею частью Руси татарское владычество, въ XIV подъ ударами турокъ пали балканскіе славяне, въ XV и Византійская имперія сдѣлалась добычей этихъ азіатскихъ завоевателей. Главнымъ русломъ всемірной історіи въ средніе вѣка оказалось западно-европейское развитіе, которое на первыхъ порахъ было какъ-разъ самымъ суженнымъ и самымъ обмѣлѣвшимъ. Фактъ обнаруживается, однако, только въ концѣ среднихъ вѣковъ, когда Западъ выходитъ изъ своего обособленія и, отрѣшаясь отъ средневѣковыхъ традицій, вступаетъ на новый путь культурнаго развитія. Открытіе западными народами, въ концѣ XV в., новаго материка, Америки, и морского пути въ Индію вокругъ Африки, а въ началѣ XVI в. и появленіе ихъ кораблей на Великомъ океанѣ полагаютъ начало океаническому періоду всемірной історіи, въ кото-

ромъ Европа приобретаетъ положеніе главенствующей части свѣта на всемъ земномъ шарѣ. Съ другой стороны, въ Западной Европѣ возобновляется къ тому же времени давнымъ-давно прерванная нить свободного развитія въ области жизни и въ области мысли, причемъ передовые умы обращаются къ изученію полупозабытой и даже сдѣлавшейся совсѣмъ непонятной въ средніе вѣка античной культуры, въ которой они находятъ опору своимъ новымъ стремленіямъ. Наконецъ, въ этотъ же новый періодъ всемірной исторіи, въ которомъ и мы живемъ, западно-европейская культура широко распространяется внѣ своихъ географическихъ границъ, все болѣе и болѣе подчиняя себѣ отдѣльные народы всего земного шара. Въ Европѣ культурныя традиціи Византіи заглохли и изсякли, и тѣ народы, которые подъ ея культурнымъ вліяніемъ приобщились ко всемірно-исторической жизни, живутъ теперь и развиваются въ тѣсномъ общеніи съ западной цивилизаціей, все болѣе и болѣе дѣлающейся поэтому цивилизаціей обще-европейской. Такъ какъ, однако, эта цивилизація господствуетъ и въ Америкѣ, и въ Австраліи и получаетъ все большее и большее распространеніе въ Азіи и въ Африкѣ, то ей предстоитъ въ будущемъ сдѣлаться цивилизаціей всемірной и общечеловѣческой.

Я нарочно позволилъ себѣ забѣгать нѣсколько впередъ и мимоходомъ высказать мысли, которыя получаютъ болѣе подробное обоснованіе и дальнѣйшее развитіе въ своемъ мѣстѣ, чтобы этимъ бѣглымъ взглядомъ, брошеннымъ на исторію собственно новаго времени, объяснить, въ какомъ смыслѣ изъ трехъ средневѣковыхъ культуръ слѣдуетъ отдать предпочтеніе—съ всемірно-исторической точки зрѣнія—культурѣ западно-европейской. Пусть въ началѣ среднихъ вѣковъ исторія Запада получаетъ характеръ самаго рѣзкаго регресса и въ экономическомъ, и въ культурномъ, и въ политическомъ смыслѣ, какъ абсолютно, такъ и по сравненію съ тогдашней Византіей, но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи западные народы, одно время остававшіеся также значительно и позади странъ арабской культуры, опередили всѣ остальные части историческаго человѣчества. Поэтому и мы въ общей характеристикѣ среднихъ вѣковъ, какъ особаго большого отдѣла всемірной исторіи, должны преимущественно имѣть въ виду Западную, романо-германскую Европу. Если есть какой-либо смыслъ въ фантастическомъ представленіи исторіи человѣчества, какъ переселенія «всемірнаго духа» *)), съ каждымъ новымъ шагомъ его развитія, изъ одного народа или изъ одной части человѣчества въ другой народъ, въ другую часть, то мы можемъ сказать, что отъ греко-римскаго міра этотъ духъ былъ воспринятъ именно Западною Европою, которая хранила его у себя

*) См. выше, стр. 13.

до того момента, когда и другія части человѣчества сдѣлались—своимъ предыдущимъ развитіемъ—способными его воспринять.

Чтобы покончить съ вопросомъ о трехъ культурныхъ мірахъ средневѣкового періода всемірной исторіи, мы бросимъ еще взглядъ на взаимныя отношенія этихъ трехъ міровъ за разсматриваемый періодъ. Однимъ изъ наиболее крупныхъ явленій средневѣковой исторіи нужно признать борьбу мусульманскаго Востока съ христіанской Европой. Въ этой борьбѣ, разсматриваемой съ самой общей точки зрѣнія, исламъ былъ наслѣдникомъ прежнихъ азіатскихъ царствъ, стремившихся къ завоеваніямъ въ областяхъ европейской культуры. Натискъ Азіи на Европу начался за пять вѣковъ до Р. Х. и въ общемъ былъ натискомъ варварства на болѣе высокую культуру съ тѣхъ поръ, какъ Европа стала опережать Азію въ цивилизаціи. Въ V в. до Р. Х. греки отразили персидское нашествіе, а съ IV в., въ македонскую и римскую эпохи, даже Европа господствовала въ Азіи. Однако, у Римской имперіи здѣсь былъ опасный врагъ въ лицѣ Паряянскаго (позднѣе Ново-Персидскаго) царства, образованіе котораго было азіатской реакціей противъ европейскихъ культурныхъ вліяній. Въ византійскія времена азіатское варварство усилило свой натискъ на тогдашній цивилизованный міръ, но Персидскому царству, которое стремилось расширить свои владѣнія на счетъ Восточной Римской имперіи, положили конецъ арабы, которые, создавъ новую политическую силу къ Азіи, халифатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ восприняли воинственную политику своихъ предшественниковъ, персовъ, и еще болѣе усилили натискъ азіатскаго Востока на Европу и ея владѣнія въ самой Азіи. Въ составъ халифата вошли, какъ мы знаемъ, почти всѣ бывшія римскія владѣнія въ Азіи и всѣ безъ исключенія римскія провинціи въ Африкѣ, но, не ограничившись этимъ, послѣдователи ислама стали нападать и на Европу. Въ началѣ VIII в. они завоевали Испанію (711) и надолго въ ней утвердились: только постепенно христіане отвоевали у «мавровъ» этотъ большой полуостровъ Южной Европы, и лишь въ концѣ XV в. пало здѣсь послѣднее магометанское владѣніе, Гренада. Изъ Испаніи, въ первой же половинѣ VIII в., сдѣлано было арабами нападеніе на Галлію, въ которой уже сложилось государство франковъ, но здѣсь счастливые побѣдители столькихъ странъ и народовъ потерпѣли сильное пораженіе (732 г.), и христіанскій міръ на Западѣ былъ спасенъ отъ мусульманскаго завоеванія. Но «сарацины» и послѣ этого продолжали тревожить Западную Европу на островахъ и берегахъ Средиземнаго моря. Послѣ распадѣнія монархіи Карла Великаго, бывшей восстановленіемъ Западной Римской имперіи, они нападали на южное побережье Франціи, гдѣ строили даже укрѣпленія, нападали на Южную Италію и въ своихъ набѣгахъ до-

ходили до Рима, а въ Сициліи и Сардиніи имъ удалось даже утвердиться и на продолжительное время. То же самое происходило и съ восточной стороны. Въ VIII в., бывшемъ эпохой борьбы между халифатомъ и Византіей за обладаніе Малой Азіей и Архипелагомъ, арабы подступали къ самой столицѣ Восточной имперіи, и ей грозила опасность быть ими захваченной.

Сначала Европѣ приходилось только обороняться, но съ XI в. она дѣлаетъ попытку перейти въ наступленіе. Въ серединѣ XI в. западные рыцари отвоевали у сарациновъ Сицилію и южную Италію, и къ этому же времени относится образованіе христіанскихъ государствъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Но самое замѣчательное событіе эпохи, это—крестовые походы, двухвѣковая (1096 — 1291 гг.) борьба христіанской Европы съ мусульманскимъ Востокомъ, которая была уже наступленіемъ Европы на Востокъ и потому имѣла громадное историческое значеніе во взаимныхъ отношеніяхъ мусульманскаго и христіанскаго міровъ.

Передъ началомъ крестовыхъ походовъ первенство въ мусульманскомъ мірѣ—на развалинахъ великаго халифата—перешло отъ арабовъ къ туркамъ. Новый народъ завоевателей, смѣнившій арабовъ въ политическомъ господствѣ, но не сумѣвшій поддержать выработанной арабами культуры, былъ столь же опасенъ для византійскихъ владѣній въ Азіи, какъ и арабы. Опасность со стороны турокъ заставила Византію просить противъ нихъ помощи у Запада, и это было одною изъ причинъ крестоносныхъ предпріятій романо-германскаго міра противъ мусульманскаго Востока. Въ крестовыхъ походахъ въ XII—XIII вв., какъ въ сложномъ узлѣ, переплелись отношенія западно-европейскія, византійскія и мусульманскія, и въ этомъ заключается ихъ всемірно-историческое значеніе. Непосредственной цѣли своей—отвоеванія у невѣрныхъ гроба Господня—крестовые походы не достигли, но они имѣли громаднаго политическаго послѣдствія. Прежде всего, эта борьба расшатала Византійскую имперію. Крестоносныя ополченія одно за другимъ двигались черезъ ея европейскія владѣнія, что оказалось для нея политически опаснымъ. Въ первой половинѣ XIII в. (1204—1261 г.) Византійская имперія даже переставала существовать, и на ея мѣстѣ была основана западными крестоносцами такъ называемая Латинская имперія. Раздѣленная въ вѣроисповѣдномъ отношеніи на православный Востокъ и католическій Западъ, христіанская Европа не обнаружила большой солидарности въ борьбѣ съ мусульманствомъ. Съ другой стороны, крестовые походы усилили религіозный фанатизмъ турокъ, которые, въ концѣ концовъ, отразивши сдѣланное на нихъ нападеніе, съ удвоенной энергіей стали продолжать свой натискъ на христіанство. Въ эпоху кре-

стовыхъ походовъ наслѣдниками турокъ «сельджукскихъ» сдѣлались въ Азіи турки «османскіе», которые, постепенно завоевавъ Малую Азію, въ срединѣ XIV в. утвердились въ одномъ пунктѣ и на европейскомъ берегу Дарданельскаго пролива. Отсюда ими было предпринято завоеваніе всего Балканскаго полуострова, который и сдѣлался ихъ добычей въ XV в.: въ 1389 г. пало царство Сербское, въ 1453 г. завоеванъ былъ турками и самый Константинополь. Въ первой половинѣ XVI в. турки подчинили себѣ и большую часть Венгріи, откуда долгое время грозили всей Средней Европѣ.

Таковы были въ общихъ чертахъ взаимныя отношенія христіанскаго и мусульманскаго міровъ въ средніе вѣка. Западная половина Европы оказалась болѣе счастливой, чѣмъ восточная: въ то самое время, какъ падаетъ послѣднее мусульманское владѣніе въ Испаніи, весь Балканскій полуостровъ дѣлается добычею мусульманъ, грозящихъ отсюда въ слѣдующемъ вѣкѣ независимости центральныхъ частей Европы.

Бросимъ еще общій взглядъ на средневѣковыя отношенія въ самомъ мусульманскомъ мірѣ. Мы уже упоминали объ образованіи арабами великой міровой державы, превосходившей своими размѣрами даже античную Римскую имперію. Арабамъ не удалось, однако, поддержать единство своего халифата, и онъ мало-по-малу распался на отдѣльныя части.

Нами было уже отмѣчено и то, что временно у арабовъ происходило съ большимъ блескомъ чисто культурное развитіе, но и оно было недолговѣчно. Въ общемъ арабы сыграли только роль культурныхъ посредниковъ, оказавшихъ вліяніе на западно-европейскіе народы при посредствѣ своихъ испанскихъ и сицилійскихъ единовѣрцевъ. Не забудемъ, что арабамъ мы обязаны нашими теперешними цифрами (индійскаго, впрочемъ, происхожденія), алгеброй, многими знаніями и открытіями въ областяхъ естествознанія и медицины, наконецъ, тѣмъ возбуждающимъ значеніемъ, какое имѣла ихъ философія для средневѣковой схоластики на Западѣ, въ которой таились зародыши всего дальнѣйшаго отвлеченнаго мышленія въ Европѣ. Эпоха арабскаго владычества въ Азіи и Африкѣ была кратковременной, и мѣсто ихъ съ XI в. заняли турки, которые принесли съ собою во всемірную исторію лишь одно варварство. Такимъ образомъ. Азія съ Африкой въ мусульманскомъ періодѣ въ конечномъ подсчетѣ результатовъ не прогрессировала, а регрессировала, и этою стороною своей исторіи Азія повліяла и на восточную половину исторіи— на Балканскій полуостровъ, который только въ XIX в. сталъ возрождаться къ культурной жизни, на Венгрію, которая въ XVI и XVII вв. тоже находилась подъ турецкимъ господствомъ, наконецъ,

на Русь, точно также долгое время бывшую подъ игомъ мусульманскаго народа, но уже не турокъ, а монголовъ.

Указаніе на монгольское иго приводитъ насъ еще къ одному важному перевороту въ Азіи, имѣвшему всемірно-историческое значеніе и, въ частности, оказавшему громадное вліяніе на весь мусульманскій міръ. Въ XIII в. въ Азіи появился новый народъ завоевателей, именно монголы, которые на нѣсколько десятилѣтій объединили въ одну большую деспотію чисто восточнаго характера громадную территорію, охватывавшую южную часть Сибири, Китай, Тибетъ, Среднюю Азію, Иранъ и бѣльшую часть Передней Азіи, а въ Европѣ почти всю восточную половину теперешней Россіи. Это объединеніе въ политическомъ отношеніи было очень непрочнымъ,—менѣе даже прочнымъ, чѣмъ арабское,—но важно было то, что бѣльшая часть монгольскихъ завоевателей приняла магометанство: это, конечно, сильно содѣйствовало его распространенію въ Азіи. (Еще разъ отмѣтимъ, что исламъ проникъ вообще и въ Индію, и въ Китай, стоявшіе и въ среднѣе вѣка какъ бы особнякомъ и «въ сторонѣ отъ большой дороги всемірной исторіи»). Въ концѣ среднихъ вѣковъ знаменитымъ Тамерланомъ сдѣлана была новая попытка объединенія Азіи подъ властью монголовъ и на этотъ разъ притомъ на счетъ турокъ, въ это самое время создававшихъ свою міровую державу, но эта попытка со смертью основателя второю Монгольскаго царства окончилась неудачей. Хотя въ битвѣ при Ангорѣ (1402 г.) монголы и одержали верхъ надъ турками, однако, это имѣло лишь то значеніе, что отсрочило на нѣкоторое время тотъ окончательный ударъ, который турки собирались нанести Византійской имперіи.

Въ числѣ странъ, подпавшихъ подъ монгольское иго, была бѣльшая часть Руси. Только въ 1480 г.—за двѣнадцать лѣтъ до паденія Гренады—удалось ей окончательно сбросить съ себя это иго.

Отъ отношеній между христіанской Европой и мусульманскимъ Востокомъ переходимъ къ образованію въ самой Европѣ двухъ обособленныхъ культурныхъ міровъ и къ ихъ взаимнымъ отношеніямъ.

Мы уже упоминали, что еще въ концѣ античной эпохи въ Римской имперіи возникло раздѣленіе между эллинизированнымъ Востокомъ и романизированнымъ Западомъ. Распаденіе самой имперіи на двѣ части въ концѣ IV в. было какъ бы только политическимъ подтвержденіемъ культурнаго различія, а за культурнымъ и политическимъ обособленіемъ послѣдовало и церковное, окончательно состоявшееся въ IX—XI вв. Въ этотъ великій расколъ христіанства были втянуты и новые европейскіе народы, которые приняли свою вѣру или изъ Рима, или изъ Византіи.

Хотя христіанство и явилось, какъ религія универсальная, обще-

человѣческая, но въ немъ рано образовались свои мѣстныя отличія, которыя часто принимали національный характеръ. Вообще религіозное чувство очень часто срастается съ національнымъ патриотизмомъ, и принадлежность къ извѣстному вѣроисповѣданію отождествляется съ принадлежностью къ извѣстной народности, особенно когда ей угрожаетъ какая-либо опасность извнѣ отъ иновѣрцевъ. Борьба за вѣру отцовъ поддерживала національность христіанскихъ народовъ, находившихся подъ мусульманскимъ игомъ, какъ это было, напр., въ Испаніи или на Балканскомъ полуостровѣ. Вѣроисповѣдное различіе поддерживало національную отдѣльность поляковъ и русскихъ въ одномъ и томъ же государствѣ и раздѣлило одну изъ славянскихъ народностей на два враждебные народа—сербовъ и хорватовъ. Национальное начало, какъ начало самостоятельности коллективныхъ личностей, представляемыхъ отдѣльными народностями, само по себѣ не разрушаетъ религіознаго единства, но въ западной церкви послѣднее было понято именно въ смыслѣ полного отрицанія правъ отдѣльныхъ національностей. Въ то время какъ въ восточной церкви утвердился принципъ, въ силу котораго священное писаніе и богослуженіе давались народу на понятномъ ему языкѣ, римская церковь допускала и для того, и для другого лишь одинъ латинскій языкъ. Съ другой стороны, религіозное единство православнаго Востока мирится съ существованіемъ автокефальныхъ національныхъ церквей, но этого въ самомъ принципѣ не допускаетъ римскій католицизмъ.

Взаимныя отношенія церкви и государства въ обѣихъ половинахъ Европы тоже складывались въ средніе вѣка различнымъ образомъ. До IV в. христіанская церковь существовала въ языческомъ государствѣ, причемъ это государство преслѣдовало церковь, а церковь протестовала противъ языческаго характера государства, и это приводило къ полному разьединенію политической и религіозной областей. Въ IV в. Римская имперія сдѣлалась христіанскою, и церковь получила государственное значеніе, но взаимныя отношенія государства и церкви сложились въ послѣдствіи различно на Востокѣ и на Западѣ. Въ то время, какъ въ Византіи свѣтская власть всегда стремилась къ подчиненію себѣ духовной и могла осуществлять свои стремленія, въ католицизмѣ установились обратныя отношенія, и церковь стала главенствовать надъ государствомъ. Различіе объясняется сохраненіемъ въ Византіи единства и силы государства и, наоборотъ, паденіемъ ихъ на Западѣ въ эпоху варварскихъ королевствъ и феодальнаго раздробленія.

Послѣ раздѣленія Римской имперіи на Восточную и Западную въ романизированныя провинціи западной половины сдѣлались до-

бычею разныхъ германскихъ племенъ, основавшихъ здѣсь свои государства, откуда мало-по-малу римская культура вмѣстѣ съ христіанствомъ въ его западной формѣ проникла и къ тѣмъ германцамъ, которые оставались жить за Рейномъ и Дунаемъ. Нѣсколько позднѣе на Византійскую имперію стали нападать славяне, которымъ тоже удалось основать въ нѣкоторыхъ ея областяхъ свои царства, тогда какъ другая ихъ часть, не переселяясь въ предѣлы имперіи, тоже заимствовала ихъ культуру съ христіанствомъ восточнаго характера. Въ средніе вѣка и новое время въ Западной Европѣ мы и имѣемъ дѣло съ католическими народами романскаго и германскаго, отчасти и славянскаго корня, въ восточной—съ византійскими греками и съ другою частью славянъ.

Романо-германскій міръ составилъ въ Европѣ одно историческое цѣлое, притомъ гораздо болѣе объединенное, нежели другой міръ, греко-славянскій, въ которомъ было гораздо меньше общей жизни, благодаря его большей географической разбросанности. Въ составъ перваго изъ этихъ двухъ историческихъ міровъ вошли изъ націй романскихъ итальянцы, французы, испанцы и португальцы, изъ германскихъ—нѣмцы, голландцы, англичане и скандинавскіе народы, изъ славянъ—чехи, поляки, хорваты, изъ второстепенныхъ же не-арійскихъ народностей—мадьяры и часть финновъ. Что касается до политической исторіи Запада въ средніе вѣка, то вкратцѣ она сводится къ слѣдующему.

Въ V и VI вв. въ отдѣльныхъ областяхъ Западной Римской имперіи образовалось нѣсколько германскихъ государствъ, изъ которыхъ наиболѣе важное значеніе имѣли королевства вестъ-готовъ въ Испаніи, франковъ въ Галліи, остъ-готовъ, а послѣ нихъ лангобардовъ въ Италіи и англо-саксовъ въ Британіи, причѣмъ изъ смѣшенія пришельцевъ съ романизированнымъ населеніемъ большей части этихъ странъ и произошли современныя романскія націи. Изъ всѣхъ этихъ государствъ наиболѣе важную роль играло франкское въ исторіи Запада. Господство вестъ-готовъ въ Испаніи, а въ Италіи лангобардовъ, смѣнившихъ остъ-готовъ, было непрочнымъ, тогда какъ франки не только утвердились въ самой Галліи, но постепенно распространили свою власть и виѣ этой страны. Въ концѣ VIII и началѣ IX вв. въ составъ Франкской державы входили, кромѣ основной ея области, Галліи, часть Испаніи, Сѣверная и Средняя Италія и Германія до Эльбы; вдобавокъ и самые западные славяне должны были подчиниться вліянію этой громадной державы, которая какъ-бы снова возстановила всю Западную Римскую имперію. Это была знаменитая монархія Карла Великаго. Существованіе ея, однако, было непродолжительно, и въ срединѣ IX в. она распалась на три на-

ціональныя государства: Италію, Францію и Германію. Тѣмъ не менѣ эта имперія снова объединила Западную Европу въ одно цѣлое, и возстановленная Западная Римская имперія и впредь считалась не прекратившей своего существованія. Объединеніе западно-европейскихъ національныхъ церквей подъ главенствомъ папы въ серединѣ IX в. только еще болѣе скрѣпляло это единство. Изъ всѣхъ государствъ, выдѣлившись въ то время изъ монархіи Карла Великаго, главное значеніе получила Германія. Въ ея составъ вошли на западъ восточныя области Галліи съ ихъ романскимъ населеніемъ, на югѣ значительная часть Италиі, на востокѣ западная окраина славянскаго міра, а кромѣ того, съ середины X в. германскіе короли сдѣлались «римскими императорами», сама же эта монархія стала называться Священной Римской имперіей германской націи». Въ періодъ, слѣдовавшій за распаденіемъ монархіи Карла Великаго на Италію, Францію и Германію, на ея области начали нападать со всѣхъ сторонъ грозные враги: сарацины, норманны (скандинавы) и мадьяры. Послѣдніе тревожили Германію съ востока и на ея границахъ основали свое королевство Венгрію, на мѣстѣ, гдѣ уже возникло — было первое большое государство западныхъ славянъ—Великая Моравія. Сфранцузившіеся норманны сѣверной Франціи въ XI в. отвоевали у сарациновъ Южную Италію и Сицилію, а кромѣ того, подчинили себѣ Англію, чѣмъ тѣснѣе связали ихъ съ остальнымъ западнымъ міромъ, Венгрія же, принявшая около 1000 г. католицизмъ, получила особое значеніе въ жизни славянскаго міра, гдѣ тоже сдѣлалась проводницею западныхъ началъ. Наконецъ, западная культура и, въ частности, германское вліяніе распространились въ эпоху крестовыхъ походовъ по всему южному побережью Балтійскаго моря, гдѣ среди финскихъ и литовскихъ племенъ въ началѣ XIII в. утвердились нѣмецкіе духовно-рыцарскіе ордена тевтоновъ и меченосцевъ. Вмѣстѣ съ германизаціей самыхъ западныхъ славянскихъ племенъ, полабскихъ и поморскихъ, шедшей изъ Священной Римской имперіи, это было началомъ непрекращающагося и понынѣ нѣмецкаго «напора на Востокъ» (*Drang nach Osten*). Къ западному же міру въ эти времена примкнули возникшія около 900 г. скандинавскія королевства: Норвегія, Данія и Швеція, принявшія католицизмъ между серединами X и XII вѣковъ. Шведы приобщили къ западной церкви и культурѣ Финляндію, какъ поляки, тоже принявшіе католицизмъ,—Литву.

Въ Восточной Европѣ исторія имѣла въ средніе вѣка иной видъ. Сдѣланная Византіей въ VI в. при Юстиніанѣ Великомъ попытка возстановить власть имперіи на Западѣ окончилась неудачею, и послѣ завоеванія лангобардами большей части Италиі, отнятой Юстиніаномъ у остъ-готовъ, на Западѣ у Византіи оставались лишь

немногія части Италіи, да и тѣ были потомъ захвачены франками и сарацинами. Въ послѣдующіе вѣка Византіи самой пришлось отстаивать свои области въ Европѣ отъ славянъ, массами вторгавшихся въ предѣлы имперіи, селившихся въ ней и даже основывавшихъ тамъ свои государства—Болгарское и Сербское, изъ которыхъ сначала одно (въ X в.), а потомъ другое (въ XIV в.) овладѣвало большею частью Балканскаго полуострова. Исторія Болгаріи и Сербіи, то представлявшихъ изъ себя византійскія провинціи, то бывшихъ самостоятельными государствами, тѣсно связана была поэтому съ исторіей Византіи; въ XIV же и XV вв. какъ сама греческая имперія, такъ и славянскія государства Балканскаго полуострова были завоеваны турками. Въ культурномъ отношеніи Византія оказала громадное вліяніе не только на сосѣднихъ южныхъ славянъ, но и на жившихъ далеко отъ нея славянъ восточныхъ, т. е. на Русь. Въ то время какъ южные славяне политически и культурно примыкали къ Византіи, а восточные тоже подчинились ея культурному вліянію, западные славяне, какъ только-что было сказано, вошли въ сферу распространенія культуры западной и въ политическомъ отношеніи вступили въ болѣе тѣсныя взаимоотношенія съ германскимъ міромъ. Нѣмецкій «напоръ на Востокъ» и борьба славянъ съ германизмомъ составляютъ поэтому одну изъ важныхъ сторонъ средневѣковой и новой ихъ исторіи. Первое крупное славянское государство на Западѣ, Великая Моравія, принявшая изъ Германіи католицизмъ, встрѣтило вражду со стороны нѣмцевъ, которые и призвали въ IX в. противъ этой славянской державы мадяровъ. Названный народъ основалъ въ предѣлахъ западно-славянскаго міра свое королевство, Венгрію, расширивъ уже къ началу XII в. его предѣлы до теперешнихъ и подчинивъ западному вліянію территорію, на которой жили народности, уже приобщавшіяся къ византійской культурѣ и даже отчасти временно находившіяся въ политической зависимости отъ Константинополя (каковою была, напр., Хорватія).

Часть западныхъ (и южныхъ) славянъ вошла въ составъ Венгріи (словаки и хорваты); другая часть, именно полабскіе и поморскіе славяне, была завоевана Германіей и германизирована, но двумъ западно-славянскимъ народностямъ—чехамъ и полякамъ—удалось основать самостоятельныя государства. Чехія съ самаго начала государственнаго существованія подчинилась Германіи въ качествѣ вассальнаго княжества и приняла христіанство изъ той же самой Германіи, такъ что, даже сдѣлавшись королевствомъ, продолжала входить въ составъ Священной Римской имперіи нѣмецкой націи. Въ такія же отношенія къ германскому міру стала и Польша. Поляки приняли западное христіанство и одно время тоже находились въ

вассальной зависимости отъ Германіи. Первоначально Польша стремилась овладѣть всѣмъ сѣверо-западнымъ угломъ славянскаго міра до самой Эльбы, но здѣсь она встрѣтилась съ нѣмецкимъ напоромъ на Востокъ и стала потомъ сама распространять свои владѣнія въ восточномъ же направленіи. Только пользуясь временнымъ ослабленіемъ польскаго государства, нѣмцы и оказались въ состояніи подчинить себѣ родственныхъ полякамъ полабскихъ и поморскихъ славянъ и сильно колонизировать города самой Польши. Возникновеніе нѣмецкихъ духовно-рыцарскихъ орденовъ на южномъ берегу Балтійскаго моря отрѣзывало Польшу отъ моря и отнимало у нея нижнее теченіе ея главной рѣки, Вислы, а тевтоны и прямо даже завладѣли частью самой польской территоріи. Только соединеніе Польши въ концѣ XIV в. съ Литовско-русскимъ государствомъ значительно ее усилило и позволило ей вступить въ болѣе успѣшную борьбу съ германизмомъ. Но по отношенію къ восточнымъ сосѣдямъ Польша играла всегда роль аванпоста католицизма.

Третью, самую восточную вѣтвь славянства составили племена, образовавшія изъ себя государство Русское. Хотя оно и возникло на великомъ водномъ пути «изъ варягъ въ греки», его первоначальная территорія, отдаленная отъ главныхъ культурныхъ и политическихъ центровъ Европы, была окружена съ сѣверо-запада, сѣвера и сѣверо-востока некультурными племенами литовскими и финскими, съ юго-востока и юга — тюркскими кочевниками, затруднявшими сношенія Руси съ Византіей, и только на западѣ Русская земля соприкасалась съ Польшею и Венгріей, перешедшими къ государственному быту и принявшими христіанство одновременно съ нею. Крещеніе русскихъ славянъ по восточному обряду, конечно, поставило ихъ подъ культурное вліяніе Византіи и старшихъ въ историческомъ отношеніи православныхъ славянъ Балканскаго полуострова. У русскихъ славянъ уже издавна существовали торговыя сношенія съ Византіей, съ которою первые же ихъ князья вели также войны, но господство на югѣ теперешней Россіи разныхъ кочевыхъ народовъ очень мѣшало поддержанію экономическихъ, культурныхъ и политическихъ сношеній съ Греческой имперіей. Дѣло въ томъ, что теперешнія южно-русскія степи были большою дорогою, по которой съ востока на западъ, изъ Азіи въ Европу двигались кочевые народы. По этимъ степямъ съ IV по IX--X вв. прошли гунны, громившіе въ V в. Римскую имперію, авары, образовавшіе въ VI вѣкѣ большое царство въ Панноніи, мадьяры, явившіеся въ тѣхъ же краяхъ въ IX в., хозары, налагавшіе на славянъ тяжелое иго, печенѣги, долгое время постоянно тревожившіе южныя окраины Руси, торки и половцы, въ борьбѣ съ которыми продолжается весь XII в., пока въ XIII в. на Русь не обрушивается мон-

гольское завоеваніе. Такъ называемое татарское иго на два съ половиной вѣка устанавливается надъ сѣверо-восточною Русью, тогда какъ юго-западная освобождается отъ татаръ лишь для того, чтобы войти въ составъ Польско-литовскаго государства, въ которомъ получила перевѣсъ культура романо-германскаго происхожденія.

Итакъ, восточно-европейскій міръ оказался въ концѣ среднихъ вѣковъ въ такомъ положеніи. Южная его часть попадала подъ варварское иго, подъ каковымъ два слишкомъ вѣка находилась и сѣверная часть этого міра, освободившаяся отъ власти татаръ только въ самомъ концѣ среднихъ вѣковъ. Притомъ обѣ эти части были разобщены между собою кочевыми племенами, затруднявшими взаимныя сношенія между Русью и Балканскимъ полуостровомъ. На Западѣ, въ германо-романскомъ мірѣ не было ни этого разобщенія частей, ни этого варварскаго ига. Дальнѣйшій ходъ всемірной исторіи заключался въ томъ, что варварскій Востокъ сталъ отступать передъ европейскимъ Западомъ,—обстоятельство, имѣвшее между прочимъ свое значеніе и для судебъ восточной половины Европы.

Очеркъ пятый.

Западно-европейское средневѣковье.

Три источника средневѣковой западно-европейской культуры: античное наслѣдіе, христіанство, древне-германскій бытъ. — Различіе въ пониманіи ихъ взаимоотношеній у разныхъ историковъ. — Былъ ли переходъ отъ античности къ средневѣковью прогрессомъ или регрессомъ? — Современный споръ объ экономическомъ развитіи древности и среднихъ вѣковъ. — Дѣленіе западно-европейскаго средневѣковья на періоды. — Обособленіе Западной Европы, какъ отдѣльнаго историческаго міра. — Значеніе монархіи Карла Великаго. — Средневѣковой соціально-политическій бытъ и феодальная система. — Общая характеристика средневѣковаго католицизма. — Мѣсто среднихъ вѣковъ въ исторіи прогресса.

Мы рассмотрѣли, какъ первоначально разъединенные потоки культурнаго развитія отдѣльныхъ народовъ древности слились въ одномъ общемъ руслѣ античной греко-римской цивилизаціи; мы рассмотрѣли равнымъ образомъ, какъ это русло само потомъ раздѣлилось на три рукава, въ каждомъ изъ которыхъ главное теченіе исторіи должно было сузиться, хотя въ то же время каждое изъ этихъ трехъ обособленныхъ потоковъ такъ или иначе захватило цѣлый рядъ новыхъ странъ и народовъ; мы видѣли, наконецъ, что изъ трехъ параллельныхъ культуръ, возникшихъ на общей почвѣ древняго міра, двѣ оказались мало жизнеспособными, т.-е. пришли къ застою и упадку, и что только третья сдѣлалась настоящимъ русломъ дальнѣйшей исторіи всемірнаго прогресса. Вотъ почему я и посвящаю особый очеркъ этой третьей культурѣ средневѣковой эпохи, т.-е. культурѣ западно-европейской, изъ которой возникла, въ свою очередь, вся цивилизація новаго времени, все болѣе и болѣе пріобрѣтающая міровое значеніе.

У этой культуры было три главныхъ источника. Во-первыхъ, это было наслѣдіе античной цивилизаціи, ближайшимъ образомъ на-

слѣдіе Западной Римской имперіи, въ бывшихъ провинціяхъ которой, собственно говоря, и началось претвореніе античной культуры спеціально римскаго типа въ средневековую. Во-вторыхъ, это было христіанство, которое пришло съ Востока, но постепенно было воспринято Римской имперіей, само усвоило многія особенности романизма (какъ въ Византіи испытало вліяніе позднѣйшаго эллинизма) и, наконецъ распространяться среди германскихъ варваровъ, сдѣлалось великою духовною силою, объединившею населеніе римскихъ провинцій и варваровъ, которые основали въ этихъ провинціяхъ свои королевства. Въ-третьихъ, это были вотъ эти самые варвары съ тѣми новыми началами жизни, которыя они принесли съ собою.

Взаимныя отношенія между этими тремя источниками, изъ которыхъ вышло все средневековье въ тѣсномъ смыслѣ этого слова *), въ разное время и разными историками понимались различнымъ образомъ. Вообще переходъ отъ античнаго міра къ среднимъ вѣкамъ всегда привлекалъ къ себѣ особое вниманіе историковъ, передъ которыми эта эпоха великаго всемірно-историческаго перелома, дѣйствительно, ставитъ въ высшей степени важныя и вмѣстѣ съ тѣмъ трудныя задачи научнаго характера.

Въ разныхъ философскихъ построеніяхъ всемірной исторіи эта знаменательная эпоха гибели стараго и зарожденія новаго получала весьма различное освѣщеніе, причѣмъ на первый планъ выдвигался то одинъ, то другой, то третій элементъ, т.-е. или романизмъ, или христіанство, или германизмъ. Распространеніе и утвержденіе христіанства въ Римской имперіи было, разумѣется, великимъ культурнымъ переломомъ, положившимъ свою печать на всю послѣдующую исторію Европы,—одинаково и западной, и восточной ея половинъ,—тѣмъ и объясняется извѣстное сходство средневековой культуры и на Западѣ, и въ Византіи съ ея преимущественно церковнымъ характеромъ, съ ея схоластическими, аскетическими и мистическими ингредиентами, но не нужно забывать, что если новая религія и пришла въ греко-римскій міръ извнѣ, то во многомъ собственное развитіе этого міра подготовило почву для ея воспріятія, и что христіанство въ томъ его эллинизованномъ и романизованномъ видѣ,—въ одномъ видѣ въ восточной половинѣ имперіи, въ другомъ въ западной,—въ какомъ оно перешло въ средніе вѣка и было принято варварами, само впитало въ себя не мало античныхъ культурныхъ элементовъ. Сами отцы церкви указывали въ свое время на то, какъ Римская имперія была постепенно подготовлена къ принятію христіанства и что церковь унаслѣдовала всѣ лучшіе плоды старой образованности. Пока греко-рим-

*) Ср. выше, стр. 21.

ское общество рѣзко дѣлилось на язычниковъ и христіанъ и пока между языческимъ государствомъ и христіанскою церковью велась неустанная борьба,—только до тѣхъ поръ можно говорить о раздѣльномъ, такъ сказать, существованіи античной культуры и христіанства, а дальше началось взаимодѣйствіе и сліяніе. Когда Римская имперія сдѣлалась христіанскою, а христіанство — государственной религіей Римской имперіи, когда все ея населеніе стало мало-по-малу признавать себя христіанскимъ, началось сближеніе, которое должно было дать въ результатѣ общую для всей имперіи христіанскую уже, а не языческую, но тѣмъ не менѣе все-таки греко-римскую культуру, хотя въ однихъ мѣстахъ больше греческую, чѣмъ римскую, въ другихъ, наоборотъ, больше римскую, чѣмъ греческую. Многіе историки указывали, что только въ христіанской своей переработкѣ завѣщанная древнимъ міромъ образованность могла быть усвоена варварами, и въ этомъ есть доля истины, если принять въ расчетъ, что приобщеніе къ высшей культурной жизни, въ средніе вѣка у всѣхъ варваровъ, т.-е. у германцевъ, у славянъ, у мадьяровъ, у литовцевъ, у финновъ, начиналось главнымъ образомъ съ принятія ими христіанства.

Съ другой стороны, останавливаясь на взаимоотношеніи античнаго и варварскаго элементовъ, прежде всего, нужно отмѣтить, что многіе историки слишкомъ умаляли значеніе перваго изъ этихъ элементовъ, римскаго, и, наоборотъ, слишкомъ преувеличивали значеніе втораго, германскаго. Они готовы были выводить всѣ особенности средне-вѣкового соціального и политическаго строя и даже общаго духа средневѣковой культуры изъ началъ, принесенныхъ съ собою германцами. Особенно наблюдается склонность къ такому толкованію перехода отъ античнаго міра къ среднимъ вѣкамъ у нѣмцевъ, по весьма понятной, впрочемъ, причинѣ, что едва ли, однако, дѣлаетъ это толкованіе основательнымъ. И чего-чего только не говорилось на эту тему! Германцы—не въ фигуральномъ только, но и въ буквальномъ смыслѣ—влили новую кровь въ жилы одряхлѣвшаго человѣчества *); принесли съ собою чувство личной свободы и чести въ раболѣпную и развращенную имперію, положили начало свободѣ на развалинахъ деспотизма античныхъ цезарей и т. п. Посмотрите, говорятъ многіе изъ нихъ, на Византію съ ея деспотизмомъ и культурнымъ застоємъ: вотъ что было бы и съ Западомъ, если бы его не обновили германскіе варвары. Кульминаціонной точки зрѣнія достигло это прославленіе германскаго духа въ знаменитой «Философіи исторіи» Гегеля,

*) Въ философіяхъ исторіи подъ человѣчествомъ часто слѣдуетъ разумѣть одно населеніе Западной Европы; конечно, такое словоупотребленіе не основательно.

въ которой германскій міръ, возникшій на развалинахъ Римской имперіи, является послѣднимъ и окончательнымъ воплощеніемъ «всемирнаго духа» въ исторіи человѣчества. Конечно, менѣе фантастичны, но одинаково невѣрны воззрѣнія и историковъ-германистовъ, которые выводятъ всѣ средневѣковыя учрежденія Западной Европы, въ частности же такъ называемую феодальную систему изъ однихъ германскихъ началъ. Не нужно забывать, что германскіе варвары, принедршіе въ страны высшей культуры, гдѣ уже существовали извѣстныя экономическія, юридическія и политическія формы, не могли не подчиниться высшей культурѣ, не могли не приспособиться вмѣстѣ съ тѣмъ къ этимъ формамъ. Въ сущности и въ сферахъ хозяйства, права, государственной жизни между античными и варварскими принципами должно было начаться взаимодействіе, т.-е. германцы должны были до извѣстной степени, насколько это оказывалось возможнымъ по условіямъ мѣста и времени, приспособляться въ занятыхъ ими областяхъ къ римскимъ порядкамъ, а съ другой стороны, они не могли при этомъ сами въ тѣхъ или другихъ степеняхъ, опять смотря по мѣсту и времени, не оказывать измѣняющаго вліянія на весь соціальный бытъ провинцій Римской имперіи, въ которыхъ они основали свои королевства.

Съ такой точки зрѣнія средневѣковая романо-германская Европа является непосредственнымъ продолженіемъ Западной Римской имперіи, такъ сказать, осложненнымъ съ одной стороны, возникновеніемъ въ этой имперіи христіанской церкви, съ другой — поселеніемъ въ отдѣльныхъ провинціяхъ этой имперіи разныхъ германскихъ народовъ. Не нужно, однако, думать, что все измѣненіе, какому подвергалась культурно-соціальная жизнь въ областяхъ бывшей Западно-Римской имперіи въ разсматриваемую переходную эпоху, всецѣло объясняется извнѣ принесенными въ древній міръ вліяніями новой религіи и новыхъ народовъ. Многія черты средневѣковья, объясненіе которыхъ такъ и думается найти въ спеціальномъ вліяніи христіанства или варварскаго быта, являются при болѣе детальномъ изученіи исторіи этой эпохи результатами внутренняго развитія самой культурной и соціальной жизни въ провинціяхъ павшей Римской имперіи. Конечно, не слѣдуетъ преувеличивать и эту сторону дѣла. Историческое развитіе слишкомъ сложно, чтобы можно было сводить его вездѣ и всегда къ одному началу или только къ одной категоріи явленій. Если одни историки, желая особенно подчеркнуть значеніе того или другого фактора, говорятъ, что занятіе варварами Римской имперіи до обращенія ея въ христіанство сопровождалось полною гибелью цивилизаціи, и что безъ прихода варваровъ Европѣ грозилъ бы полный культурный застои, то другіе, наоборотъ, готовы думать, что всѣ факторы, создавшіе культуру и соціально-политическій строй среднихъ вѣковъ.

уже заключались въ самой Римской имперіи, и что потому ни принятіе христіанства, ни приходъ варваровъ не имѣли никакого существеннаго вліянія на преобразование античной культуры въ средне-вѣковую. Историки первой категоріи слишкомъ упрощаютъ объясненіе того, какъ совершался въ эту эпоху общій ходъ исторіи, смѣло рѣшая вопросъ о томъ, что было бы, если бы не было того-то и того-то: имъ можно только поставить на видъ, что вообще на такіе вопросы трудно давать вполнѣ точные и вѣрные отвѣты, и что, въ частности, варвары пріобщались къ мировой культурѣ не черезъ одну религію, но и посредствомъ отношеній экономическаго, политическаго и т. п. характера, и что сводить все объясненіе византійскаго коснѣнія къ одному отсутствію въ ней германскаго элемента значить сводить реальное явленіе къ чисто отрицательной причинѣ. Къ тому же у Византіи также были свои варвары, славяне, которые также вѣдь влили новую кровь въ жилы стараго населенія Балканскаго полуострова и внесли въ его жизнь новыя начала, какъ это доказывается въ настоящее время знатоками византійской исторіи. Равнымъ образомъ и тѣмъ историкамъ, которые склонны отрицать всякое вліяніе на общій ходъ западно-европейской исторіи и за принятіемъ христіанства, и за приходомъ варваровъ, можно возразить, что они одно-сторонне подчеркиваютъ и преувеличиваютъ въ основѣ своей вѣрную мысль о главенствѣ внутреннихъ причинъ надъ внѣшними вліяніями, но что какъ бы мы ни старались вывести средневѣковую Европу непосредственно изъ Римской имперіи, минуя вліянія, шедшія со стороны христіанства и германцевъ, мы не въ состояніи отрицать фактовъ, говорящихъ намъ о противномъ. Римская имперія встрѣтила христіанство и германцевъ враждебно и вела съ ними долгую и упорную борьбу, охраняя свои традиціонные культурные и политическіе устои, свои границы и провинціи отъ новой вѣры и отъ новыхъ народовъ. Христіане и варвары считались врагами «рода человѣческаго», заключеннаго въ предѣлахъ Римской имперіи, считались врагами именно со стороны защитниковъ образованности и гражданственности античнаго происхожденія, и постепенное вѣдреніе въ жизнь имперіи чуждыхъ ей традиціямъ началъ, а потомъ и побѣда этихъ началъ съ торжествомъ христіанства и раздѣломъ Западной Римской имперіи между германскими государствами не позволяютъ намъ думать, что безъ новой религіи и безъ новыхъ народовъ культура и социаль-политическій строй средневѣковаго Запада вышли бы совершенно такими же, какими мы ихъ на самомъ дѣлѣ знаемъ.

Съ точки зрѣнія исторической планомѣрности, т.-е. съ точки зрѣнія прямолинейнаго и непрерывнаго прогресса, на которой стояли въ былыя времена авторы философій исторіи, историческій процессъ

разсматривался, какъ эволюція, совершающаяся исключительно изъ внутреннихъ своихъ основъ, условій и причинъ, какъ выполнение нѣкотораго логическаго плана или осуществленіе единаго общаго закона. Только съ такой точки зрѣнія и позволительно было Огюсту Контю утверждать, что главные средневѣковыя историческія явленія— католицизмъ и феодализмъ—могутъ быть всецѣло объяснены изъ предыдущаго момента всемірно-исторической эволюціи, не нуждаясь нисколько ни во влияніи на Западъ восточнаго монотеизма, ни во влияніи на римскій міръ варварскаго нашествія. Конечно, объяснить католицизмъ исключительно изъ античныхъ традицій безъ христіанской его основы— вещь невозможная, но въ объясненіи феодализма безъ влиянія германцевъ на его происхожденіе есть— при современномъ состояніи этого вопроса въ наукѣ—нѣчто заманчивое. Тѣмъ не менѣе думать, что въ исторіи возникновенія феодализма приходъ варваровъ въ Римскую имперію такъ-таки совсѣмъ уже ни при чемъ, едва ли научно. Столь же мало вѣроятно иногда высказываемое теперь предположеніе—и притомъ въ очень категорической формѣ; что средневѣковой строй съ его основными и существеннѣйшими чертами выработали бы какъ германцы безъ всякой встрѣчи съ Римомъ, такъ и населеніе имперіи безъ прихода въ нее германцевъ. Это еще вопросъ, и такой отвѣтъ на него не можетъ быть названъ иначе, какъ весьма и весьма гадательнымъ, причѣмъ фактъ все-таки остается фактомъ, т.-е. переходъ античнаго государства къ средневѣковому феодальному строю совершился именно въ королевствахъ, основанныхъ варварами въ предѣлахъ Западной Римской имперіи.

Даже становясь на ту точку зрѣнія, что центр тяжести вопроса о переходѣ античности въ средневѣковье находится не во внѣшнихъ влияніяхъ, а во внутреннемъ развитіи, и тѣмъ болѣе еще, конечно, принимая въ расчетъ и значеніе внѣшнихъ влияній, мы не можемъ не ставить вопросъ, былъ ли этотъ переходъ прогрессомъ и регрессомъ. Съ точки зрѣнія исторической плановѣрности, съ которой прогрессъ совершается прямолинейно и непрерывно, разсматриваемый переходъ долженъ былъ быть шагомъ впередъ, и въ нѣкоторыхъ философскихъ построеніяхъ исторіи дѣло представляется именно такимъ образомъ, но такое представленіе дѣла является скорѣе требованіемъ теоріи, чѣмъ выводомъ изъ фактовъ. Въ дѣйствительности мы наблюдаемъ въ эту эпоху полный упадокъ жизнедѣятельности римскаго общества, упадокъ экономическій, упадокъ культурный, упадокъ политическій. Варвары были въ немъ повинны развѣ въ томъ только отношеніи, что заставляли имперію напрягать всѣ свои силы для защиты своихъ границъ, но это была не единственная причина общаго упадка въ сферахъ народнаго хозяйства, духовной культуры и государственной

жизни. Имперія бѣднѣла и политически разлагалась въ силу внутреннихъ причинъ, и не варвары только ее разорили и довели до паденія, хотя и нельзя отрицать, что приходъ германцевъ ускорилъ процессъ истощенія ея матеріальныхъ средствъ и ея политическаго разложенія.

Въ другомъ мѣстѣ *) мы уже ставили вопросъ, слѣдуетъ ли формулы историческаго прогресса примѣнять ко всему культурному развитію человѣчества, взятому въ цѣломъ, или къ отдѣльнымъ народамъ, какъ самостоятельнымъ историческимъ цѣлымъ. Мы стали на вторую точку зрѣнія, и въ этомъ смыслѣ намъ нужно смотрѣть на средніе вѣка, не какъ на дальнѣйшее продолженіе прогресса, доведеннаго античнымъ міромъ до извѣстной высоты, а какъ на повтореніе того, что уже было, такъ сказать, продѣлано самимъ античнымъ міромъ въ первыя времена его исторіи, такъ какъ культурный процессъ, если можно такъ выразиться, теперь оборвался, и его пришлось начинать снова.

Въ послѣдніе годы на отношеніе среднихъ вѣковъ къ античному міру были высказаны оба эти взгляда — въ примѣненіи къ экономическому развитію, совершавшемуся въ Европѣ въ древности, въ средніе вѣка и въ новое время. Я позволю себѣ здѣсь повторить объ этомъ спорѣ то, что уже было сказано мною въ одной недавней книжкѣ, посвященной античному міру **), потому что, разсматривая данный вопросъ, мы лучше поймемъ, въ чемъ заключался и даже чѣмъ обусловливался переходъ античной культуры въ средневѣковую.

Главными представителями двухъ противоположныхъ отвѣтовъ на только-что поставленный вопросъ о томъ, продолжаетъ или повторяетъ средневѣковая и новая Европа классическую древность въ своемъ экономическомъ развитіи, являются двое современныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, экономистъ Карлъ Бюхеръ и историкъ Эдуардъ Мейеръ. Первый изъ нихъ создалъ новую формулу экономическаго развитія, которую самъ и примѣнилъ къ древности, среднимъ вѣкамъ и новому времени, какъ къ отдѣльнымъ моментамъ этого развитія, но его историческое построеніе, основанное на указанной формулѣ, было встрѣчено цѣлымъ рядомъ возраженій со стороны другихъ ученыхъ и особенно со стороны Эдуарда Мейера, автора одной изъ лучшихъ въ настоящее время общихъ исторій древняго міра. Бюхеръ высказалъ свои взгляды въ сочиненіи «Происхожденіе народнаго хозяйства». Э. Мейеръ разобралъ ихъ въ брошюрѣ «Экономическое развитіе древняго міра» ***).

*) См. выше, стр. 16.

**) «Государство городъ античнаго міра».

***) Оба эти сочиненія существуютъ въ русскомъ переводѣ.

Посмотримъ сначала, въ чемъ заключается теоретическая формула Бюхера, правильности которой, какъ именно отвлеченной схемы, не отрицають и тѣ, которые нападаютъ на историческое построение этого ученаго, т.-е. на примѣненіе его основной идеи къ истолкованію конкретной дѣйствительности. Бюхеръ исходитъ изъ самыхъ основныхъ понятій политической экономіи, изъ понятій производства и потребленія, ставя ихъ въ извѣстное отношеніе между собою, какъ начальнаго и конечнаго моментовъ, между которыми путь, проходимый хозяйственными благами, можетъ имѣть разную длину и быть неодинаково сложнымъ. Экономическое развитіе состоитъ какъ-разъ въ постепенномъ удлиненіи пути, который проходится хозяйственными благами отъ ихъ производителей къ ихъ потребителямъ. Сначала продукты производства потреблялись самими же производителями, т.-е., въ сущности, никакого путешествія хозяйственныя блага не совершались, но съ развитіемъ экономическаго быта продукты стали потребляться не тѣми людьми, которые ихъ произвели, и между производителями и потребителями образовался болѣе или менѣе длинный путь, которому соотвѣтствуетъ экономическое понятіе обмѣна. По мѣрѣ развитія экономическаго быта длина пути, проходимаго хозяйственными благами отъ исходнаго момента, т.-е. производства, до конечнаго, т.-е. потребленія, должна была постепенно увеличиваться, и самый характеръ движенія по этому пути (т.-е. обмѣна) — усложняться, начиная съ простѣйшей формы обмѣна вещи на вещь и кончая очень сложнымъ торговымъ обращеніемъ товаровъ и чисто денежныхъ операций. Съ этой точки зрѣнія Бюхеръ и различаетъ три стадіи экономической эволюціи: ступень замкнутаго, самодовлѣющаго домашняго хозяйства, ступень городского хозяйства и ступень народнаго хозяйства. Формулу Бюхера очень удобно примѣнять къ экономическому развитію отдѣльныхъ странъ, въ которыхъ сначала дѣйствительно, въ каждомъ «домѣ» производится то, что имъ же самимъ и потребляется, потомъ возникаетъ болѣе сложная система мѣстныхъ обмѣновъ съ «городскими» центрами, пока въ общую хозяйственную жизнь, путемъ развитія внутренней торговли въ цѣлой странѣ, не втягивается и весь «народъ». Самъ Бюхеръ, однако, приложилъ эту общую формулу, по которой совершается экономическое развитіе каждой отдѣльной страны, ко всему ходу исторіи передовой части человѣчества, т.-е. изъ закона повторяющихся явленій онъ сдѣлалъ иѣчто въ родѣ плана однажды только совершившагося развитія. Именно, у него вся древняя и значительная часть средневековой исторіи (до конца перваго тысячелѣтія по Р. Х.) зачислена въ періодъ домашняго хозяйства, конецъ среднихъ вѣковъ и отчасти начало новаго времени отнесены къ фазису хозяйства городского, и только послѣднія столѣтія признаны

находящимися на ступени народнаго хозяйства, какъ-будто въ древности существовалъ только «домъ», смѣнившійся въ средніе вѣка «городомъ», который въ новое время уступилъ мѣсто «наци-государству» (прибавлю, что подъ понятіе «дома», или по-гречески «ойкоса», подводится въ данномъ случаѣ и большое барское хозяйство).

Вотъ эту-то историческую конструкцію и подвергъ своей критикѣ вмѣстѣ съ другими историками Эдуардъ Мейеръ. Онъ указываетъ, что Бюхеромъ совершенно отрицается для всей древности и большей части средневѣковья существованіе правильнаго экономическаго расчлененія общества съ развитыми сношеніями и живымъ обмѣномъ продуктовъ между всѣмъ населеніемъ, существованіе постоянной торговли и торговаго класса, какъ посредника между производствомъ и потребленіемъ. Дѣйствительно, Бюхеръ принимаетъ замкнутое домашнее хозяйство, какъ чистое производство на себя, какъ хозяйство безъ обмѣна, потому что здѣсь весь хозяйственный оборотъ, отъ производства до потребленія, совершается въ замкнутомъ кругу дома (семьи, рода), и каждый продуктъ проходитъ весь путь своего образованія—отъ полученія сырого матеріала до того момента, когда онъ дѣлается годнымъ для употребленія,—въ одномъ и томъ же хозяйствѣ и безъ промежуточныхъ ступеней поступаетъ въ потребленіе. Правда, Бюхеръ находитъ въ древности и зачатки второй ступени, т.-е. хозяйства городского, которое характеризуется, какъ прямой обмѣнъ, или непосредственное поступленіе продуктовъ изъ производящаго хозяйства въ потребляющее, но, по его мнѣнію, дальше зачатковъ городского хозяйства древности и не пошла, о народномъ же хозяйствѣ въ бюхеровскомъ пониманіи термина и рѣчи для древней исторіи быть не можетъ. Возражая Бюхеру и его сторонникамъ, Э. Мейеръ совершенно вѣрно указываетъ на то, что исторія народовъ, живущихъ у Средиземнаго моря, представляетъ два параллельныхъ періода, что съ паденіемъ древняго міра развитіе начинается сызнова, и что оно снова возвращается къ тѣмъ первымъ ступенямъ, которыя уже давно были пройдены. Свои средніе вѣка онъ находитъ и въ древней Греціи, причѣмъ имъ этому слову придается не хронологическое, а бытовое значеніе *): греческое средневѣковье, это—«эпоха владычества аристократіи, рыцарскихъ подвиговъ и героической пѣсни, когда земледѣніе со скотоводствомъ и земледѣліемъ достигло полнаго развитія». Потомъ Греція перешла въ періодъ развитія промышленности и торговой дѣятельности и такъ называемаго денежнаго хозяйства,—процессъ, который потомъ повторили и народы Западной Европы въ своей исторической жизни, начинающейся съ очень низкихъ ступеней

*) См. выше, стр. 21.

экономическаго быта. Римская имперія тоже въ свое время совершила извѣстную экономическую эволюцію, но, достигши въ ней извѣстной высоты, пошла назадъ и спустилась, такъ сказать, до низшихъ ступеней хозяйственнаго развитія. Какъ это и почему произошло, объ этомъ здѣсь, конечно, не мѣсто распространяться: важно лишь отмѣтить фактъ совершившагося на Западѣ экономическаго регресса, повлекшаго за собою и культурный, и политическій упадокъ. Экономическое развитіе Запада всегда въ древности отставало отъ экономическаго развитія Востока и европейскаго, и азіатско-африканскаго, и сдѣланные имъ экономическіе успѣхи оказались менѣе прочными. Въ результатѣ «домовое», натуральное, главнымъ образомъ земледѣльческое хозяйство возобладало надъ хозяйствомъ высшихъ ступеней, промышленно-торговымъ и денежнымъ, что повлекло за собою общее обѣднѣніе, упадокъ городовъ, ослабленіе культурной дѣятельности и разстройство государственной машины. Варвары, вторженія которыхъ въ провинціи имперіи только усугубляли эти бѣды и которые сами способны были скорѣе только понижать общій тонъ жизни, съ своей стороны, усиливали и ускоряли этотъ регрессивный переломъ жизни, совершившійся въ провинціяхъ Западной Римской имперіи. Пала образованность, надала государственность, все болѣе и болѣе уступаая мѣсто настоящему варварству. Съ другой стороны, какой характеръ должна была тогда принять духовная культура и безъ прихода варваровъ, это очень хорошо показываетъ примѣръ Византіи: варвары нанесли ударъ образованности въ количественномъ отношеніи, качественное же перерожденіе культуры совершалось подъ иными влияніями. Разсматриваемый съ этой стороны культурный кризисъ античнаго міра заключался въ побѣдѣ исключительно теологической культуры надъ культурою свѣтскаго характера. Это, повторяю, было одинаково и въ восточной, и въ западной половинахъ имперіи.

Западно-европейское средневѣковье охватываетъ цѣлое тысячелѣтіе, — періодъ времени, слишкомъ длинный для того, чтобы въ немъ не различать отдѣльныхъ крупныхъ эпохъ. За начало среднихъ вѣковъ, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, принято считать 476 годъ, т. е. годъ паденія Западной Римской имперіи. Конечно, это дѣлается только для удобства: античный міръ съ своей цивилизаціей не умеръ еще окончательно къ этому времени, и кто хочетъ разсказать его исторію, долженъ скорѣе остановиться на тридцатыхъ годахъ VI вѣка, когда съ закрытіемъ языческихъ школъ въ Афинахъ и съ составленіемъ знаменитаго Свода римскаго права (при Юстиніанѣ Великомъ) завершился процессъ развитія греческой философіи и римскаго права. Съ другой стороны, кто желаетъ изучать исторію германцевъ, основавшихъ свои государства на развалинахъ Западной Римской имперіи въ V и VI вѣ-

кахъ, тотъ волей-неволей обязанъ начать свое знакомство съ этою исторіею въ болѣе раннія времена, потому что уже въ I вѣкѣ до Р. Х. римляне пришли въ столкновеніе съ германцами, и въ «Комментаріяхъ» Юлія Цезаря, относящихся къ срединѣ этого вѣка, сохранились первыя сколько-нибудь цѣнныя извѣстія о бытѣ племенъ, которымъ во второй половинѣ IV в. по Р. Х. суждено было начать такъ называемое «великое переселеніе народовъ». Въ то самое время, какъ античный міръ все еще живеть, хотя и близяся къ своему концу, начинается уже и новая жизнь, хотя и не вытѣсняя еще старой. Первый большой періодъ, который можно выдѣлить изъ среднихъ вѣковъ, это—четыре столѣтія, протекшія отъ паденія Западной Римской имперіи до эпохи Карла Великаго (768—814): онъ именно и характеризуется борьбою римскихъ и германскихъ элементовъ, постепеннымъ вымираніемъ стараго или его видоизмѣненіемъ при новыхъ условіяхъ и постепеннымъ развитіемъ новаго или его приспособленіемъ къ старымъ условіямъ быта. Только послѣ Карла Великаго и его ближайшихъ преемниковъ (IX в.) мы видимъ въ полномъ блескѣ двѣ наиболѣе характерныя основы средневѣкового быта—католицизмъ, который далъ особую окраску всей духовной культурѣ Западной Европы, и феодализмъ, положившій особую печать на политическій, юридическій и экономическій бытъ романскихъ и германскихъ народовъ. Въ этомъ второмъ періодѣ среднихъ вѣковъ вся исторія вращается въ рамкахъ, созданныхъ католицизмомъ и феодализмомъ, что позволяетъ намъ изъ X, XI, XII и XIII вѣковъ сдѣлать особый отдѣлъ средневѣковой исторіи: тутъ уже нѣтъ рѣзкаго антагонизма между римскимъ и германскимъ элементами, они приспособились одинъ къ другому, и результатами этого взаимнаго приспособленія собственно и были католицизмъ и феодализмъ. Слѣдующіе два вѣка, т.-е. XIV и XV столѣтія, многими историками рассматриваются какъ переходъ уже къ новому времени, особенно характеризующемуся именно разложеніемъ и паденіемъ средневѣкового католико-феодалнаго строя жизни европейскихъ народовъ. Въ эту эпоху совершается такъ называемое возрожденіе классической древности, обновленіе умственной дѣятельности на Западѣ подъ ббльшимъ или меньшимъ вліяніемъ знакомства съ духовною культурою древнихъ, а также происходятъ многія важныя изобрѣтенія и открытія (порохъ, книгопечатаніе, Америка, морской путь въ Индію и т. п.), которыя имѣли громадныя послѣдствія для исторіи Европы. Обыкновенно годъ открытія Америки (1492) и принимается за конецъ средневѣковья.

Таковы хронологическіе предѣлы и внутреннее дѣленіе среднихъ вѣковъ: первый періодъ, обнимающій V—IX вѣка, есть періодъ смѣшенія римскаго и германскаго элементовъ, которое дало въ

результатъ своеобразный, столь характерный для средних вѣковъ католико-феодальный строй жизни европейскихъ народовъ; за этимъ «варварскимъ» періодомъ, какъ называютъ его нѣкоторые, слѣдуютъ средніе вѣка въ собственномъ смыслѣ (X—XIII столѣтія), или католико-феодальная эпоха; наконецъ, XIV и XV вв. уже представляютъ переходъ къ новому времени. Дѣлая болѣе точныя хронологическія обозначенія, между 476 и 1492 гг., какъ крайними предѣлами средневековья, мы укажемъ на годъ распаденья монархіи Карла Великаго (843) и на годъ переселенія папъ изъ Рима въ Авіньонъ (1308), какъ на границы между первымъ и вторымъ, съ одной стороны, и вторымъ и третьимъ, съ другой, періодами средневековой исторіи. Отсюда же явствуется, что главными историческими явленіями средних вѣковъ мы должны признать католицизмъ и феодализмъ. Католическая церковь и феодальная учрежденія не только положили особую печать на культурную и социальную жизнь Западной Европы въ средніе вѣка, но представляли изъ себя и то общее въ ея жизни, что позволяетъ намъ выдѣлять средневековье въ особый отдѣлъ исторіи и разсматривать во внутренней связи исторію нѣсколькихъ народовъ. Романскія и германскія націи Западна, а съ ними часть славянъ и мадьяры составили въ средніе вѣка, какъ мы видѣли, отдѣльный, совершенно обособленный историческій міръ въ Европѣ, который чувствовалъ свое единство и свою противоположность съ другимъ христіанскимъ же міромъ въ Европѣ, міромъ восточнаго христіанства. И это обособленіе завершилось въ началѣ второго періода западнаго средневековья.

Мы видѣли, что основа раздѣленія средневековой Европы на двѣ обособленныя одна отъ другой половины была положена еще въ античную эпоху. Уже съ самаго начала средних вѣковъ связь Запада и Востока все болѣе и болѣе слабѣла, но Западу предстояло еще найти вышнее выраженіе и внутреннее обоснованіе своего обособленнаго отъ Востока единства. Въ 800 г. франкскій король Карлъ Великій, соединившій подъ своею властью почти всѣ старыя провинціи Западной имперіи и завоевавшій Германію, возлагаетъ на свою голову императорскую корону Рима. Съ другой стороны, въ духовномъ отношеніи римскій епископъ постепенно дѣлается средоточіемъ западнаго христіанства, стремясь въ то же время освободиться отъ политическаго подчиненія византійскимъ императорамъ, въ какомъ папы прежде этого находились по отношенію къ теоретически признававшимся и на Западѣ владыкамъ міра: возстановленіе въ 800 г. западной имперіи и порываетъ окончательно политическія связи папства и Византіи. Все это подготавливаетъ и разрывъ того церковнаго единства, выраженіемъ котораго въ IV—VIII вѣкахъ были вселенскіе соборы: споръ папы Николая I и византійскаго патріарха Фелія, усложненный

соперничествомъ восточнаго и западнаго духовенства въ обращеніи славянъ и спорами по поводу разныхъ догматическихъ и обрядовыхъ вопросовъ, производитъ въ церкви схизму: съ середины IX в. до середины XI в. обѣ церкви все болѣе и болѣе становятся во враждебныя отношенія, а затѣмъ происходитъ окончательный разрывъ. Съ IX вѣка всѣ католическія страны Запада составляютъ изъ себя особый міръ, противопологающій себя и мусульманству, съ которымъ онъ соприкасался въ Испаніи и Сициліи, и восточному, греческому христіанству. Въ IX вѣкѣ міръ этотъ былъ такимъ образомъ уже совершенно обособленъ, будучи въ то же время объединенъ имперіей Карла Великаго и возвысившейся властью римскаго папы, и въ немъ ясно обнаружилась тѣ особенности, которыя характеризуютъ его исторію въ слѣдующихъ вѣкахъ,—особенности, явившіяся результатомъ взаимодѣйствія старыхъ, римскихъ, и новыхъ, германскихъ, элементовъ, наполняющей все время до Карла Великаго. Съ этой эпохи и начинается западно-европейское, романо-германское, католико-феодалное средневѣковье въ собственномъ смыслѣ.

Образование монархій Карла Великаго имѣетъ громадное историческое значеніе. Зерномъ ея было королевство франковъ въ Галліи, но Карлъ соединилъ подъ своею властью почти всѣ европейскія области Западной Римской имперіи, присоединивъ къ нимъ, кромѣ того, и тогдашнюю Германію; только Британнія, Испанія за Эбро да Южная Италія изъ бывшихъ римскихъ провинцій не входили въ составъ его государства. Это соединеніе разрозненныхъ странъ имѣло особое значеніе въ то время, когда Западной Европѣ грозили разные вторженія. Въ 711 г. арабы завоевали Испанію, а въ 732 г. вторгнулись въ нынѣшнюю Францію, и только тяжелая рука Карла Мартела, дѣда Карла Великаго, спасла западное христіанство отъ арабовъ; самъ Карлъ Великій совершилъ походъ въ Испанію и противъ арабовъ заложилъ за Пиренеями Испанскую маршію. Германія была еще варварскою и языческою; завоеваніемъ ея и обращеніемъ въ христіанство Карлъ обезопасилъ западный міръ съ востока, и славяне, жившіе въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ германцами, при своемъ выступленіи на историческое поприще, должны были имѣть дѣло уже съ грозной державой. До извѣстной степени Карлъ Великій подготовилъ Европу и къ принятію норманскихъ вторженій: въ началѣ X в. норманны могли прочно утвердиться только на сѣверѣ Франціи, откуда въ XI вѣкѣ произвели завоеваніе Южной Италіи и Англіи, принесли въ обѣ страны тѣ формы быта, которыя стали вырабатываться въ монархіи Карла. Правда, возстановленная имъ Западная имперія въ срединѣ IX вѣка распалась, но важно было хотя временное объединеніе и образованіе въ ней нѣкоторыхъ общихъ формъ быта въ трехъ глав-

ныхъ ея частяхъ (Германіи, Франціи и Верхней Италіи), откуда эти формы стали переходить потомъ и въ сосѣднія страны. Объединяя Западъ, монархія Карла по своей особой связи съ церковью содѣйствовала равнымъ образомъ и его обособленію. Франки были первымъ народомъ германскаго племени, принявшимъ христіанство (496 г.) не по аріанскому ученію. Предшественники Карла Великаго содѣйствовали папскимъ миссіонерамъ въ Германіи и даже отчасти расширенію власти папы надъ епископами Галліи. Когда папу въ Римѣ стали тѣснить лангобарды, отецъ Карла, Пепинъ Короткій, не только защитилъ его, но, отвоевавъ отъ лангобардовъ цѣлую область, подарилъ ее папѣ, а потомъ и самъ Карлъ, подчинивъ своей власти королевство лангобардовъ, подтвердилъ даръ Пепина. Далѣе, папы давно стремились порвать связь съ Византійской имперіей, и возложеніе Львомъ III на голову Карла императорской короны уничтожало послѣдніе признаки власти византійскаго императора на Западѣ (утвержденіе папѣ), а Карлъ, въ свою очередь, содѣйствовалъ признанію папской власти во всѣхъ областяхъ своей обширной имперіи. Все, что входило въ составъ монархіи Карла или примкнуло впослѣдствіи къ объединенному и обособленному ею міру, такимъ образомъ нашло свой духовный центръ въ Римѣ, и идея о томъ, что западно-христіанскій міръ имѣетъ двѣ главы—императора и папу, сдѣлалось одною изъ основныхъ идей западно-европейскаго средневековья.

Таково значеніе монархіи Карла Великаго: она объединила и обособила Западъ, объединила его романскія и германскія націи для отраженія внѣшнихъ враговъ и распространенія западной культуры, обособила его отъ Востока, завершивъ процессъ, происходившій въ варварскую эпоху, и подготовивъ совершенно новый порядокъ вещей. Имперія Карла распалась при его внукахъ, и раздробленіе ея пошло очень далеко, но западный міръ продолжалъ сознавать свое единство, вглянувъ въ это единство чрезъ католическую церковь и «Священную Римскую имперію», перенесенную въ серединѣ X вѣка на нѣмецкую націю, и такія страны, какъ Чехія, Венгрія, даже Польша. Феодализмъ, который выработался въ отдѣльныхъ частяхъ распавшейся въ IX в. монархіи Карла, сдѣлался одною изъ основъ средневекового быта и переносился потомъ и въ другія страны (напримѣръ, завоеваніе Англій норманнами, жившими передъ тѣмъ полтора вѣка во Франціи, завоеванія крестоносцевъ на Востокѣ въ эпоху крестовыхъ походовъ, германское вліяніе въ Чехіи и т. п.).

Послѣ распадения имперіи Карла Западная Европа представляется намъ духовно-объединенною, но политически раздробленною. Духовнымъ главой этого міра становится папа, но въ теоріи власть его дополняется свѣтскою властью «римскаго» императора, какъ на-

слѣдника древнихъ цезарей, господина міра, распространителя христіанства, защитника церкви, и сама имперія превращается въ идеальное дополненіе церкви. Это раздѣленіе властей и независимость духовной власти отъ свѣтской составляютъ особенность Запада. Политическое раздробленіе выразилось въ феодализмъ, въ которомъ императору отводилось мѣсто лишь главы цѣлой іерархіи независимыхъ или стремившихся къ независимости владѣльцевъ. Власть Карла Великаго, какъ преемника національныхъ вождей франковъ и наслѣдника римскихъ цезарей, покоилась и на германскихъ, и на римскихъ понятіяхъ; въ католицизмъ и феодализмъ выработался уже новый взглядъ на императорскую власть: папы готовы были превратить императора въ приказчика римской куріи, свѣтскіе владѣльцы стремились ограничиться однимъ номинальнымъ признаніемъ этой власти. До Карла Великаго римскіе и германскіе элементы не были еще, такъ сказать, прилажены одни къ другимъ, и сама администрація его монархіи была странною смѣсью германской дружины и римской бюрократіи; но съ ІХ вѣка въ жизни утверждается новая система управленія. Римская централизація окончательно и на долгое время уступаетъ мѣсто процессу, который распредѣлялъ власть между аристократіей. Желаніемъ Карла Великаго было поставить государство выше церкви и аристократіи, но послѣ паденія его имперіи церковь стремится превратиться въ независимую духовную монархію, аристократическіе элементы высвобождаются изъ-подъ подчиненія государственной власти. Имперія дѣлается какой-то фикціей: у императора является опасный соперникъ въ лицѣ папы; его сила находится въ зависимости отъ повиновенія аристократіи. Равнымъ образомъ, и національная власть короля измѣняется въ своемъ характерѣ тамъ, гдѣ произошло феодальное раздробленіе: король уже не представитель и вождь націи, какъ у германцевъ, не носитель государственнаго принципа съ абсолютною властью, какъ въ Римѣ и въ тогдашней же Византіи, а верховный глава іерархіи герцоговъ, графовъ, бароновъ. Развитіе католицизма и феодализма похоронило подъ развалинами монархіи Карла Великаго и власть его преемниковъ, заставивъ ее приспособиться къ новому общественному строю, издавна подготовлявшемуся и выступившему наружу тотчасъ же послѣ того, какъ пала эта монархія.

Такимъ образомъ, въ эпоху Карла Великаго западный міръ не только объединился и обособился, но и закончилъ выработку тѣхъ формъ быта, которыя отличаютъ его отъ Византіи: тамъ церковь была въ подчиненіи у государства, и аристократическіе элементы не играли политической роли. Въ этомъ социальномъ строѣ Запада былъ залогъ политической свободы, ибо государство не было всемогущимъ, и власть въ немъ не была абсолютной. Но за то на Западѣ у духовенства воз-

пикло стремление подчинить себѣ государство, превративъ свѣтскихъ правителей въ простыхъ ставленниковъ главы церкви, а аристократія стала стремиться разложить государство, отождествляя его чуть не съ каждымъ крупнымъ помѣстьемъ. Мы и перейдемъ теперь къ общей характеристикѣ второго періода среднихъ вѣковъ, когда католицизмъ и феодализмъ достигли наибольшаго своего развитія.

Католицизмъ и феодализмъ представляютъ изъ себя два наиболѣе выдающихся на Западѣ культурно-соціальныхъ явленія среднихъ вѣковъ. Первый былъ, такъ сказать, силой центростремительной, второй—силой центробѣжной. Католицизмъ объединялъ націи Западной Европы подъ властью римскаго епископа въ одно громадное цѣлое, феодализмъ раздроблялъ ихъ на множество мелкихъ политическихъ организмовъ. Католицизмъ, давая народамъ Европы цѣлое міросозерцаніе, охватывавшее всѣ вопросы мысли и личной жизни, имѣлъ въ то же время свою особую политику, сводившуюся къ ученію о подчиненіи государства церкви, свое особое право, извѣстное подъ названіемъ каноническаго, и создавалъ особое привилегированное сословіе, клиръ. У феодализма были также свои идеи, своя политическая система, свои юридическія нормы, свое привилегированное сословіе—дворянство. Высшее проявленіе нашли обѣ эти силы, одна—въ монахѣ-аскетѣ, другая—въ рыцарѣ-воителѣ. Оба общества, церковное и свѣтское, живя рядомъ, умѣли и соединяться между собою, несмотря на противоположность своихъ принциповъ. Такое соединеніе мы видимъ, на примѣръ, въ монашеско-рыцарскихъ орденахъ, образовавшихся въ эпоху крестовыхъ походовъ: члены этихъ братствъ были въ одно и то же время и монахами, и рыцарями. Сами крестовые походы были какъ бы результатомъ совокупнаго дѣйствія обѣихъ названныхъ силъ: цѣль этихъ грандіозныхъ войнъ была поставлена католицизмомъ, онѣ велись по инициативѣ и съ благословенія церкви, средства же для ихъ веденія доставлены были феодальной системой, военнымъ обществомъ феодальныхъ господъ. Мало того, феодализмъ вторгается даже въ самую церковь: епископы и аббаты не были только духовными лицами, занимавшими извѣстное мѣсто въ церковной іерархіи, во главѣ которой стоялъ папа, но стояли, кромѣ того, на разныхъ ступеняхъ феодальной лѣстницы, будучи чьими-либо вассалами и сами имѣя вассаловъ, владѣя землями и людьми. Однимъ словомъ, духовная и свѣтская системы, католическая и феодальная, переплетались между собою, и это придавало всему строю жизни своеобразный характеръ. Обѣ эти стороны средневековаго западно-европейскаго быта заслуживаютъ отдѣльнаго разсмотрѣнія по своему значенію въ исторіи культуры и соціально-историческаго строя той части европейскихъ націй, которыя въ новой исторіи стали во главѣ прогресса цивилизаціи. Мы увидимъ

при этомъ, чѣмъ западно-европейское средневѣковье отличается отъ античнаго міра, и лучше потому поймемъ, какія измѣненія произошли въ жизни Европы въ новое время.

Варвары пришли въ Римскую имперію съ совершенно другими задатками политическаго быта, чѣмъ тѣ, изъ которыхъ развилась античная городская община. Собственно говоря, первобытныя учрежденія и грековъ, и римлянъ, и германцевъ представляютъ много аналогій, но вслѣдствіе различія въ историческихъ судьбахъ этихъ трехъ вѣтвей арійской расы, ходъ развитія ихъ первоначальныхъ учреждений былъ далеко неодинаковъ. У всѣхъ названныхъ племенъ въ началѣ ихъ исторіи мы находимъ, такъ сказать, общую систему политическаго быта: единого главу государства, совѣтъ старшинъ и собраніе всего народа. Образованіе такого государства вездѣ происходило путемъ объединенія болѣе мелкихъ соціальныхъ группъ, и первое различіе, которое мы видимъ между классическими народами, съ одной стороны, и германцами, съ другой, заключается въ томъ, что у первыхъ такое объединеніе на первыхъ порахъ не пошло далѣе городской общины, или государства-города, не распространилось на цѣлую націю, тогда какъ у послѣднихъ весьма рано возникли болѣе крупныя политическія союзы, нежели государство-городъ, именно государства-націи. Еще во времена Тацита (въ I в. по Р. X.) мы совсѣмъ не встрѣчаемъ въ Германіи тѣхъ большихъ національныхъ союзовъ франковъ, бургундовъ, лангобардовъ и т. д., которые позднѣе переселились въ предѣлы Римской имперіи, но въ эпоху паденія послѣдней именно такіе союзы и выступаютъ на сцену исторіи. Такимъ образомъ совокупность германскихъ племенъ весьма рано становилась способной превращаться въ государство-націю, чего никогда не могла достигнуть совокупность городскихъ общинъ античнаго міра, знавшихъ только одну форму объединенія—союзъ городовъ подъ гегемоніей одной какой-либо общины или, что было уже исключеніемъ, въ формѣ равноправной федераціи автономныхъ общинъ. Причины такого различія были весьма многочисленны и разнообразны, и вліяніе указанной германской политической формы на то, что нашли варвары на новой почвѣ, т. е. на муниципальный бытъ и на устройство имперіи, имѣло громадное значеніе, такъ что исторія среднихъ вѣковъ не можетъ считаться въ политическомъ отношеніи простымъ продолженіемъ древней. Правда, германскія государства пережили потомъ періодъ разложенія на феодальныя владѣнія, но идея національнаго государства не умирала въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ.

Съ другой стороны, развитіе городской жизни въ Греціи и Италиіи не только задержало національное объединеніе, но и послужило также препятствіемъ развитію власти государя. Тенденціи всякой городской

общины по самому существу своему республиканскія, и мы, дѣйстви-тельно, видимъ раннее исчезновеніе царской власти въ городскихъ государствахъ античнаго міра, и только, на примѣръ, въ Македоніи, гдѣ племенной бытъ никогда не былъ вполне вытѣсненъ городскимъ, древніе цари сохранились и въ историческую эпоху. Такимъ же образомъ сохранилась королевская власть и у германскихъ народовъ, хотя и измѣнялась въ своемъ характерѣ подъ влияніемъ возрѣвнѣй церкви, идей римскаго права и развившагося уже на почвѣ средне-вѣковой Европы феодальнаго строя. При уничтоженіи царской власти въ городахъ Греціи и Италіи особое развитіе получило во многихъ городахъ, хотя и не сразу, народное собраніе, въ которомъ участвовали всѣ члены государства. Первоначально и германцы имѣли подобныя вѣча, но по мѣрѣ образованія крупныхъ политическихъ тѣлъ все затруднительнѣе и затруднительнѣе становилось посѣщеніе общенарод-ныхъ собраній, такъ что мало-по-малу онѣ должны были прекратить свое существованіе. Только позднѣе средневѣковая Европа выработала новую, не извѣстную древности форму участія населенія въ управле-ніи, именно представительную систему, которая рѣзко отличаетъ поли-тической строй новой Европы отъ непосредственнаго народовластія античныхъ республикъ: въ эпоху феодальнаго строя почти въ каждомъ западномъ государствѣ старинныя непосредственныя собранія всего на-рода уступили мѣсто представительнымъ собраніямъ земскихъ чиновъ.

Обращаясь къ классамъ населенія, мы находимъ также аналогіи между классическими народами и германцами въ началѣ ихъ исторіи. Тройное дѣленіе народа на знатныхъ, простыхъ свободныхъ и ниже ихъ стоящій классъ (полусвободныхъ) есть одинъ изъ первоначаль-ныхъ фактовъ, съ которыми мы встрѣчаемся и у грековъ, и у рим-лянъ, и у германцевъ. Но въ дальнѣйшей исторіи эти народы пошли различными путями. У классическихъ народовъ, какъ извѣстно, про-исходилъ процессъ демократизаціи государства, но онъ не далъ проч-ныхъ результатовъ, и Римская имперія была абсолютной монархіей, въ которой главное социальное значеніе принадлежало классу круп-ныхъ землевладѣльцевъ. У германцевъ знать ранней эпохи исчезаетъ весьма скоро, уступивъ мѣсто королевской дружинѣ: развитіе королев-ской власти естественно должно было возвысить эту новую аристо-кратію въ ущербъ старой, и это возвышеніе дошло въ нѣкоторыхъ странахъ до того: что новая знать не только поработила народъ, но даже раздробила между собою королевскую власть, превративъ короля только въ «перваго между равными». При городскомъ бытѣ было бы невозможно образованіе такого сословія, какимъ было средневѣковое феодальное дворянство, каждый членъ котораго, будучи крупнымъ землевладѣльцемъ и господиномъ подвластныхъ людей, урывалъ себѣ и

клочокъ государственной власти. Только въ германскомъ не-городовомъ государствѣ, при сохраненіи королевской власти, окруженной дружиной, при паденіи народныхъ собраній, при населеніи, разбросанномъ по деревнямъ, и могла развиться такая аристократія.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, въ чемъ заключается различіе между политическимъ развитіемъ классическихъ народовъ, съ одной стороны, и германцевъ, съ другой. Понятно, что въ своемъ развитіи германскія учрежденія должны были испытать сильное вліяніе со стороны римскихъ въ томъ видѣ, какъ они существовали въ эпоху паденія имперіи, и сами оказать вліяніе на послѣднія. Германскія учрежденія не могли сохраниться во всей чистотѣ и развиваться только изъ собственныхъ основъ, равно какъ и не въ состояніи были совершенно вытѣснить учрежденія римскія. И изъ послѣднихъ тѣ, которыя были болѣе способными къ жизни, должны были приладиться къ новому порядку вещей или получить новое значеніе. Цѣлые вѣка прошли прежде, нежели сколько-нибудь опредѣленно установились политическія отношенія средневѣковой Европы, прежде, нежели произошло полное сліяніе стараго населенія областей имперіи съ пришельцами, прежде, нежели выработалась своеобразная система, которая надолго утвердилась въ Европѣ, и слѣды которой чувствовались на всемъ складѣ ея жизни даже въ новое время. Когда, наконецъ, система эта установилась, политическій строй Европы сдѣлался окончательно непохожимъ ни на государственный бытъ древности, ни на первоначальный государственный бытъ германцевъ. Католико-феодальная система, характеризующая средневѣковую бытъ, была въ сущности отрицаніемъ государства, какъ мы его понимаемъ: надъ нимъ выросла власть церкви, обнаружившей явное стремленіе превратить Западную Европу въ теократію; подъ нимъ выросъ цѣлый общественный слой, показавшій не менѣе явное стремленіе высвободиться изъ-подъ государственной власти и превратить каждое частное помѣстье въ самостоятельное политическое тѣло. Фиктивная Римская имперія, возстановленная Карломъ Великимъ, всемогущая католическая церковь, слабые національные короли, своевольные феодальные владѣльцы, въ число которыхъ попали и епископы съ аббатами, пирамидально-іерархическій строй общества феодальныхъ сюзереновъ, вассаловъ, подвассаловъ, спускавшихся цѣлой лѣстницей до послѣдняго крѣпостного,—вотъ характеристика политическаго быта среднихъ вѣковъ со всѣми его несообразностями: римскимъ императоромъ былъ нѣмецкій король, котораго въ Римъ иногда совсѣмъ не пускали; духовный глава церкви въ качествѣ какъ бы высшаго государя распоряжался королевскими коронами; національный король признавался иногда только за «перваго между равными»; феодалы титуловались въ своихъ владѣніяхъ «Божіею мило-

стію»; выдѣлившееся изъ остального общества духовное сословіе насчитывало среди своихъ членовъ немало феодальныхъ владѣльцевъ, и члены феодальной іерархіи были въ одно и то же время господами и подвластными, господами однихъ и подвластными другихъ. Объяснить происхожденіе этой путаницы—задача нелогкая, но тутъ всегда нужно помнить, что источники всего того, съ чѣмъ намъ приходится имѣть дѣло въ исторіи среднихъ вѣковъ, заключаются либо въ наслѣдіи древности, либо въ томъ, что принесли съ собою германцы, либо въ идеяхъ и учрежденіяхъ церкви, и что ни одинъ изъ этихъ элементовъ не развивался, не подвергаясь вліянію другихъ.

Установленіе феодализма было непосредственнымъ результатомъ внутренняго разложенія государствъ, образовавшихся изъ монархіи Карла Великаго, но въ сущности отдѣльными своими сторонами феодализмъ восходитъ ко временамъ Римской имперіи и древне-германскаго быта. Крупныя помѣстья (латифундіи) въ Западной Европѣ ведутъ свое начало еще изъ эпохи Римской имперіи, и уже тогда въ этихъ крупныхъ помѣстьяхъ стало развиваться мелкое хозяйство прикрѣпленныхъ къ землѣ крестьянъ (колонатъ). Когда германцы заняли провинціи имперіи, они очень быстро освоились съ такимъ поземельнымъ устройствомъ, причемъ ихъ первоначальная сельская община пришла въ упадокъ. Благодаря тому, что варвары сами еще не занимались промышленностью и торговлею, въ ихъ государствахъ землевладѣніе получило первенствующее значеніе, раздача же королями, вмѣсто жалованія за службу, государственныхъ земель въ частное владѣніе (бенефиціевъ) только увеличила и безъ того большое количество крупныхъ землевладѣльцевъ. Съ другой стороны, уже въ римскую эпоху и свободные люди, не имѣвшіе земли, и мелкіе собственники, искали покровительства сильныхъ и богатыхъ землевладѣльцевъ, нерѣдко передавая имъ свое имущество. Государственная власть боролась тогда съ такимъ стремленіемъ въ народъ, но послѣ паденія имперіи, въ эпоху смутъ, это стремленіе только усилилось. Развившаяся въ то время отдача себя мелкими людьми подъ защиту и опеку знати (коммодация) была только продолженіемъ стараго обычая, но она имѣла и другой источникъ—въ дружичныхъ отношеніяхъ самихъ германцевъ, потому что и здѣсь одинъ человѣкъ поручалъ себя другому, становился его «вѣрнымъ» или служебникомъ (вассаломъ). Наконецъ, еще римскіе императоры послѣднихъ временъ начали уступать нѣкоторые изъ публичныхъ правъ крупнымъ землевладѣльцамъ, возлагая на нихъ обязанность собирать налоги или поставлять солдатъ, наблюдать за порядкомъ и наказывать за мелкіе проступки. Надобность въ такой передачѣ нѣкоторыхъ обязанностей государственныхъ чиновниковъ помѣщикамъ только усилилась при варварскихъ короляхъ, и такъ на-

зываемый иммунитетъ, т.-е. изъятіе отдѣльныхъ помѣстій изъ вѣдѣнія государственныхъ чиновниковъ лишь завершилъ процессъ, начавшійся еще въ римскую эпоху. Такимъ образомъ при имперіи уже были какъ бы зародыши феодальныхъ сеньерій въ видѣ крупныхъ помѣстій съ зависимымъ населеніемъ и съ судебно-административною властью помѣщиковъ. При варварскихъ короляхъ эта система могла только развиваться, потому что германскій бытъ могъ лишь содѣйствовать дальнѣйшему развитію и крупнаго землевладѣнія (раздачею бенефиціевъ), и частной опеки помѣщиковъ надъ свободнымъ населеніемъ (необезпеченностью личности), и расширенію ихъ власти (по неумѣнію варваровъ отличать частныя отношенія отъ государственныхъ). Германцы смотрѣли на всякую уплату налога, какъ на признакъ несвободы, а потому не хотѣли сами платить налоговъ, чѣмъ лишали казну доходовъ; кромѣ того, и на cadaго платящаго оброкъ за землю они смотрѣли, какъ на утратившаго личную свободу. Съ другой стороны, въ германской дружинѣ выработались отношенія зависимости, которыя по германскому взгляду приличествовали и свободнымъ людямъ и которыя легли въ послѣдствіи въ основу вассальной службы.

Экономическую основу феодализма составили крупныя помѣстья, получившія значеніе замкнутыхъ «домовыхъ» *) хозяйствъ, при страшномъ упадкѣ обрабатывающей промышленности и торговли на Западѣ въ эпоху паденія Римской имперіи. Землевладѣніе сдѣлалось главною основою политической власти, и государство все болѣе и болѣе разлагалось на мелкіе замкнутые организмы феодальныхъ сеньерій, этихъ помѣстій-государствъ средневѣковой эпохи. Варварскіе короли оказались не въ состояніи поддерживать римскую государственность, и собственная власть ихъ все болѣе и болѣе ослаблялась. Во франкскомъ государствѣ короли, какъ было уже упомянуто, вознаграждали за государственную службу раздачею земель изъ своихъ имѣній, бывшихъ прежде казенною собственностью имперіи, и тѣмъ подрывали матеріальную основу своей силы, такъ какъ получали доходы лишь изъ своихъ имѣній. Графы, какъ назывались чиновники, управлявшіе областями, за свою службу получали земли, т.-е. происходило соединеніе государственной службы и землевладѣнія, причемъ владѣльцы очень скоро обнаружили стремленіе обратить и эти земли, и свои должности въ наслѣдственные. Имъ удалось достигнуть того и другого. Разъ должность графа дѣлалась наслѣдственною, графъ изъ простаго правителя области становился ея княземъ, и государство распадалось на столько же княжествъ, сколько въ немъ было графствъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ такими же самостоятельными правителями дѣлались также

*) См. выше, стр. 115.

и вообще крупные землевладельцы. Короли сами помогали такому превращению землевладельцев в своего рода государей. Вследствие общего разстройства управления они изымали некоторыя помѣстья изъ вѣдѣнія своихъ чиновниковъ и предоставляли самимъ землевладельцамъ поддерживать порядокъ и творить судъ въ ихъ помѣстьяхъ. Наконецъ, сами же короли, чувствуя свое безсиліе ограждать слабыхъ отъ своеволія знати, начали требовать, чтобы каждый неимущій или малоимущій дѣлался «человѣкомъ» какого-либо господина. Результатомъ всего этого и было установленіе феодализма, сущность котораго сводится къ слѣдующимъ тремъ признакамъ.

Во-первыхъ, страна, гдѣ устанавливался феодализмъ, распадалась на множество мелкихъ владѣній, изъ которыхъ одни были больше, другія—меньше, одни были настоящими княжествами, другія болѣе походила на помѣстья, и владѣльцы которыхъ пользовались правами, принадлежащими обыкновенно государямъ. Во-вторыхъ, эти владѣнія въ одно и то же время были и какъ бы настоящими государствами, и какъ бы простыми только помѣстьями. Власть феодальнаго владѣльца была властью государя-помѣщика или помѣщика-государя. Кто былъ покрупнѣе, тотъ больше походилъ на государя, кто—помельче, тотъ скорѣе напоминалъ помѣщика, но въ обоихъ случаяхъ въ одномъ лицѣ совмѣщался и государь, и помѣщикъ. Въ-третьихъ, всѣ эти государя-помѣщики и помѣщики-государя становились одни къ другимъ въ опредѣленные отношенія. Болѣе мелкие владѣльцы искали защиты и покровительства у болѣе крупныхъ, а тѣ желали имѣть у себя побольше такихъ подчиненныхъ союзниковъ, которые могли бы имъ оказывать помощь. Поэтому феодальные владѣльцы заключали между собою договоры, въ силу которыхъ болѣе мелкие владѣльцы дѣлались вообще вассалами болѣе крупныхъ, а эти послѣдніе становились ихъ сеньерами (сюзеренами). Такъ какъ вассальныя владѣльцы могли сами быть сеньерами по отношенію къ другимъ (т.-е. у вассаловъ могли быть свои вассалы), то феодальные владѣльцы какъ бы располагались на разныхъ ступеняхъ своего рода лѣстницы власти и подчиненія.

Эта сложная политическая система была возможна только при социальномъ господствѣ землевладѣнія, при преобладаніи земледѣлія въ экономической жизни общества, при существованіи лишь натурального хозяйства. Едва только въ концѣ среднихъ вѣковъ началось накопленіе капиталовъ, развитіе промышленности и торговли и введевіе въ экономическую жизнь денежнаго хозяйства, какъ феодализмъ сталъ идти на убыль. Пока въ силѣ были экономическія условія, приведшія къ феодализму, городская жизнь была очень слабо развита, и сами даже города попадали подъ власть феодальныхъ владѣльцевъ.

Что касается до сельскаго населенія, то оно въ феодальную эпоху находилось въ крѣпостной зависимости,—состояніе, бывшее въ сущности продолженіемъ колоната временъ Римской имперіи.

Я остановился здѣсь иѣсколько подробнѣе на процессѣ возникновенія феодализма и на его сущности по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, на примѣрѣ феодализма мы можемъ видѣть, что въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ на Западѣ происходилъ настоящій экономическій и политическій регрессъ, приводившій общество и государство къ крайнему раздробленію на мелкія, замкнутыя и самодовлѣющія группы, къ тому, что на соціологическомъ языкѣ носитъ названіе дезинтеграціи. Во-вторыхъ, феодальное устройство сдѣлалось отъправнымъ пунктомъ всего дальнѣйшаго экономическаго и политическаго развитія Западной Европы, которое состояло въ возникновеніи и усиленіи торгово-промышленной дѣятельности и денежнаго хозяйства, въ переходѣ соціальнаго значенія отъ помѣстій къ городамъ и въ объединеніи феодальныхъ сеньерій въ большія государства.

Остановимся пока на этомъ въ изображеніи соціальной эволюціи Запада и перейдемъ къ разсмотрѣнію другой основы его культурнаго быта, особенно въ областяхъ міросозерцанія и личной жизни, т. е. католицизма.

Католицизмъ въ средніе вѣка былъ не только вѣроисповѣданіемъ, но цѣлой культурной системой, охватывавшей всѣ проявленія личной и общественной жизни. Папство представляло изъ себя элементъ, связывавшій отдѣльныя націи въ одно цѣлое. духовной столицей котораго былъ Римъ, а богослужебнымъ и письменнымъ языкомъ—латинскій. Католицизмъ поддерживалъ идею Римской имперіи, глава которой считался такимъ же господиномъ западнаго христіанства въ дѣлахъ свѣтскихъ, какимъ папа былъ въ дѣлахъ духовныхъ, и эта имперія носила титулъ «священной». Католицизмъ имѣлъ свою іерархію, распространявшуюся на всѣ страны Западной Европы, свою политическую доктрину, учившую о превосходствѣ церкви надъ государствомъ, свои церковные суды и церковное право, существовавшіе рядомъ съ правомъ и судами свѣтскими, свою финансовую систему разныхъ налоговъ въ пользу церкви, свою официальную философію, основанную на авторитетѣ традиціи, свою этику, заключающуюся въ проповѣди аскетизма, свой монастырскій типъ общежитія, свои духовныя братства и свои школы. Если самымъ основнымъ стремленіемъ феодализма было раздробить государство на мелкія политическія тѣла въ пользу власти помѣщика, стремленіемъ католицизма было превратить Западную Европу въ обширную теократію и сдѣлать изъ римскаго первосвященника верховнаго вождя общества. Феодализмъ былъ посягательствомъ на внѣшнюю, тѣлесную свободу чело-

вѣка въ закрѣпощенныхъ народныхъ массахъ, католицизмъ стремился подчинить себѣ челоуѣка внутренняго, духовнаго. Церковь дѣйствовала при этомъ, впрочемъ, не одними духовными средствами: напротивъ, она все болѣе и болѣе превращалась въ учрежденіе «отъ міра сего». Весьма рано духовныя лица дѣлаются крупными землевладѣльцами, потомъ, какъ мы видѣли, членами феодальной іерархіи, имѣя сами и земли, и вассаловъ, и крѣпостныхъ. Въ качествѣ только духовныхъ лицъ они, кромѣ того, пользовались большими доходами отъ правильныхъ налоговъ и добровольныхъ приношеній въ пользу церкви со стороны паствы. Церковь, другими словами, оспаривала у феодальнаго міра нѣкоторымъ образомъ власть надъ обществомъ и боролась съ нимъ его же оружіемъ.

Такое положеніе церкви въ средніе вѣка объясняется двумя главными явленіями, съ которыхъ начинается исторія средневѣковья, т.-е. паденіемъ Римской имперіи и приходомъ варваровъ. На Востокѣ, гдѣ уцѣлѣла абсолютная власть императоровъ, невозможно было такое развитіе вишшняго могущества церкви: здѣсь послѣдняя стояла лицомъ къ лицу съ сильнымъ государственнымъ авторитетомъ, покровительство котораго обезпечивало ея собственную побѣду надъ язычествомъ и ересями и который, имѣя за себя блескъ исторической традиціи, ревниво оберегалъ свои прерогативы. Иное мы видимъ на Западѣ: имперія падаетъ, но церковь сохраняетъ свою организацію; имперія распадается, но церковь укрѣпляетъ свое единство; на мѣсто древнихъ императоровъ появляются варварскіе короли, а къ нимъ духовенство не можетъ чувствовать прежняго почтенія, считая себя призваннымъ ихъ воспитывать, сдерживать, направлять. Варвары вообще замѣнили прежнюю свѣтскую власть новою, но духовная власть осталась старая, прочная своей организаціей и сильная своими традиціями. При наплывѣ германцевъ духовенство явилось единственнымъ представителемъ образованности, единственнымъ защитникомъ стараго населенія имперіи, единственнымъ воспитателемъ пришельцевъ. Вся духовная культура древности, уже находившаяся въ полномъ почти упадкѣ, словно обречена была погибнуть въ морѣ варварства: одни только духовныя лица остались сколько-нибудь образованнымъ сословіемъ, и понятно, что они должны были придать своей образованности церковный, теологическій характеръ. Феодальное раздробленіе нанесло большой ударъ государственной власти, но оказалось неспособнымъ окончательно дезорганизовать церковь. Паденіе городской жизни, военные нравы феодаловъ, политическое, юридическое и экономическое порабощеніе массы устраняло возможность появленія какихъ бы то ни было соперниковъ клира въ духовномъ руководствѣ обществомъ. И въ смутныя времена феодальной анархіи духовенство

все-таки вносило нѣкоторый порядокъ въ общественную жизнь. Само вступая въ ряды феодальныхъ владѣльцевъ, оно, кромѣ своей матеріальной силы, пользовалось еще силой моральной, кромѣ феодальной организаци, имѣло еще и другую, болѣе прочную, болѣе централизованную, болѣе сложную и болѣе прочную: у него былъ единый глава—папа, а не фиктивный императоръ несуществующей на самомъ дѣлѣ имперіи; у него была цѣлая система сношеній со всѣми странами Западной Европы, цѣлая армія монаховъ, громадная паства, которою оно и управляло отъ имени Бога.

XI, XII и XIII вѣка представляютъ изъ себя эпоху, когда католическая система достигла высшей точки своего развитія. Никогда папство не выходило на такую высоту, какъ въ періодъ между Григоріемъ VII (1073—1085) и Бонифаціемъ VIII (1294—1303); это и было время грандіознаго католическаго предпріятія средневѣковой Европы—крестовыхъ походовъ (1096—1291), образованія духовно-рыцарскихъ орденовъ и папской милиціи нищенствующихъ монаховъ, схоластической философіи и политической теоріи, проповѣдовавшихъ подчиненіе церковному авторитету и человѣческаго разума, и свѣтской власти. На предыдущіе вѣка мы можемъ смотрѣть какъ на эпоху подготовленія католической системы, на XIV и XV вѣка—какъ на эпоху, когда началось ея паденіе. До XI вѣка папству еще нужно было хлопотать объ окончательномъ подчиненіи своей власти епископовъ, о своемъ высвобожденіи изъ-подъ свѣтскаго авторитета римскихъ императоровъ и своеволія римскихъ бароновъ, прежде нежели получить возможность высказываться и дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовали и высказывались Григорій VII, Иннокентій III и Бонифацій VIII. провозглашавшіе прямую зависимость свѣтской власти отъ духовной, возводившіе на престолъ и низлагавшіе государей, распорядившіеся тронами и народами. Начало XIV вѣка видитъ паденіе папства: собранные въ 1302 г. Филиппомъ IV Красивымъ генеральные штаты Франціи провозглашаютъ независимость французской короны отъ папы; по ихъ стопамъ идетъ англійскій парламентъ, который при Эдуардѣ III отказывается платить въ Римъ дань, наложенную на королевство подчиненіемъ папѣ Іоанна Безземельнаго (1215); собраніе нѣмецкихъ князей въ Ренэ объявляетъ, что избранный ими король не нуждается въ папскомъ утвержденіи (1338). Мало того: одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ Бонифація VIII подъ влияніемъ французскаго короля переселяется изъ Рима въ Авиньонъ, гдѣ папы въ теченіе большей части XIV в. находятся въ знаменитомъ «вавилонскомъ плѣненіи». Наоборотъ, въ XI, XII и XIII вѣкахъ церковь почти изъ каждой борьбы выходитъ побѣдительницей и изъ каждой побѣды извлекаетъ новую силу. Великій реорганизаторъ католицизма,

Григорій VII, внесшій большую строгость въ нравы клира, привязавшій его еще болѣе къ исключительному служенію интересамъ церкви посредствомъ установленія безбрачія, сумѣвшій освободить выборы на папскій престолъ отъ постороннихъ вліяній, открываетъ собою эпоху борьбы папства и имперіи, наполняющую конецъ XI, XII и первую половину XIII вѣка. Изъ этой борьбы преемниковъ апостола Петра и преемниковъ римскихъ цезарей побѣдителями выходятъ первые. Но и не съ одними императорами Священной Римской имперіи ведется эта борьба: время-отъ-времени силу папской власти чувствуютъ на себѣ и другіе короли, осмѣливающіеся не повиноваться намѣстникамъ Бога на землѣ. Одновременно папы торжествуютъ побѣду и надъ человѣческой свободой въ вопросахъ вѣры: на югѣ Франціи въ концѣ XII вѣка проявилось еретическое движеніе альбигойцевъ и вальденсовъ; въ первой половинѣ XIII вѣка крестовый походъ со всѣми ужасами религиозныхъ войнъ фанатической и варварской эпохи подавляетъ это движеніе и восстанавливаетъ потрясенный авторитетъ церкви. И на Востокъ папство одерживаетъ въ ту же эпоху новую побѣду: крестоносцы четвертаго похода завоевываютъ на время Византію (1204), гдѣ учреждается Латинская имперія, и подъ впечатлѣніемъ этого крупнаго успѣха для подчиненія иновѣрной Руси замысливается крестовый походъ. Если бы осуществились всѣ честолюбивые замыслы папъ, Европа превратилась бы въ обширную теократію: государи сдѣлались бы приказчиками римской курии; отдѣльныя націи должны были бы утратить свою индивидуальность въ универсальной папской монархіи; внѣ официальной доктрины католицизма не могло бы существовать никакого самостоятельнаго рѣшенія вопросовъ теоретической и практической мысли, частной и общественной жизни. Отлученіе отъ церкви, бывшее равносильнымъ объявленію внѣ закона, инквизиція, посылавшая непокорныхъ умирать на кострахъ, крестовые походы со всѣми ужасами дикой расправы, подавили бы всякую оппозицію противъ церкви, господствовавшей надъ государствомъ, противъ католическаго единства, отрицавшаго національный принципъ, противъ ученія, внѣ котораго не было и не могло быть истины. Понятно, что при такомъ положеніи, какое занялъ католицизмъ, важные вопросы жизни не могли рѣшаться внѣ всякаго отношенія къ церкви, и подобно тому, какъ исторія феодализма, такъ сказать, наполняетъ собою одну сторону средневѣковья, другая его сторона наполняется исторіей католицизма. И замѣчательно, что католицизмъ достигаетъ наивысшей точки своего развитія почти въ то самое время, какъ и феодализмъ. Равнымъ образомъ и паденіе католицизма и феодализма совершается параллельно: оба постепенно разлагаются въ одно и то же время, и ихъ одинаково разрушаютъ

постепенно, съ одной стороны, государственный принципъ, воплотившійся въ королевской власти, съ другой, принципъ индивидуальной свободы, нашедшій и соответственные органы для выраженія и осуществленія своихъ стремленій.

Коротко говоря, полное торжество католической системы,—если бы она осуществилась въ дѣйствительности въ томъ видѣ, въ какомъ существовала въ теоріи, если бы, другими словами, въ западно-европейскомъ обществѣ не было такихъ элементовъ и такихъ стремленій, которые противодействовали этому,—было бы равносильно возвращеніемъ Западной Европы къ тому началу, которое было господствующимъ на древнемъ Востокѣ, къ началу теократическому. Этого начала, какъ мы видѣли, была чужда античная цивилизація, и въ ея преимущественно свѣтскомъ характерѣ заключается ея отличительная черта сравнительно и съ древнимъ Востокомъ, и съ европейскимъ средневѣковьемъ. Религія, какъ мы уже говорили, не играла у древнихъ грековъ и римлянъ той роли, какая ей принадлежала на Востокѣ: она не развивалась у нихъ въ дѣльную догматическую систему, которая составляла бы все теоретическое міросозерцаніе человѣка, лежала бы въ основѣ его этики, освящала бы всѣ его общественныя учрежденія, какъ разъ навсегда установленныя свыше, и вообще подчиняла бы себѣ мысль, чувство и волю отдѣльныхъ членовъ общества. Только въ эпоху паденія классическаго міра въ египетской Александріи, гдѣ столкнулись идеи Востока и Запада, возникла такъ называемая неоплатоническая философія, имѣвшая много общаго съ религіозными системами азіатскихъ культурныхъ народовъ. Только въ эпоху императора Діоклетіана явилась въ самой Европѣ попытка дать власти и государству теократическую основу, опять-таки подъ вліяніемъ восточныхъ воззрѣній. Античный міръ былъ свободенъ отъ догматизма религіозной традиціи, застывшей въ неизмѣнной формѣ и охватывавшей собою всѣ подробности частной и общественной жизни. Въ средніе вѣка рядомъ съ свѣтской философійю, основанной на самостоятельной дѣятельности разума, появилась теологія, основанная на авторитетѣ и стремившаяся подчинить себѣ всякое знаніе; рядомъ со свѣтскимъ правомъ возникло право церковное, или такъ называемое каноническое, которое охватило собою многія чисто гражданскія отношенія; рядомъ съ государствомъ, какъ учрежденіемъ мірскимъ, явилось учрежденіе религіозное—церковь. Античный міръ не зналъ этого дуализма философіи и теологіи, свѣтскаго и церковнаго права, государства и церкви, столь характернаго для средневѣковой исторіи. Идеалы классическаго міра были диаметрально противоположны идеаламъ средневѣковья. Свободный культурный человѣкъ въ античномъ мірѣ былъ прежде всего гражданиномъ государства и высоко цѣнилъ

политическую жизнь, тогда какъ средневѣковой монахъ, въ которомъ воплотился идеалъ католической Европы, видѣлъ въ государствѣ царство дьявола и безусловно подчинялъ его церкви. Въ античномъ мѣрѣ были пытливые изслѣдователи окружающей насъ природы, въ чемъ монахъ видѣлъ, напротивъ, нѣчто суетное и грѣховное, допуская философію только въ качествѣ прислужницы богословія (*ancilla theologiae*). Въ античномъ мѣрѣ люди полагали всѣ свои радости въ земной жизни, для монаха же она была только царствомъ грѣха и юдолюю печали: настоящій хорошій человекъ долженъ былъ бросать все, что привязывало къ этому міру. Такимъ образомъ, средніе вѣка въ Европѣ были эпохой самаго рѣзкаго дуализма: на одной сторонѣ были жизнь духа и умерщвление плоти, воздыханіе о небесномъ отечествѣ и данное свыше откровеніе, церковь, какъ божественное установленіе, и богословіе, какъ единое истинное знаніе, на другой—грѣховная жизнь плоти и угожденіе мірскимъ страстямъ, привязанность къ ложнымъ радостямъ міра и призрачная человѣческая мудрость, основанное людьми государство и вздорная свѣтская ученость. Словомъ, средневѣковая католическая система была ученіемъ о превосходствѣ духа надъ тѣломъ, религіознаго учрежденія церкви надъ мірскимъ учрежденіемъ—государствомъ, откровенной истины Слова Божія надъ всѣми знаніями человѣческаго разума и, какъ результатъ всего этого, о главенствѣ духовнаго сословія надъ мірянами. «Какъ духъ превосходитъ тѣло своимъ достоинствомъ и значеніемъ,—говоритъ, напр., св. Бонавентура,—такъ власть духовная выше власти свѣтской».—«Мірской человекъ,—поучаетъ св. Даміанъ,—какъ бы ни былъ онъ благочестивъ, не можетъ быть сравниваемъ даже съ несовершеннымъ монахомъ: золото, хотя и съ примѣсью, драгоцѣннѣе чистаго олова».—«Обязанность каждаго христіанина бѣжать изъ міра», прибавляетъ св. Бонавентура. — «Гиппократъ, — говоритъ св. Бернардъ, — учитъ сохранять тѣло, Иисусъ Христосъ—губить его. Мы говорять: это вредно для желудка, а это—для груди. Въ евангеліи, что ли, или у пророковъ читали вы эти вещи? Это плоть нашла такую мудрость, а не божественный духъ. Пусть стада Эпикура заботятся о своемъ тѣлѣ; что касается до нашего Божественнаго Учителя, то онъ научаетъ презирать здоровье».—«Къ чему наука христіанамъ?»—спрашиваетъ св. Даміанъ.—«Развѣ зажигаютъ фонарь, чтобы видѣть солнце? Оставимъ науку Юліанамъ Отступникамъ. Св. Іоаннъ обходился безъ нея, св. Григорій ее презиралъ, св. Іеронимъ упрекалъ себя въ ней, какъ въ преступленіи».—«Древніе—проповѣдуетъ Петръ Достопочтенный—блистали въ литературѣ, искусствахъ и наукахъ: къ чему послужила имъ эта образованность? Когда Истина воплотилась, она отвергла ихъ образованность. Пусть замолчитъ человѣческое чванство,

когда заговорило слово божественное!» — «Что такое жизнь человѣческая, — говоритъ Hugo de Sancto Victore, — какъ не путешествіе? Мы — путники и только проходя видимъ этотъ міръ. Если на пути мы встрѣчаемъ незнакомыя вещи, то есть ли смыслъ отдать себя въ ихъ власть и своротить со своей дороги? А это-то и дѣлаютъ люди, посвящающіе себя наукѣ: неосторожные прохожіе, они забываютъ цѣль своего путешествія, они не направляются къ своему отечеству». Понятное дѣло, что при такомъ взглядѣ самая обширная литература была церковная; въ университетахъ главнымъ факультетомъ былъ богословскій, а профессорами — часто клирики. Конечно, и область науки была тѣсно ограничена, такъ какъ изученіе внѣшняго міра считалось пустымъ занятіемъ, да и въ той ограниченной области духовнаго, въ которой вращалась наука, она не была свободна: мысль человѣка не имѣла права дѣлать самостоятельныя изысканія, ей давались готовые рѣшенія, которымъ она должна была подчиняться. Вообще теологія должна была отвращать человѣчество отъ пагубныхъ идей, и въ ея опекѣ, по мнѣнію представителей средневѣковаго міросозерцанія, философія только и могла найти единственное вѣрное руководство, такъ что цѣлью этой философіи было подкрѣпленіе доводами разума положеній вѣры.

Какой же общій выводъ остается намъ сдѣлать о характерѣ западно-европейскаго средневѣковья въ исторіи прогресса? Изъ того факта, что это самое средневѣковье подготовило все прогрессивное развитіе новой исторіи, слѣдуетъ заключить, что оно не прошло безслѣдно въ общемъ ходѣ всемірной исторіи, но это не значить, что въ средніе вѣка на Западѣ не было сильнаго регресса, который, дѣйствительно, и выразился въ сферѣ экономической и политической побѣдою замкнутаго, натурального хозяйства и феодальнаго партикуляризма, а въ сферѣ духовной культуры въ поворотѣ къ восточному типу цивилизациі съ сильнымъ ослабленіемъ вообще умственной жизни. Мы едва ли ошибемся, сказавъ, что самымъ мрачнымъ столѣтіемъ, въ жизни европейскаго Запада въ средніе вѣка былъ X вѣкъ, время наибольшаго экономическаго и культурнаго упадка. Во всякомъ случаѣ, въ первомъ періодѣ среднихъ вѣковъ Западъ сравнительно съ Византіей и мусульманскимъ міромъ страшно отставалъ и въ матеріальной и въ духовной своей культурѣ. Но, съ другой стороны, къ концу средневѣковой эпохи, наоборотъ, уже къ Западу начинаетъ переходить первенство въ общемъ прогрессивномъ развитіи человѣчества: значить, опустившись очень низко въ первую половину среднихъ вѣковъ, Западъ очень высоко поднялся во вторую, и, слѣдовательно, въ его исторіи мы имѣемъ дѣло съ нѣкоторымъ совершившимся прогрессомъ.

Любопытно, что всё прогрессивныя движенія новаго времени принимали характер протеста противъ всего считавшагося специально средневековымъ. Возрожденіе и реформація были своего рода возвращеніемъ къ античной образованности и къ первобытной церкви. «Просвѣщеніе» XVIII столѣтія стало также въ рѣзкую оппозицію ко всему «готическому», какъ принято было въ то время называть специально средневековыя явленія. Только въ XIX вѣкѣ, при развитіи исторической науки, началась всесторонняя оцѣнка среднихъ вѣковъ, впадавшая иногда даже въ противоположную крайность у писателей романтическаго и реакціоннаго направленія. Несомнѣнно одно то, что въ средніе вѣка совершался прогрессъ, хотя и медленный, хотя и не всегда рѣзко бросающійся въ глаза: для этого стѣбить только сравнить состояніе Европы къ концу среднихъ вѣковъ съ тѣмъ, въ которомъ она была въ дѣйствительно мрачную эпоху IX и X вѣковъ, когда западное общество стояло чуть не на самой низкой степени развитія, на какой только можетъ находиться общество, уже жившее историческою жизнью. Это было, какъ извѣстно, время анархіи, закрѣпощенія массъ, общественныхъ бѣдствій, самаго мрачнаго невѣжества, самаго глубокаго варварства; недаромъ ожидали со страхомъ 1000 года по Р. Х., какъ конца міра. Если Западная Европа не только вышла изъ этого состоянія, но даже опередила всё другія страны міра, это указываетъ на то, что общество прогрессировало. Мы можемъ даже перечислить, что выработало западно-европейское средневековье для послѣдующей исторіи. Здѣсь возникаетъ, прежде всего, совершенно новая организація государства. Въ древности мы видимъ принципъ непосредственнаго народовластія, но онъ былъ возможенъ только въ маленькихъ городскихъ республикахъ и былъ совершенно неприложимъ къ крупнымъ политическимъ тѣламъ; средніе вѣка выработали систему представительства, сдѣлавшуюся характернымъ признакомъ новѣйшаго западно-европейскаго государства. Въ древности, далѣе, за исключеніемъ краткаго періода демократической эволюціи личность поглощалась въ государствѣ, а теперь одной стороною своего бытія человекъ уже не принадлежалъ всецѣло государству и не оставался по отношенію къ нему безправнымъ: въ области религіи свѣтская власть утрачиваетъ античный абсолютизмъ, а въ феодальномъ бытѣ была та хорошая сторона, что хоть нѣкоторая часть общества имѣла извѣстныя права по отношенію къ государственной власти, нарушеніе которыхъ даже разрывало связь между сюзереномъ и вассаломъ. Античный міръ палъ, не уничтоживъ рабства; прекращеніе его въ Европѣ совершилось въ средніе вѣка, когда рабство замѣнилось крѣпостничествомъ, болѣе мягкой формой юридической и экономической зависимости, да и сама эта зависимость къ

концу средних вѣковъ начинаетъ исчезать въ наиболѣе опередившихъ другія странахъ. Древность выработала только одну форму объединенія народовъ—всемірную монархію налагавшюю желѣзное ярмо на самостоятельное бытіе отдѣльныхъ народовъ: средневѣковыя націи разрушаютъ аналогичныя попытки папства и имперіи. Нечего уже и говорить о томъ, что въ духовной культурѣ застоя не было: образованіе, правда, окончательно падаетъ въ первую половину средних вѣковъ, но во второй возникаютъ университеты, зарождается философія, хотя и не дававшая много знаній, но поддерживавшая пылкость человѣческаго ума и нерѣдко приводившая человѣческую личность къ эманципаціи отъ неподвижной традиціи XIV и XV столѣтія были временемъ большой умственной дѣятельности. Средніе вѣка были періодомъ крупныхъ массовыхъ движеній: за великимъ переселеніемъ народовъ слѣдуетъ другое, меньшихъ размѣровъ—норманскія нашествія; крестовые походы, возстанія городовъ и деревень были также движеніями массовыми; гуситство въ XV в. въ этомъ отношеніи повторяетъ само французское альбигойство XII—XIII вв. Но въ первый періодъ средних вѣковъ эти движенія не имѣли еще принципиальнаго характера, который имъ, наоборотъ, сообщаетъ болѣе развитая жизнь конца средних вѣковъ. Крестовые походы стоятъ посерединѣ: движеніемъ руководитъ идея, но идея эта не имѣетъ въ виду какой-либо общей реформы существующей культуры, какъ мы это видимъ въ болѣе позднее время. Какъ-разъ именно эпоха крестовыхъ походовъ была переломомъ въ средневѣковой історіи, началомъ болѣе замѣтнаго прогресса въ жизни. Въ эту именно эпоху городской бытъ достигаетъ извѣстной степени развитія, благодаря оживленію торговли и промышленности, возникаютъ университеты, происходитъ философскій споръ номиналистовъ и реалистовъ, ощущается вліяніе арабской образованности, появляется первая крупная оппозиція католицизму, возникаютъ національныя литературы и т. д. Сравните только Европу передъ 1000 годомъ съ Европой 1300 г., чтобы увидѣть всю разницу и убѣдиться въ томъ, что за періодомъ паденія, говоря фигурально, кривой прогресса снова начался ея подъемъ.

Очеркъ шестой.

Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени.

Отношеніе новаго времени къ среднимъ вѣкамъ.—Вступленіе всемірной исторіи въ океаническій періодъ.—Новое экономическое развитіе Европы.—Общее значеніе ренессанса и гуманизма.—Судьба классической литературы въ средніе вѣка.—Дѣйствительно ли завоеваніе Константинополя турками было причиною возрожденія классической древности на Западѣ?—Значеніе классическаго элемента въ исторіи новаго умственнаго движенія.—Развитіе индивидуализма и секуляризаціонныхъ стремленій.—Начало новой науки и философіи.—Упадокъ средневѣковаго католицизма и «порча церкви».—Вліяніе религиозной реформаціи на гуманизмъ и возрожденіе послѣдняго въ «просвѣщеніи» XVIII в.—Состояніе политическаго міра въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ началѣ новаго времени.—Напоръ мусульманства.—Образованіе національныхъ государствъ на Западѣ.—Сословная монархія и начало абсолютизма.

Новое время находится въ иномъ отношеніи къ среднимъ вѣкамъ, чѣмъ средніе вѣка къ античному міру. Во-первыхъ, въ противность тому, что было въ началѣ среднихъ вѣковъ, когда общее русло міровой цивилизаціи раздѣлилось на три рукава, въ началѣ новаго времени совершается не обособленіе, а, наоборотъ, объединеніе исторіи—и притомъ на болѣе широкой аренѣ. Въ древности главнымъ культурнымъ моремъ было Средиземное, въ средніе вѣка къ нему прибавились еще два новыхъ, тоже «средиземныхъ» моря—Нѣмецкое и Балтійское, но какъ древность, такъ и средніе вѣка одинаково находятъ еще въ морскомъ періодѣ всемірной исторіи. Съ открытіемъ въ 1492 г. Америки, а въ 1498 г. морского пути въ Индію начинается океаническій періодъ всемірной исторіи, и онъ-то именно составляетъ новое время, т.е. послѣднія четыре столѣтія,

XVI—XIX вѣка. Во-вторыхъ, средніе вѣка являются началомъ исторіи новыхъ европейскихъ народовъ, которымъ суждено было потомъ играть главную роль въ всемірной исторіи. Они пришли, такъ сказать, на смѣну грекамъ и римлянамъ, исторія которыхъ кончилась, а съ ними кончилась и цѣлая цивилизація, кончился античный міръ: переходъ отъ античнаго міра къ среднимъ вѣкамъ есть въ извѣстномъ смыслѣ перерывъ всемірной исторіи, такой же перерывъ, какой существуетъ при переходѣ отъ Востока къ Греціи и Риму. Только въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы переходимъ изъ одной части свѣта въ другую, а въ первомъ—лишь отъ однихъ народовъ къ другимъ. Напротивъ, средніе вѣка и новое время, это—главнымъ образомъ исторія однихъ и тѣхъ же народовъ, одного и того же культурно-историческаго типа, одного и того же, а не разныхъ міровъ. Здѣсь, другими словами, не было никакого перерыва, ни конца одного развитія, ни начала другого, что наблюдается при переходѣ отъ античнаго міра къ среднимъ вѣкамъ. Напротивъ, это лишь два періода въ одномъ и томъ же развитіи. Въ-третьихъ, если даже и принять, что перерывъ исторіи при переходѣ отъ античности къ средневѣковью имѣетъ лишь условный и относительный смыслъ, и что, въ концѣ концовъ, средніе вѣка все-таки вышли изъ античнаго міра, то и здѣсь большая разница между обѣими разсматриваемыми переходными эпохами. Мы видѣли, что въ общемъ переходъ классической древности въ католико-феодалное средневѣковье былъ регрессомъ, т.-е. упадкомъ и въ экономическомъ, и въ культурномъ, и въ политическомъ отношеніи. Совсѣмъ не то приходится сказать объ отношеніи перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Здѣсь мы имѣемъ дѣло, наоборотъ, съ историческимъ развитіемъ прогрессивнаго характера. То, что было уже одинъ разъ совершенно античнымъ міромъ, въ особенности Греціей, опять повторилось въ исторіи Западной Европы какъ въ области экономическаго, такъ и въ областяхъ культурнаго и политическаго развитія и именно въ новое время. Разумѣется, въ новой исторіи все это получило и болѣе широкіе размѣры, и болѣе глубокое значеніе, но суть дѣла заключается въ одномъ и томъ же, т.-е. въ развитіи промышленности и торговли, въ развитіи чисто свѣтской культуры и въ развитіи общественной самостоятельности.

Отмѣчая, въ чемъ заключается разница въ отношеніяхъ, какія можно установить, во-первыхъ, между древностью и средневѣковьемъ, а во-вторыхъ, между этимъ послѣднимъ и новымъ временемъ, я особенно хочу здѣсь отмѣтить, что въ новое время исторія получаетъ дѣйствительно всемірный характеръ въ буквальномъ смыслѣ и что вмѣстѣ съ этимъ та цивилизація, которая имѣетъ право рассчитывать на

универсальное значеніе, дѣлается все болѣе и болѣе свѣтской. Въ обоихъ отношеніяхъ на новые пути двинута была исторія Западной Европой, которая въ одну и ту же эпоху вышла изъ своей средне-вѣковой обособленности и стала отрѣшаться отъ своихъ средне-вѣковыхъ католико-феодальныхъ формъ, положила начало океаническому періоду всемірной исторіи открытіемъ Америки и морского пути въ Индіи и возобновила культурное развитіе чисто свѣтскаго характера.

Въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію важное для исторіи разныхъ сторонъ жизни значеніе развитія торговыхъ сношеній между отдѣльными странами и открытія новыхъ для нихъ путей. Многія важныя перемѣны экономическаго характера въ исторіи отдѣльныхъ странъ и цѣлыхъ культурныхъ міровъ и сопряженныя съ экономическими измѣненіями перемѣны культурныя и политическія часто находятъ свое объясненіе въ замѣнѣ однихъ коммерческихъ путей другими. Въ древности громадное значеніе имѣло, какъ мы не разъ уже упоминали, Средиземное море, и именно южныя страны Европы, прилегающія къ этому морю, подобно западнымъ берегамъ Малой Азій и Сиріи и сѣвернымъ Африки, были втянуты въ тотъ торговый обмѣнъ, которымъ занимались на этомъ вѣкѣ сначала финикійцы, потомъ греки. Не даромъ здѣсь же образовалась и Римская имперія. Въ средніе вѣка къ этому великому Средиземному морю на югѣ Европы, какъ тоже у насъ уже упоминалось, прибавились два меньшихъ «средиземныхъ» же моря на сѣверѣ: Нѣмецкое между берегами Британіи, Священной Римской имперіи и Скандинавіи и Балтійское между тѣми же Германіей и Скандинавіей, съ одной стороны, и польскими, орденскими и русскими владѣніями, съ другой. Торговое значеніе сохранили не только тѣ страны, которыя лежали у Средиземнаго моря, но приобрѣли его также и тѣ, которыя примыкали къ морямъ Нѣмецкому и Балтійскому. Мало того: торговля выдвинула въ Европѣ и разныя материковыя мѣстности, лежавшія на удобныхъ путяхъ отъ этихъ сѣверныхъ морей къ южнымъ. Таковъ, напр., былъ въ Восточной Европѣ великій водный путь «изъ варягъ въ греки», изъ Балтійскаго моря по Невѣ, Ладожскому озеру, Волхову, озеру Ильмену, Ловати, верхнему теченію Западной Двины къ Днѣпру и Черному морю до самаго Царяграда. Извѣстно, какую роль этотъ торговый путь сыгралъ въ основаніи Русскаго государства. Подобныя же пути существовали и въ Западной Европѣ, гдѣ аналогичную роль играли Сена и Рона, Рейнъ и Дунай. Въ Германіи въ средніе вѣка торговля обогатила цѣлый рядъ городовъ, лежавшихъ по Рейну и по Дунаю и посредничавшихъ между Сѣверомъ и Югомъ. Къ этой же эпохѣ относится процвѣтаніе на сѣверѣ Ганзейскаго союза, на югѣ—развитіе морскаго значенія Венеціи и Генуи, позво-

лившаго имъ играть видную роль и въ политикѣ. Такъ было во второй половинѣ среднихъ вѣковъ. Открытіе Америки и морского пути въ Индію въ концѣ XV в. и завоеваніе турками Египта въ началѣ XVI в., затруднившее торговля сношенія Европы съ Востокомъ, перевернули всѣ прежнія отношенія. Старыя моря утратили свое бывшее первенствующее значеніе, и при этомъ одніѣ страны съ перемѣщеніемъ путей выиграли, другія проиграли. Первенство отъ Венеціи, Генуи, ганзейскихъ городовъ и городовъ по Ронѣ, Рейну и верхнему Дунаю перешло къ странамъ, имѣвшимъ свободный выходъ въ Атлантическій океанъ, сначала къ Португаліи и Испаніи, потомъ къ Голландіи и Англии, не говоря уже о важныхъ внутреннихъ измѣненіяхъ, произведенныхъ въ Европѣ расширеніемъ торговыхъ сношеній. Націи, которыя въ средніе вѣка играли болѣе крупную политическую роль, должны были уступить мѣсто другимъ, значеніе которыхъ, наоборотъ, раньше было второстепеннымъ. Но особенно важно было то, что океаническіе пути, во-первыхъ, сблизили Европу съ такими странами, сношенія съ которыми раньше были крайне затруднительны, а во-вторыхъ, открыли для колонизаціи и торговли европейскихъ народовъ цѣлыя новые матеріки.

Въ первомъ отношеніи особенную важность имѣло открытіе воднаго пути въ Индію вокругъ Африки. Еще въ глубокой древности установилось нѣсколько торговыхъ путей между странами, окружавшими Средиземное море, съ одной стороны, и Индіей, съ другой, а именно моремъ изъ Персидскаго залива къ западному ея берегу, для каравановъ отъ Чернаго и Каспійскаго морей въ бассейны Окса и Яксарта и верхняго Инда. Открытіе морского пути облегчило сношенія съ Индіей западно-европейскихъ народовъ, которые и стали въ ней заводить въ XVI в. свои факторіи и колоніи. Въ серединѣ XVIII в., въ эпоху распаденья образовавшейся здѣсь въ XVI в. мусульманской имперіи Великихъ Моголовъ, Индія сдѣлалась легкою добычею для завоеванія, къ которому стали одинаково стремиться и французы, и англичане. Побѣда, въ концѣ концовъ, осталась на сторонѣ англичанъ, и въ XIX в. уже вся Индія вошла въ составъ Британской колониальной имперіи *).

За Индіей очередь пришла и для Китая, вообще стоявшаго особенно далеко отъ главнаго всемірно-историческаго процесса, потому что и съ нимъ въ XVI в. европейцы стали завязывать торговля сношенія. Морской путь въ Индію (и Китай) сдѣлался однимъ

*) Такимъ образомъ Индія трижды входила въ единеніе съ остальнымъ міромъ: въ персидско-греческую эпоху въ древности, въ мусульманско-монгольскую эпоху въ средніе вѣка и въ эпоху западно-европейской колониальной политики въ новое время.

изъ проводниковъ европейскаго вліянія въ разныхъ отношеніяхъ на Дальній Востокъ.

Съ другой стороны, благодаря путешествію Колумба на западъ черезъ Атлантическій океанъ (въ поискахъ все того же морскаго пути въ Индію) открытъ былъ цѣлый материкъ Новаго Свѣта, а позднѣе еще одинъ материкъ, Австралія. Оба они съ многочисленными островами на всѣхъ океанахъ сдѣлались собственностью европейскихъ народовъ, которые заселяли здѣсь цѣлыя обширныя страны; основавъ цѣлый рядъ колоній, превратившихся внослѣдствіи въ самостоятельныя государства европейскаго же, конечно, типа.

Все это дѣйствительно знаменовало выходъ Западной Европы на широкую міровую сцену изъ прежней средневѣковой замкнутости и обособленности. Испанцы и португальцы, послѣ нихъ голландцы, англичане и французы въ XVI и XVII вв. положили начало колониальной политикѣ, которая превзошла размѣрами и значеніемъ колониальную политику финикійцевъ и грековъ въ древности. Въ этомъ новомъ повтореніи того, что уже разъ было сдѣлано въ древнемъ мірѣ, мѣсто небольшихъ государствъ-городовъ заняли крупныя государства-націи, мѣсто Средиземнаго моря—три громадныхъ океана, Атлантическій, Индійскій и Великій, мѣсто прилегавшихъ къ Средиземному морю странъ—цѣлыя материки. Цивилизаторская и колонизаторская роль, каковую на Средиземномъ морѣ играли греки, теперь выпала на долю европейскихъ народовъ. Достаточно вспомнить въ первомъ отношеніи очень прочное подчиненіе европейской культурѣ, какому во второй половинѣ XIX в. подверглась Японія, а во второмъ—образованіе въ Америкѣ такого культурнаго государства европейскаго типа, какимъ являются Соединенные Штаты.

Не менѣе отразилось развитіе торговыхъ сношеній и на внутреннемъ экономическомъ развитіи самой Европы. Мы уже касались формулы Бюхера *), по которой вся древность и почти всѣ средніе вѣка были временемъ господства натурального хозяйства, когда въ предѣлахъ одного домоваго хозяйства или въ предѣлахъ одной феодальной сеньеріи изготовлялись предметы, необходимыя для собственнаго потребленія. Вѣрнѣе, какъ мы видѣли, та мысль, что процессъ экономическаго развитія дважды начинался въ странахъ, окружающихъ Средиземное море, и что натуральное хозяйство начала среднихъ вѣковъ было какъ бы возвращеніемъ назадъ отъ болѣе уже подвинувнагося впередъ вѣдренія денежнаго хозяйства въ экономическую жизнь древняго міра, т.-е. въ римскую эпоху уже была достигнута нѣсколько болѣе высокая ступень, чѣмъ та, на которую спустились средніе вѣка. Болѣе

*) См. выше, стр. 115.

рѣшительнымъ, однако, образомъ стало развиваться въ Европѣ денежное хозяйство лишь при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, хотя въ помѣщичьихъ усадьбахъ и въ крестьянскихъ дворахъ оно продолжало господствовать вплоть до XIX в., въ которомъ быстрый ростъ обрабатывающей промышленности и удешевленіе ея продуктовъ стали и въ деревняхъ вытѣснять старыя хозяйственныя формы. Характерная особенность денежнаго хозяйства—изготовление продуктовъ не для непосредственнаго потребленія, а для продажи. Впервые въ Финикіи стала систематически заводиться разнообразная промышленность для вывоза, а потомъ промышленность для вывоза товаровъ въ болѣе отсталыя страны развилась и въ греческихъ городахъ, особенно въ Милетѣ, въ Аѳинахъ, въ Сиракузахъ и т. д., гдѣ она находилась въ рукахъ отдѣльныхъ ремесленниковъ или болѣе крупныхъ предпринимателей, имѣвшихъ цѣлыя заведенія съ рабами и рабынями, какъ подневольной рабочей силой. Въ общемъ въ эпоху Римской имперіи, какъ мы отмѣтили въ своемъ мѣстѣ, восточныя ея провинціи въ отношеніи развитія промышленности и торговли стояли гораздо выше Италіи и вообще западныхъ частей имперіи, гдѣ все еще занимались преимущественно земледѣліемъ и скотоводствомъ. Римъ, сдѣлавшись владыкой міра, развилъ у себя только двѣ формы оборотовъ съ деньгами—откупъ налоговъ въ провинціяхъ и отдачу денегъ въ ростъ, но ни та, ни другая форма не служила цѣлямъ промышленнаго развитія, такъ какъ, получая все нужное за деньги, добытыя войной, римляне не имѣли надобности развивать собственную промышленность. Сравнительно слабое развитие самостоятельной промышленности на Западѣ дало возможность, въ эпоху экономического истощенія имперіи, снова, какъ было уже сказано раньше, возобладать натуральному хозяйству. Мы это видѣли по отношенію къ бывшимъ римскимъ провинціямъ, гдѣ и въ феодальную эпоху именно господствовало натуральное хозяйство съ закрѣпощеніемъ крестьянства и упадкомъ городовъ. На новой исторической почвѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя не распространялась власть имперіи или гдѣ она была слаба, въ Англіи и въ Германіи, у народовъ славянскихъ и въ Скандинавіи только и могло существовать въ то время натуральное хозяйство.

Произведеніями промышленности средневѣковую Европу снабжали Востокъ, но больше всего изготовлялось необходимыхъ предметовъ самими же ихъ потребителями и ихъ домохозяевами. Потребности крестьянина удовлетворялись вполне его собственными руками, на богатаго землевладельца работали его домашніе слуги, городское же ремесло было въ упадкѣ. То развитіе, которое промышленность и денежное хозяйство начали было получать въ городѣхъ въ римскую эпоху, не только оста-

новилося, но и вообще не удержалось, задавленное возстановленіемъ въ прежней силѣ натурального хозяйства. Оживленіе промышленности въ западно-европейскихъ городахъ началось только около времени крестовыхъ походовъ. Господствующею ея формою было мелкое производство на ближайшій и притомъ ограниченный рынокъ, а не для вывоза въ далекія страны. Правда, хозяева мастерскихъ, изготовлявшихъ тѣ или другіе товары, соединялись въ цехи, регулировавшіе производство, но послѣднее оставалось мелкимъ, т.-е. большихъ заводовъ и фабрикъ не существовало. Мастера работали не только на мѣстный рынокъ, т.-е. на сбытъ товаровъ въ своемъ городѣ и его ближайшемъ округѣ, но первоначально большею частью непосредственно на заказчиковъ, такъ что между производителями и потребителями не стояли еще посредники въ лицѣ оптовыхъ скупщиковъ и крупныхъ или мелкихъ продавцовъ. До возникновенія развитой ремесленной промышленности потребность владѣльческихъ классовъ (феодалнаго дворянства и духовенства) въ разнаго рода предметахъ удовлетворялась работой подневольныхъ слугъ, обученныхъ всевозможнымъ ремесламъ и часто кормившихся съ участковъ земли, которые имъ для этой цѣли давались. Въ городахъ занятіе ремесломъ мало-по-малу отдѣлилось отъ земледѣлія и стало дѣломъ людей, пользовавшихся уже полною гражданскою свободою. Въ новое время эта мелкая ремесленная промышленность стала переходить въ крупную, когда развитіе торговли создало классъ предпринимателей, которые, скупая продукты городского ремесла для перепродажи или заказывая для той же цѣли большое количество товаровъ, все болѣе и болѣе подчиняли себѣ прежде бывшихъ вполнѣ самостоятельными мастеровъ. Мелкія мастерскія во многихъ производствахъ стали замѣняться крупными мануфактурами, гдѣ уже большое количество ремесленниковъ работало за счетъ одного предпринимателя. Развитіе промышленности и торговли вездѣ и всегда создавало особый имущій классъ, сила котораго заключалась не въ недвижимой собственности, а въ обладаніи движимымъ имуществомъ, капиталомъ, деньгами. Феодалный строй—и это также мы уже видѣли—былъ политическимъ результатомъ (въ связи, конечно, съ другими причинами) господства натурального хозяйства, и, наоборотъ, возникновеніе промышленности и торговли, денежнаго хозяйства и городской жизни заключало въ себѣ будущую гибель феодализма. Во второй половинѣ среднихъ вѣковъ на Западѣ повторилось то, что въ меньшихъ только размѣрахъ уже было одинъ разъ въ исторіи въ греческую эпоху,—именно образованіе цѣлага ряда государствъ-городовъ съ республиканскимъ устройствомъ, которые на сѣверѣ Франціи назывались коммунами, а въ Германіи—имперскими городами, изъ которыхъ три такихъ госу-

дарства-города (Гамбургъ, Любекъ и Бременъ) существуютъ и до сихъ поръ. Особенно много аналогій съ древне-греческимъ развитіемъ представляетъ исторія итальянскихъ средневѣковыхъ городскихъ республикъ, нѣкоторыя изъ которыхъ (Венеція и Генуя) даже вели подобіе колониальной политики на доступныхъ имъ моряхъ. Италия вообще, благодаря своему положенію на Средиземномъ морѣ, стала ранѣе другихъ странъ Западной Европы въ средніе вѣка освобождаться отъ экономическихъ формъ средневѣковья.

Гдѣ раньше и сильнѣе развился городской бытъ, тамъ и прежде, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и въ болѣе значительныхъ размѣрахъ стала вырабатываться свѣтская умственная культура. Въ средніе вѣка общій тонъ жизни задавали, какъ мы видѣли, обитатели замковъ и монастырей, рыцари и монахи, представители феодализма и католицизма. Первые изъ нихъ мало были склонны къ какой бы то ни было умственной культурѣ, у вторыхъ она могла имѣть только теологическій и аскетическій характеръ. Въ городахъ народился новый классъ людей съ умственными запросами, которыхъ уже не удовлетворяла средневѣковая духовная пища схоластическихъ трактатовъ и агіологическихъ легендъ, и среди которыхъ впервые послѣ паденія античной цивилизаціи развились въ значительной мѣрѣ чисто мірскіе умственные интересы. Опять и здѣсь повторилось то, что уже одинъ разъ произошло—за тысячу лѣтъ передъ тѣмъ—въ торгово-промышленныхъ городахъ древней Греціи, гдѣ за V в. до Р. X. зародилось философствованіе, основанное на свободной дѣятельности разума. У насъ уже шла рѣчь о чисто теологическомъ характерѣ всей средневѣковой духовной культуры: впервые въ XIV—XV вв. послѣ паденія античной культуры возникла въ городахъ Италіи чисто свѣтская интеллигенція. Это явленіе заслуживаетъ болѣе пристального вниманія.

Умственное движеніе конца среднихъ вѣковъ и начала новаго времени обозначается обыкновенно двумя терминами. Одинъ изъ нихъ—«возрожденіе» или во французской формѣ «ренессансъ», второй—гуманизмъ. Нерѣдко къ слову «возрожденіе» прибавляется и поясненіе: это—«возрожденіе наукъ и искусствъ», «возрожденіе классической древности» или просто «классическое возрожденіе», такъ какъ вся суть этого явленія болѣею частью усматривалась въ томъ, что послѣ полнаго почти въ теченіе среднихъ вѣковъ забвенія науки и искусства классическаго міра какъ бы возродились къ новой жизни, и явились люди, которые начали изучать античную литературу, подражать ей, усваивать идеи древней философіи и т. п. Сами эти люди, однако, называли себя гуманистами, откуда и происходитъ обозначеніе всего движенія именемъ гуманизма. Въ чемъ заключается смыслъ этого названія, это мы разсмотримъ нѣсколько ниже, здѣсь же оста-

новимся пока лишь на отношеніи умственнаго движенія, отдѣляющаго новое время отъ среднихъ вѣковъ, къ начавшемуся въ XIV в. изученію античной литературы.

Въ средніе вѣка совсѣмъ почти пало изученіе античной литературы на Западѣ, гдѣ притомъ прекратилось и изученіе греческаго языка. Древнюю греческую литературу еще все-таки изучали въ Византіи, но при господствѣ схоластики, мистики и аскетизма всего менѣе могли тамъ надлежащимъ образомъ понимать самый духъ этой литературы. На Западѣ и римская литература, доступная ему по языку, оставшемуся языкомъ церкви и школы, пришла уже въ совершенное почти забвеніе, а между тѣмъ только она могла быть источникомъ свѣтскаго образованія. Одни видѣли въ знакомствѣ съ этою литературою прямую опасность для спасенія души, потому что литература эта была создана язычниками; другихъ она не могла интересовать потому, что слишкомъ много говорила о земномъ, когда ихъ собственные помыслы были заняты небеснымъ; третьи въ занятіяхъ произведеніями древней литературы видѣли лишь средство научиться языку или усвоить внѣшнія литературныя формы, а для этого достаточно было очень немногаго. Если же, съ другой стороны, интересовывались и содержаніемъ римской литературы, то плохо или даже совсѣмъ невѣрно его понимали. Извѣстно, наприм., что Виргилій слылъ въ средніе вѣка на Западѣ не то какъ чародѣй, не то какъ языческой пророкъ, предсказавшій притшествіе Христа и давшій въ своей «Энеидѣ» аллегорическое изображеніе странствованій души, временно заключенной въ тѣлѣ и обреченной томиться въ земной юдоли заблужденій и соблазновъ, испытаній и опасностей. Совсѣмъ иное отношеніе возникаетъ къ античной литературѣ у гуманистовъ, которые притомъ мало-по-малу отворачиваются отъ средневѣковой схоластики и аскетизма, чтобы все болѣе и болѣе искать въ произведеніяхъ древнихъ мыслителей и поэтовъ отвѣтовъ на всѣ важные вопросы мысли и жизни. Сначала западные гуманисты при полномъ паденіи изученія греческаго языка и за совершеннымъ отсутствіемъ на этомъ языкѣ въ обиходѣ книгъ довольствовались одною римскою литературою, но потомъ они обратились и къ греческой литературѣ. Ознакомленіе съ нею было значительно облегчено тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Италію нахлынула, въ эпоху завоеванія турками Византійской имперіи, масса грековъ, которые спасали съ собою отъ азиатскаго варварства и сокровища античной литературы на древне-греческомъ языкѣ. Вѣковой періодъ оторванности Запада отъ классическихъ традицій вообще и въ частности отъ эллинистическаго элемента античной культуры кончился. Византія какъ бы сыграла уже свою средне-вѣковую роль хранительницы античнаго умственнаго наслѣдія, и

вмѣстѣ съ учеными греками, искавшими спасенія въ Италіи, и съ привезенными ими туда сокровищами древней литературы на Западъ перешло и это культурное наслѣдіе.

Долгое время въ исторической литературѣ изъ одной книги переходило въ другую мнѣніе, ставившее классическій ренессансъ въ прямую зависимость отъ завоеванія турками Византійской имперіи. Говорили именно, что нападеніе турокъ на Константинополь заставило множество ученыхъ грековъ бѣжать въ Италію, гдѣ они и явились распространителями древне-греческой литературы. Выходило такъ, что на классическое возрожденіе въ Италіи слѣдуетъ смотрѣть какъ на явленіе заносное: не сдѣлай турки нападенія на Константинополь, не понадобится грекамъ искать помощи на Западѣ,—съ каковою цѣлью многіе греки поѣхали на флорентійскій соборъ, занимавшійся вопросомъ о соединеніи церквей,—и не обратись въ прямое бѣгство византійскіе ученые, не было бы, пожалуй, и самаго ренессанса. Это мнѣніе послѣ новѣйшихъ изслѣдованій относительно происхожденія ренессанса приходится оставить. Для настоящаго пониманія роли Византіи и Италіи этой эпохи въ исторіи новаго европейскаго образованія нужно особенно внимательно отнестись къ этому вопросу. Старое мнѣніе слишкомъ преувеличивало роль пришлыхъ византійскихъ грековъ и, наоборотъ, умаляло значеніе самихъ итальянскихъ ученыхъ, т.-е. приписывало слишкомъ много внѣшнему влиянію на счетъ дѣйствія внутреннихъ причинъ. Теоретически разсуждая, нужно всегда искать объясненія историческихъ явленій изъ внутреннихъ причинъ предпочтительно передъ внѣшними влияніями. Въ данномъ случаѣ у насъ есть и фактическія основанія для рѣшенія вопроса не въ пользу стараго мнѣнія. Прежде всего, противъ стараго мнѣнія—хронологія: эпоха бѣгства византійскихъ ученыхъ въ Италію—середина XV в., тогда какъ начало гуманистическаго движенія въ Италіи относится къ срединѣ XIV столѣтія. Далѣе, изученіе греческаго языка итальянскими гуманистами началось въ Италіи еще задолго до бѣгства грековъ, и поэтому можно сказать, что, переселяясь въ Италію, византійскіе ученые удовлетворяли своимъ прибытіемъ въ качествѣ наставниковъ въ греческомъ языкѣ уже назрѣвшую и сознанную въ Италіи потребность, а не создали новой. Притомъ тотъ новый духъ, въ какомъ въ Италіи начали изучать античную культуру, проявился уже раньше прибытія ученыхъ византійцевъ въ Италію, и тамошнимъ классикамъ оставалось учиться у пришлыхъ знатоковъ греческаго языка именно только языку и историко-литературнымъ фактамъ, такъ какъ въ пониманіи классической древности учителя сами стояли на средневѣковой, схоластической точкѣ зрѣнія, той самой, которую въ Италіи уже сознательно покинули раньше непосредственнаго знакомства

съ византійцами. Если даже въ серединѣ XV в. греческіе эмигранты и внесли въ исторію итальянскаго гуманизма нѣчто такое, что безъ ихъ вліянія само въ Италіи не могло бы возникнуть, то это нисколько не характеризуетъ самаго начала движенія, его источника. Итальянскіе ученые заинтересовались античной культурой самостоятельно, исключительно на основаніи знакомства съ литературой на латинскомъ языкѣ: только узнавъ отъ римскихъ писателей, что настоящая красота и мудрость—въ греческой литературѣ, они стали стремиться къ изученію и греческаго языка, который, однако, конечно, не могъ и потомъ играть такой же роли, какъ латинскій.

Другое невѣрное мнѣніе о ренессансѣ, которое необходимо устранить для пониманія его истинной природы, заключается въ томъ, будто отношеніе гуманистовъ къ древности было слѣпымъ ею увлеченіемъ, стремленіемъ къ подражанію ей во всемъ, желаніемъ возстановить античныя формы жизни. Это мнѣніе образовалось путемъ обобщенія нѣкоторыхъ только фактовъ, но не тѣхъ, въ которыхъ былъ весь смыслъ движенія. Слепое увлеченіе, простое подражаніе и т. п. уже потому не могли имѣть мѣста, какъ общее правило, что древность была слишкомъ противорѣчива для того, чтобы можно было увлекаться всѣмъ античнымъ безъ разбора, всему безъ всякаго выбора подражать. Возрожденіе классической древности было воскрешеніемъ въ ней того, что соотвѣтствовало стремленіямъ образованныхъ людей того времени, что удовлетворяло ихъ духовныя потребности. Весь вопросъ въ томъ, какой же умственный интересъ влекъ итальянскихъ ученыхъ и писателей къ изученію древнихъ? Отвѣтъ на этотъ именно вопросъ и заключаетъ въ себѣ настоящее объясненіе факта.

Въ настоящее время терминъ ренессансъ, возрожденіе (или классическій ренессансъ, возрожденіе наукъ и искусствъ) все болѣе и болѣе замѣняется другимъ—гуманизмъ. Въ средніе вѣка главные умственные интересы сосредоточивались на занятіяхъ божественнымъ (*divina studia*), а свѣтская литература, т.-е. человѣческое слово находилось въ пренебреженіи. Люди новаго образованія именно и предалися занятіямъ этимъ самымъ словомъ человѣческимъ и вообще человѣческими вещами и дѣлами (*humana studia*), откуда и пошло названіе этихъ людей гуманистами. Интересъ ко всему человѣческому и есть основная черта гуманизма. Это было освобожденіемъ такихъ проявленій умственной дѣятельности, какъ философія, наука и литература, отъ исключительно церковнаго характера, какой онѣ имѣли въ средніе вѣка, было, что называется, ихъ секуляризацией,—слово, которое первоначально обозначало переходъ лицъ или земель изъ духовнаго или церковнаго состоянія въ свѣтское, а теперь имѣетъ и болѣе широкій смыслъ. Именно секуляризацией вообще мы называемъ теперь освобожденіе чего бы то

ни было отъ чисто церковнаго характера. Переходъ отъ средневѣковой, преимущественно религіозной культуры къ культурѣ новаго времени, преимущественно свѣтской и есть именно секуляризація, которая началась какъ-разъ въ гуманизмѣ. Понятно, что люди, которые были дѣятелями этого культурнаго перелома на рубежѣ среднихъ вѣковъ и новаго времени, должны были искать опору въ чисто свѣтской, совершенно человѣческой литературѣ древнихъ. Гуманисты даже совсѣмъ отвернулись отъ схоластики съ ея католическими авторитетами, чтобы искать отвѣтовъ на свои вопросы у древнихъ мыслителей и поэтовъ.

Такое, совсѣмъ новое для среднихъ вѣковъ умственное настроеніе было результатомъ совершившагося развитія личности, начавшей выбиваться изъ средневѣковыхъ католико-феодалныхъ рамокъ. Подобная же секуляризація культуры въ древней Греціи, главнымъ образомъ въ V в., была тоже результатомъ развитія индивидуализма въ торгово-промышленныхъ, преимущественно демократическихъ городахъ.

Въ настоящее время лучшіе историки гуманизма стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что это движеніе имѣло свой источникъ именно въ индивидуализмѣ, а что касается до классической древности, то въ ней гуманисты только искали, на что имъ можно было бы опереться въ своихъ новыхъ стремленіяхъ, откуда можно было бы заимствовать аргументы противъ всего, что стѣсняло свободное проявленіе склонностей и способностей, силъ и инстинктовъ человѣческой личности. Средневѣковое міросозерцаніе удѣляло слишкомъ мало вниманія человѣку и всему человѣческому. Для него человѣкъ былъ, прежде всего, существомъ, природа котораго была испорчена первороднымъ грѣхомъ: это былъ сосудъ страстей и похотей, которыя должны были быть подавлены, и если съ какой-либо стороны человѣкъ при такомъ на него взглядѣ могъ быть предметомъ вниманія, то лишь въ качествѣ объекта великаго акта спасенія, совершеннаго крестною смертью и воскресеніемъ вочеловѣчившагося Сына Божія. Гуманизмъ былъ защитой инстинктовъ человѣческой природы, защитой прирожденныхъ правъ личности, притомъ защитой въ обоихъ случаяхъ чисто принципиальной. «Гуманистическій индивидуализмъ, читаемъ мы у одного изъ лучшихъ знатоковъ этой эпохи *),—гуманистическій индивидуализмъ характеризуется, во-первыхъ, интересомъ человѣка къ самому себѣ, къ своему внутреннему міру; во-вторыхъ, интересомъ во внѣшнемъ мірѣ преимущественно къ другому человѣку; въ-третьихъ, убѣжденіемъ въ высокомъ достоинствѣ человѣческой природы вообще и въ неотъемлемомъ правѣ человѣка развивать свои способности и удовлетворять своимъ потребностямъ;

*) Въ книгѣ «Ранній итальянскій гуманизмъ» покойнаго проф. моск. унив. М. С. Корелина.

въ-четвертыхъ, интересомъ къ окружающей дѣйствительности, поскольку она имѣетъ вліяніе на человѣка». Такое пониманіе своей личности и такое отношеніе ко всякой чужой личности предполагаетъ высокій уровень личнаго развитія, и потому нельзя не видѣть въ гуманизмѣ одно изъ слѣдствій совершившагося къ той эпохѣ развитія личности. «Подъ вліяніемъ историческихъ условій—говоритъ еще авторъ приведенныхъ словъ—личность доросла до сознанія своего права на всестороннее развитіе: отсюда отрицаніе церковной опеки и требованіе свободы и самостоятельности для творческой дѣятельности человѣческаго духа и прежде всего для науки. Только съ этой точки зрѣнія идеи гуманистовъ находятъ объясненіе и могутъ быть приведены въ ясную и опредѣленную систему». Въ другомъ своемъ сочиненіи тотъ же изслѣдователь еще слѣдующими чертами характеризуетъ этотъ индивидуализмъ гуманистовъ. «Культурная работа личности всегда преслѣдовала и будетъ преслѣдовать двѣ цѣли: во-первыхъ, подчинить себѣ природу, заставить служить своимъ интересамъ стихійныя силы и, во-вторыхъ, добиться наилучшаго положенія въ обществѣ, доставить себѣ возможность наиболѣе широкаго развитія лучшихъ свойствъ своей природы, наиболѣе полного удовлетворенія своихъ законныхъ потребностей, насколько позволяетъ это справедливость, т.-е. насколько личное стремленіе не мѣшаетъ таковымъ же стремленіямъ другихъ лицъ... Въ основѣ гуманистическихъ стремленій лежало глубокое убѣжденіе въ высокому достоинствѣ человѣческой природы и въ признаніи за отдѣльною личностью полного права на всестороннее развитіе всѣхъ свойствъ, данныхъ ей природою, и на широкое удовлетвореніе всѣхъ ея потребностей. Отсюда вытекало требованіе, во-первыхъ, не только духовнаго, но и физическаго развитія въ школѣ; во-вторыхъ, безграничной свободы и полной независимости въ интеллектуальной дѣятельности человѣка, т.-е. въ наукѣ, въ искусствѣ, въ литературѣ, въ философіи; въ-третьихъ, права на высокое мѣсто въ обществѣ для умственно-развитой личности независимо отъ происхожденія, состоянія и другихъ случайностей».

Благодаря особенно развитію личнаго начала, новая исторія Западной Европы получила характеръ сознательной постановки, и принципиальнаго рѣшенія общественныхъ вопросовъ съ точки зрѣнія права личности на возможно полное удовлетвореніе ея духовныхъ стремленій и матеріальныхъ потребностей. Историческая жизнь постоянно ставитъ для пракческаго разрѣшенія все новые и новые вопросы, порождаемые или мѣстными и временными условіями самой жизни, или одинъ изъ другого вытекающіе во всемірномъ и вѣчномъ, въ предѣлахъ человѣческаго міра, процессъ самоутвержденія личности. Каждое государство, какъ единое коллективное цѣлое, отстаивающее

себя въ международной борьбѣ, имѣеть свои историческія задачи, преслѣдуетъ свои политическія цѣли, разрѣшаетъ свои культурные и соціальные вопросы, очень нерѣдко, а скорѣе даже слишкомъ часто игнорируя отдѣльныя личности, подавляя ихъ духовныя стремленія, жертвуя ихъ интересами, но во всѣхъ подобныхъ случаяхъ историческія задачи, политическія цѣли и культурно-соціальные вопросы имѣють чисто мѣстное и временное значеніе. Какія бы, однако, задачи ни ставило себѣ государство и какъ бы оно ихъ ни исполняло, какія бы цѣли ни преслѣдовала его политика и внѣшняя, и внутренняя, какіе бы вопросы мѣстнаго и временнаго характера въ немъ ни возникали и въ какую сторону ни совершалось бы ихъ рѣшеніе,—все это никогда не бываетъ лишено принципиальнаго значенія съ общечеловѣческой и всемірно-исторической точки зрѣнія: всякое рѣшеніе нарождающихся какимъ бы то ни было путемъ общественныхъ вопросовъ, имѣя то или другое значеніе въ исторіи даннаго государства, какъ соціальнаго цѣлаго съ особыми традиціями, стремленіями, нуждами и интересами, неизбѣжно получаетъ также то или другое значеніе для духовнаго развитія и матеріальнаго благополучія отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ общественныхъ классовъ, живущихъ въ данномъ государствѣ, а при существованіи исторической преемственности народовъ и ихъ культурномъ взаимодействіи оказываетъ равнымъ образомъ то или другое, т.-е. благотворное или вредное дѣйствіе и на весь всемірно-историческій прогрессъ. Съ другой стороны, разрѣшеніе ставимыхъ внутреннею жизнью каждаго государства общественныхъ вопросовъ,—будетъ ли оно выгоднымъ или невыгоднымъ для личнаго развитія и благополучія, прогрессивнымъ или регрессивнымъ,—можетъ быть или только чисто практическимъ, не вытекающимъ изъ общихъ понятій и не вносящимъ новыхъ принциповъ въ общее сознаніе, или, наоборотъ, принципиальнымъ, сопровождающимся теоретическою, идейною постановкою общихъ положеній. Западно-европейскія государства новаго времени, какъ и всѣ вообще государства въ исторіи, конечно, имѣли свои особыя историческія задачи традиціоннаго свойства, приводившія ихъ во враждебныя столкновенія или создававшія между ними союзы, ставили себѣ политическія цѣли, для осуществленія которыхъ требовалось принесеніе въ жертву отдѣльными личностями ихъ жизни, здоровья, независимости, достоянія и труда, и понимали и разрѣшали назрѣвавшіе культурные и соціальные вопросы въ смыслѣ національныхъ традицій и политическихъ интересовъ, нерѣдко не имѣвшихъ ничего общаго со стремленіями и внутренними потребностями отдѣльныхъ личностей, часто даже оказывавшихся лишь традиціями и интересами правителя или правящаго класса и не находящихся ни въ какомъ принципиальномъ отношеніи къ вопросамъ духовнаго и общественнаго прогресса.

Развитіе личности въ новое время сдѣлало невозможнымъ, чтобы рѣшеніе общественныхъ вопросовъ на Западѣ происходило только такимъ образомъ. Національно-политическимъ традиціямъ и интересамъ, требовавшимъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія внутреннихъ вопросовъ въ извѣстномъ смыслѣ, личность стала противопоставлять свои стремленія и потребности, разъ только замѣчала, что государственныя требованія идутъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, что она считала своимъ неотъемлемымъ правомъ по божескому и естественному закону, выдвигая на свою защиту аргументы принципиальнаго свойства и тѣмъ самымъ заставляя искать высшаго теоретическаго оправданія и для предѣловъ власти государства. Съ другой стороны, она подвергала критикѣ традиціи и интересы, во имя которыхъ у нея требовались жертвы, и если обнаруживала, что, въ сущности, это суть традиціи и интересы властвующаго меньшинства, а не всей совокупности людей, культурно и социалью объединенныхъ въ одно цѣлое, то отказывала этимъ принципамъ въ правѣ быть положенными въ основу рѣшенія ставимымъ жизнью вопросамъ, требуя, наоборотъ, ихъ рѣшенія въ смыслѣ дѣйствительно народнаго и общественнаго блага, немислимаго безъ духовнаго развитія и матеріальнаго благосостоянія всѣхъ. Вслѣдствіе этого и государство въ своихъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ собственному самосохраненію, все болѣе и болѣе было вынуждаемо въ новое время считаться съ потребностями и желаніями общества, которое для лучшаго обезпеченія правъ за отдѣльными своими членами стало стремиться къ политическому самоуправленію, т.-е. къ участію во власти, ища оправданія и этому стремленію въ идеѣ чело-вѣческой свободы. вмѣстѣ съ тѣмъ и правящимъ классамъ нужно было начать отучаться отъ отождествленія государственныхъ задачъ и цѣлей съ одними своими культурными стремленіями и социальными интересами, такъ какъ въ общее сознаніе все болѣе и болѣе сталъ проникать тотъ принципъ, что разъ во имя общаго блага существуетъ государство, требующее отъ своихъ членовъ подчиненія извѣстному общему закону, то выгодами этого соединенія должны пользоваться всѣ, и всѣ въ одной мѣрѣ должны подчиняться вытекающимъ отсюда обязанностямъ. Конечно, все это происходило очень медленно и съ задержками, но общее направленіе западно-европейской жизни было именно такимъ.

Секуляризаціонныя стремленія гуманистической эпохи вытекали изъ того же индивидуалистическаго источника. Это было освобожденіемъ всей умственной культуры отъ церковной опеки, наложенной на всю духовную культуру средневѣковымъ католицизмомъ. Свѣтскій характеръ новой европейской цивилизаціи ведетъ свое начало изъ гуманистической эпохи съ ея интересомъ ко внѣшнему міру и къ чело-вѣку.

Мы видѣли, чѣмъ была средневѣковая схоластика, которая напла въ гуманистахъ непримиримыхъ своихъ враговъ. Выработывая новое міросозерцаніе, они обращались къ философіи стоиковъ и эпикурейцевъ или Платона и Аристотеля, пока, какъ результатъ умственного движенія гуманистической эпохи, въ XVII в. не возникла самостоятельная философія новой Европы. Въ общемъ гуманистическое движеніе, дѣйствительно, было возрожденіемъ наукъ и искусствъ на Западѣ въ то самое время, когда Востокъ томился подъ властью азіатскихъ варваровъ и коснѣлъ въ совершенномъ невѣжествѣ. Умственная дѣятельность, философскія и научныя занятія сосредоточиваются на Западѣ, который возобновляетъ прерванную традицію греческой образованности въ эпоху независимости Эллады и въ александрійскій періодъ и образованности арабской, которая въ сущности была продолженіемъ греческой. Великія географическія открытія конца XV и начала XVI вв., кромѣ важныхъ послѣдствій экономическаго и политическаго свойства, не могли не отразиться и на умственной культурѣ, на расширеніи духовнаго кругозора, на лучшемъ знаніи и пониманіи природы, на паденіи многихъ старыхъ предрасудковъ. Открытіе Америки и морского пути въ Индію, а также первое кругосвѣтное путешествіе Магеллана (въ 1520 г.) убѣдили людей окончательно въ шарообразности земли, а въ срединѣ XVI в. Коперникъ опредѣлилъ и мѣсто земли въ міровомъ пространствѣ, доказавъ, вопреки господствовавшей цѣлые вѣка системѣ александрійскаго ученаго Птолемея, что не солнце вращается вокругъ земли, а земля вокругъ солнца. Хотя сами гуманисты мало интересовались изученіемъ природы, но именно отъ нихъ ведутъ свое начало общій духъ и основныя приемы научнаго изслѣдованія. Главными предметами ихъ анализа и критики были личная и общественная жизнь человѣка, т.-е. вопросы нравственности и воспитанія, общежитія и исторіи, а также литературы и языка. Они были поэтому родоначальниками философіи, исторіографіи, политики и педагогики новаго времени, т.-е. вообще наукъ гуманитарныхъ, но съ XVI и XVII вв. началось и развитіе новаго естествознанія. Въ XVI в. Везалій первый сталъ анатомировать трупы, Парацельсъ положилъ начало химіи, Серветъ подготовилъ открытіе кровообращенія, совершенное въ XVII в. Гарвеемъ и т. п. Въ XVII же столѣтіи Кеплеръ, Галилей и Ньютонъ открыли законы движенія небесныхъ тѣлъ (первыя двое) и всемірное тяготѣніе (третій изъ нихъ). Тогда же начинается развитіе математическихъ знаній, благодаря трудамъ Декарта, Лейбница и Ньютона. Необходимость обосновывать свои представленія о природѣ на опытѣ и наблюденіи уже въ XVII в. возводилъ въ принципъ Бэконъ, родоначальникъ эмпирическаго направленія новой философіи, а Ньютонъ въ концѣ того же столѣтія самымъ рѣшитель-

нымъ образомъ формулировалъ законмѣрность явленій природы, открываемую опять-таки изъ данныхъ наблюденія. Рядомъ съ этимъ въ философіи Декарта въ томъ же XVII в. возникаетъ другое, умозрительное направленіе новой философіи, видѣвшее источникъ знанія въ человѣческомъ разумѣ. Однимъ словомъ, это былъ великій умственный переворотъ въ исторіи Западной Европы, имѣющей по своимъ культурнымъ слѣдствіямъ великое значеніе для всего міра. Интересовались ли умственные вожди общества человѣкомъ или природою, искали ли они источникъ истины въ разумѣ или въ опытѣ, всё они, т.-е. и гуманисты, и натуралисты, и раціоналисты, и эмпирицисты, одинаково занимались реальными явленіями и полагались на источники чисто человѣческаго происхожденія. Считался ли опытъ или разумъ источникомъ знанія, и тотъ, и другой были опытомъ и разумомъ человѣческими, что кладетъ рѣзкую границу между общимъ духомъ средневѣковой и новой умственной культуры. Найти естественное объясненіе явленіямъ природы и жизни человѣка и разумное основаніе для правилъ нравственности и общежитія, — вотъ двѣ задачи, которыя стали себѣ ставить наука и философія новаго времени. Въ XVII же столѣтіи возродилась въ политической философіи античная идея естественнаго права, особенно въ трудахъ Гуго Гроція, Гоббза и Локка, — идея, въ которой ссылка на авторитетъ религіозный замѣнялась ссылкой на законъ природы, являвшійся въ представленіи этихъ философовъ вмѣстѣ съ тѣмъ и закономъ разума.

Однимъ словомъ, подъ вліяніемъ гуманистовъ XIV—XV вв. и натуралистовъ XVI—XVII столѣтій умственная культура новаго времени приняла существеннымъ образомъ свѣтскій характеръ, что отличаетъ ее отъ умственной культуры среднихъ вѣковъ съ ея существенно религіознымъ характеромъ. Но прежде чѣмъ это теченіе одержало въ XVIII и XIX вв. окончательную побѣду, Западной Европѣ пришлось пережить длинный періодъ религіозныхъ смуть, вызванныхъ разложеніемъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, тогдашняго католицизма и появленіемъ новыхъ религіозныхъ ученій, которыя получили названія протестантизма и мистическаго или раціоналистическаго сектантства.

Средневѣковой католицизмъ при переходѣ въ новые вѣка находился въ совершенномъ упадкѣ. Въ то самое время, какъ въ отдѣльныхъ народахъ зарождается вмѣстѣ съ литературами на народныхъ языкахъ національное самосознаніе, начинающее тяготиться космополитизмомъ католической церкви; въ то самое время, какъ государи усиливаютъ свою власть на счетъ феодальнаго міра и все болѣе и болѣе заявляютъ притязаніе на независимость отъ папской куріи; въ то самое время, какъ и свѣтскія сословія все менѣе и менѣе обнаруживаютъ охоты находиться подъ опекою духовенства; въ то время, наконецъ, когда

въ гуманизмѣ зарождается новое свѣтское направленіе, враждебное схоластическому и аскетическому католицизму среднихъ вѣковъ,—словомъ, въ то время, когда вырастаютъ силы, враждебныя средневѣковой католической системѣ, въ XIV и XV вв., сама эта система находится въ упадкѣ, и это явленіе на языкѣ эпохи получаетъ характерное названіе «порчи церкви въ главѣ и членахъ».

Не станемъ разсматривать здѣсь, въ чемъ собственно состояло это явленіе. Сущность дѣла заключалась въ томъ, что католическая церковь черезчуръ уже была въ ту эпоху «царствомъ отъ міра сего» и стремилась лишь къ политическому господству, между тѣмъ какъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ клиръ все болѣе и болѣе падалъ, навлекая на себя справедливыя нареканія со стороны свѣтскаго общества. Въ виду этой порчи, конечно, должна была явиться и мысль объ исправленіи, о реформѣ, вопросъ о которой и дѣлается очереднымъ въ сознаніи западно-европейскаго общества въ концѣ среднихъ вѣковъ и началѣ новаго времени. Въ XVI в. онъ получилъ такое значеніе въ жизни, что сталъ первенствующимъ культурнымъ вопросомъ эпохи, и это очень невыгодно отразилось на чисто свѣтскомъ направленіи, какое имѣлъ гуманизмъ къ концу XV вѣка. При оцѣнкѣ общаго значенія религиозной реформаціи мы еще остановимся на этомъ явленіи, т.-е. на ослабленіи свѣтскаго направленія новой духовной культуры, здѣсь же напомнимъ только, что ослабленіе было только временнымъ, и что такъ называемое «просвѣщеніе», или умственное движеніе XVIII в., изъ котораго вытекала и вся философія, наука и литература XIX столѣтія, опять имѣло свѣтскій характеръ. Собственно говоря, въ «просвѣщеніи», бывшемъ второй секуляризацией умственной дѣятельности послѣ богословскихъ споровъ и религиозныхъ распръ эпохи реформаціи и католической реакціи, произошло возрожденіе гуманизма, но только, какъ мы увидимъ, осложненное новыми чертами, безъ чего, впрочемъ, и не было бы возможности видѣть въ новой исторіи какой-либо прогрессъ.

Закончимъ этотъ общій обзоръ перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени разсмотрѣніемъ политическаго состоянія Европы въ эту эпоху. Въ началѣ XVI в. центральную Европу занимаютъ три большія политическія тѣла: 1) Священная Римская имперія нѣмецкой націи, включающая въ себѣ, кромѣ Германіи, и Чехію, и Швейцарію (номинально), и Нидерланды, и восточныя окраины Франціи, и часть Италіи, но раздробленная на массу владѣній; 2) Польша, господствующая «отъ моря до моря», и 3) Турція, занявшая грозную позицію въ Венгріи. На западѣ отъ этого комплекса земель находились Англія (съ Ирландіей) и Шотландія, Франція, Испанія, только-что слившаяся изъ Арагона и Кастиліи, и Португалія, къ сѣверу—три скандинавскія королевства, соединившіяся по кальмарской униі въ одно подъ геге-

моніей Даніи, и сильно ослабленный Польшею Нѣмецкій орденъ (Пруссія и Ливонія), къ югу — раздробленная на мелкія владѣнія Италія, къ востоку — «Московія» и Крымское ханство, за которыми лежали татарскія царства Казанское и Астраханское.

Въ новое время Западная Европа переходитъ уже въ видѣ цѣлой системы большихъ государствъ съ противоположными національными задачами и противорѣчивыми экономическими интересами, и въ самомъ концѣ XV и первыхъ годахъ XVI в. началась новая эпоха въ исторіи ея международныхъ отношеній. Въ средніе вѣка отдѣльныя государства, раздробленные на феодальныя владѣнія, сравнительно рѣдко вели войны другъ съ другомъ, такъ что большихъ общеевропейскихъ войнъ, какія происходили въ новое время, въ средніе вѣка не было и не могло быть. Международныя столкновения, начавшія захватывать сразу нѣсколько государствъ, сдѣлались возможными лишь послѣ того, какъ произошло политическое объединеніе отдѣльныхъ странъ подъ властью національныхъ королей. Европейскіе государи, которые раньше боролись главнымъ образомъ съ непокорными вассалами, теперь стали обращать свое вниманіе преимущественно на то, чтобы не дать кому-либо изъ сосѣдей усилиться и сдѣлаться опаснымъ ихъ интересамъ. Заботясь объ этомъ, они начали вступать между собою въ союзы съ тою цѣлью, чтобы общими силами препятствовать опасному возвышенію одного какого-нибудь государства. Изъ такого положенія дѣлъ мало-по-малу возникла сознательная идея «политическаго равновѣсія», которую пытались даже положить въ основу правильной системы международныхъ отношеній. Съ другой стороны, такое положеніе дѣлъ требовало болѣе частыхъ и даже постоянныхъ сношеній между отдѣльными государствами; каждое отдѣльное правительство должно было зорко слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось у сосѣдей, и имѣть при иностранныхъ дворахъ постоянныхъ представителей, которые отстаивали бы интересы своихъ государей. Благодаря всему этому, международныя сношенія начали даже получать правильную организацію, и возникла такъ называемая дипломатія.

Родиной идеи политическаго равновѣсія и дипломатическаго искусства была Италія. Не составляя никогда единаго національнаго королевства, эта страна раздѣлялась на множество совершенно отдѣльныхъ государствъ, которыя находились въ постоянномъ соперничествѣ между собою и оберегали свою самостоятельность другъ отъ друга, что и повело за собою внесеніе извѣстной систематичности въ ихъ взаимныя отношенія. Итальянскіе государи и республики съ особою охотою поручали дѣло охраненія и защиты своихъ интересовъ ученымъ гуманистамъ, которые, съ своей стороны, возвели порученное имъ дѣло на степень настоящаго искусства и этимъ, собственно го-

вора, положили начало дипломатіи новаго времени. Эта же политическая раздробленность Италіи въ то самое время, какъ въ остальной Европѣ образовались крупныя національныя монархіи, дѣлала изъ Апеннинскаго полуострова легкую добычу для иностраннаго завоеванія. Новая эпоха въ исторіи международныхъ отношеній начинается какъ-разъ съ такъ называемыхъ итальянскихъ войнъ, ознаменовавшихъ конецъ XV и начало XVI в. И въ средніе вѣка въ Италію постоянно предпринимались походы нѣмецкими королями, носившими корону Священной Римской имперіи, но это не тревожило другихъ государей. Въ XIV и XV вв. такіе «римскіе походы», какъ извѣстно, прекратились, и когда въ концѣ XV в. завоеваніе Италіи было предпринято французами, это вызвало уже цѣлый рядъ международныхъ столкновеній общеевропейскаго характера. Въ войнахъ, вызванныхъ желаніемъ французовъ, около 1500 г., завладѣть Италіей, участвовали и императоры Священной Римской имперіи, и Испанія, и Англія, и Швейцарія, и мелкія итальянскія государства. Соединеніе при Карлѣ V подъ одною властью, въ началѣ XVI в., Испаніи (съ Неаполемъ, Сициліей и Сардиніей) и Священной Римской имперіи, нарушавшее политическое равновѣсіе Западной Европы, тоже вызвало рядъ войнъ со стороны Франціи, въ которыхъ то на одной сторонѣ, то на другой принимали еще участіе папа, какъ свѣтскій государь, Англія, Венеція и Швейцарія, а также и турки — въ союзѣ съ Франціей. Это было только началомъ вѣковаго соперничества Франціи съ династіей Габсбурговъ, царствовавшихъ въ XVI и XVII вв. въ Австріи и въ Испаніи.

Испанію въ это время возвысило стеченіе благоприятныхъ обстоятельствъ. Только-что объединившись влѣдствіе сліянія Кастиліи и Арагона и покоривъ послѣднее владѣніе мусульманъ въ Европѣ (Гренаду), Испанія, благодаря открытію Америки, приобрѣла за океаномъ новыя земли, откуда стала вывозить массу драгоценныхъ металловъ. По династическимъ связямъ въ началѣ XVI в. королю Испаніи достались богатые Нидерланды, и кромѣ того онъ возложилъ на свою голову корону Священной Римской имперіи, какъ потомокъ уже раньше царствовавшей тамъ династіи Габсбурговъ. Въ теченіе всего XVI в. Испанія сохраняла это первенствующее положеніе, но обезсиленная дурнымъ управленіемъ, хищническимъ хозяйствомъ и войнами, въ XVII в. она опять превратилась во второстепенное государство.

Болѣе прочное значеніе въ ту же эпоху приобрѣла въ политическомъ мірѣ Европы другая габсбургская держава, Австрія. Одной изъ княжескихъ династій Германіи, изъ которой въ концѣ среднихъ вѣковъ стали выбирать главъ Священной Римской имперіи, удалось путемъ войнъ, но особенно при помощи брачныхъ союзовъ соединить подъ свою власть Австрію, Штирію, Каринтію, Крайну, Тироль, а

также короны св. Вячеслава (Чехію) и св. Стефана (Венгрію),—обширный сплошной комплексъ разноплеменныхъ земель на ю.-з. и с.-в. отъ средняго теченія Дуная. Входя западными своими частями въ составъ Германіи, восточными областями Австрія соприкасалась съ Польшею и съ Турціей, которая у нея даже временно отнимала Венгрію. Защищая центральную Европу отъ турокъ, Австрія въ то же время играла роль передового германизаторскаго поста, выдвинувагося далеко на востокъ въ иноплеменные страны. Ея государи, не имѣвшіе общаго титула до самаго начала XIX в., избирались въ императоры Священной Римской имперіи нѣмецкой націи, что ставило Австрію во главѣ всего германскаго міра.

Взаимныя отношенія западно-европейскихъ государствъ въ XVI в. осложнились еще религіознымъ расколомъ, вызваннымъ въ католическомъ мірѣ реформаціей XVI в. и сопровождавшемся рядомъ междоусобій и международныхъ войнъ съ середины XVI до середины XVII в., въ которыхъ одни государства выступали въ качествѣ сторонниковъ Рима, другія—въ роли защитниковъ протестантизма, о чемъ у насъ будетъ еще идти рѣчь. Здѣсь мы только должны обратить вниманіе лишь на это общее усложненіе международныхъ отношеній въ разсматриваемую эпоху.

Въ эту же эпоху весьма грозною и опасною политическою силою сдѣлались для Европы турки. Если на самыхъ западныхъ и самыхъ восточныхъ границахъ христіанскаго міра, въ Испаніи и на Руси, въ концѣ XV в. была одержана окончательная побѣда надъ бывшими магометанскими завоевателями этихъ странъ, маврами и татарами, то съ юга, наоборотъ, на центральную Европу двигалась грозная и опасная сила турокъ, тѣмъ болѣе, что европейскіе государи начали ихъ самихъ вмѣшивать въ свои войны. Утвердившись на Балканскомъ полуостровѣ, турки совершили еще рядъ завоеваній и въ Азіи, и въ Африкѣ (Египетъ), и въ Европѣ, создавъ такимъ образомъ громадную державу, которая стала представлять серьезную опасность для сосѣднихъ націй. Современникъ Карла V, султанъ Сулейманъ, захватилъ Бѣлградъ и, разбивъ (при Могачѣ) чешско-венгерское войско, занялъ Венгрію, послѣ чего ему уже ничего не стоило сдѣлать нападеніе на самую Вѣну. Правда, попытка турокъ владѣть этимъ городомъ окончилась для нихъ неудачею (1529), но они все-таки остались въ Венгріи и оттуда постоянно грозили австрійскимъ наслѣдственнымъ владѣніямъ, а съ ними и всей Германіи. Опасность со стороны мусульманъ существовала и для другихъ владѣній Карла V. На сѣверѣ Африки утвердились морскіе разбойники, которые не только грабили корабли христіанъ на Средиземномъ морѣ, но и нападали на испанскіе и итальянскіе берега съ цѣлью грабежа и увода мирныхъ

жителей для продажи въ рабство. Держава Карла V должна была напрягать всѣ свои силы въ этой борьбѣ съ мусульманскимъ міромъ. Для враждовавшей съ Карломъ V Франціи затрудненія, возникавшія на востокѣ и югѣ его имперіи, были весьма выгодны; Франція даже воспользовалась этими обстоятельствами для новаго завоеванія Италіи уже въ прямомъ союзѣ съ Турціей.

Что касается до внутренняго политическаго строя европейскихъ націй, то въ эту переходную отъ среднихъ вѣковъ въ новое время эпоху онъ характеризуется паденіемъ феодализма и усиленіемъ государственнаго начала. Сущность этого процесса заключалась въ объединеніи мелкихъ политическихъ организмовъ въ болѣе крупные, въ превращеніи феодальныхъ сеньёровъ изъ помѣщиковъ-государей лишь въ привилегированное сословіе подданныхъ короля и въ замѣнѣ именно отношеніями подданства прежнихъ отношеній феодальной іерархіи сеньёровъ и вассаловъ. Стоитъ только припомнить, чѣмъ былъ феодализмъ *) для того, чтобы представить себѣ и сущность процесса политической де-феодализаціи, начавшейся въ концѣ среднихъ вѣковъ.

Западно-европейское государство переходитъ изъ среднихъ вѣковъ въ новое время въ формѣ сословной монархіи: періодъ расторгненія государства въ обществѣ (феодальная эпоха) уже былъ пережитъ, періодъ поглощенія общества государствомъ (эпоха королевскаго абсолютизма) былъ еще впереди. Время сословной монархіи,—это—XIV и XV вв.; въ XVII и XVIII столѣтіяхъ уже торжествуетъ королевскій абсолютизмъ; XVI вѣкъ является переходнымъ отъ одной системы къ другой. Передъ этими пятью столѣтіями формируется, торжествуетъ и падаетъ политическій феодализмъ, раздѣлившій верховную власть между аристократическими элементами общества; конецъ же XVIII вѣка знаменуется переворотомъ, открывающимъ эпоху участія бессословнаго общества въ верховной власти. Изъ главныхъ странъ Европы одна Англія не знала ни феодальнаго раздробленія съ расхищеніемъ верховной власти сеньёрами, ни королевскаго абсолютизма съ устраненіемъ общественныхъ силъ отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ. Въ Англіи средневѣковая сословная монархія постепенно перешла въ новую монархію конституціонную, сдѣлавшуюся образцомъ, которому стали подражать континентальныя страны Запада послѣ французской революціи. И здѣсь, какъ и вездѣ, объ формы общественнаго участія въ государственной власти не только гарантировали участвующимъ элементамъ извѣстную независимость въ тѣхъ или другихъ дѣлахъ отъ какой бы то ни было неограниченной воли,

*) См. выше, стр. 129.

но и давали имъ возможность осуществлять при помощи государственнаго принужденія соціальныя стремленія отдѣльныхъ сословій и классовъ. Въ новѣйшее время стали требовать подобной же гарантіи и подобной же возможности и чисто демократическія стремленія.

Сословно-представительныя учрежденія возникли во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ. Характерными ихъ чертами являются при всѣхъ различіяхъ между ними: участіе общества чрезъ своихъ представителей въ государственныхъ сеймахъ, куда раньше являлись лишь по личному праву, раздѣленіе этихъ сеймовъ на сословныя палаты, изданіе законовъ и установленіе налоговъ не иначе, какъ съ согласія представителей сословій. Изъ этихъ чертъ представительная система и законодательная власть съ правомъ вотированія налоговъ перешли и въ конституціонную монархію новѣйшаго времени, какъ основныя условія политической свободы, но сословный характеръ старыхъ государственныхъ сеймовъ уступилъ мѣсто въ новыхъ конституціяхъ иному началу. Вездѣ, далѣе, право участія въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ принадлежало не всѣмъ сословіямъ, а главнымъ образомъ лишь духовенству, дворянству и горожанамъ, въ лучшемъ же случаѣ,—какъ это было въ Англіи, гдѣ рано стало падать сословное начало,—только извѣстному общественному классу, обладавшему опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ. Сословность государственныхъ сеймовъ съ устраненіемъ изъ нихъ народной массы дѣлала изъ нихъ орудіе, съ помощью котораго высшіе классы общества могли осуществлять свои соціальныя стремленія часто въ ущербъ народнымъ интересамъ. Стоитъ, напр., отмѣтить, что ухудшеніе быта крестьянъ и даже прямое ихъ закрѣпощеніе въ Германіи, въ Венгріи, въ Польшѣ, въ Даніи было дѣломъ мѣстныхъ сословныхъ сеймовъ, или что англійскій парламентъ принималъ дѣятельное участіе въ обезземеленіи крестьянъ. Поэтому собранія государственныхъ чиновъ не пользовались довѣріемъ и поддержкою народныхъ массъ, и это было одною изъ причинъ ихъ безсилія въ борьбѣ съ королевскою властью. Другимъ условіемъ ихъ безсилія въ этой борьбѣ былъ междусословный антагонизмъ: существуя въ самой соціальной жизни, онъ переносился и въ собранія сословныхъ представителей. Каждый «чинъ» отстаивалъ только свои интересы, игнорируя интересы другихъ «чиновъ», и въ этомъ отношеніи особенную роль играло своекорыстное и высокоумѣренное поведеніе дворянства, которое не хотѣло ничѣмъ жертвовать для государства и смотрѣло съ презрѣніемъ на третье сословіе, т.-е. на горожанъ. Главное исключеніе изъ общаго правила составляетъ и тутъ англійскій парламентъ, въ нижней палатѣ котораго слились воедино разные соціальныя элементы, въ общемъ весьма солидарно отстаивавшіе свои права

и интересы. Всѣмъ этимъ учрежденіямъ приходилось выдерживать борьбу съ королями на почвѣ вопроса о взаимномъ раздѣлѣ между ними власти, и борьба эта имѣла различный исходъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сеймы добивались полнаго перевѣса надъ короной, превращавшейся тогда въ своего рода высшую магистратуру аристократическихъ республикъ (въ Польшѣ, одно время въ Даніи и Швеціи), и поддерживали принципы избирательной монархіи (что наблюдается еще въ Чехіи и Венгріи). Но это были исключенія, да и изъ нихъ одна только Польша удержалась до конца въ положеніи аристократической республики съ пожизненнымъ королемъ во главѣ. Въ другихъ странахъ собранія государственныхъ чиновъ позднѣе или совсѣмъ прекратились, какъ то было во Франціи, въ Испаніи, въ Даніи и въ одной части нѣмецкихъ княжествъ, или продолжали существовать (въ габсбургскихъ земляхъ, въ другой части нѣмецкихъ княжествъ, въ Швеціи) безъ дѣйствительнаго значенія въ государствѣ.

Паденіе сословно-представительныхъ учреждений, выросших на почвѣ католико-феодальнаго и муниципальнаго быта среднихъ вѣковъ, знаменуетъ собою, конечно, и упадокъ взростившаго ихъ быта, равно какъ народженіе новой силы, нашедшей опору въ объединеніи сословій подъ общимъ знаменемъ національности. Переходъ отъ средней исторіи къ новой отмѣченъ еще, какъ уже было упомянуто, образованіемъ большихъ націй подъ главенствомъ королей. Въ феодальную эпоху король былъ вершиною феодальной лѣстницы сеньероувъ, «первымъ между равными», а его власть опиралась на феодальную присягу вассаловъ и на крупное землевладѣніе (на домены): такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣли на короля феодалы. Въ народѣ сохранялось, однако, иное пониманіе монархической власти, представлялась ли она, какъ продолженіе власти абсолютныхъ римскихъ цезарей, что было, напр., во Франціи, или какъ наслѣдіе, оставленное прежними германскими королями, вождями народа, что и на самомъ дѣлѣ имѣло мѣсто въ Англіи. Къ этому присоединялся еще взглядъ церкви на божественное помазанничество государей. Сами короли, наконецъ, не хотѣли мириться съ тѣмъ положеніемъ въ государствѣ, какое стремились создать для нихъ феодальные элементы общества. Борясь за свое право, монархія опиралась на юристовъ, которые очень рано (въ XII—XIII вв.) извлекли изъ римскаго права ученіе объ абсолютизмѣ королевской власти: «что благоугодно государю, то имѣетъ силу закона». Въ концѣ среднихъ вѣковъ итальянскіе князья подали на дѣлѣ примѣръ европейскимъ королямъ, чѣмъ они впредь должны были быть. Дѣйствительно, итальянскій князь конца среднихъ вѣковъ и начала новаго времени былъ не феодальный сеньеръ, т.-е. не государь-помѣщикъ, и не феодальный король, т.-е. не всеобщій сюзеренъ, и

лишь «первый между равными» Въ городскихъ общинахъ Италіи, какъ, впрочемъ, и вообще въ городскихъ общинахъ, сбросившихъ съ себя феодальное иго и устроившихъ у себя республиканское правленіе, впервые появилась верховная власть безъ земельной основы, и она-то мало-по-малу перешла къ князьямъ, когда въ итальянскихъ городахъ повторилась исторія античной тиранніи на почвѣ борьбы знати и простого народа. Итальянскій принципатъ, опиравшійся на народное признаніе и на вооруженную силу, переносилъ на себя неограниченную верховную власть городской республики; не нуждаясь ни въ крупномъ землевладѣніи, ни въ вассалахъ, а Маккиавелли въ началѣ XVI в. въ своемъ трактатѣ «Государь»,—столь популярномъ у королей эпохи,—создалъ и теоретическое обоснованіе этой власти. Короли заимствовали у итальянскихъ князей практику абсолютизма и усвоили его теорію, которую въ иной только формѣ повторилъ въ концѣ того же вѣка Боденъ, приглашавшій монарховъ стать выше сословій и партій въ качествѣ представителей государственнаго единства. Идея абсолютизма была примѣнена къ сословно-представительнымъ учрежденіямъ, и имъ предстояло либо исчезнуть, либо сохраниться только подъ условіемъ отказа отъ своихъ традицій, правъ и притязаній. Мѣстныя и временныя условія рѣшили судьбу этихъ учреждений въ разныхъ случаяхъ различнымъ образомъ, но въ общемъ побѣда осталась за королевскою властью, которая сдѣлалась въ первой половинѣ новаго времени абсолютною.

Абсолютизмъ былъ формою, въ которую именно въ первые два вѣка новой западно-европейской исторіи вылилось государственное начало, одержавшее побѣду надъ средневѣковыми силами католицизма и феодализма. На всю новую исторію мы поэтому имѣемъ право смотрѣть, какъ на эпоху постепеннаго разрушенія католико-феодальныхъ культурныхъ и общественныхъ отношеній силами, искавшими выхода изъ узкихъ и тѣсныхъ рамокъ средневѣкового быта, и этими силами оказались наиболѣе отрицавшіяся феодализмомъ и католицизмомъ начала, во-первыхъ, принципъ государства, какъ общественнаго установленія, существующаго для общаго блага и пользующагося независимою верховною властью, во-вторыхъ, принципъ личности, какъ существа, имѣющаго право на внѣшнюю и внутреннюю свободу. Феодализмъ разлагалъ государство на частныя владѣнія, въ которыхъ верховная власть была лишь своего рода придаткомъ землевладѣнія, и превращалъ народную массу въ прикрѣпленныхъ къ землѣ оброчниковъ землевладѣльца, а католицизмъ посягалъ на независимость государства, взявъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ свою безусловную опеку и духовную сторону личной жизни. Государство новаго времени выросло въ борьбѣ съ враждебными ему силами феодализма и

католицизма, частью одержавъ надъ ними побѣду и перенесши на себя отнятыя у нихъ права, т.-е. ставши на ихъ мѣсто, частью вступивъ съ ними въ компромиссъ и оставивъ за ними ихъ привилегіи, другими словами, само признавши нѣкоторые ихъ принципы. Въ этой своей борьбѣ государственная власть опиралась на индивидуальныя и массовыя силы общества, имѣвшія также свои причины желать пораженія аристократіи и клира, какъ двухъ главныхъ соціальныхъ классовъ феодально-католическаго строя, и имѣвшія свои побужденія помогать государственной власти въ ея борьбѣ съ этими классами. Изъ двухъ союзниковъ, боровшихся съ феодально-католическимъ строемъ, первые и самые богатые результаты побѣды выпали, однако, лишь на долю государства, личность же иногда оставалась прямо въ проигрышѣ. Государство, отнявши у феодальной аристократіи и у католической церкви тѣ привилегіи, которыя были стѣснительными для него самого, унаслѣдовало отъ прежняго строя многія старыя права надъ личностью, прибавивъ къ нимъ еще новыя права, и оставило за названными классами тѣ ихъ привилегіи, которыя, не стѣсняя его самого, лежали тяжелымъ бременемъ на остальной массѣ. Все болѣе и болѣе расширяя свою дѣятельность, оно сдѣлалось всепоглощающимъ политическимъ организмомъ, передъ которымъ личность была безсильна, и реальнымъ фактамъ этого рода соответствовали тогдашнія теоріи абсолютной государственности. Личному развитію, встрѣчавшему помѣху въ средневѣковыхъ культурно-соціальныхъ формахъ феодализма и католицизма, въ новое время пришлось встрѣтиться и съ рядомъ препятствій со стороны государства, не хотѣвшаго знать никакого иного права, кромѣ своего права. Личность и тутъ вступала въ борьбу за свои права, имѣя нерѣдко противъ себя соединенныя силы государственной власти, церковной организаціи и господствующихъ классовъ общества. Въ исторіи этой борьбы времена успѣха новыхъ культурныхъ и соціальныхъ стремленій личности смѣнялись временами реакціи, когда старыя, казавшіяся уже побѣжденными силы снова поднимали голову и начинали попятное движеніе.

Очеркъ седьмой.

Главныя культурныя эпохи новой европейской исторіи.

Два главные отдѣла новой западно-европейской исторіи. — Общій взглядъ на исторію четырехъ послѣднихъ столѣтій. — Разныя стороны реформаціоннаго движенія. — Неодинаковость участія отдѣльныхъ народовъ въ этомъ движеніи. — Общіе принципы реформаціи. — Католическая реакція. — Просвѣщеніе XVIII вѣка. — Философія естественнаго права. — Реакція противъ идей XVIII в. въ началѣ XIX столѣтія. — Развитие положительной науки въ XIX в. — Значеніе этого развитія въ исторіи техники. — Важность его въ исторіи новѣйшаго міросоверщанія.

Исторія Западной Европы въ новое время можетъ быть раздѣлена на два большіе отдѣла по двумъ, такъ сказать, центральнымъ эпохамъ, сообщающимъ то или другое значеніе каждому изъ этихъ двухъ отдѣловъ въ цѣломъ культурно-соціального развитія послѣднихъ четырехъ вѣковъ. Первенствующее мѣсто въ первомъ отдѣлѣ принадлежитъ религіозной реформаціи XVI в. со всѣми культурными и соціальными, церковными и политическими движеніями, которыя ей предшествовали, ее вызвали, ее сопровождали и осложняли, за нею послѣдовали и изъ нея вытекли. Въ срединѣ XVII в. реформаціонный періодъ кончается, и наступаетъ новый періодъ западно-европейской исторіи, характеризующійся господствомъ абсолютной монархіи, періодъ отъ вестфальскаго мира до начала французской революціи, т.-е. отъ 1648 по 1789 г. Подобно тому, однако, какъ реформація XVI вѣка, начиная новый историческій періодъ, находится вмѣстѣ съ тѣмъ въ центрѣ эпохи, первая половина которой была временемъ ея подготовленія, а вторая временемъ ея развитія и обнаруженія ея слѣдствій, такъ и французская революція, съ которой многіе начинаютъ «новѣйшую» исторію Западной Европы, можетъ быть разсматриваема, какъ событіе центральнаго значенія, потому что къ событію этому сходятся и отъ

событія этого расходятся въ главныя явленія предыдущей и послѣдующей исторіи. Мы можемъ идти и далѣе въ этомъ сравненіи: въ концѣ XVIII в. Западная Европа вступила въ столь же бурную эпоху, какъ и въ началѣ XVI в., но какъ тогда общественныя движенія совершались подѣ знаменемъ религіозныхъ идей, еще ранѣе высказывавшихся въ литературѣ, такъ и движеніямъ, начавшимся въ концѣ XVIII в., тоже предшествовала эпоха усиленной умственной работы, направленной на рѣшеніе вопросовъ морали и политики. Это явленіе и составляетъ одну изъ характерныхъ особенностей XVIII столѣтія, «вѣка просвѣщенія» или «философскаго вѣка», какъ его называютъ. Новое культурное направленіе, соединившее въ себѣ, какъ мы увидимъ, результаты гуманизма и протестантизма, унаслѣдовавшее свободомысліе и свѣтскій характеръ перваго и усвоившее заключавшіеся во второмъ элементы религіозной и политической свободы, въ срединѣ XVIII вѣка овладѣло до извѣстной степени абсолютными монархами и ихъ министрами. Въ эту эпоху возникаетъ характерное явленіе «просвѣщеннаго абсолютизма» или «просвѣтительнаго деспотизма». Какъ въ реформаціонный періодъ церковныя преобразованія совершались двоякимъ путемъ, или сверху, путемъ дѣйствія государственной власти, или, снизу, путемъ общественныхъ и народныхъ движеній, такъ и въ это время государственныя и общественныя реформы предпринимались или по инициативѣ правительствъ («просвѣщенный абсолютизмъ»), или были, наоборотъ, результатомъ общественнаго движенія (революція), причемъ «просвѣщенные деспоты» являлись иногда даже предшественниками революціи, поскольку и они, и дѣятели послѣдней ставили себѣ однѣ и тѣ же задачи и исходили изъ однѣхъ и тѣхъ же идей.

Прежде чѣмъ остановиться болѣе подробно на главныхъ очертаніяхъ культурно-соціальной эволюціи Западной Европы въ новое время, имѣя въ виду, съ одной стороны, явленія, связанныя съ религіозной реформаціей XVI в., а съ другой—съ политической революціей конца XVIII столѣтія, бросимъ самый бѣглый взглядъ на чисто внѣшній ходъ европейской исторіи въ XVI—XIX вв.

Въ XVI в. религіозная реформація, какъ извѣстно, охватила Германію, Швейцарію, Данію, Англію, Шотландію и Нидерланды, а также проникла во Францію, въ Венгрію, въ Польшу. Результатомъ этого движенія было отторженіе отъ католицизма цѣлыхъ націй, среди которыхъ возникли новыя церкви, получившія названіе протестантскихъ (лютеранская, цвингліанская, кальвинская, англиканская) и образовались разнородныя секты (анабаптизмъ, индепендентство, социализмъ). вмѣстѣ съ этимъ религіозная реформація сопровождалась почти повсемѣстно разнообразными политическими и соціальными дви-

женіями. Въ Германіи въ 20-хъ гг. XVI в. произошли рыцарское и крестьянское возстанія, а въ срединѣ того же вѣка вспыхнула война между императоромъ и князьями. Въ другихъ государствахъ (въ Шотландіи, во Франціи, въ Нидерландахъ въ XVI в., а въ XVII в.—въ Чехіи и въ Англіи) отстаиваніе протестантами правъ своей вѣры сопровождалось борьбою сословно-представительныхъ учреждений съ королевскою властью, стремившіеся къ абсолютизму. Послѣдними проявленіями реформаціонной эпохи были борьба католицизма и протестантизма въ Германіи, извѣстная подъ именемъ 30-лѣтней войны (1618—48), и событія первой англійской революціи (1640—49), за которою послѣдовало установленіе въ Англіи республики. Въ срединѣ XVI в. протестантская и сектантская реформація вызвала оживленіе въ самомъ католицизмѣ и такъ называемую католическую реакцію, которая вооружилась противъ всѣхъ новыхъ культурныхъ и социальныхъ движеній. Съ середины этого столѣтія до середины XVII в. Западная Европа была театромъ междоусобныхъ и международныхъ религіозныхъ войнъ, закончившихся только вестфальскимъ миромъ (1648). Въ эту эпоху международные союзы возникали, главнымъ образомъ, на основаніи вѣроисповѣдныхъ соображеній.

Въ XVI в. въ общей политикѣ Западной Европы первенствующую роль играла, какъ мы уже видѣли, Испанія. Во второй половинѣ этого столѣтія она стояла во главѣ католической реакціи, подавляя вездѣ, гдѣ только было возможно, протестантизмъ (въ Нидерландахъ, во Франціи, въ Англіи). Въ послѣдней четверти того же вѣка поборниками реакціи дѣлаются и австрійскіе Габсбурги, которые въ первой половинѣ слѣдующаго столѣтія въ союзѣ съ Испаніей стремятся къ главенству надъ всей Западной Европой. Наконецъ, въ исходѣ XVI в. и Польша становится оплотомъ католической реакціи, чтобы дѣйствовать преимущественно на сѣверѣ и востокѣ Европы (въ Швеціи и Россіи). Противъ католическихъ державъ въ эту эпоху боролись протестантскія государства (Голландія, Англія во второй половинѣ XVI вѣка и Швеція въ эпоху 30-лѣтней войны). Хотя Франція и осталась католическою, тѣмъ не менѣе, она въ большинствѣ случаевъ, въ силу политическихъ мотивовъ, находилась въ борьбѣ съ католическимъ лагеремъ.

Внутри отдѣльныхъ государствъ въ эту эпоху шла не менѣе упорная борьба между разными вѣроисповѣданіями. Хотя въ началѣ реформаціи и былъ заявленъ принципъ свободы совѣсти и многія проявленія реформаціи были проникнуты религіознымъ индивидуализмомъ, однако, повсемѣстно господствовалъ принципъ церковнаго единообразія: въ католическихъ странахъ преслѣдовали протестантовъ, въ протестантскихъ—католиковъ и т. п., т.-е. подданные должны были слѣдовать религіи, признаваемой государствомъ. Лишь послѣ страшной борьбы

иновѣрные подданные добивались отъ государственной власти вѣротерпимости. Съ другой стороны, какъ было сказано, шла борьба политическая—между сословно-представительными учрежденіями, съ одной стороны, и королевскою властью, съ другой. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ борьба эта кончалась не въ пользу сословно-представительныхъ учреждений, и къ срединѣ XVII в. почти повсемѣстно устанавливается абсолютизмъ. Въ XVII в. и въ Англіи династія Стюартовъ дѣлаетъ попытку утвердить королевскій абсолютизмъ, и только благодаря двумъ революціямъ Англія сохраняетъ свой парламентъ (1640—49 и 1689). Въ католическихъ странахъ развитію абсолютизма не мало содѣйствовала сама церковь, которая видѣла въ «союзѣ алтаря и трона» лучшее средство противъ бурь той эпохи. Въ протестантскихъ государствахъ свѣтская власть тоже усиливалась вслѣдствіе того, что къ ней переходили главенство надъ мѣстнымъ духовенствомъ и обширныя церковныя имущества (которыми, впрочемъ, государи большею частью дѣлились съ дворянствомъ). Такимъ образомъ, религіозная реакція сопровождалась реакціей политической. Сокрушивъ политическое могущество духовенства и дворянства, короли заключили съ ними потомъ союзъ, оставивъ за ними культурное и социальное преобладаніе. Эта политика, въ которой королевскій абсолютизмъ соединялся съ клерикализмомъ и аристократизмомъ, нашла наиболѣе рельефное свое выраженіе во Франціи, во второй половинѣ XVII в., въ системѣ Людовика XIV, которая можетъ считаться весьма характерною для всего этого періода по развитію королевскаго абсолютизма, опиравшагося на бюрократическую централизацію, но въ то же время оберегавшаго культурное вліяніе духовенства и социальныя привилегіи дворянства.

Такое направленіе политики продержалось до середины XVIII в., когда абсолютизмъ сталъ отрѣшаться отъ своего исключительно клерикальнаго и аристократическаго характера. Во второй половинѣ этого столѣтія государственная власть вступила въ новую борьбу съ католицизмомъ и феодализмомъ и до извѣстной степени подчинилась новому умственному движенію «просвѣщенія», враждебнаго старымъ культурнымъ и социальнымъ формамъ. Не отказываясь ни отъ абсолютизма, ни отъ бюрократической централизаціи, монархи и министры этой эпохи во многихъ культурныхъ и социальныхъ сторонахъ національнаго быта проводятъ реформы въ духѣ требованій просвѣщенія, откуда все это явленіе и получило названіе «просвѣщеннаго абсолютизма» (1740 — 1789). Но въ освободительномъ движеніи XVIII в. были весьма сильны и враждебныя абсолютизму идеи, начавшія оказывать практическое вліяніе съ 1789 г.

XVIII вѣкъ былъ, кромѣ того, эпохой крутыхъ политическихъ

переворотовъ. Во-первыхъ, это была эпоха вступленія Россіи въ семью европейскіхъ державъ. Великая Сѣверная война окончилась переходомъ преобладанія въ Сѣверной Европѣ отъ Швеціи къ Россіи, которая, благодаря реформѣ Петра Великаго, начала воспринимать вмѣстѣ съ тѣмъ начала западно-европейской цивилизаціи. Одновременно съ этимъ, во-вторыхъ, началось возвышеніе Пруссіи, сдѣлавшейся очень могущественною державою во второй половинѣ столѣтія при «король-философѣ» Фридрихѣ II. Наконецъ, въ союзъ съ Австріей, Россія и Пруссія подѣлили между собою Польское государство, ослабленное внутренними раздорами. Но еще болѣе крупныя перемѣны въ международныхъ отношеніяхъ начались подъ вліяніемъ вспыхнувшей въ 1789 г. великой французской революціи.

Съ этого важнаго событія, имѣвшаго значеніе не для одной только Франціи, многіе начинаютъ, какъ было уже сказано, новѣйшую исторію Европы, такъ какъ революція весьма скоро получила значеніе обще-европейское и всѣ главныя политическія соціальныя и отчасти культурныя движенія XIX в. имѣютъ своимъ исходнымъ пунктомъ переворотъ 1789 г. Французская революція совершалась подъ знаменемъ двухъ главныхъ общественныхъ идей просвѣщенія XVIII в., идей равенства и свободы. Она начала окончательную ликвидацію сословнаго строя, выросшаго на почвѣ феодализма, и была направлена противъ свѣтскаго и духовнаго абсолютизма, передъ которыми въ «старомъ порядкѣ» общество и личность были совершенно безправны. Въ однихъ сторонахъ быта революція лишь завершила то, что непосредственно предъ нею было предпринято просвѣщеннымъ абсолютизмомъ, въ другихъ—она открывала собою совершенно новую эпоху, хотя и имѣла свои прецеденты въ прошломъ. Ближайшимъ образомъ для конца XVIII в. и первыхъ годовъ XIX в. она была началомъ цѣлаго ряда войнъ и политическихъ переворотовъ. Въ теченіе почти цѣлой четверти вѣка Франція, сначала бывшая республикой, потомъ ставшая имперіей, вела борьбу со старой монархической Европой (1792—1815). Въ этой борьбѣ побѣда была почти всегда на сторонѣ Франціи. Благодаря завоеваніямъ, ея территорія увеличивалась вдвое противъ прежняго, а въ присоединенныхъ государствахъ вводились новыя порядки, созданные въ ней самой революціей. Въ цѣломъ рядѣ государствъ французы низвергали старыя правительства, чтобы учреждать на ихъ мѣсто республики или отдавать вакантные престолы братьямъ своего императора. Между прочимъ, въ эту эпоху перестала существовать Священная Римская имперія нѣмецкой націи, а съ нею и господствовавшій въ Германіи политическій феодализмъ. Это господство Франціи въ Западной Европѣ вызвало противъ нея сильную національную оппозицію, и, въ концѣ концовъ, образовавшійся противъ нея международный союзъ ввелъ эту страну

въ прежнія границы и на вѣнскомъ конгрессѣ (1814—1815) передѣлалъ политическую карту Европы. вмѣстѣ съ тѣмъ началась абсолютистическая, клерикальная и феодальная реакція противъ всего того, что вошло въ жизнь со времени просвѣщенія XVIII вѣка. Съ этой реакціей, которую поддерживали духовенство и дворянство, вступило въ борьбу свободное направлеіе, поддерживавшееся буржуазіей и получившее названіе либерализма. Борьба привилегированныхъ сословій съ среднимъ сословіемъ представляетъ изъ себя весьма важную сторону соціальной історіи Западной Европы. Въ то же время подготавливалась почва для обострившейся нѣсколько позднѣе борьбы между буржуазіей и пролетаріатомъ. Уже сама французская революція при своемъ демократическомъ характерѣ выдвинула на сцену народныя массы; но особенно важное значеніе имѣлъ для судьбы низшихъ классовъ общества экономическій переворотъ конца XVIII и начала XIX вв., о которомъ мы еще будемъ говорить. Пока господствовали привилегированныя сословія, у буржуазіи и у народа было много общихъ интересовъ; но съ установленіемъ гражданскаго равенства и усиленіемъ неравенства экономическаго, интересы буржуазіи и народа стали расходиться въ разныя стороны. На этой почвѣ возникъ такъ называемый рабочій вопросъ и рядомъ съ либерализмомъ въ 20-хъ годахъ XIX в. явилось другое направлеіе, получившее названіе социализма. И либерализмъ, и социализмъ имѣють своимъ исходнымъ пунктомъ французскую революцію.

Указавъ на связь, какая существуетъ между главными періодами новой европейской історіи, и тѣмъ самымъ установивъ программу всего дальнѣйшаго изложенія этой історіи, остановимся теперь на разсмотрѣніи каждаго изъ отмѣченныхъ явленій въ отдѣльности, выдвинувъ на первый планъ, конечно, тѣ изъ нихъ, которыя имѣють наиболѣе существенное значеніе въ выработкѣ современнаго намъ состоянія Западной Европы. За гуманическимъ движеніемъ, о которомъ шла рѣчь въ предыдущемъ очеркѣ, послѣдовало движеніе реформаціонное, и съ него намъ поэтому слѣдуетъ начать нашъ обзоръ. Прежде всего установимъ его причины, чтобы понять его сущность и оцѣнить его значеніе.

Реформаціонное движеніе было вообще явленіемъ весьма сложнымъ, но всѣ его элементы съ удобствомъ распредѣляются по тремъ главнымъ категориямъ: у каждой были свои причины, свои движущія силы, своя сфера дѣйствія, свои результаты. Прежде всего реформація была движеніемъ чисто религіознымъ, т.-е. крупнымъ событіемъ въ історіи западнаго христіанства, какъ вѣроученія и какъ церковной организациі. Съ этой стороны въ ея основѣ лежали вѣрующая совѣсть, оскорблявшаяся «язычествомъ» «вавилонской блудницы», и

направленная на вопросы вѣры мысль, не сносившая, говоря языкомъ реформаторовъ и сектантовъ о римской церкви и папѣ, ига непомѣрной власти «антихриста». Съ этой стороны заявленными цѣлями реформации были «возвращеніе христіанства къ апостольскимъ временамъ» посредствомъ «очищенія вѣры отъ людскихъ выдумокъ» и «освобожденіе духа отъ мертвящей буквы преданія». Результаты реформации въ данномъ отношеніи суть разрушеніе религіознаго единства Западной Европы, образованіе новыхъ исповѣданій и основаніе новыхъ церквей, развитіе мистическаго и рачіоналистическаго сектанства, перерѣшеніе догматическихъ, моральныхъ и церковно-практическихъ вопросовъ, новое направленіе теологическаго мышленія, развитіе новыхъ религіозныхъ принциповъ, вольномысліе антитринитаріевъ и денстовъ, ученія которыхъ представляли собой выходъ изъ историческаго христіанства въ философію «естественной религіи», но вмѣстѣ съ тѣмъ и оживленіе умиравшаго католицизма, пересмотръ его догматовъ, починка всей его внутренней организаціи. Протестъ, который мы здѣсь видимъ, истекалъ изъ глубины религіознаго чувства и изъ пѣдръ пытливей мысли, не удовлетворявшійся традиціоннымъ рѣшеніемъ религіи и морали вопросовъ.

Но средневѣковой католицизмъ, какъ мы видѣли, не былъ вѣроисповѣданіемъ только: какъ царство отъ міра сего, онъ вызывалъ противъ себя протесты иного рода изъ-за чисто свѣтскихъ побужденій, изъ-за отношеній чисто земной жизни человѣка и общества. Онъ былъ цѣлою системой, налагавшей свои рамки на всю культуру и социальную организацію средневѣковыхъ католическихъ народовъ: его универсализмъ отрицалъ національность, его теократическая идея давила государство, его клерикализмъ, создававшій духовенству привилегированное положеніе въ обществѣ, подчинялъ его опека свѣтскія сословія, его спиритуалистическій догматизмъ представлялъ мысли слишкомъ узкую сферу, да и въ той не давалъ ей свободно двигаться. Поэтому противъ него давно боролись и національное самосознаніе, и государственная власть, и свѣтское общество, и усиливавшееся въ послѣднемъ образованіе,— боролись не во имя чистоты христіанскаго вѣроученія, не во имя возстановленія Библии, какъ главнаго авторитета въ дѣлахъ религіи, не во имя требованій внутренняго голоса совѣсти, встревоженной «порчей церкви», или пытливей религіозной мысли, обратившейся къ критикѣ того, что передъ ея судомъ оказывалось «людскими выдумками», а просто потому, что система на все налагала свой гнетъ и слишкомъ грубо втискивала жизнь въ свои рамки, мѣшая ей свободному развитію. Борьба противъ Рима, не касавшаяся вопросовъ царства не отъ міра сего, — явленіе довольно раннее въ европейской исторіи: на-

паденія на католицизмъ, какъ на вѣрученіе и церковь, несогласныя съ духомъ христіанства, со Священнымъ Писаніемъ, съ требованіями вѣрующей совѣсти и пытливой мысли, возбужденной религіозными вопросами,—объединяло, усиливало, направляло къ одной цѣли элементы свѣтской борьбы съ католицизмомъ во имя правъ національности, правъ государства, правъ свѣтскихъ сословій, правъ образованія, правъ, въ основѣ которыхъ лежали чисто мірскіе интересы,—и само находило помощь въ этой оппозиціи Риму—національной и политической, въ этой враждѣ къ духовенству—сословной и интеллектуальной. Гуманизмъ также заключалъ въ себѣ идеи, черезъ которыя чисто культурно-соціальная оппозиція могла бы объединиться, формулировать свои требованія, направиться къ одной цѣли. До извѣстной степени онъ даже такъ и дѣйствовалъ, секуляризируя мысль и жизнь западно-европейскихъ обществъ, но значеніе реформаціи именно въ томъ и заключается, что оппозиція противъ католической культурно-соціальной системы во имя чисто человѣческихъ началъ интереса и права пошла подъ знаменемъ реформированной религіи.

Наконецъ, развитіе жизни выдвигало у отдѣльныхъ націй разные другіе вопросы политическаго, соціальнаго и экономическаго свойства, не имѣвшіе сами по себѣ отношенія ни къ «порчѣ церкви», ни къ гнету куріи и клира. Именно въ разныхъ мѣстахъ Западной Европы велась своя внутренняя борьба и подготавливались свои домашнія столкновенія, которыя могли—какъ это и случилось въ Испаніи при Карлѣ V—разыгратъ въ всякой связи съ реформаціей церкви и съ оппозиціей противъ папства и клира, или же соединиться съ движеніемъ чисто религіознымъ и съ національнымъ, политическимъ, сословнымъ и интеллектуально-моральнымъ протестомъ противъ Рима и католическаго духовенства. Последнее мы и видимъ въ Германіи, гдѣ за реформацію схватились и гуманисты, незадолго передъ тѣмъ окончившіе побѣдоносную кампанію противъ «обскурантовъ», и имперскіе рыцари, недовольные новыми порядками, введенными въ концѣ XV вѣка, и крестьяне, начавшіе волноваться еще раньше, и низшій слой городского населенія, среди котораго происходило соціальное броженіе противъ богатыхъ, и князья, наконецъ, стремившіеся отстоять себя противъ усилившейся власти императора.

Перечисленныя причины реформаціоннаго движенія XVI в. были далеко неравномѣрно распредѣлены по разнымъ странамъ. Не говоря уже о томъ, что у каждаго народа въ его внутренней жизни была своя «злоба дня»,—у одного—одна, у другого—другая, у одного—способная уладиться путемъ мирной реформы, у другого необходимо вызвавшая революціонное столкновеніе,—отдѣльные народы были въ своихъ массахъ и въ своихъ правящихъ классахъ не совѣмъ одина-

ково и не въ одномъ и томъ же смыслѣ религіозны, различнымъ образомъ относились къ далекой куріи и къ своему собственному клиру, потому что и курія въ сущности вызывала къ себѣ разныя чувства, и клиръ одной страны не былъ похожъ на клиръ другой, да и сами націи во всемъ остальномъ не вполне походили одна на другую. Однѣ остались вѣрны и старой религіи, и «святѣйшему отцу», и своимъ духовнымъ пастырямъ, тогда какъ другія завели себя новыя вѣры, отреклись отъ папы, какъ отъ «антихриста», возмущились противъ духовныхъ, какъ противъ «волковъ въ овечьей шкурѣ». Мало того: въ одной и той же націи реформація имѣла иногда совершенно разный успѣхъ у отдѣльныхъ сословій и начиналась то снизу, отъ общества, то сверху, отъ власти, да и тутъ вопросъ о томъ, пойдутъ ли правительство за народомъ или народъ за правительствомъ, рѣшался въ общемъ и въ подробностяхъ не вездѣ одинаково. Вотъ почему при изученіи реформаціи въ какой-либо отдѣльной странѣ нужно имѣть въ виду нѣкоторые общіе вопросы, отвѣты на которые должны заключать въ себѣ объясненіе несходствъ, которыя мы въ данномъ случаѣ наблюдаемъ. Религіозное настроеніе отдѣльныхъ странъ было далеко неодинаково, и какъ самъ католицизмъ въ лицѣ своихъ представителей, такъ и отношеніе къ нему отдѣльныхъ народовъ были не одни и тѣ же въ разныхъ странахъ. Испанія, напр., только-что окончившая вѣковую борьбу съ маврами, была вполне довольна своимъ католицизмомъ, сдѣлавшимся ея національнымъ знаменемъ, да и сама воинствующая церковь не подверглась здѣсь портѣ въ такой степени, какъ въ другихъ мѣстахъ. Наоборотъ, въ Германіи давно происходило глухое, но глубокое религіозное броженіе, которое рано или поздно должно было прорваться наружу. Какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи опять отдѣльные народы стояли далеко не на одинаковомъ уровнѣ. Напр., итальянская гуманистическая интеллигенція была довольно индифферентна къ религіи и церкви, а народная масса въ Италіи суевѣрна и чувствена, между тѣмъ какъ нѣмецкій гуманизмъ соединялся съ богословскими интересами и съ реформаціонными стремленіями, а въ народныхъ массахъ Германіи замѣчалось въ развитіи сектантства именно болѣе интимное и моральное отношеніе къ религіи, чѣмъ въ Италіи. То же самое различіе замѣчается и по отношенію къ національной оппозиціи. Въ Испаніи католицизмъ и національность сдѣлались синонимами, благодаря религіозной и племенной борьбѣ съ маврами, для Италіи папство было тоже какъ бы національнымъ учрежденіемъ, но въ Германіи беззащитное хозяйничанье куріи оскорбляло національное чувство, въ то же самое время, какъ и нѣмецкіе князья чувствовали всю тяжесть папской оцѣки, которая была неизвѣстна, напр., во Франціи, гдѣ го-

сударственная власть сумѣла оградить себя отъ вмѣшательства папы во внутреннія дѣла націи. Далѣе, на исторію реформаціи оказывали вліяніе внутреннія, чисто политическія отношенія отдѣльныхъ странъ и на первомъ планѣ ихъ устройство. Государства, уже объединившіяся подъ единою властью, въ общемъ рѣшали у себя вопросъ въ ту или другую сторону, т.-е. или оставались католическими, или принимали протестантизмъ, тогда какъ въ такихъ федераціяхъ, какими были Германія и Швейцарія, отдѣльные княжества и кантоны каждый по-своему рѣшали вопросъ, и политическая раздробленность отражалась на религіозномъ разъединеніи, какъ, въ свою очередь, религіозное разъединеніе способствовало и политическому распаденію федеративной страны (Нидерланды). Равнымъ образомъ и форма правленія, существовавшая въ государствѣ, обыкновенно переносилась и въ новое церковное устройство: реформаціи, возникшая въ Германіи или въ Англіи, приняла монархическій характеръ, тогда какъ цюрихская и женевская—республиканскій. Далѣе, реформа могла идти снизу, отъ народа или сверху, отъ власти, могла быть общенародной или сословной, могла содѣйствовать усиленію государственной власти или расширенію народныхъ правъ. Въ Германіи реформа началась снизу и была общенародной, но политическое и социальное движеніе, совершившееся подъ религіознымъ знаменемъ, было подавлено князьями, и всѣ плоды протекшихъ событій выпали на ихъ долю. Въ Шотландіи и въ Голландіи реформа началась тоже снизу, но результаты ея были уже иные. Въ Даніи и въ Швеціи инициатива реформаціи принадлежала королевской власти, такъ же, какъ и въ Англіи, но въ этой послѣдней странѣ рядомъ съ реформаціей, возникшей по инициативѣ правительства и содѣйствовавшей его усиленію, совершилась другая реформація, народная, и столкновеніе между обѣими было одной изъ сторонъ той революціи, которая произошла въ Англіи въ срединѣ XVII в. и содѣйствовала побѣдѣ правъ націи. Во Франціи и въ Польшѣ ни власть, ни масса населенія не приняли участія въ движеніи: въ обѣихъ странахъ оно получило характеръ сословный, преимущественно дворянскій и, хотя въ разныхъ степеняхъ, содѣйствовало во Франціи усиленію королевской власти, а въ Польшѣ, наоборотъ, ослабленію вообще государственнаго начала. Важно также различіе между странами ранней реформаціи и странами реформаціи поздней: въ первыхъ все было вновѣ, вторыя имѣли уже многое готовымъ; движеніе, совершившееся въ однихъ, застало католицизмъ врасплохъ, въ другихъ оно встрѣтило уже сильное противодействие со стороны старой церкви. Наконецъ, въ разныхъ мѣстахъ возникли неодинаковыя ученія, которыя различнымъ образомъ рѣшали вопросы не только религіи, но и морали, и права, и политики.

Конечно, при разсмотрѣннн реформаціи съ общей точки зрѣнія не эти различія должны остановить на себѣ наше вниманіе, а именно то, что имѣетъ болѣе универсальное значеніе.

Каждое крупное историческое движеніе имѣетъ свои принципы: иногда они прямо и ясно формулируются участниками или свидѣтелями движенія, иногда составляютъ подкладку фактовъ послѣдняго и именно въ мотивахъ отдѣльныхъ дѣйствій, въ настроеніяхъ дѣйствующихъ лицъ, въ томъ значеніи, какое факты получаютъ при научномъ ихъ изученіи. Реформація была какъ-разъ однимъ изъ такихъ явленій: масса событій, составляющихъ ея исторію, объединяется своею однородностью, и въ ней мы должны искать нѣкоторую совокупность принциповъ, собственно и образующихъ понятіе протестантизма, взятаго съ культурной и соціальной или политической стороны. Дѣйствующія въ исторіи идеи нельзя разсматривать отвлеченно, ибо онѣ играютъ роль историческихъ факторовъ, опредѣляя мысль, чувство и волю дѣятелей движенія, ставя цѣли для ихъ дѣятельности, придавая ей характеръ и направленіе, ибо одніѣ идеи всегда существуютъ рядомъ съ другими, имъ родственными и враждебными, и рядомъ съ разными интересами, вступая съ ними во взаимодействіе и испытывая при этомъ разныя измѣненія, да, наконецъ, и не всѣ дѣятели данной эпохи суть представители однихъ и тѣхъ же идей, а, будучи ихъ представителями, не всегда дѣлаютъ изъ нихъ логическіе выводы и бываютъ послѣдовательны въ ихъ примѣненіи. Реформаціонное движеніе было движеніемъ идейнымъ, и принципы протестантизма оказали гораздо болѣе замѣтное вліяніе на тогдашнюю исторію, чѣмъ принципы гуманизма: протестантизмъ не оставался мыслью и словомъ, а переходилъ въ дѣло, и подъ его знамя становились другіе историческіе факторы, потому что онъ овладѣвалъ умомъ, чувствомъ и волею людей и до извѣстной степени перевоспитывалъ ихъ, насколько вообще новыя направленія бываютъ способны сразу измѣнять старыя міросозерцанія, настроенія и привычки. Изучая протестантизмъ не съ точки зрѣнія абсолютныхъ идей, а съ относительной, исторической точки зрѣнія, мы должны разсмотрѣть, насколько принципы протестантизма соответствовали культурному состоянію общества, чтобы быть принятыми, и насколько принятое могло осуществиться, и разсмотрѣть притомъ въ связи съ другими принципиальными явленіями того же порядка, съ католицизмомъ, который самъ обновился подъ вліяніемъ реформаціи, и съ гуманизмомъ, уже проявившимся въ разныхъ сферахъ умственной дѣятельности общества.

Исходные пункты протестантизма находились въ полной противоположности съ католицизмомъ, хотя принципы перваго и не были цѣликомъ введены въ жизнь, давъ только начало новому движенію: это

были противоположные принципы авторитета и индивидуальной свободы, внѣшней набожности и внутренней религіозности, традиціонной неподвижности и движенія впередъ. Такъ дѣло представляется, однако, только съ отвлеченной точки зрѣнія, но въ дѣйствительности реформація слишкомъ часто была только переменной формы, и, напр., кальвинизмъ во многихъ отношеніяхъ былъ лишь сколкомъ съ католицизма. Да и въ самомъ дѣлѣ, вообще, реформація замѣняла одинъ церковный авторитетъ въ дѣлахъ вѣры другимъ или авторитетомъ свѣтской власти, устанавливая извѣстные для всѣхъ обязательныя внѣшнія формы, хотя бы и не въ смыслѣ обрядности, и, внесши новыя начала въ церковную жизнь, дѣлалась по отношенію къ нимъ силою консервативною, не очень-то допускавшею дальнѣйшее движеніе впередъ. Такимъ образомъ вопреки основнымъ принципамъ протестантизма, бывшаго сначала проявленіемъ индивидуализма въ религіи, реформація въ дѣйствительности сохраняла многія католическія культурно-соціальныя традиціи. Протестантизмъ, взятый съ принципиальной своей стороны, былъ религіознымъ индивидуализмомъ и въ то же время попыткою освободить государство отъ церковной опеки. Последнее удалось въ большей степени, чѣмъ проведеніе индивидуалистическаго принципа: государство не только освобождалось отъ церковной опеки, но само подчиняло себѣ церковь и становилось на мѣсто церкви по отношенію къ своимъ подданнымъ, прямо уже вопреки индивидуалистическому принципу реформаціи. Своимъ индивидуализмомъ и освобожденіемъ государства отъ теократической опеки протестантизмъ сходится съ гуманизмомъ, въ которомъ, какъ мы знаемъ, индивидуалистическія и секуляризаціонныя стремленія были особенно сильны.

Общими чертами у ренессанса и реформаціи были стремленіе личности создать собственное міросозерцаніе, соединявшееся съ критическимъ отношеніемъ къ традиціоннымъ авторитетамъ и съ развитіемъ раціонализма и индивидуалистическаго мистицизма; освобожденіе жизни отъ аскетическихъ требованій съ реабилитаціей инстинктовъ человѣческой природы, выразившееся въ отрицаніи монашества и безбрачія духовенства: эманципація государства, секуляризація церковной собственности и т. д. Но, сходясь между собою въ одномъ, протестантизмъ и гуманизмъ расходились между собою во многомъ другомъ, будучи одинъ явленіемъ преимущественно свѣтской культуры, другой—культуры религіозной. Въ самомъ дѣлѣ, гуманисты исходили изъ идеи земного благополучія личности, реформаторы — изъ идеи загробнаго спасенія; въ своихъ стремленіяхъ одни опирались на классиковъ, другіе—на Св. Писаніе и отцовъ церкви; одни радовались возрожденію античной образованности, другіе стремились возратить церковь къ

первымъ въкамъ христіанства; въ одномъ направленіи индивидуализмъ принималъ характеръ рационалистическій, въ другомъ—мистическій. Гдѣ сильно было свѣтское возрожденіе, тамъ слабо было движеніе реформаціонное, и наоборотъ, гдѣ послѣднее широко охватывало націю и глубоко въ нее проникало, тамъ гуманизму наносился ударъ. Оба направленія, конечно, сближались: нѣмецкій гуманизмъ, отличный отъ итальянскаго, индифферентнаго къ религіи, соединялся съ богословскими занятіями, и нѣкоторые видные его представители сдѣлались дѣятелями реформаціи; такое же сближеніе мы замѣчаемъ между реформаціей и гуманизмомъ и въ рационалистическомъ сектантствѣ съ его религіознымъ вольномысліемъ. Но иногда оба движенія расходились до рѣзкой противоположности: мистическій анабаптизмъ, кальвинизмъ и индепендентство отличались пренебреженіемъ и даже враждебностью къ свѣтской наукѣ и литературѣ. Реформація иногда прямо являлась реакціей противъ свѣтскаго направленія жизни, которое она обвиняла въ язычествѣ. Реформаторы упрекали папство въ томъ, что оно омірщилось; Лютеръ говорилъ, что безъ реформаціи весь міръ сдѣлался бы эпикурейскимъ; суровое сектантство самимъ реформаторамъ казалось возрожденіемъ монашескаго аскетизма. Особенно реакціоннымъ характеромъ относительно свѣтской культуры отличался кальвинизмъ, бывшій во многихъ отношеніяхъ какъ бы усугубленіемъ католицизма: сливъ государство съ церковью, поставивъ общество подъ надзоръ духовенства, подчинивъ его ригористической дисциплинѣ, объявивъ войну мудрствующему разуму, кальвинизмъ, въ сущности, принялъ принципы, прямо противоположные гуманистическимъ индивидуализму и секуляризаціи мысли и жизни. Однимъ словомъ, протестантизмъ, какъ и всякое другое историческое явленіе, заключалъ въ себѣ противорѣчія и непоследовательности, но общимъ своимъ религіознымъ характеромъ онъ болѣе подходилъ къ тогдашнему культурному состоянію Европы, чѣмъ свѣтскій гуманизмъ.

Но у реформаціи были и нѣкоторыя важныя заслуги сравнительно съ гуманизмомъ въ исторіи культурнаго и политическаго развитія. Совершенно индифферентный или слишкомъ рассудочно относившійся къ религіи гуманизмъ не предъявлялъ міру индивидуалистическаго принципа свободы совѣсти, явившагося на свѣтъ Божій, только благодаря реформаціи, которая, въ свою очередь, оказалась, впрочемъ, неспособной понять свободу мысли, возникшую въ гуманистическомъ движеніи. Съ другой стороны, въ своей политической литературѣ гуманизмъ не развилъ идеи политической свободы, которую, наоборотъ, защищали въ своихъ сочиненіяхъ кальвинисты, а позднѣе индепенденты, но протестантскіе политическіе писатели не могли отрѣшиться государственной жизни отъ конфессіональной окраски, что,

наоборотъ, какъ-разъ было сдѣлано гуманистами. Религіозная и политическая свобода новой Европы обязаны своимъ происхожденіемъ преимущественно протестантизму, свободная мысль и свѣтскій характеръ культуры ведутъ начало отъ гуманизма. Обновленный католицизмъ, конечно, остался принципиальнымъ противникомъ свободы совѣсти и свободы мысли, но онъ входилъ въ сдѣлки съ политической свободой и со свѣтской культурой, когда это находилъ нужнымъ для восстановления своей власти надъ міромъ, между тѣмъ, какъ у протестантовъ, защищавшихъ политическую свободу, послѣдняя была чѣмъ-то въ родѣ религіознаго догмата, а у представителей свѣтскаго образованія само оно являлось цѣлью, а не средствомъ для чего-то другого. Сопоставляя эти культурно-соціальные принципы протестантизма, гуманизма и новаго католицизма, мы должны признать общую прогрессивность двухъ первыхъ, несмотря на всѣ ихъ недостатки по отношенію къ требованіямъ ихъ времени, какъ должны признать и общій регрессивный характеръ католической реакціи, порожденной, какъ увидимъ, самую же реформаціей.

Разсмотримъ теперь судьбу идей свободы совѣсти, свободы мысли, свободы свѣтскаго государства и политической свободы въ исторіи реформаціи.

Исходнымъ пунктомъ реформаціи былъ религіозный протестъ, имѣвшій въ своей основѣ нравственное убѣжденіе: всѣ отдѣлившіеся отъ католической церкви во имя своего религіознаго убѣжденія встрѣтили противъ себя католическую церковь, а иногда государственную власть, но мужественно и, часто даже претерпѣвая мученичество, отстаивали свою вѣру, свободу своей совѣсти, которая прямо была возведена въ принципъ религіозной жизни анабаптистами и индепендентами. Въ большинствѣ случаевъ, однако, принципъ этотъ страдалъ и искажался. Дѣло въ томъ, что весьма нерѣдко гонимые прибѣгали къ нему въ видахъ самообороны, не имѣя достаточно терпимости, чтобы не сдѣлаться гонителями другихъ, когда представлялась къ тому возможность, и думая, что, какъ обладатели истины, они могутъ принуждать къ вѣрѣ въ нее другихъ. Ставя реформацію подъ покровительство свѣтской власти, они передавали государству права старой церкви надъ индивидуальной совѣстью. Съ другой стороны, завоевывая религіозную свободу, весьма часто они завоевывали ее только для себя и ссылались при этомъ не столько на индивидуальное свое право, сколько главнымъ образомъ на тотъ принципъ, что нужно болѣе повиноваться Богу, чѣмъ людямъ, но этимъ же повинованіемъ Богу оправдывалось у нихъ и нетерпимое отношеніе къ иновѣрію, въ которомъ они видѣли оскорбленіе Божества. Только позднѣе среди индепендентовъ утвердился принципъ, по которому Христосъ, искупивъ всѣхъ людей

своею божественною кровью, сдѣлался единственнымъ господиномъ надъ человѣческою совѣстью. Реформаторы даже признавали за государствомъ право наказывать еретиковъ, которое и власть считала своимъ потому, что видѣла въ отступленіи отъ господствующаго вѣроисповѣданія ослушаніе ея велѣній. Только позднѣе индипенденты развили ученіе о невмѣшательствѣ государства въ религіозныя дѣла и исходя не изъ индифферентной терпимости, а изъ идеи свободы совѣсти. Гуманистическій религіозный индифферентизмъ, конечно, соединялся съ терпимостью къ иновѣрію, но въ немъ не было уваженія къ свободѣ религіозной совѣсти, и съ такой точки зрѣнія могло, напр., оправдываться насиліе надъ чужою вѣрою во имя политической необходимости. Такимъ образомъ въ протестантизмѣ воззванія къ свободѣ совѣсти у гонимыхъ соединялись съ нетерпимостью власть имѣющихъ, въ гуманизмъ—широкая терпимость съ непониманіемъ настоящей свободы совѣсти: пужно было соединеніе свободы совѣсти съ терпимостью при устраненіи нетерпимости и неуваженія къ чужой совѣсти, чтобы могъ возникнуть чистый принципъ религіозной свободы.

Что касается до свободы мысли, то реформація отнеслась къ ней непріязненно, хотя и содѣйствовала ея развитію. Вообще въ реформаціи теологическій авторитетъ ставился выше дѣятельности человѣческаго разума, и обвиненіе въ раціонализмѣ было однимъ изъ наиболѣе сильныхъ въ глазахъ реформаторовъ. Не предвидя того, къ чему поведутъ заявленія о свободѣ совѣсти и правахъ разума, Лютеръ на вормскомъ сеймѣ отстаивалъ и первую, и вторую, но когда на основаніи тѣхъ же принциповъ стали высказывать свои взгляды анабаптисты и антиринитаріи, реформаторъ самъ же отшатнулся отъ началъ, приводившихъ къ такимъ результатамъ. То же самое, въ сущности, было и съ другими протестантами, когда передъ боязною ереси они забывали права чужой совѣсти и отрицали права собственного разума. Между тѣмъ самый протестъ противъ требованія католической церкви вѣрить безъ разсужденія заключалъ въ себѣ признаніе извѣстныхъ правъ за индивидуальнымъ пониманіемъ, и было въ высшей степени нелогичнымъ признавать свободу изслѣдованія, а за его результаты наказывать. Элементъ научнаго изслѣдованія между тѣмъ былъ внесенъ въ теологическія занятія реформаторовъ еще нѣмецкими гуманистами, которые съ интересомъ къ классическимъ авторамъ соединяли интересъ къ Св. Писанію и отцамъ церкви. Поэтому, несмотря на общій принципъ подчиненія авторитету Писанія, самое его толкованіе требовало дѣятельности разума, и раціонализмъ, къ которому, какъ мы уже сказали, большинство протестантовъ и сектантовъ относилось враждебно, тѣмъ не менѣе проникалъ въ дѣло церковной реформы.

Далѣе, въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и государства, реформація равнымъ образомъ не держалась одного опредѣленнаго принципа: въ лютеранствѣ и въ англиканствѣ церковь стала въ зависимое положеніе отъ государства, а въ кальвинизмѣ обѣ организаціи, свѣтская и духовная, какъ бы сливались воедино. Во всякомъ случаѣ, однако, реформаціонное государство оставалось вѣроисповѣднымъ, а реформаціонная церковь становилась государственной. Связь между церковью и государствомъ порывалась только въ сектантствѣ, особенно въ англійскомъ индипендентствѣ, выработавшемъ тѣ отношенія между религіей и политикой, какія потомъ и утвердились въ американскихъ колоніяхъ Англій, будущихъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Въ общемъ реформація не измѣнила существа старыхъ связей, и въ XVIII в. среди католическихъ государей было сильно стремленіе сдѣлать изъ церкви государственное учрежденіе, а духовенство превратить въ чиновничество. Только взаимныя отношенія измѣнились, ибо въ общемъ реформація дала государству преобладаніе и даже господство надъ церковью, сдѣлавъ изъ самой религіи какъ бы прежде всего дѣло государства.

Наконецъ, нужно не забывать, что реформація оказала большое вліяніе на постановку и рѣшеніе соціальныхъ и политическихъ вопросовъ въ духѣ принциповъ равенства и свободы, хотя она же содѣйствовала и противоположнымъ общественнымъ тенденціямъ. Мистическое сектантство въ Германіи, въ Швейцаріи, въ Нидерландахъ было и проповѣдью соціального равенства, но, наприм., рационалистическое сектантство въ Польшѣ было характера аристократическаго, и многіе польскіе сектанты шляхетскаго званія даже защищали право истинныхъ христіанъ имѣть рабовъ, ссылаясь на Ветхій Завѣтъ. Все здѣсь зависѣло отъ среды, въ которой развивалось сектантство. То же самое можно сказать о политическихъ ученіяхъ протестантовъ: лютеранство и англиканизмъ отличались монархическимъ характеромъ, цвингліанство и кальвинизмъ — республиканскимъ. Часто говорятъ, будто протестантизмъ всегда стоялъ на сторонѣ власти, но это не вѣрно, потому что роли католиковъ и протестантовъ мѣнялись, смотря по обстоятельствамъ, и тѣ же самые принципы, которыми кальвинисты оправдывали свое возстаніе противъ «нечестивыхъ» властей, были въ ходу и у католиковъ, какъ это проявилось въ іезуитской политической литературѣ и во время религіозныхъ войнъ во Франціи. Но что особенно важно въ реформаціонномъ движеніи для пониманія дальнѣйшаго политическаго развитія Западной Европы, такъ это развитіе въ кальвинизмѣ идеи народовластія. Несмотря на то, что не кальвинисты были изобрѣтателями этой идеи и что не одни они развивали ее въ XVI в., никогда ранѣе она не получала одновременно

такой теоретической обосновки и такого практическаго вліянія, какъ съ XVI в., и ни для кого не имѣла такого религіознаго значенія, какъ для кальвинистовъ, потому что они вѣрили въ ея истинность, какъ въ своего рода религіозный догматъ. Впрочемъ, если и допустить вліяніе собственно идей реформаціи на зарожденіе новыхъ политическихъ теорій, то настоящимъ источникомъ послѣднихъ была та политическая борьба, которая характеризуетъ самую жизнь государства въ XVI в.

Реформаціонное движеніе XVI в. вызвало, какъ извѣстно,—хотя и не сразу,—противодѣйствіе со стороны католицизма, или такъ называемую католическую реакцію, которая была соединена и съ реформою самого католицизма. Остановливаясь на этомъ явленіи, мы не должны забывать, что оно находится въ тѣсномъ родствѣ съ реакціей, происходившей и среди тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые сначала были захвачены реформаціоннымъ движеніемъ. Это обнаружилось съ самаго же начала реформаціи въ Германіи, когда подъ знаменемъ новыхъ религіозныхъ идей началась цѣлая политическая и социальная революція. Здѣсь именно остались не безъ вліянія и разочарованіе однихъ послѣ того, какъ реформація не оправдала всѣхъ возлагавшихся на нее надеждъ, и опасенія другихъ, когда движеніе стало выходить за тѣ границы, которыя ему хотѣли поставить какъ сами реформаторы, такъ и свѣтскія власти съ высшими классами общества, сначала безусловно съ сочувствіемъ относившіеся къ дѣлу реформаціи. Политическая опасность, боязнь смуть въ государствѣ, являлась вообще для нѣкоторыхъ государей первой половины XVI в. главнымъ аргументомъ противъ протестантизма, и потому они на первыхъ же порахъ реформаціи стали преслѣдовать «еретиковъ». Въ данномъ случаѣ не было разницы между отношеніемъ протестантскихъ правительствъ къ сектантамъ и католическихъ князей и кантоновъ къ самимъ протестантамъ. Дѣло въ томъ, что реакціонныя стремленія обнаружались и въ самомъ протестантскомъ лагерѣ, среди богослововъ, боявшихся, что свобода изслѣдованія приведетъ къ ереси, и среди государей и имущихъ классовъ, опасавшихся политическихъ смуть и демократическихъ движеній. Богословскими спорами, первоначальною неразработанностью своихъ ученій, появленіемъ сектантства и т. п. реформація оттолкнула отъ себя многихъ людей, оставшихся вѣрными католицизму, гдѣ все было ясно и опредѣленно. Въ свою очередь, вѣроисповѣдныя распри самихъ протестантовъ, помимо того, что дискредитировали новое религіозное ученіе, вдобавокъ ослабляли его еще передъ общимъ врагомъ, какимъ для нихъ всѣхъ былъ католицизмъ. Все это подготовляло почву для реакціи, и реакція не замедлила наступить.

Католическая реакція относится къ числу тѣхъ весьма часто повторяющихся въ исторіи случаевъ, которые многими писателями возводятся въ законъ исторіи, хотя до сихъ поръ въ весьма мало еще разработанной теоріи историческаго процесса нѣтъ ни одной попытки освѣтить съ общей теоретической точки зрѣнія постоянно наблюдаемую въ исторіи смѣну развитія новыхъ культурно-соціальныхъ явленій діаметрально противоположною тенденціей возвращенія назадъ. Реакціи, стремящіяся задержать новыя движенія или совѣтъ ихъ прекратить, въ исторіи случаются весьма часто, но большею частью онѣ касаются отдѣльныхъ сторонъ культурно-соціальной жизни и иногда даже не носятъ названія реакцій. Католическая реакція XVI в. представляетъ собою явленіе не только весьма замѣтное, но даже до извѣстной степени охватывавшее всю историческую жизнь европейскаго Запада въ извѣстную эпоху. Такихъ реакцій новая исторія знаетъ только двѣ. Одна изъ нихъ и была именно та, которую называютъ католической, но которая осложнялась и иными вліяніями. Мы знаемъ уже, что въ концѣ среднихъ вѣковъ католицизмъ и самъ находился въ разложеніи, и противъ него возникли свѣтская оппозиція и религиозный протестъ, нашедшіе свое выраженіе въ возрожденіи и реформациі, но какъ-разъ эта самая реформація оказала вліяніе на распатанный католицизмъ, заставивъ его реформировать себя и вызвавъ его на борьбу со всѣмъ, что только противорѣчило его традиціямъ, откуда и возникла общая реакція среднихъ вѣковъ противъ новаго времени. Въ борьбѣ съ католическою реакціей, собственно говоря, и шло все дальнѣйшее культурно-соціальное развитіе, переработавшее прогрессивныя начала гуманизма и протестантизма въ такъ-называемое «просвѣщеніе» XVIII вѣка, которое, въ свою очередь, оказало большое вліяніе на общественныя преобразованія XVIII в. Какъ извѣстно, это новое движеніе окончилось опять бурной эпохой, за которою наступила въ началѣ XIX в. эпоха реакціи, направившейся противъ указаннаго движенія. Однимъ словомъ, въ исторіи Западной Европы, взятой въ цѣломъ, за движеніями, обозначаемыми названіями ренессанса и реформациі, наступила эпоха католической реакціи, ослабленіе которой знаменуется новыми движеніями впередъ, «просвѣщеніемъ» XVIII в., просвѣщеннымъ абсолютизмомъ и революціей 1789 г.,—движеніями, за которыми слѣдовала новая общая реакція. Собственно говоря, это—два параллельныя теченія въ исторіи Европы, въ которыхъ дѣйствуютъ силы инноваторскія и силы консервативныя, всегда существующія въ обществѣ, но не всегда находящіяся въ однихъ и тѣхъ же взаимныхъ отношеніяхъ. Вообще разложеніе всякой культурно-соціальной системы характеризуется, съ одной стороны, выступленіемъ силъ, стремящихся внести въ жизнь новыя начала, съ другой, полной дезорганизаціей

силъ консервативныхъ, что прекрасно иллюстрируется успѣхами гуманистическаго и реформаціоннаго движеній при совершенномъ внутреннемъ разстройствѣ католицизма: тогда-то и наступаетъ движеніе впередъ, успѣхи котораго заставляютъ, однако, сплотиться силы консервативныя въ то самое время, какъ одна часть общества, сначала сочувствовавшая переменамъ, отвращается отъ нихъ, когда онѣ принимаютъ неожиданный или нежелательный для нея характеръ, а другая часть, въ свою очередь, разочаровывается въ движеніи, разъ оно не исполняетъ всѣхъ возлагавшихся на него надеждъ и упованій, и напуганные съ обманувшимися или примыкають къ реакціи, или, по крайней мѣрѣ, отступаясь отъ движенія, тѣмъ самымъ его ослабляютъ.

Къ сороковымъ годамъ XVI в., когда началось возрожденіе католицизма, едва только возникала кальвинистическая организація протестантизма, сильное распространеніе котораго относится уже къ слѣдующимъ десятилѣтіямъ, когда организовались силы самаго католицизма. Къ этому времени дѣлыя еще страны или вовсе не были, или не были серьезно затронуты реформаціоннымъ движеніемъ, да и тамъ, гдѣ оно произошло, оно не одержало полной побѣды. У католицизма еще были большія средства борьбы, но въ немъ господствовали деморализація и дезорганизація. То, что называли «порчей церкви», было одной изъ причинъ реформаціоннаго движенія, которое питалось потомъ справедливыми нареканіями на безправственность духовенства и его нерадѣніе къ исполненію своихъ обязанностей. Во всякомъ случаѣ, пока своимъ поведеніемъ клиръ давалъ поводъ протестантамъ нападать на церковь, у реформаціи было однимъ шансомъ больше, а значеніе этого шанса увеличивалось, благодаря тому, что въ противодѣйствіи протестантизму деморализованный клиръ отстаивалъ больше только свои свѣтскіе интересы, мало заботясь объ интересахъ самой религіи. Церковь давно требовала реформы, которая была тѣмъ настоятельнѣе теперь, что многихъ въ протестантизмъ толкало видимое нежеланіе церковной власти произвести самыя необходимыя преобразованія, и что развивавшемуся и систематизировавшемуся протестантизму нужно было противопоставить твердое католическое ученіе. Все это, вмѣстѣ взятое, позволяло протестантизму развиваться и распространяться безъ всякихъ почти препятствій со стороны церкви, если не считать отлученій, проклятій и обращеній къ свѣтской власти. По тѣмъ же причинамъ и реакціонное настроеніе, существовавшее у многихъ въ свѣтскомъ обществѣ, сравнительно мало приносило выгоды церкви, а оно несомнѣнно было. Реформація, собственно говоря, застала католическую церковь врасплохъ, и организація реакціи противъ реформаціи сразу возникнуть не могла, тѣмъ болѣе, что ея инициаторамъ пришлось еще бороться со всѣмъ, что составляло причины деморализаціи и

дезорганизаціи клира, да и сами эти инициаторы явились не тотчасъ же, а когда реформація приняла уже болѣе грозные размѣры. Для того, чтобы воспользоваться реакціоннымъ настроеніемъ разныхъ общественныхъ элементовъ, усилить это настроеніе, организовать склонныя къ нему социальныя силы, направить ихъ къ одной цѣли, католической церкви нужно было самой подвергнуться нѣкоторой починкѣ, дисциплинировать клиръ, заставить папство отказаться отъ черезъ-чуръ свѣтской политики, создать новыя средства для борьбы, вступить въ болѣе тѣсный союзъ съ католическими государями, противопоставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ «еретической» реформаціи свою правотѣрную реформацію. Все это мало-по-малу и произошло, начавшись въ срединѣ XVI вѣка, когда на помощь католицизму былъ основанъ новый орденъ иезуитовъ, главныхъ дѣятелей реакціи (1540), учреждено было верховное инквизиціонное судилище въ Римѣ (1542), одновременно организована строгая книжная цензура и созванъ тридентскій соборъ (1545), который и произвелъ то, что можно назвать католической реформаціей. Но вышедшій изъ этой эпохи католицизмъ новаго времени,—который, собственно говоря, былъ моложе и протестантизма, и сектантства XVI в.,—значительно отличался отъ католицизма до-реформаціоннаго. Передъ началомъ реформаціи католицизмъ былъ чѣмъ-то окоченѣвшимъ въ официальномъ формализмѣ, теперь онъ получилъ жизнь и движеніе. Это не была церковь XIV и XV вв., которая не могла ни жить, ни умереть, а дѣятельная система, приспособляющаяся къ обстоятельствамъ, заискивающаяся у королей и народовъ, всѣхъ заманивающая, кого—деспотизмомъ и тиранніей, кого—снисходительной терпимостью и свободой. Теперь церковь не была уже безсильнымъ учрежденіемъ, которое искало помощи извнѣ, не имѣя внутренней силы, и всюду обращалась съ просьбой о реформѣ и излѣченіи, не обнаруживая искренняго желанія исправиться и обновиться. Она была теперь стройной организаціей, которая пользовалась въ обществѣ, ею же перевоспитанномъ, большимъ авторитетомъ и, умѣя фанатизировать массы, руководила ими въ борьбѣ съ протестантизмомъ. Педагогика и дипломатія были великими орудіями, которыми дѣйствовала эта церковь: моделировать личность на свой образецъ и заставляя ее служить чужимъ цѣлямъ такъ, чтобы, однако, она сама этого не замѣчала,—это были два искусства, особенно отличающія дѣятельность главныхъ представителей возродившагося католицизма, иезуитовъ. Одной прежней церковной каеедры и громовъ папскаго отлученія оказывалось мало для власти надъ новымъ обществомъ: это общество нужно было еще такъ воспитать, чтобы оно не шло слушать другихъ проповѣдниковъ, кромѣ католическихъ, чтобы оно не оставалось равнодушнымъ къ отлученію; нужно было еще эксплуатировать челоувѣ-

чекія слабости, чтобы былъ интересъ быть католикомъ и служить римской церкви, и нужно было оказывать челоуѣку поблажки, когда въ этомъ была какая-либо выгода. Органомъ этой новой политики католицизма и былъ именно орденъ іезуитовъ, которому принадлежитъ такая видная реакціонная роль на Западѣ даже до настоящаго времени.

Дѣйствительно, новый духъ, которымъ отличался реакціонный католицизмъ, возрожденный тридентскимъ соборомъ, вполне выразился въ іезуитизмъ. Іезуитизмъ, это—синонимъ реакціи, которая, не пренебрегая репрессіей, дѣйствовала главнымъ образомъ на умъ, на сердце, на волю людей, искусно воспитывая ихъ и направляя туда, куда было нужно въ интересахъ церкви, какъ организаціи, безусловно призванной господствовать надъ личностью, надъ обществомъ и надъ государствомъ. Знаменитый орденъ былъ громадною международною организаціею, поставившею себѣ цѣлью укрѣпить католическую церковь внутри, подчинить свѣтскую власть духовной, а общество клиру, объединить всѣ католическія націи и государства для борьбы съ общимъ врагомъ, ослабить протестантизмъ, сѣя раздоры между его представителями, возвратить по возможности побольше отпавшихъ въ лоно римской церкви и приобрѣсть для нея новыхъ чадъ внѣ стараго католическаго міра. Въ умственной сферѣ іезуиты содѣйствовали возрожденію средне-вѣковой схоластики, заимствовавъ у гуманистическаго классицизма только чисто формальныя его стороны и превративъ логическую и познавательную дѣятельность ума въ софистику и казуистику, которыя не въ состояніи дать мысли способность самостоятельнаго сужденія. Въ сферѣ политической они явились защитниками теократическихъ началъ, ради чего, когда нужно было, становились даже на точку зрѣнія народовластиа, оправдывая ею всякій протестъ вплоть до царубійства, если того требовалъ своеобразно понятый интересъ вѣры,— и вмѣстѣ съ этимъ переносили въ политику принципы макіавелизма, разъ всѣ средства были одинаково пригодны, лишь бы достигнута была главная цѣль—величіе папства и католической церкви.

Слѣдствіями католической реакціи не нужно считать только тѣ, которыя она имѣла по отношенію къ реформациі. Пора совсѣмъ оставить этотъ взглядъ, который прежде всего былъ подсказанъ протестантскими историками реформациі, смотрѣвшими на всю новую исторію со своей конфессіональной точки зрѣнія. Собственно говоря, весь духъ новаго времени, поскольку онъ воплощался въ стремленіяхъ личности, общества и государства къ самоопредѣленію, поскольку одни и тѣ же начала дѣйствовали и въ протестантизмѣ, и въ гуманизмѣ, поскольку, наконецъ, совершившееся личное развитіе ставило передъ индивидуализмомъ новыя задачи въ области научнаго, нравственнаго и обще-

ственного міросозерцанія,—весь духъ новаго времени встрѣтилъ по-мѣху и противодѣйствіе въ католической реакціи и въ іезуитизмѣ, возведемъ эту реакцію въ принципъ. Она имѣла притомъ не одно культурное, но и соціально-политическое значеніе, такъ какъ пошла на помощь ко всѣмъ реакціоннымъ стремленіямъ въ обществѣ и въ государствѣ, вступила въ союзъ со всѣми консервативными въ нихъ элементами и заставила ихъ служить своимъ цѣлямъ посредствомъ подавленія религіозной, умственной, общественной и политической свободы. Торжество новыхъ культурныхъ и политическихъ принциповъ въ XVIII в. ранѣе всего, какъ извѣстно, выразилось въ уничтоженіи ордена іезуитовъ, но едва только во второмъ десятилѣтіи XIX в. началась уже отмѣченная реакція противъ всего предыдущаго движенія для восстановленія средневѣковыхъ формъ мысли и жизни, орденъ іезуитовъ опять былъ восстановленъ и снова призванъ къ дѣятельности. Хотя реакціонныя явленія происходили и въ самомъ протестантизмѣ, въ которомъ тоже вѣдъ возрождались схоластика, формализмъ, нетерпимость, клерикализмъ и другія подобнаго рода унаслѣдованныя отъ католицизма явленія,—культурная реакція въ протестантскихъ странахъ не заходила такъ далеко, какъ въ католическихъ, и это прямо бросается въ глаза при самомъ бѣгломъ взглядѣ на исторію католическихъ и протестантскихъ народовъ въ XVI—XVIII вѣкахъ. Особенно въ этомъ отношеніи поучительны факты, представляемые исторіей такихъ странъ, какъ католическія области Германіи, Італія, Испанія съ Португаліей и Польша. Съ другой стороны, тамъ, гдѣ вполне развились протестантскія культурныя и политическія начала,—а это произошло въ XVII в. въ Голландіи и въ Англіи,—сдѣланы были и особые успѣхи на пути прогресса, и если въ XVII столѣтіи Голландія и Англія уже представляли собою противоположность странамъ, гдѣ восторжествовали принципы католической реакціи, то въ XVIII в. остальная Европа была многимъ обязана этимъ двумъ государствамъ, какъ сохранившимъ отъ гибели прогрессивныя теченія новой исторіи и развившія ихъ далѣе.

Наконецъ, говоря о католической реакціи, нельзя не напомнить о цѣломъ столѣтіи внутреннихъ и международныхъ войнъ, вызванныхъ стремленіемъ подавить новое религіозное движеніе и уничтожить его результаты. Эти войны сильно повредили духовной и матеріальной культурѣ тѣмъ разореніемъ, которому подвергались отдѣльныя области и страны. На службѣ у католической реакціи обезсилили себя политически и цѣля большія государства. Политическое ничтожество, въ какое впали когда-то могущественная Испанія и Польша, объясняется тѣмъ, что въ обѣихъ странахъ подъ вліяніемъ іезуитовъ и вообще вслѣдствіе реакціи заглохла культурная жизнь, и какъ въ одной коро-

левскій деспотизмъ, такъ въ другой шляхетская анархія находили поддержку со стороны духовенства, поскольку съ этимъ деспотизмомъ и съ этой анархіей были связаны интересы католицизма. Каковы бы ни были недостатки протестантизма, онъ не требовалъ у народовъ и у государствъ пожертвованія національными и политическими интересами интересамъ католической церкви, противопоставившей себя, какъ самодовлѣющее цѣлое, живымъ силамъ народовъ и отдѣльныхъ личностей.

Общимъ слѣдствіемъ реакціи было временное торжество въ жизни Западной Европы нѣкотораго отвлеченнаго начала, которое должно было безусловно господствовать надъ личностью и надъ обществомъ въ ихъ религіозныхъ, умственныхъ, моральныхъ, соціальныхъ и національныхъ стремленіяхъ и интересахъ и которому все поэтому должно было повиноваться, служить, приносить себя въ жертву, отдавая себя всецѣло во власть людей, представлявшихъ собою это начало, т. е. отказываясь отъ всѣхъ своихъ правъ и всѣ права надъ собою передавая представителямъ единаго всепоглощающаго цѣлаго. Цѣлью католической реакціи было воплотить эту отвлеченную идею въ римской церкви, сдѣлавъ изъ папства, какъ верховнаго представителя католицизма, высшую силу на землѣ, передъ которою всѣ безправны, но которая сама не должна знать никакихъ предѣловъ и ограниченій своей власти. Въ этомъ-то и заключалась величайшая реакція со стороны всего того, что было въ старомъ быту враждебнаго личному, соціальному, политическому и національному самоопредѣленію, и реакція именно противъ всего того, что создавалъ индивидуализмъ новаго времени. Впрочемъ, какъ мы увидимъ, не въ одномъ реакціонномъ католицизмѣ находило свое воплощеніе это начало: его стремилась воплотить въ себѣ и государственности той же эпохи.

Итакъ, слѣдя за господствующими теченіями въ исторіи Западной Европы въ началѣ новаго времени, мы можемъ подвести ихъ подъ такую схему: съ XIV в. начинается гуманистическое движеніе, по характеру своему совершенно свѣтское, но въ то же самое время происходитъ подготовленіе другого движенія, совершенно религіознаго, въ которомъ нужно различать одно болѣе прогрессивнаго характера, реформацію, и другое, за нимъ послѣдовавшее, регрессивнаго направленія, католическую реакцію. Въ эпоху реформаціи и католической реакціи свѣтское гуманистическое движеніе затихло, заглохло, но когда религіозные вопросы снова отошли на задній планъ, то возобновилось культурное движеніе, начатое гуманизмомъ. Мы говоримъ о просвѣтительномъ движеніи XVIII столѣтія.

То, что называется «просвѣщеніемъ» XVIII в.,—вѣка, въ свою очередь, именуемаго философскимъ или вѣкомъ просвѣщенія, — было

естественнымъ результатомъ умственного развитія, совершавшагося въ европейскомъ обществѣ, благодаря усиліямъ индивидуальной мысли. По своему свѣтскому характеру умственное движеніе XVIII в. было какъ бы продолженіемъ движенія гуманистическаго, на время прерывавшагося подъ влияніемъ реформаци и католической реакціи, которыя оживили релігіозное чувство, подновили интересъ къ теологическимъ занятіямъ и направили развитіе общественной мысли по иному руслу, нежели то, которое прокладывалось для нея гуманистическимъ направленіемъ. Когда малу-по-малу реформаціонная горячка и католическій фанатизмъ улеглись, жизнь выдвинула на первый планъ не тѣ теоретическіе вопросы, которые болѣе всего волновали реформаторовъ и общественные классы, принимавшіе наиболѣе активное участіе въ движеніи, и вотъ общія причины, уже разъ вызвавшія къ жизни свѣтскій гуманизмъ, создали и свѣтское «просвѣщеніе» XVIII в. Хотя въ эпоху просвѣщенія объ исторіи ренессанса имѣли весьма смутное понятіе, и честь выясненія сущности этого историческаго явленія принадлежитъ лишь исторической наукѣ второй половины XIX в., тѣмъ не менѣе «просвѣтители» чувствовали, что между ними и гуманистами существуетъ внутреннее родство. Умственное направленіе XVIII в. было въ сущности гуманизмомъ, но только съ значительными видоизмѣненіями и осложненіями.

Если для гуманистовъ античная литература и была лишь опорою въ ихъ стремленіяхъ къ выработкѣ новаго міросозерцанія, тѣмъ не менѣе они все-таки зависѣли сильно отъ возрѣвнѣй классическаго міра. Въ самомъ дѣлѣ, вся гуманистическая философія была однимъ только возобновленіемъ стоицизма и эпикуреизма, платонизма и аристотелизма, въ XVIII же столѣтіи европейскій умъ уже тверже стоитъ на собственныхъ ногахъ; однимъ изъ признаковъ этого было то, что въ Европѣ еще въ XVII в., какъ мы видѣли, зародилась своя собственная философія. Въ выработкѣ новаго міросозерцанія приняло, далѣе, большее участіе и естествознаніе, находившееся почти въ пренебреженіи у гуманистовъ. XVII вѣкъ, какъ тоже было указано, былъ вообще эпохой блестящаго развитія естествознанія, которое могло стать на свои ноги только тогда, когда перестали знакомиться съ природою лишь по однѣмъ книгамъ и обратились къ ея изслѣдованію путемъ наблюденія и опыта. Благодаря новымъ задачамъ, какія ставила себѣ наука, и новымъ методамъ, къ которымъ она стала прибѣгать, а также благодаря развитію математики, занимавшей философовъ XVII вѣка (Декарта и Лейбница), получили развитіе самыя различныя отрасли естествознанія, и «просвѣщеніе» XVIII в., занявшееся, какъ и гуманизмъ, выработкою новаго міросозерцанія, могло опираться уже не на однихъ классиковъ, но и на новыя науки о природѣ. Такимъ

образомъ, съ одной стороны, самостоятельное философское развитіе, а съ другой—успѣхи естествознанія создавали для просвѣтителей XVIII в. такія опоры, какихъ гуманисты были лишены.

Другою особенностью просвѣтительной литературы въ ея отличіе отъ литературы гуманистической былъ ея общественный характеръ. Эпоха ренессанса была для Италіи временемъ паденія свободной политической жизни и равнодушія къ общественнымъ вопросамъ, и основной характеръ движенія былъ индивидуалистическій, тогда какъ просвѣтительная литература занялась вопросомъ объ обществѣ и государствѣ, выдвинувъ цѣлый рядъ политическихъ писателей и теоретиковъ соціальныхъ и политическихъ преобразованій. За немногими исключеніями общественныя движенія шли въ предыдущіе вѣка подъ знаменемъ идей религіозныхъ, но въ XVIII столѣтіи вопросы, къ которымъ гуманисты оставались весьма часто равнодушными, а въ эпоху реформаціи протестанты и католики подходили съ вѣроисповѣдными воззрѣніями,—сдѣлались самыми главными и существенными для тогдашней литературы, вторично освободившись притомъ отъ теологическихъ и схоластическихъ вліяній.

Выгодно отличалась просвѣтительная литература отъ гуманистической,—беря послѣднюю въ Италіи, гдѣ она получила начало и наибольшее развитіе, — болѣею также моральною силою и болѣшимъ убѣжденіемъ. Итальянскіе гуманисты не вступали въ общественную борьбу, предпочитая приспособленіе къ даннымъ обстоятельствамъ; очень часто они были лишены твердаго убѣжденія, не думали о коренныхъ преобразованіяхъ общественного быта и въ концѣ приходили къ весьма пессимистическимъ выводамъ о природѣ человѣка, какъ члена общества (что проявилось особенно замѣтно въ политическомъ ученіи Маккіавелли). Другое дѣло — просвѣтители: они выступили въ роли смѣлыхъ борцовъ за личную и общественную свободу, за чело-вѣческое достоинство и гражданское равенство, выступили критиками несовершенствъ окружавшей ихъ политической и соціальной дѣйствительности, и какъ авторы разнообразныхъ плановъ государственной и общественной реформы, и какъ пророки, проповѣдовавшіе наступленіе лучшихъ временъ; они же впервые формулировали и оптимистическую мысль о прогрессѣ, какъ о законѣ исторической жизни чело-вѣчества. На такомъ характерѣ философіи XVIII в. сказались и вліянія, шедшія изъ реформаціонной эпохи. Будучи по свѣтскому характеру своему продолженіемъ гуманизма, по моральной своей силѣ и по непосредственному своему вліянію на жизнь оно было скорѣе наслѣдіемъ протестантизма. Въ одномъ отношеніи связь идей XVIII в. съ реформаціоннымъ движеніемъ прямо не подлежитъ сомнѣнію: французская философская (деистическая) и политическая литература XVIII в. опирается

на англійскую литературу XVII столѣтія, а послѣдняя выросла на почвѣ реформаціи. Почти религіозная вѣра въ силу разума и въ достижимость человѣческихъ идеаловъ, а также сознаніе своего долга содѣйствовать общему благу напоминаютъ намъ крѣпкую вѣру и непоколебимый ригоризмъ реформаціонной эпохи, и даже тѣ мыслители XVIII в., которые объявляли, что въ основѣ всѣхъ поступковъ чело- вѣка лежитъ эгоизмъ, въ дѣйствительности одушевлялись въ своей дѣятельности принципами, имѣвшими для нихъ значеніе религіозныхъ заповѣдей. Унаслѣдовавъ отъ гуманистовъ свободу мысли и стремленіе къ выработкѣ міросозерцанія на чисто свѣтскихъ основахъ, просвѣ- тители XVIII в. сдѣлались, сверхъ того, защитниками той свободы со- вѣсти, которою, какъ и политическою свободою, мало интересовались гуманисты, и которая впервые была выставлена лишь протестантскимъ движеніемъ. Поэтому у философіи XVIII в. есть точки соприкосно- венія не только съ гуманизмомъ, но и съ протестантизмомъ, что и было причиною всеобъемлющаго значенія, какое получило въ куль- турной и социальной жизни Западной Европы умственное движеніе XVIII в.

XVIII вѣкъ былъ героическимъ вѣкомъ раціонализма, беря это слово въ смыслѣ направленія, ставящаго всѣ вопросы мысли и жизни на точку зрѣнія идей разума, и въ этомъ именно заключаются какъ сила, такъ и слабость тогдашней «философіи». Когда мы говоримъ о раціонализмѣ, прежде всего мы его противопоставляемъ направленію, основывающемуся на вѣрѣ во вѣщныя авторитеты: раціонализмъ ни- чего, повидимому, не принимаетъ на вѣру, для всего требуетъ разум- ныхъ доказательствъ, все подвергаетъ анализу и критикѣ съ точки зрѣнія началъ разума, но и въ этомъ отрицаніи всего традиціоннаго, какъ не выдерживающаго провѣрки разума, въ свою очередь, заклю- чается глубокая и сильная вѣра—именно вѣра въ самый разумъ, въ его могущество, въ возможность все объяснить и все создать силою разума, въ прогрессъ, обусловливаемый просвѣщеніемъ, основаннымъ на дѣятельности разума. Далѣе, говоря о раціонализмѣ, мы можемъ еще противопоставлять его всякому направленію, полагающемуся не столько на умозрѣніе, сколько на данную дѣйствительность, на опытъ и наблюденіе: раціонализму свойственно объяснять вещи и построить знаніе, исходя изъ извѣстныхъ идей и идя чисто логическимъ путемъ, т.-е. дѣйствуя, такъ сказать, идеологически и діалектически. Ничего не принимая на вѣру, что не оправдывалось разумомъ, и отвергая въ качествѣ предразсудковъ преданія, которыми жило общество, а съ ними отвергая и все исторически сложившееся, разъ оно не выводилось изъ началъ разума, эта философія была глубоко антиисторична, противоположивъ всему созданному исторіей, какъ чему-то искусствен-

ному, простыя идеи разума, какъ согласныя съ законами природы, какъ начала естественныя. Дѣйствіе этой философіи на умы по силѣ своей мы можемъ сравнивать только съ дѣйствіемъ религіи, потому что основывалась эта философія на глубокой вѣрѣ въ разумъ, и брала она человѣка въ самомъ себѣ безъ осложнений, создаваемыхъ въ его жизни историческою обстановкою, разсматривала права и обязанности людей, какъ таковыхъ, а не какъ французовъ или англичанъ, нѣмцевъ или итальянцевъ и т. п., положивъ въ основу своихъ ученій отвлеченное пониманіе природы человѣка. Благодаря этому, она и получила свой универсальный характеръ, свою способность къ самому широкому распространенію. При всемъ томъ эта философія подняла цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ, указала новые пути для ихъ рѣшенія, освободила мысль отъ массы схоластическихъ традицій и всякаго рода предразсудковъ, породила благородныя чувства, порывы и стремленія и многихъ одушевила на дѣятельность въ пользу общаго блага. Слабую сторону этой философіи составляла, наоборотъ, ея идеологичность: признавая естественнымъ лишь то, что основывалось на чистыхъ идеяхъ разума, отождествляя законы природы съ тѣми или другими положеніями, выведенными діалектически изъ извѣстныхъ теоретическихъ или этическихъ принциповъ, она не считалась въ достаточной мѣрѣ съ дѣйствительностью, мало обращала вниманія на то, что должно было бы считаться естественнымъ на самомъ дѣлѣ въ силу дѣйствія законовъ природы, открываемыхъ опытомъ и наблюденіемъ, а потому была лишена историческаго чутія, подчасъ лишена была и чувства дѣйствительности, преувеличивала значеніе индивидуальныхъ силъ, не соразмѣрляла ихъ съ условіями, обстоятельствами и пренятствіями, создаваемыми мѣстомъ и временемъ, а иногда даже дѣлала свои построенія, вовсе не принимая въ расчетъ того, какіе результаты могло бы дать ихъ примѣненіе къ дѣйствительной жизни. Если благодаря своимъ сильнымъ сторонамъ, «философія» XVIII в. ставила обществу высокія цѣли, поселяла въ немъ благородныя стремленія, одушевляла его на борьбу во имя гуманныхъ идей, то вслѣдствіе присущихъ всему направленію недостатковъ подъ ея вліяніемъ дѣлались ошибки при выборѣ средствъ, игнорировались реальныя условія, съ которыми нужно было сообразоваться, и не различались вещи, непосредственно достижимыя, отъ тѣхъ, которыя могутъ быть только конечнымъ идеаломъ культурно-соціального прогресса. И эта сила идей, какъ факторовъ, опредѣлявшихъ собою поведеніе историческихъ дѣятелей, и это безсиліе отвлеченнаго разума передъ громадною задачею сразу преобразовать дѣйствительность по даннымъ идеямъ, одинаково проявились во время французской революціи. Одною изъ причинъ такого явленія было, кромѣ свойствъ самой рационалистической философіи, еще и то

обстоятельство, что вслѣдствіе тогдашнихъ условій политической жизни, лишившихъ общество всякой самостоятельности, ему была доступна лишь одна теоретическая дѣятельность ума и, наоборотъ, совершенно недоступна какая бы то ни было практическая дѣятельность въ сферѣ тѣхъ вопросовъ и отношеній, которые наиболѣе интересовали тогдашній культурный слой общества.

Произведенія философовъ XVIII вѣка пользовались громаднымъ успѣхомъ. Дворъ Людовика XIV, бывшій какъ бы громаднымъ салономъ для всей Франціи и задававшій тонъ литературѣ, разбился въ XVIII в. на массу общественныхъ салоновъ, въ которыхъ протекала жизнь свѣтскаго интеллигентнаго общества. Какъ бы мы ни смотрѣли на французскую изящную словесность «вѣка Людовика XIV», никто не рѣшится отнять у нея ея формальныя преимущества: ясность и прозрачность мысли, точность и силу выраженія, а то обстоятельство, что съ Людовика XIV французскій языкъ сдѣлался языкомъ дипломатіи, придворнаго быта и высшаго общества во всей Европѣ, и что литература другихъ странъ долгое время находилась въ зависимости отъ французской, обезпечивало за французскими книгами широкій сбытъ внѣ самой Франціи. Философы XVIII в. были свѣтскими людьми и умѣли писать для свѣтскаго общества; они излагали свои мысли въ популярной формѣ и изящнымъ языкомъ и привлекали къ себѣ читателей живостью непринужденной бесѣды, игрою остроумія, задоромъ сатиры, насмѣшки, сарказма и ироніи. Они овладѣли всѣмъ образованіемъ эпохи и сдѣлались господами въ области мысли.

Само собою разумѣется, что нельзя представлять себѣ «просвѣщеніе» XVIII в., какъ нѣчто однородное. Мы увидимъ, напримеръ, что въ Германіи оно отличалось инымъ характеромъ, чѣмъ во Франціи, но и въ самой Франціи нужно различать разныя эпохи и разныя направленія этого умственного движенія. Приблизительно до 1750 года главнымъ предметомъ нападенія была католическая церковь, и указывалась необходимость гражданскихъ реформъ, но еще не предъявлялось требованія политической свободы. Во второй половинѣ XVIII в. стали подвергаться критикѣ государственныя учрежденія и социальныя отношенія, и стала выдвигаться на первый планъ идея политической свободы. Еще болѣшую разнородность представить намъ собою это движеніе, если мы ближе подойдемъ къ отдѣльнымъ его направленіямъ. Въ области философіи господствовалъ сначала занесенный изъ Англіи деизмъ, философская вѣра въ бытіе Божіе и безсмертіе души безъ дальнѣйшихъ догматовъ, принявшая у Вольтера характеръ разсудочности и скептицизма, у Руссо—характеръ сентиментальности и идеализма, но рядомъ съ деизмомъ во второй половинѣ XVIII в. развивается материализмъ, одинъ изъ видныхъ пред-

ставителей котораго, Дидро, самъ началъ, однако, съ деизма. Въ морали деисты охотно становились на точку зрѣнія врожденныхъ нравственныхъ идей, тогда какъ матеріалисты проповѣдывали теорію эгоистичности всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, и если для идеалистической философіи (развившейся особенно въ Германіи) человѣкъ былъ вѣнцомъ творенія, носящимъ въ своемъ разумѣ искру Божества, то для матеріалистическаго взгляда исчезала почти всякая разница между человѣкомъ и животнымъ. Далѣе, рядомъ съ встрѣчающеюся весьма часто привычкою противопологать свой просвѣщенный вѣкъ «готическому» варварству прежнихъ временъ, мы имѣемъ въ этой литературѣ и примѣръ возведеннаго въ систему противопоставленія здороваго «естественнаго состоянія»—испорченной цивилизаціи, т. е. тому самому просвѣщенію, которымъ такъ гордился философскій вѣкъ. Въ вопросахъ политическихъ и общественныхъ наблюдается то же разнообразіе. Вольтеръ—сторонникъ «просвѣщеннаго абсолютизма» и аристократизма интеллигенціи, Монтескье стоитъ на точкѣ зрѣнія конституціонной монархіи и дворянскихъ привилегій, Руссо является республиканцемъ и демократомъ. Самая идея свободы понимается то въ смыслѣ свободы индивидуальной, то въ смыслѣ полного народовластія, и въ то время, на примѣръ, какъ Монтескье ищетъ гарантій для личной свободы, Руссо не хочетъ знать никакихъ ограниченій власти державнаго народа надъ отдѣльными членами общества. Въ сущности, тотъ общественный характеръ просвѣтительной литературы, который былъ отмѣченъ выше, характеризуетъ главнымъ образомъ французскую «философію» XVIII в., а нѣмецкое просвѣщеніе было болѣе индивидуалистично, напоминая намъ въ этомъ отношеніи итальянскій гуманизмъ, ограничивавшій кругъ своихъ интересовъ вопросами знанія, морали, эстетики и педагогіи, такъ что на общее движеніе французская литература оказала гораздо болѣе вліяніе, нежели нѣмецкая. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ во Франціи литература XVIII в. была протестомъ противъ разнаго рода общественныхъ несправедливостей и проповѣдью политической перестройки, въ Германіи даже въ самый разгаръ «періода бури и натиска» (Sturm und Drangperiode) она отличалась характеромъ чистаго индивидуализма. «Эпоха, въ которую мы жили, говоритъ Гёте, можетъ быть названа эпохою требованій, потому что тогда и отъ себя, и отъ другихъ требовали того, чего никто еще не сдѣлалъ. Именно у лучшихъ мыслящихъ и чувствующихъ умовъ явился лучъ сознанія, что непосредственный оригинальный взглядъ на природу и основанная на этомъ взглядѣ дѣятельность есть лучшее, чего человѣкъ можетъ желать... Духъ свободы и природы каждому сладко шепталъ въ уши, что безъ большихъ внѣшнихъ вспомогательныхъ средствъ у

него довольно матеріала и содержанія въ самомъ себѣ, и все дѣло лишь въ томъ, чтобы достойно развить его». Эти слова великаго поэта, извѣстнаго, къ тому же, своимъ политическимъ индифферентизмомъ, весьма характерны для тогдашняго нѣмецкаго настроенія. Дѣйствительно, и нѣмецкіе порядки, какъ и французскіе, въ XVIII в. были неприглядны, раздвоеніе между дѣйствительностью и идеаломъ чувствовалось здѣсь такъ же, какъ и во Франціи, но если французы стремились поднять дѣйствительность до идеала, то нѣмцы, менѣе политически развитые, болѣе индивидуалистичные, предпочитали просто-на-просто отвергиваться отъ пошлой дѣйствительности, ища матеріала и содержанія въ самихъ себѣ. Раздвоеніе идеи и дѣйствительности свелось здѣсь на антитезу желанія единицы, какъ поэзіи, и общественныхъ правилъ, какъ прозы, а не на антитезу индивидуальной свободы противъ традиціонной социальной необходимости, но и въ этомъ заключался залогъ новаго культурнаго движенія.

Политическія и социальныя движенія реформаціонной эпохи происходили подъ знаменемъ идей религіозныхъ, съ XVIII в. мѣсто послѣднихъ заняли идеи, такъ сказать, свѣтскаго содержанія. Собственно говоря, общественныя партіи въ XVI и XVII вв. защищали свои принципы, стремленія и притязанія ссылками на волю Божію, которая открывается челоуѣку или въ Священномъ Писаніи,—точка зрѣнія протестантская,—или во внутреннемъ озареніи Духомъ Божіимъ,—точка зрѣнія сектантовъ. Въ XVIII в. эти ссылки замѣнились другими—на «естественное право», открываемое въ идеяхъ разума. Просвѣтители XVIII в. проповѣдывали многое такое, что уже было высказано передовыми протестантскими и сектантскими публицистами, но только они подыскали для тѣхъ же самыхъ принциповъ инныя основанія, замѣнивъ теологическіе авторитеты авторитетами разума и того, что они разсматривали какъ естественное право. Другими словами, теологія уступала мѣсто метафизикѣ, какъ можно было бы сказать, примѣняя въ данномъ случаѣ, формулу Огюста Конта *). Такой именно имѣла характеръ идея естественнаго права, которая потому и играла особенно важную роль во всей общественной философіи XVIII в.

Эта идея естественнаго права личности, права, сообщеннаго ей самимъ Богомъ или даннаго ей природою,—права, принадлежащаго ей по рожденію безотносительно къ общественному ея положенію, вѣроисповѣданію и національности,—права, наконецъ, отъ нея неотъемлемаго и для кого бы то ни было неприкосновеннаго, дѣйствительно, получила въ то время громадное значеніе. Въ этомъ принципѣ, но уже на почвѣ

*) См. выше, стр. 16.

естественной философіи выразился тотъ идеаль евангельской свободы, на который ссылались въ средніе вѣка и въ эпоху реформаціи. Если индепенденты доказывали право личности на религіозную свободу тѣмъ, что Христосъ, искушивъ родъ человѣческій, сдѣлался единственнымъ господиномъ надъ совѣстью людей, то философія XVIII в. подчиняла и вообще всю жизнь личности одному естественному закону, созданному самимъ Богомъ и вложенному въ наше сознаніе. Первымъ писателемъ, формулировавшимъ идею безусловной личной свободы на основѣ естественнаго права, былъ Локкъ, родоначальникъ всей просвѣтительной философіи XVIII в., самъ выросшій подъ вліяніемъ религіознаго и политическаго движенія своей родины, Англии, во второй половинѣ XVII столѣтія. Вообще представленіе о чемъ-то естественномъ, существующемъ по природѣ вещей, а не по человѣческому установленію, было очень популярно въ XVIII в., когда вѣрили въ «естественную религію», основывались на «естественномъ правѣ», искали «естественнаго порядка» экономической жизни и возникла цѣлая школа экономистовъ, давшая своему ученію названіе природовласти или физиократіи, и когда, наконецъ, Руссо противопоставилъ гражданскому состоянію свое «состояніе природы». Предполагалось при этомъ, что естественное и разумное—одно и то же, что одна отвлеченная дѣятельность разума можетъ все разрѣшить въ теоріи и на практикѣ, и въ этомъ рационализмъ, повидимому, отвергавшемъ все, что должно признаваться на вѣру, заключалась тѣмъ не менѣе, какъ было уже упомянуто, вѣра въ силы самого разума, въ его творческія способности, разъ онъ будетъ сообразоваться съ «естественнымъ закономъ» (не въ томъ смыслѣ, въ какомъ слово употребляется теперь въ естествознаніи), и въ безконечный прогрессъ, осуществляемый разумомъ. Ничто такъ не дѣйствовало разлагающимъ образомъ на возрѣнія, которыми держались старые порядки, какъ рационалистическое пониманіе государства, исходнымъ пунктомъ котораго была идея естественнаго права. Политическая теорія XVIII в., образовавшаяся еще въ XVII в., объясняла происхожденіе государства сознательнымъ договоромъ, который будто бы заключаютъ между собою люди, устанавливая надъ собою верховную власть. Весь вопросъ состоялъ въ томъ, какими правами поступаются при этомъ люди и кому ввѣряютъ они власть надъ собою. Если Локкъ донельзя ограничивалъ власть государства и сохранялъ ее за народомъ, то Гоббсъ, исходившій изъ той же теоріи договорнаго происхожденія государства, наоборотъ, до послѣдней крайности ограничивалъ права гражданъ и училъ о перенесеніи всей полноты верховной власти на правительство. Такимъ образомъ абсолютныя права государства выводились изъ того же «естественнаго права»,

которое служило основой и личной свободѣ. Но въ чьихъ бы интересахъ это право ни толковалось, оно, какъ право, основанное на разумной природѣ вещей, противопоставлялось праву традиціонному и въ этомъ смыслѣ оказывалось ученіемъ, разрушавшимъ исторически сложившіяся привилегіи сословіи, тѣмъ болѣе, что по естественному праву государство должно было служить благу всѣхъ, а не нѣкоторыхъ только. Если передъ естественнымъ правомъ государства на безусловную власть по ученію Гоббза, возобновленному черезъ столѣтъ Жанъ-Жакомъ Руссо, должна была совершенно склониться отдѣльная личность, то передъ тѣмъ же правомъ и передъ общимъ благомъ должны были исчезнуть и всѣ исторически сложившіяся мѣстныя особенности. Поскольку историческое право было противъ интересовъ личнаго развитія, такая идея государства не была враждебна индивидуальнымъ правамъ, но въ иныхъ случаяхъ дѣло происходило и наоборотъ, потому что централизація могла стремиться (въ Австріи при Іосифѣ II) уничтожить и живыя силы національностей не только съ ихъ историческими правами, но и съ ихъ непреодолимымъ стремленіемъ къ духовному самоопредѣленію.

Философія естественнаго права разрушала въ принципѣ все исторически сложившееся. Во всякомъ случаѣ, передъ человѣкомъ она ставила идеаль, къ которому онъ долженъ былъ стремиться, и то общее XVIII вѣку воззрѣніе, что культурныя и социальныя формы суть будто бы лишь продукты сознательнаго творчества человѣческой личности, вселяло въ поклонниковъ новой философіи увѣренность, что цѣлесообразною дѣятельностью человѣка (напр., могущественнаго правителя) можно сразу пересоздать всю жизнь на началахъ разума. XIX вѣкъ со своимъ ученіемъ объ органическомъ развитіи культурныхъ и социальныхъ формъ измѣнилъ такое преувеличенное понятіе о личныхъ силахъ въ исторіи, но послѣднее сдѣлало свое дѣло, придавъ извѣстную отвагу людямъ XVIII в. и породивъ въ нихъ оптимизмъ надежды на лучшее будущее, которое должно было осуществить идеи истины и справедливости. Философія личнаго права съ тѣмъ моральнымъ и социальнымъ оттѣнкомъ, какой ей сообщали популярныя въ XVIII в. идеи человѣчности и народнаго блага, отличалась отъ гуманистическаго индивидуализма тѣмъ, что проникнута была альтруизмомъ и имѣла общественный характеръ. Никогда до того времени литература высшихъ классовъ общества не была столь демократична по своимъ симпатіямъ къ народу, какъ именно литература XVIII в. Правда, при детальномъ ея разсмотрѣніи мы встрѣтимъ въ ней не мало диссонансовъ, обнаружимъ у отдѣльныхъ авторовъ весьма плохое знаніе народнаго быта и народныхъ нуждъ, но въ общемъ это не можетъ препятствовать «философіи» XVIII в.

называться гуманною, филантропическою, народолюбивою. При перевѣсѣ сельскаго населенія надъ городскимъ, при существованіи еще крѣпостничества и феодальныхъ поборовъ съ земли, при страшной нищетѣ крестьянской массы, при дороговизнѣ хлѣба и дурномъ состояннн земледѣлія, съ одной стороны, а съ другой—при неполнѣ еще совершившемся или обнаружившемся процессѣ народженія городского пролетаріата, главнымъ соціальнымъ вопросомъ, требовавшимъ практическаго разрѣшенія, въ XVIII вѣкѣ былъ вопросъ крестьянскій. Какъ бы несовершенно съ современной точки зрѣнія ни ставился этотъ вопросъ въ публицистикѣ той эпохи, не слѣдуетъ забывать, что поднятъ былъ этотъ вопросъ именно только тогда впервые.

Идеи XVIII в. нашли практическое примѣненіе въ политикѣ просвѣщеннаго абсолютизма и во французской революціи. Это также были своего рода, съ одной стороны, реформація сверху и реформація снизу, съ другой, но и въ данномъ случаѣ, какъ и въ XVI в., за реформаціей послѣдовала реакція, и эта реакція наступила главнымъ образомъ послѣ низверженія Наполеона I, который, какъ-никакъ, а все-таки вышелъ изъ французской революціи. Мы уже упоминали объ этой второй крупной реакціи въ новой исторіи и останавливаться на ней не будемъ, потому что, во-первыхъ, она была только вторымъ изданіемъ первой и ничего не могла придумать, кромѣ проповѣди о необходимости вернуться къ міросозерцаію и общественному строю католико-феодалнаго средневѣковья, а во-вторыхъ, и потому, что вообще лишены возможности подробно говорить въ этомъ очеркѣ о XIX в. по крайней сложности темы и по недостатку мѣста. Читатель вообще могъ замѣтить, что чѣмъ ближе подходитъ наше изложеніе хода исторіи къ нашимъ временамъ, тѣмъ оно дѣлается болѣе подробнымъ. Исторія тоже имѣетъ свою перспективу, и ближайшіе предметы намъ виднѣе болѣе отдаленныхъ, а потому для надлежащаго освѣщенія исторіи XIX в. потребовалось бы болѣе мѣста, нежели то, какое у насъ остается въ распоряженіи. Поэтому мы не останавливаемся на культурной реакціи, ознаменовавшей начало XIX в. Намъ гораздо важнѣе, если ужъ на то пошло, отмѣтить тотъ фактъ, что рядомъ съ реакціей противъ раціонализма XVIII в., которая приглашала общество вернуться къ средневѣковому мистицизму, совершалась еще другая реакція—во имя требованій положительной науки, поскольку философія XVIII в. была метафизична.

Если къ новой европейской исторіи примѣнить извѣстный законъ умственнаго развитія, формулированный Контомъ *), то реформаціонная эпоха окажется соотвѣтствующей теологическому фазису,

*) См. выше, стр. 16.

революційна—метафізическому, а XIX в. получить значеніе періода въ которомъ совершился переходъ на третью, позитивную ступень умственнаго развитія. Важнымъ культурнымъ приобрѣтеніемъ XIX в. является его наука и притомъ не только естествознаніе, но и обществовѣдніе, взятое въ широкомъ смыслѣ слова. Общественная философія XVIII в. была, такъ сказать, «метapolитикой»,—терминъ, въ которомъ выражается, что и въ области рѣшенія политическихъ вопросовъ (въ широкомъ смыслѣ) можетъ быть то же самое, чѣмъ по отношенію къ наукѣ о природѣ, физикѣ, является метафизика. Никогда раньше научное знаніе не дѣлало такихъ громадныхъ и важныхъ по своимъ послѣдствіямъ успѣховъ, какъ въ XIX столѣтіи. Не касаясь здѣсь всей історіи науки въ прошломъ вѣкѣ, мы остановимся лишь на томъ значеніи, какое принадлежитъ развитію науки для всего движенія общественной жизни въ новѣйшее время. Прежде всего, именно матеріальная жизнь общества зависитъ отъ развитія въ немъ техники въ широкомъ смыслѣ слова, отъ той власти надъ природою, которую даетъ человѣку научное знаніе естественныхъ законовъ, управляющихъ физическими явленіями. Технические изобрѣтенія, основанныя на практическомъ примѣненіи старыхъ научныхъ истинъ къ тѣмъ, либо другимъ потребностямъ жизни или вытекающія изъ новыхъ научныхъ открытій, вызывая переворотъ въ способахъ производства или обмѣна продуктовъ или въ способахъ веденія войны, вообще оказываютъ сильное вліяніе на всю матеріальную жизнь общества, на его экономическій строй, а чрезъ него и на разныя соціальныя отношенія другихъ категорій. Мы увидимъ еще, что промышленная революція, создавшая современный капитализмъ со всѣми его общественными слѣдствіями, была въ значительной мѣрѣ результатомъ изобрѣтенія машинъ и ихъ примѣненія къ промышленности. Это—одна сторона дѣла. Кромѣ такой связи научныхъ открытій и основанныхъ на нихъ изобрѣтеній съ движеніемъ общественной жизни, существуетъ и другая связь. Не раздѣляя взгляда, будто общественныя отношенія и учрежденія всецѣло покоятся на мнѣніяхъ людей, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ отрицать громаднаго вліянія человѣческихъ міросозерцаній на соціальную жизнь цѣлыхъ народовъ и эпохъ. Въ своей дѣятельности мы руководимся разными цѣлями и осуществляемъ ихъ разными способами. И тогда, когда мы къ чему-либо стремимся, и тогда, когда такъ или иначе дѣйствуемъ для достиженія того, къ чему стремимся, мы и цѣлями, какія себѣ ставимъ, и средствами, къ которымъ прибѣгаемъ, обнаруживаемъ извѣстное пониманіе общественной жизни, которое можетъ быть или болѣе, или менѣе научнымъ, либо, наоборотъ, болѣе или менѣе ненаучнымъ. Всякое общественное движеніе совершается подъ знаменемъ тѣхъ или другихъ идей, въ которыхъ выражается харак-

теръ существующаго въ данный моментъ міросозерцанія и обусловли-
ваемаго имъ пониманія общества, цѣлей общественной дѣятельности
и способовъ разрѣшенія общественныхъ задачъ.

Мы только-что говорили объ этомъ по отношенію къ реформаціи
и революціи съ ихъ руководящими идеями. Мы упомянули еще, что
въ началѣ XIX вѣка на западѣ Европы совершалась религіозная ре-
акція противъ рационализма философіи XVIII вѣка. Она была, однако,
не въ состояніи побѣдить метафизику, но господство философіи Гегеля,
на которую опирались въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ и реакціон-
ныя, и прогрессивныя общественныя стремленія, было послѣднимъ
проявленіемъ метафизическаго настроенія умственныхъ верховъ за-
падно-европейскаго общества. Съ середины XIX вѣка метафизика
стала все болѣе и болѣе отступать назадъ передъ наукой, и это отра-
зилось не только на общемъ міросозерцаніи эпохи, но и на пониманіи
общественныхъ задачъ и способовъ ихъ рѣшенія.

Конечно, не всѣ техническія изобрѣтенія были результатомъ
предназначеннаго примѣненія теоретическихъ истинъ отвлеченной на-
уки къ практическимъ потребностямъ жизни. Многими изобрѣтеніями,
какъ всѣ знаютъ, человѣчество было обязано людямъ, которые никогда
не занимались разработкою чистой науки, были только специалистами
того или другого практическаго дѣла, иногда лишь случайно нападав-
шими на новую мысль, въ большинствѣ же случаевъ только вносяв-
шими какія-либо измѣненія и улучшенія въ уже существовавшія орудія
и приемы. Никто, однако, не станетъ отрицать того, что чѣмъ далѣе
идетъ развитіе техники, тѣмъ все болѣе и болѣе оно пользуется услу-
гами научнаго знанія, и что лишь блестящіе успѣхи механики, фи-
зики, химіи сдѣлали возможными многія важныя стороны современной
техники. Можно даже сказать, что развитіе техники идетъ рука-объ-
руку и находится въ постоянномъ взаимодействіи съ теоретическимъ
развитіемъ науки. Практическая механика, прикладная физика, тех-
ническая химія, благодаря этому, получили въ XIX вѣкѣ небывалое
развитіе. Сюда относятся, главнымъ образомъ, изобрѣтенія, давшія
людямъ новыя и неизмѣримо большія, чѣмъ было раньше, силы въ
борьбѣ съ природою и съ другими людьми и новыя способы преодо-
лѣвать препятствія, лежащія въ условіяхъ пространства и времени.
Вспомнимъ о машинахъ въ разныхъ отрасляхъ производства, о во-
оруженіи, о путяхъ сообщенія и способахъ сношеній между людьми.
Во всѣхъ этихъ областяхъ XIX вѣкъ создалъ такія чудеса, которыя
для людей предыдущихъ вѣковъ могли существовать лишь въ сказоч-
ной фантазіи. Можно сказать, что все прошлое историческаго чело-
вѣчества до XIX вѣка представляетъ изъ себя одинъ періодъ въ
исторіи развитія техники, и что въ XIX вѣкѣ начинается совершенно

новый періодъ. Этимъ человѣчество обязано преимущественно пару, электричеству и новымъ взрывчатымъ веществамъ съ ихъ многочисленными примѣненіями, каковы паровыя машины въ добывающей и обрабатывающей промышленности, паровой транспортъ (пароходство и желѣзныя дороги), электрическій телеграфъ и начинающаяся замѣтна пара электричествомъ, какъ рабочей или двигательной силой, широкое пользованіе взрывчатыми веществами въ цѣляхъ горнаго, инженернаго и военнаго дѣла.

Овлаждая силами природы для своихъ практическихъ цѣлей, человѣкъ въ то же время сталъ проникать и въ тайны ихъ существованія, что не могло не отразиться и на его міросозерцаніи. Теорія единства силъ природы съ закономъ сохраненія энергіи являются однимъ изъ важнѣйшихъ научныхъ пріобрѣтеній XIX вѣка. Между прочимъ, многія техническія изобрѣтенія нашего времени обязаны своимъ происхожденіемъ научному наблюденію о переходѣ силъ природы одной въ другую. Увеличивъ силы людей, давъ людямъ возможность не только больше и быстрѣе производить, но и быстрѣе и легче передвигаться съ мѣста на мѣсто, обмѣниваться продуктами своего труда, сноситься между собою на самыхъ отдаленныхъ разстояніяхъ, перечисленные изобрѣтенія произвели цѣлый рядъ очень важныхъ перемѣнъ въ экономической и культурной жизни, а чрезъ то и въ чисто социальныхъ и политическихъ отношеніяхъ цѣлыхъ народовъ. Никогда раньше не было такого громаднаго производства цѣнностей, такого роста національнаго богатства, такихъ дѣятельныхъ торговыхъ сношеній между отдѣльными народами, такого культурнаго между ними общенія. Кромѣ того, разныя техническія примѣненія химическихъ открытій создали новые продукты и отрасли производства, внесли разныя усовершенствованія въ старыя отрасли и увеличили количество продуктовъ, добывавшихся и прежде, и этимъ тоже способствовали увеличенію и улучшенію производимыхъ цѣнностей.

Помимо непосредственныхъ своихъ практическихъ слѣдствій техническія изобрѣтенія XIX вѣка оказывали вліяніе и на общій характеръ идей своего времени. Расширеніе власти надъ природою, которымъ человѣкъ былъ обязанъ успѣхамъ естествознанія, только усиливало авторитетъ науки и вселяло въ умы людей убѣжденіе въ томъ, что естествознаніе стоитъ на вѣрномъ пути, и что на его выводы можно болѣе полагаться, чѣмъ на метафизическія умозрѣнія, которыя, наоборотъ, все болѣе и болѣе обнаруживали свою внутреннюю несостоятельность. Независимо отъ этого, и самое развитіе естественныхъ наукъ съ каждымъ шагомъ все болѣе позволяло имъ оказывать вліяніе на общее міросозерцаніе образованныхъ классовъ общества. Еще съ середины XVIII в. дѣлались попытки обоснованія нашихъ

представлений объ окружающемъ насъ мірѣ на выводахъ естествознанія, и традиція этихъ попытокъ не прерывалась во всѣ послѣдующія времена, правда, иногда ослабѣвая. Одною изъ эпохъ, наиболѣе благоприятныхъ для такого направленія мысли, была середина XVIII вѣка, время появленія «Естественной исторіи» Бюффона и «Энциклопедіи» Дидро. Послѣдняго изъ названныхъ просвѣтителей XVIII вѣка можно даже считать однимъ изъ наиболѣе видныхъ предшественниковъ научнаго духа XIX столѣтія. Въ ту эпоху именно онъ, главнымъ образомъ, былъ проповѣдникомъ той идеи, что въ преимущественно положительной наукѣ нужно видѣть орудіе умственного, нравственнаго и матеріальнаго улучшенія общества. Но, въ XVIII вѣкѣ орудія самой науки—опытъ и наблюденіе—еще слишкомъ много уступали идеологическому рационализму, особенно въ области общественныхъ наукъ. Правда, Монтескье уже полагалъ начало научному изученію общественныхъ явленій, но настоящимъ выразителемъ господствовавшаго въ то время направленія былъ все-таки Руссо со своимъ «Общественнымъ договоромъ», оказавшій своей политической метафизикой большое вліяніе и на другихъ публицистовъ эпохи. Одновременно съ тѣмъ, какъ провозглашалась вѣра въ положительную науку и послѣдняя уже вырабатывала матеріаль для будущаго зданія научнаго міросозерцанія, Кантъ своею «Критикою чистаго разума» (1781) опредѣлялъ границы человѣческаго знанія, доказывая, что этому знанію доступны лишь явленія, «вещь же въ себѣ» лежитъ за предѣлами міра, доступна нашему знанію. Это былъ своего рода отказъ отъ метафизики, отъ стремленія проникнуть за границы міра явленій, подлежащихъ опыту и наблюденію. Другими словами, это было приглашеніемъ заниматься изученіемъ лишь того, что можетъ быть предметомъ опыта и наблюденія, т.-е. положительной науки. Научному міросозерцанію Дидро и критической философіи Канта не суждено было въ ближайшемъ времени получить дальнѣйшее развитіе. Общая реакція самаго конца XVIII и особенно начала XIX вѣка была неблагоприятна для научнаго духа и философскаго критицизма. Въ міросозерцаніи эпохи стали брать верхъ элементы мистики и романтики, спиритуализма и метафизики. Господство гегельянства во всей Германіи и даже за ея границами въ первой половинѣ XIX столѣтія представляетъ изъ себя одинъ изъ самыхъ характерныхъ признаковъ того, что въ эту эпоху наука, такъ сказать, пасовала передъ метафизикой, и о томъ же самомъ свидѣтельствуютъ еще и многіе другіе факты, о которыхъ мы не можемъ здѣсь распространяться по сложности темы.

Но въ нѣдрахъ того самаго гегельянства, которое было господствующею философіей соціальнаго застоя, зародилась въ тридцатыхъ годахъ и оппозиція противъ мистики и романтики въ такъ назы-

ваемомъ «лѣвомъ лагерѣ» этой философской школы. Эпоха процвѣтанія этого философскаго радикализма—тридцатые и сороковые годы, какъ-разъ то время когда (1830—1842) во Франціи появился «Курсъ положительной философіи» Огюста Конта, провозгласившій необходимость философіи основанной на наукѣ, и научной теоріи общественной жизни. И лѣвое гегельянство, и контовскій позитивизмъ, несмотря на всѣ черты несходства между ними и различіе ихъ происхожденія, пришли, въ сущности, къ одному и тому же отрипанію метафизики во имя научнаго изученія дѣйствительности. Тѣмъ традиціоннымъ культурнымъ идеямъ, на которыхъ держалась большая часть философскихъ міросозерцаній первой половины XIX вѣка, оба направленія объявляли войну во имя изученія дѣйствительности и законовъ, управляющихъ ея явленіями. Въ настоящее время и лѣвое гегельянство, и контовскій позитивизмъ имѣютъ лишь историческое значеніе, но оно именно въ томъ и заключается, что они открываютъ собою эпоху научнаго міросозерцанія второй половины XIX вѣка.

Говоря объ этомъ умственномъ переломѣ, открывающемъ для наступившаго XX вѣка самыя широкія перспективы, мы не должны упустить изъ вниманія, что общій научный духъ проникъ и въ изученіе общественной жизни человѣка. То «метapolитическое» направленіе, которое господствовало въ этой области еще въ серединѣ XIX в., уступаетъ рѣшительнѣйшимъ образомъ свое мѣсто точкамъ зрѣнія и методу, доказавшимъ свое превосходство въ изученіи природы, и въ дѣлѣ практическаго рѣшенія усложняющихся общественныхъ вопросовъ XX вѣкъ будетъ руководиться не мистическими откровеніями, которыми руководились, напр., сектанты XVII и XVIII вв., и не отвлеченными идеями разума, игравшими такую роль въ XVIII столѣтіи, а выводами положительнаго знанія.

Очеркъ восьмой.

Происхождение современнаго западно-европейскаго общества и государства.

Постепенная дефеодализация общества и государства на Западѣ. — Общее значеніе развитія городовъ въ концѣ среднихъ вѣковъ. — Судьбы народной массы. — Политическія и социальныя движенія реформаціонной эпохи. — Связь религіозной реакціи съ политическою. — «Старый порядокъ». — Настроеніе буржуазіи при старомъ порядкѣ. — Просвѣщенный абсолютизмъ. — Общевропейское значеніе французской революціи. — Ея antecedentes и ея принципы и слѣдствія. — Экономическій переворотъ конца XVIII и начала XIX вв. — Вѣглый обзоръ новѣйшей европейской исторіи.

Въ исторіи западно-европейскаго социальнаго и политическаго строя новое время было эпохой постепенной дефеодализации, т.-е. эпохой освобожденія общественныхъ отношеній и государственныхъ учрежденій отъ формъ средневѣковаго феодализма. Въ разныхъ странахъ и въ разные періоды этотъ процессъ протекалъ различнымъ образомъ, но основныя его очертанія были вездѣ и всегда одни и тѣ же. Въ экономическомъ отношеніи феодальный бытъ былъ организациею замкнутаго натурального хозяйства, а въ новое время происходитъ постепенное развитіе промышленности и торговли, развитіе денежнаго хозяйства и широкаго обмѣна. Въ отношеніи политическомъ феодализмъ характеризуется строгимъ соединеніемъ государственной власти съ землевладѣніемъ, именно зависимостью первой отъ второго, между тѣмъ какъ въ новое время совершается разъединеніе обѣихъ этихъ сферъ: землевладѣніе само по себѣ, государственная власть сама по себѣ. Въ средніе вѣка осуществлялась настоящая «власть земли», въ новое время явились на сцену и новыя силы, дѣйствіе которыхъ преобразовало весь социальный и политическій бытъ западно-европей-

скихъ народовъ. Силы эти—промышленность, торговля, денежное хозяйство, съ одной стороны, и государство, съ другой, а рядомъ съ ними и третья сила, постоянно растущее общественное самосознаніе. Феодализмъ, въ которомъ всё политическія отношенія сводились въ послѣднемъ счетѣ къ системѣ чисто личныхъ договоровъ сеньеровъ и вассаловъ, а социальныя—къ отношеніямъ тоже личнаго характера между помѣщиками и крестьянами, былъ, такъ сказать, атомизаціей государства и общества, и потому вся дальнѣйшая политическая и социальная исторія могла быть только постепеннымъ формироваціемъ коллективныхъ социальныхъ силъ, сопровождавшимся ростомъ ихъ самосознанія, сословнаго, классоваго, общественнаго. Кое-что изъ исторіи процесса дефеодализаціи мы уже коснулись въ шестомъ очеркѣ, посвященномъ переходу отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, но очень многое намъ предстоитъ сдѣлать въ этомъ очеркѣ. Самое главное, это—показать, что новое экономическое и политическое развитіе не только разрушило средневѣковой феодализмъ, но и само стало принимать одностороннее направленіе, и что это обстоятельство, въ свою очередь, вызывало новыя общественныя движенія, ставившія себѣ и новыя цѣли. Экономическое и политическое развитіе происходило роковымъ образомъ, въ общественныхъ движеніяхъ проявлялась сознательная мысль, и она тоже играла роль историческаго фактора и въ гуманизмѣ, и въ протестантизмѣ или сектанствѣ, и въ просвѣщеніи XVIII в., и во всѣхъ направленіяхъ умственной жизни истекшаго событія. Конечно, не эта сознательная мысль создавала новыя явленія экономическаго и политическаго быта, совершавшія на Западѣ дефеодализацію, но она все-таки руководила общественными движеніями, которыя не могли не отражаться на ходѣ и на общемъ направленіи процесса.

Въ средніе вѣка на Западѣ феодализмъ создавалъ изъ представителей крупнаго землевладѣнія обладателей верховной власти, раздѣлявшихъ государство на болѣе мелкіе политическіе организмы, становившихся въ іерархическую зависимость одни отъ другихъ, и господствовавшихъ надъ массою, которая сидѣла на землѣ ихъ помѣстій, ведя, впрочемъ, самостоятельное хозяйство на отведенныхъ ей надѣлахъ. Въ ряды этой суверенной аристократіи феодализмъ поставилъ и высшій клиръ, члены котораго владѣли также сеньеріями и пользовались всѣми правами своихъ свѣтскихъ товарищей. Между духовною и свѣтскою аристократіей, съ одной стороны, и подчиненной ей народною массою, съ другой, шла постоянная глухая борьба, переходившая нерѣдко въ борьбу открытую, причемъ возстававшіе защищали или стремились возвратитъ себѣ самыя элементарныя права личности, ссылаясь на божескіе и естественные законы. Таково было

въ эпоху крестовыхъ походовъ возстаніе городовъ; таковы же особенно были многочисленныя крестьянскія возстанія, изъ которыхъ нѣкоторыя получили большую извѣстность въ исторіи, между прочимъ, по своей связи съ движеніями религіозными и политическими. Стремленіе закрѣпощенной народной массы къ гражданской свободѣ, т.-е. къ пользованію самыми элементарными правами личности, проходитъ черезъ всю исторію западно-европейскаго крестьянства со второй половины среднихъ вѣковъ, и черезъ всю же эту исторію проходятъ феодальныя реакціи, ставившія своею цѣлью юридическое и экономическое порабощеніе народной массы.

До образованія самостоятельнаго и зажиточнаго городского сословія у духовной и свѣтской землевладѣльческой аристократіи не было соперниковъ въ обществѣ. Города, какъ мы уже имѣли случай упомянуть, сначала наравнѣ съ деревнями,—хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ послѣднія,—находились въ подчиненіи у феодаловъ, но города первые взялись за оружіе и отвоевали себѣ свободу у епископовъ и графовъ. Въ исторіи соціального развитія Запада свободный и промышленный городъ, въ которомъ образовалось особое сословіе, получившее названіе буржуазіи, игралъ весьма гажную роль. Существенныя черты новаго общества въ его отличіи отъ средневѣкового ранѣ всего проявились именно въ городахъ. Города не только извнѣ вышли изъ-подъ власти феодаловъ, но и внутри освободили свой бытъ отъ феодальныхъ формъ. Здѣсь впервые верховная власть отдѣлилась отъ землевладѣнія и сдѣлалась выраженіемъ общей воли гражданства. Здѣсь впервые расторглись вассальныя узы, ставившія одного свободнаго челоуѣка въ зависимость отъ другого, и образовалось состояніе гражданъ. Здѣсь впервые совершенно исчезло крѣпостничество, и юридическая свобода лица сдѣлалась общимъ правиломъ. Здѣсь же, наконецъ, впервые пала условная феодальная собственность, и возникла свободная собственность новаго времени. Съ другой стороны, изъ городовъ равнымъ образомъ вышли и тѣ силы, которыя наиболѣе содѣйствовали разрушенію феодализма и въ сельскомъ быту. Рядомъ съ феодальными сеньеріями возникли городскія общины, которыя стали высылать своихъ представителей на государственныя сеймы, утратившіе вслѣдствіе этого свой исключительно феодальный характеръ. Города помогали королевской власти въ ея борьбѣ съ духовными и свѣтскими вассалами. Въ болѣе позднія времена буржуазія явилась передовымъ сословіемъ народа въ его борьбѣ противъ аристократическихъ привилегій. Конечно, эта же самая городская жизнь выработала и въ экономическомъ отношеніи тѣ новыя формы, которымъ суждено было оказать сильное вліяніе на соціальное развитіе Запада впредь до новѣйшаго времени. Феодальный бытъ, раз-

сматриваемый съ точки зрѣнія стремленій, занятій и нравовъ господствующаго класса общества, былъ по преимуществу быть военный, тогда какъ въ городской жизни на первый планъ стали выдвигаться торговля и промышленность. Позднѣе, когда феодальное дворянство превратилось въ расточительную, праздную и раболѣпную придворную знать, въ городахъ господствовали бережливость и трудовая жизнь— между прочимъ и въ умственной сферѣ— и не умирало стремленіе къ свободѣ. Въ смыслѣ экономической основы феодализмъ, какъ мы не разъ уже говорили, держался исключительно на землевладѣніи и на сельскомъ хозяйствѣ, которыя въ городахъ замѣнились движимымъ имуществомъ (капиталомъ), промышленностью и торговлею. Благодаря послѣднему обстоятельству, имущій классъ общества раздѣлился на Западъ на землевладѣльческій и торгово-промышленный. И между ними возникъ также антагонизмъ, питавшійся сначала преимущественно сословнымъ неравенствомъ аристократіи и буржуазіи, а потомъ, когда стали падать сословныя рамки,— что, напр., ранѣе всего произошло въ Италіи, въ Англіи и въ Голландіи,— поддерживавшійся противоположностью интересовъ между двумя классами, получающими свои доходы изъ разныхъ источниковъ. Въ общественной жизни Запада городской классъ все болѣе и болѣе выдвигался впередъ, пока не началъ соперничать съ дворянствомъ и даже не сдѣлался самъ господствующимъ и правящимъ классомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и представителемъ болѣе демократическихъ началъ въ политической жизни. Существованіе сословныхъ привилегій прямо становилось поперекъ социальныхъ стремленій буржуазіи, а потому ея интересы въ этомъ отношеніи совпадали съ интересами крестьянства. Лишь послѣ паденія сословныхъ перегородокъ въ новѣйшее время обнажилась, если можно такъ выразиться, чисто экономическая основа социальныхъ классовъ въ безсословномъ гражданствѣ, созданномъ главнымъ образомъ усиліями буржуазіи. Не нужно, однако, думать, что первое образованіе капитала и богатой буржуазіи произошло на почвѣ промышленности. Средневѣковая промышленность имѣла цеховое устройство, поддерживавшее мелкій промыселъ и мѣшавшее отдѣленію труда отъ орудій производства, содѣйствовавшее болѣе равномѣрному распространенію заработка и не допускавшее ни сосредоточенія большихъ капиталовъ въ однѣхъ рукахъ, ни образованія пролетаріата. Первые большіе капиталы, которые лишь впоследствии стали прилагаться къ крупной промышленности, были результатомъ главнѣйшимъ образомъ заграничной оптовой торговли, начавшей сильно развиваться въ исходѣ среднихъ вѣковъ. Только съ теченіемъ времени и крупная промышленность вполнѣ стала на ноги и начала

играть въ социальной жизни роль, одинаковую съ ролью крупнаго землевладѣнія и крупной торговли.

Духовенство, дворянство и буржуазія, какъ сословія, между прочимъ, одни въ эпоху сословной монархіи пользовавшіяся правомъ представительства въ государственныхъ сеймахъ, возвышались надъ массою крестьянства и городского простонародья. Юридическая неправомерность (а въ деревняхъ и несвобода) и неудовлетворительность экономическаго быта большинства сельскаго и городского населенія вызвали въ новой исторіи Западной Европы два главныхъ социальныхъ вопроса, которые существовали, конечно, давно, но поставлены были и стали рѣшаться лишь въ XVIII и XIX вв., именно вопросы крестьянской и рабочей. Первый изъ нихъ касался ликвидаціи старыхъ социальныхъ отношеній, возникшихъ на почвѣ феодализма, а второй былъ поставленъ только въ самое новое время въ связи съ результатами развитія пролетаріата, крупной промышленности, капитализма и политическаго могущества буржуазіи. Положеніе народной массы вообще было принижено. Въ эпоху господства феодализма она находилась въ полномъ почти порабоженіи. Когда возникла сословная монархія, право представительства въ государственныхъ сеймахъ, какъ сейчасъ только было отмѣчено, принадлежало лишь духовенству, дворянству и городамъ, и они пользовались своимъ политическимъ вліяніемъ самымъ своекорыстнымъ образомъ, въ ущербъ народнымъ правамъ и интересамъ. Съ паденіемъ сословно-представительныхъ учреждений и съ сосредоточеніемъ государственной власти въ рукахъ абсолютныхъ королей до начала новой политики, руководствовавшейся просвѣтительными идеями XVIII в., положеніе массы не улучшилось. Во-первыхъ, разрушивъ феодализмъ въ политическомъ отношеніи и лишивъ привилегированныя сословія самостоятельнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, абсолютная монархія до середины XVIII в. оставляла неприкосновенными социальную сторону феодализма и гражданскія привилегіи духовенства и дворянства, тягостныя для народа. Во-вторыхъ, политика меркантилизма заставляла новое государство особенно покровительствовать представителямъ денежнаго капитала и часто даже прямо въ ущербъ правамъ и интересамъ земледѣльческаго и фабричнаго труда. Наконецъ, ко всѣмъ старымъ тягестямъ, лежавшимъ на народѣ, къ десятинѣ, взимавшейся въ пользу духовенства, къ феодальнымъ поборамъ, которые шли отъ крестьянъ къ сеньерамъ, прибавились государственные налоги, всю свою тяжесть падавшіе на народъ, въ которомъ правительства видѣли лишь податную силу. Въ положеніи народной массы происходило даже прямо ухудшеніе, тяжело отзывавшееся на его свободѣ и матеріальномъ

быть, и въ XVIII в. оно достигло крайнихъ своихъ предѣловъ вообще послѣ временъ феодальной анархіи. Такое положеніе народной массы и происходившія въ ней по временамъ ухудшенія вызывали среди нея возстанія, которыя съ конца среднихъ вѣковъ начинаютъ происходить подъ знаменемъ немногихъ принциповъ, формулирующихся то какъ божественный законъ, заповѣдь Христова, евангельская свобода, то какъ велѣніе природы, естественное право, «права человѣка и гражданина», т.-е. вездѣ и всегда личность ставить себя, свою свободу, свое право, свои стремленія и интересы подъ защиту религіозныхъ и социальнo-этическихъ идей. Въ вѣкъ религіозной культуры и въ народной массѣ, вообще, болѣе способной воспринимать общія идеи въ религіозной оболочкѣ, социальныя движенія получали именно сектантскій характеръ, и въ сектахъ, какъ средневѣковыхъ, такъ и реформационнаго періода, мы встрѣчаемся со всѣми существенными признаками народныхъ движеній на социальной почвѣ. Къ голосу народа постепенно, но въ общемъ лишь въ болѣе близкія къ намъ времена стали прислушиваться какъ правящіе классы, такъ и правительства, сначала имѣвшія въ своемъ распоряженіи одну только репрессию,—и социальныя реформы сдѣлались одною изъ задачъ прогрессивной политики. Чаще всего буржуазія была заодно съ массой, когда ей вмѣстѣ съ народомъ приходилось отстаивать общіе интересы противъ социальныхъ привилегій и политическаго деспотизма. Съ развитіемъ государственнаго смысла и королевская власть начинала брать права и интересы народа подъ свою охрану.

Первою эпохою, когда подъ знаменемъ общихъ идей стали сводить между собою старыя счеты отдѣльныя общественныя силы на почвѣ политическихъ и экономическихъ интересовъ, была эпоха церковной реформаци. Что у этого послѣдняго движенія при общемъ его религіозномъ характерѣ была и чисто свѣтская сторона рѣшенія разныхъ вопросовъ, касающихся специально взаимныхъ отношеній общества и государства или отдѣльныхъ социальныхъ классовъ между собою,—это мы уже видѣли изъ анализа реформационнаго движенія, представленнаго въ предыдущемъ очеркѣ, и намъ остается только показать, въ чемъ же заключалась эта социальная и политическая сторона реформаци.

Въ XV—XVII вв. въ Западной Европѣ мы наблюдаемъ цѣлый рядъ революцій, имѣвшихъ весьма много общаго между собою помимо того, что всѣ онѣ стояли въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ религіознымъ движеніемъ: это были революціи чешская, политическая, социальная и церковная, въ XV вѣкѣ; революція нѣмецкая, тоже политическая, социальная и церковная, въ XVI в., и вскорѣ за нею послѣдовавшіе перевороты въ Шотландіи и въ Нидерландахъ, разныя

какъ религіозныя войны въ Швейцаріи и во Франціи, имѣвшія въ политическомъ отношеніи тоже революціонный характеръ, а въ XVII в. новое чешское возстаніе, изъ-за котораго разгорѣлась тридцатилѣтняя война, далѣе первая революція въ Англіи, бывшая и второй религіозной реформациею для этой страны, наконецъ, пожалуй, и венгерское возстаніе конца XVII вѣка. Связь реформации съ политическими движеніями была такъ сильна, что даже сдѣлалась одною изъ причинъ реакціи противъ реформации и послужила поводомъ къ тому, что церковная и государственная репрессіи пошли потомъ вмѣстѣ, рука объ руку. Укажемъ, прежде всего, на то, что требованіе въ эту эпоху со стороны государства одной и той же вѣры отъ всѣхъ подданныхъ приводило къ сопротивленію тѣхъ, которые не хотѣли подчинить своей совѣсти велѣніямъ власти, и это только обостряло борьбу, имѣвшую совсѣмъ другіе источники. Шла ли реформація сверху или снизу, разрѣшался ли религіозный вопросъ однимъ государемъ или и сеймомъ, получала ли церковь сама монархическую или республиканскую организацію,—разъ личность должна была подчиниться государственной церкви или меньшинство принять вѣру большинства, единица или часть народа всегда могли видѣть въ требованіяхъ власти, несогласныхъ съ ихъ совѣстью, нечестивыя велѣнія, которымъ слѣдовало сопротивляться по долгу передъ Богомъ. Отсюда и возникала борьба подданныхъ противъ правительствъ за свободу совѣсти, когда протестанты съ оружіемъ въ рукахъ брались отстаивать права своего вѣроисповѣданія.

Это и была первая борьба личности противъ всепоглощающей государственности новаго времени, и въ этомъ, между прочимъ, заключалась весьма важная политическая сторона реформации. Между личною свободою и государственнымъ принужденіемъ начиналась такимъ образомъ длинная историческая тяжба, и впервые личность защищала тутъ свои права подъ знаменемъ религіозной идеи, той самой идеи свободы совѣсти, которую защищали и христіанскіе мученики, когда не хотѣли подчиняться велѣніямъ языческихъ императоровъ въ ихъ качествѣ верховныхъ жрецовъ. Въ этой борьбѣ личнаго и государственнаго принциповъ въ области вѣры правительства иногда вынуждались дѣлать уступки, которыя разсматривались, однако, не въ смыслѣ признанія извѣстныхъ правъ, а какъ милостивая привилегія, данная извѣстной части подданныхъ. Настоящее конфессіональное государство и на это никогда не соглашалось,—стбить только вспомнить Филиппа II Испанскаго или Людовика XIV,—и въ послѣднихъ случаяхъ государство все еще продолжало быть простымъ орудіемъ извѣстной церковности. Сравнительно съ этимъ—большимъ шагомъ впередъ была вѣротерпимость, указывавшая на то, что государство начинало освобождаться отъ конфессіональной исключительности: идея

терпимости, какъ извѣстно, сдѣлалась одной изъ главныхъ культурныхъ и политическихъ идей XVIII в.

Чисто социальныя движенія, которыми богата реформаціонная эпоха, совершались такъ же, какъ и политическія, подъ знаменемъ идей религіозныхъ. Основныя причины движеній съ социальнымъ характеромъ, происходящихъ въ народныхъ массахъ, бываютъ всегда свойства экономическаго, матеріальнаго. Тяжелыя или ухудшающіяся условія народнаго быта порождаютъ вспышки неудовольствія, получающія видъ совершенно стихійныхъ потрясеній общества: люди, дотолѣ мирные и разрозненные, ожесточаются и соединяются для общаго дѣйствія, во время котораго растетъ психическое возбужденіе, разнуздываются страсти, затемняется разумъ, и народная масса превращается въ какую-то объединенную стихійную силу, увлекающую за собою новыя и новыя толпы и дѣйствующую какъ бы вполне автоматически. Такая почва особенно удобна бываетъ для распространенія мистическаго сектантства съ его видѣніями, пророчествами и т. п. Такъ это было и въ реформаціонную эпоху, когда подъ вліяніемъ общаго религіознаго броженія возникли въ этой области новыя ученія, отличавшіяся индивидуализмомъ, доведеннымъ до анархической своей крайности по отношенію къ государству и обществу, и эгалитарными стремленіями въ отношеніяхъ социальныхъ, ясно выраженными въ требованіяхъ коммунистическаго характера. Отдѣльныя лица въ XVI—XVII в. понимали реформу религіи въ смыслѣ полнаго обновленія не только вѣры, но и всей жизни посредствомъ социальнаго переворота, и ихъ проповѣдь имѣла большой успѣхъ въ народныхъ массахъ, которымъ она обѣщала выхоть изъ прежняго печальнаго состоянія.

Первымъ большимъ народнымъ движеніемъ социальнo-сектантскаго характера было то, которое въ эпоху гуситскихъ войнъ происходило среди чешскаго крестьянства. Еще большіе размѣры получило подобное же движеніе среди нѣмецкихъ крестьянъ. Они начали еще волноваться съ конца XV в., жалуются на ухудшеніе своего быта, и всѣ первые годы XVI столѣтія прошли въ крестьянскихъ заговорахъ и бунтахъ, всѣ участники которыхъ ссылались при этомъ на Св. Писаніе въ видѣ доказательства своей правоты. Когда началась реформація, сельскій людъ сталъ возлагать на нее большія надежды, и часть крестьянъ, возставшихъ въ 1524—1525 гг. противъ властей и своихъ господъ, въ религіозномъ отношеніи не пошла далѣе общихъ религіозныхъ принциповъ протестантизма, въ социальномъ отношеніи требуя лишь облегченія своей участи. Въ этомъ и заключалось содержаніе знаменитыхъ «12 статей». Наоборотъ, другая часть возставшихъ пошла въ движеніе подъ знаменемъ коммунистическаго анабаптизма. Томы Мюнцера, а третьею частью задумали воспользоваться образо-

ванные люди изъ высшихъ классовъ общества для осуществленія посредствомъ народной революціи дѣлаго ряда политическихъ реформъ. Последнее явленіе напоминаетъ намъ французскую революцію, когда крестьянское движеніе совпало по времени съ политическимъ и совершалось въ тѣсной съ нимъ связи. Извѣстенъ печальный исходъ нѣмецкой крестьянской войны XVI в.: съ 1525 г. все болѣе и болѣе ухудшается до самаго XVIII в. и экономическое, и юридическое положеніе германскаго сельскаго населенія, благодаря еще ббльшему расширенію дворянскихъ правъ послѣ пораженія крестьянъ. Въ меньшихъ размѣрахъ народныя волненія происходили въ реформаціонную эпоху и въ другихъ мѣстахъ.

Съ другой стороны, религіозная реформація происходила въ эпоху почти повсемѣстнаго усиленія королевской власти и обостренія борьбы съ нею сословно-представительныхъ учреждений. Это была эпоха, когда, какъ мы объ этомъ уже говорили, государственныя начала брали перевѣсъ надъ феодальными и муниципальными формами прежняго политическаго строя, и когда, съ другой стороны, въ самомъ государственномъ быту королевскій абсолютизмъ вытѣснялъ сословно-представительныя учрежденія. Противъ усиленія королевской власти возставали вообще тѣ сословія, политическія права которыхъ при этомъ терпѣли наибольшій ущербъ, и особенно дворянство. Вотъ почему политическія движенія XVI в. имѣютъ иногда характеръ прямо феодальной реакціи. Последнее можно сказать о многихъ странахъ, но особенно о Франціи, гдѣ въ эпоху религіозныхъ войнъ среди протестантскаго и католическаго дворянства обнаружилось сильное стремленіе къ восстановленію феодальнаго быта, такъ что губернаторы провинцій мечтали сдѣлаться наслѣдственными вассальными правителями своихъ областей, а мелкіе сеньеры возобновили времена феодальной анархіи. Одновременно съ этимъ, понятное дѣло, должны были отстаивать свои права и государственныя сеймы, въ которыхъ дворянство также играло первенствующую роль, и въ защиту ихъ правъ выдвинута была протестантская (кальвинистическая) теорія народовластія. Разсматриваемая нами борьба въ XVI и XVII вв. состояла изъ ряда религіозно-политическихъ революцій. Примѣръ показала Шотландія, гдѣ въ 1559 г. одновременно низвергнута была регентша королевства, и произведена была реформація, такъ какъ регентша стремилась усилить королевскую власть и права церкви надъ свѣтскимъ обществомъ. Вскорѣ затѣмъ въ Шотландіи послѣдовала и другая революція, низвергнувшая съ престола католичку Марію Стюартъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ дѣйствовало, главнымъ образомъ, дворянство. Аналогичными были причины совершившагося около того же времени возстанія Нидерландовъ противъ фанатическаго и деспотическаго Филиппа II Испанскаго, —

возстанія, сопровождавшагося введеніемъ въ странѣ протестантизма, причемъ нидерландская революція кончилась отпаденіемъ отъ монархіи части соединенныхъ провинцій для образованія самостоятельной республики. Тогда же происходило и во Франці реформаціонное и политическое движеніе противъ католической церкви и королевской власти, въ государственномъ смыслѣ ни къ чему не приведшее, хотя и вызвавшее попытки генеральныхъ штатовъ ограничить королевскую власть. Во всѣхъ этихъ случаяхъ государственные сеймы (шотландскій парламентъ и генеральные штаты въ Нидерландахъ и во Франці) становились подъ знамя кальвинистическаго принципа народовластія, выработавшагося подъ вліяніемъ республиканскихъ порядковъ Женева. вмѣстѣ съ тѣмъ, защита политической свободы сопровождалась защитою свободы религіозной, какъ это наблюдается еще и въ исторіи столкновенія сеймовъ съ монархическою властью въ австрійскихъ наслѣдственныхъ земляхъ: тутъ особый интересъ представляютъ дворянская организація чешскаго протестантизма и чешская революція въ защиту политической и религіозной свободы, сдѣлавшаяся исходнымъ пунктомъ тридцатилѣтней войны, которая, въ свою очередь, нанесла ударъ сословно-представительнымъ учрежденіямъ и въ самой Чехіи, и въ болѣе части нѣмецкихъ княжествъ.

Но самымъ замѣчательнымъ историческимъ фактомъ разсматриваемой категоріи была, конечно, борьба королевской власти съ парламентомъ въ Англіи, приведшая страну къ двумъ революціямъ. И здѣсь политическое столкновеніе было, вмѣстѣ съ тѣмъ, столкновеніемъ религіознымъ: въ борьбѣ находились, съ одной стороны, королевская власть, опиравшаяся на государственную аристократическую церковь и на ученіе о божественномъ правѣ своего абсолютизма, подъ конецъ же прямо склонившаяся на сторону католической реакціи, а съ другой, парламентъ, отстаивавшій права націи и стремившійся къ болѣе демократической реформѣ церкви. На время въ Англіи даже устанавливалась республика индепендентовъ, въ религіозно-политическомъ ученіи которыхъ на первыхъ мѣстахъ стояли принципы свободы совѣсти и народовластія. Вторая англійская революція окончила эту борьбу въ пользу парламента и протестантизма, въ пользу политической и религіозной свободы, и въ XVIII столѣтіе Англія перешла съ упроченными началами своего государственнаго быта, которыя, какъ извѣстно, оказали затѣмъ весьма сильное вліяніе и на другія страны Западной Европы.

Въ предыдущемъ очеркѣ мы видѣли, какую роль всѣ эти социальныя и политическія движенія реформаціонной эпохи сыграли въ исторіи возникновенія, а также и усиленія католической реакціи. Отмѣтимъ еще теперь, что съ этою реакціей рука-объ-руку пошла—въ

католическихъ странахъ, конечно,—и реакція политическая. Подъ влияніемъ одинаковой опасности отъ этихъ движеній и для церкви, и для государства, столь обычные и частые прежде споры между духовною и свѣтскою властями сдѣлались явленіями рѣдкими и исключительными, вплоть до разрыва государства съ католической реакціей въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма. Если когда и осуществлялась средневѣковая теорія о томъ, что церковь призвана властвовать надъ душами, а государство—управлять тѣлами людей, то это было именно въ эпоху наибольшаго торжества католической реакціи, т.-е. съ середины XVI до середины XVIII вѣка: общая реакціонная идея объединяла церковную и государственную политику въ одномъ стремленіи съ полюбивнымъ раздѣленіемъ сферъ вѣдѣнія между духовною и свѣтскою властями. Въ эту эпоху государство копировало въ одно и то же время и средневѣковую католическую церковь, въ свою очередь, многое унаслѣдовавшую изъ древней Римской имперіи, и античное государство, возрождавшееся въ теоріяхъ той эпохи, особенно въ «Государь» Маккиавелли. Въ числѣ усердныхъ читателей Маккиавелли находился и Карлъ V, первый крупный государь новаго времени, всю жизнь свою посвятившій служенію отвлеченной государственной идеѣ, подававшій примѣръ другимъ монархамъ и завѣщавшій свою политику своему сыну Филиппу II. Послѣдній сдѣлался главнымъ представителемъ католицизма и абсолютизма во второй половинѣ XVI вѣка. Въ большей части случаевъ съ окраскою вѣроисповѣдною, хотя мѣстами отъ нея и отрѣшаясь, но лишь на время (напр., при Ришелье во Франціи), новая политика въ XVII вѣкѣ нашла не мало представителей. Имъ былъ, напр., одинъ изъ героевъ тридцатилѣтней войны, Максимилианъ Баварскій, подчинившій свое княжество вмѣстѣ съ іезуитской реакціей порядкамъ полицейскаго государства съ мелочнымъ вмѣшательствомъ въ частную жизнь; имъ былъ кардиналъ Ришелье, «Политическое завѣщаніе» и вся политика котораго даютъ право называть его величайшимъ государственнымъ своей эпохи; тѣмъ же былъ и младшій его современникъ Гоббсъ, развившій идею неограниченной государственности въ цѣлую политическую теорію. Вся вторая половина XVII и начало XVIII вв. носятъ въ исторіи названіе «вѣка Людовика XIV» по имени самаго замѣчательнаго представителя этого соединенія религіозной реакціи съ политическою, которую онъ довелъ до того, что превратилъ Францію изъ европейской монархіи въ подобіе азіатской деспотіи. Его международная политика, какъ и политика Филиппа II въ XVI в., вытекала изъ стремленія доставить торжество абсолютизму и реакціонному католицизму во всей Западной Европѣ. Оба раза, впрочемъ, реакція встрѣтила отпоръ въ свободныхъ протестантскихъ государствахъ, въ

Англии и въ Голландіи (что придаетъ особенно важное значеніе второй англійской революціи, нанесшей страшный ударъ всей международной политикѣ Людовика XIV). Эта культурная и политическая реакція достигла на Западѣ къ концу XVII вѣка своего апогея. Людовику XIV подражали почти всѣ современные ему государи Западной Европы, не исключая и нѣмецкихъ имперскихъ князей. Вездѣ вводилась въ жизнь одна и та же система, бывшая какъ бы послѣднимъ словомъ общей реакціи противъ всѣхъ движеній новаго времени, гдѣ только личность въ томъ или другомъ отношеніи отстаивала свои права. Реакціонная система именно и заключалась въ подавленіи всѣхъ индивидуальныхъ правъ и въ поддержкѣ всего того, что не могло уже одними собственными силами держаться противъ историческаго движенія, источникомъ котораго было развивающееся личное и общественное сознаніе. Лишь въ сравнительной слабости этого сознанія и въ разрозненности общественныхъ силъ и находить свое объясненіе побѣда реакціонныхъ началъ надъ первымъ великимъ историческимъ движеніемъ новаго времени, связаннымъ съ религіозной реформаціей. Результаты реакціи кристаллизировались въ тѣхъ государственныхъ и общественныхъ формахъ, которыми французская политическая исторіографія дала названіе «старого порядка» (*ancien régime*).

Старый порядокъ, это есть, въ сущности, соединеніе социальныхъ привилегій дворянства и духовенства, унаслѣдованныхъ отъ средневѣкового строя, т.-е. изъ временъ феодализма и сословной монархіи, съ королевскимъ абсолютизмомъ, который является уже результатомъ, какъ мы видѣли, болѣе поздней эпохи. Подавляя феодальную аристократію и католическое духовенство, какъ независимыя политическія силы, королевская власть на Западѣ оставляла за обоими этими сословіями ихъ социальныя привилегіи. Въ новое время феодальная аристократія, сохраняя всѣ унаслѣдованныя отъ среднихъ вѣковъ преимущества, превратилась мало-по-малу въ придворную знать, раболѣпную и вмѣстѣ съ тѣмъ своекорыстную, которая пользовалась своею близостью къ королевской власти лишь для поддержки сословныхъ своихъ интересовъ. Короли, которые привлекали феодальную аристократію къ своимъ дворамъ, имѣя въ виду ослабленіе ея политическаго значенія въ странѣ, сами, съ своей стороны, не могли не подпасть подъ вліяніе придворной атмосферы и потому начали смотрѣть на все глазами сословія, къ которому даже причисляли себя самихъ, искажая такую политикою основную идею монархіи. Аналогичное явленіе наблюдается и въ отношеніяхъ королей къ духовенству, такъ какъ, подчиняя его себѣ политически, они, сами подчинявшись культурной реакціи, — католическаго или протестантскаго

характера, все равно,—поддерживали всею своею силою какъ исключительное господство духовенства надъ свѣтскимъ обществомъ въ умственной жизни послѣдняго, такъ и социальныя привилегіи клира, гдѣ ихъ не тронула религіозная реформація XVI в. Государственная власть до такой степени срослась съ извѣстными конфессіональными традиціями, что не допускала нововрѣя среди своихъ подданныхъ. Еще въ XVI и началѣ XVII столѣтія католическіе государи Франціи и Австріи давали грамоты, которыми обезпечивали за своими протестантскими подданными извѣстныя вѣроисповѣдныя права, въ то самое время, какъ въ Испаніи и въ Италіи истреблены были всѣ протестанты, но послѣ общаго усиленія реакціи, особенно во времена тридцатилѣтней войны и уничтоженія во Франціи нантскаго эдикта, и тѣ страны, гдѣ раньше существовала свобода протестантскаго культа, пошли по стопамъ Испаніи и Италіи. Австріи и Франціи пришлось ждать самаго конца XVIII в., чтобы возвратиться къ политикѣ вѣротерпимости. Тѣ же явленія мы наблюдаемъ и въ конституціонной Англіи, гдѣ только вторая революція утвердила вѣротерпимость, хотя законъ по прежнему все еще ограничивалъ права диссидентовъ по отношенію къ государственной и общественной службѣ. Польша въ XVIII в. сдѣлалась даже прямо классической страной религіозной нетерпимости. Строго конфессіональный характеръ католическихъ государствъ особенно поддерживался іезуитами, которые стали дѣлаться воспитателями наслѣдныхъ принцевъ и духовниками самихъ королей, а это, конечно, не могло не отзываться на внутренней политикѣ такихъ государей. Придворное и іезуитское вліяніе—вотъ та атмосфера, которою были окружены очень многіе представители государственной власти при старомъ порядкѣ. Вслѣдствіе этого ихъ кругозоръ суживался, и они были неспособны на такую внутреннюю политику, какой требовали не только духовные и матеріальные интересы народа, но и болѣе односторонне понимаемые интересы казны.

Преобладающимъ политическимъ принципомъ разсматриваемыхъ порядковъ былъ королевскій абсолютизмъ. Онъ утвердился въ Испаніи, въ Португаліи, въ государствахъ Италіи, во Франціи, въ Австріи, въ Пруссіи-Бранденбургѣ, въ Даніи и въ нѣмецкихъ княжествахъ, а въ концѣ XVIII в. и въ Швеціи, гдѣ ему пришлось долго бороться съ аристократическо-республиканскимъ режимомъ въ родѣ того, какой существовалъ въ польской Рѣчи Посполитой. Во всѣхъ этихъ монархіяхъ законодательство находилось въ личномъ завѣдованіи самихъ королей или временщиковъ, такъ какъ для этой важной дѣятельности государства совѣмъ не существовало специальныхъ учреждений, хотя бы и вполнѣ зависимыхъ отъ монархической власти. Законодательное

значеніе сословно-представительныхъ учреждений пало, потому что или вообще прекратилось ихъ созываніе или, продолжая созываться, они перестали играть роль. Въ управленіи господствовала бюрократическая централизація, устранявшая отъ всякаго участія въ немъ мѣстныхъ силы, такъ какъ общиннаго и областного самоуправленія или совѣтъ не было или оно влачило самое жалкое существованіе. Права администраціи были безграничны, и она вмѣшивалась рѣшительно во всѣ дѣла частной и общественной жизни осуществляя идеаль такъ называемаго «полицейскаго государства» въ которомъ крайнее стѣсненіе свободы происходило не въ силу закона, хотя бы и очень тяжелаго, а иногда просто по усмотрѣнію высшаго и даже низшаго начальства. Судебная власть была подчинена администраціи, что лишало судей независимости въ произнесеніи приговоровъ, не говоря уже о дурномъ законодательствѣ и плохомъ составѣ судейскаго персонала; тамъ же, гдѣ юстиція пользовалась самостоятельностью, она получала характеръ сословной привилегіи и отправлялась въ чисто средневѣковыхъ формахъ. Государственное хозяйство въ громадномъ большинствѣ случаевъ велось плохо: правильные бюджеты были неизвѣстны; сборъ налоговъ часто отдавался на откупъ частнымъ предпринимателямъ; сами налоги были распределены крайне неравномѣрно (съ разными аристократическими изъятіями), слишкомъ тяжело ложились на населеніе, не соответствуя его платежнымъ силамъ, и взыскивались, наконецъ, съ большою суровостью.

Во внѣшней политикѣ послѣ прекращенія религиозныхъ войнъ большую роль играли чисто династическіе интересы, а интересы національные сводились преимущественно къ пріобрѣтенію отъ другихъ странъ торговыхъ выгодъ, что вполне соответствовало господствовавшей тогда системѣ меркантилизма. Экономическая политика стараго режима въ согласіи съ общимъ его духомъ направлялась почти исключительно соображеніями о казенныхъ выгодахъ, каковы бы ни были слѣдствія, вытекавшія изъ правительственныхъ мѣропріятій для народной массы, которая разсматривалась главнымъ образомъ только въ качествѣ платежной силы. Эта политика, выгодная для торгово-промышленныхъ классовъ, — въ Голландіи и Англіи даже и направлявшихъ дѣятельность государства въ этомъ смыслѣ по собственному почину, — весьма тяжело отзывалась на благосостояніи массъ, которыя сами по себѣ стояли внѣ правительственныхъ заботъ. Послѣднія сводились преимущественно къ усиленію арміи и флота, необходимыхъ для поддержки государственной независимости, и къ покровительству промышленности и торговлѣ, обогащающихъ казну, но это покровительство соединялось съ самой мелочной регламентаціей фабрикъ и заводовъ, имѣвшей притомъ въ виду отнюдь не интересы

рабочаго класса, а опять-таки то, что считалось интересомъ національнаго производства, главнѣе же всего—самой казны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, при всемъ развитіи—во многихъ отношеніяхъ прямо одностороннемъ развитіи—государственнаго начала, въ политическомъ быту Западной Европы XVIII в. оставалось еще немало феодальныхъ чертъ. Именно въ эту эпоху въ полной почти неприкосновенности сохранялся унаслѣдованный отъ среднихъ вѣковъ аристократическій строй общества. Феодальное дворянство (съ нимъ и высшее духовенство въ католическихъ странахъ) было главнымъ и даже почти исключительнымъ землевладѣльческимъ сословіемъ, такъ какъ другія сословія или прямо закономъ были исключены (какъ въ Польшѣ) изъ права владѣть землею, или фактически не могли ею владѣть, или же, наконецъ, пользовались (какъ, напр., во Франціи) лишь формами условной феодальной собственности въ зависимости отъ свѣтскихъ или духовныхъ сенъеровъ, платя имъ за это оброки и пошлины и подвергаясь разнымъ ограниченіямъ въ своемъ правѣ распоряженія землею. Крупное землевладѣніе соединялось еще съ существованіемъ крѣпостнаго состоянія, въ каковомъ находилась вся сельская масса цѣлыхъ большихъ государствъ или нѣкоторая ея часть. Дворянство и духовенство, пользовавшееся еще десятиной, извлекали изъ своихъ земель, изъ феодальныхъ правъ и изъ крѣпостничества большіе доходы. Тамъ, гдѣ уже зарождалось крупное хозяйство,—пользуясь своими правами или просто безнаказанностью, землевладѣльческое сословіе обезземеливало крестьянъ, вслѣдствіе чего начиналъ развиваться сельскій пролетаріатъ. Вся тяжесть государственныхъ налоговъ лежала, кромѣ того, на сельской массѣ, и, наконецъ, государство оставляло въ рукахъ господъ вотчинную полицію и юстицію даже по отношенію къ лично свободнымъ крестьянамъ. Господство дворянства надъ сельскимъ населеніемъ и крѣпостная зависимость этого послѣдняго отъ дворянства лишь дополнили общую систему властвованія, положенную въ основу государственнаго и общественнаго быта съ полнымъ отрицаніемъ правъ личности за громаднымъ большинствомъ населенія.

Между аристократіей и сельскою массою помѣщалось городское населеніе. Не имѣя привилегій духовенства и дворянства, оно не было въ то же время и столь безправнымъ, какъ крестьянство. Высшій слой городского населенія составляли промышленно-торговая буржуазія и люди либеральныхъ профессій, включая сюда и чиновничество. Буржуазія успѣла сдѣлаться значительною экономическою силою, благодаря развитію промышленности и торговли, откуповъ и казенныхъ поставокъ, и начала уже скупать, гдѣ это дозволялось закономъ, дворянскія земли, брать на откупъ феодальныя права, арендовать большія помѣстья, заниматься крупнымъ хозяйствомъ. Въ

Голландіи и въ Англіи, гдѣ буржуазія играла уже роль въ генеральныхъ штатахъ и въ парламентѣ, она пользовалась своимъ положеніемъ въ государствѣ, чтобы направлять его политику въ исключительныхъ интересахъ промышленности и торговли, что сдѣлалось даже программю политической партіи виговъ въ Англіи. И во Франціи, гдѣ стремленія буржуазіи сталкивались съ сословными привилегіями духовенства и дворянства, меркантилистическое направленіе экономической политики, жертвовавшей индустриальнымъ и коммерческимъ интересамъ интересами сельского хозяйства и выгодамъ предпринимателей правами рабочаго класса, сильно содѣйствовало обогащенію буржуазіи. Изъ этого же класса общества преимущественно выходили люди либеральныхъ профессій, ученые, писатели, профессора, преподаватели, врачи, аптекаря, судьи, адвокаты, нотаріусы, чиновники и т. п., составлявшіе главнымъ образомъ интеллигенцію страны, въ которой, собственно говоря, и сосредоточивалось сознательное недовольство старымъ порядкомъ.

Все культурное движеніе XIV—XVI в., задержанное, но окончательно не остановленное реакціей XVII столѣтія, было соединено съ проповѣдью индивидуальной свободы и общественнаго равенства. Гуманисты явились поборниками умственной свободы и противниками наслѣдственныхъ привилегій, а стремленіе къ свободѣ и равенству въ эпоху реформаціи привело въ обоихъ отношеніяхъ даже къ самымъ крайнимъ требованіямъ, выразившимся въ нѣкоторыхъ формахъ сектанства. Между тѣмъ государственные и общественные порядки XVIII в. составляли полное отрицаніе указанныхъ принциповъ, а потому неминуемо должны были подвергнуться критикѣ съ ихъ точки зрѣнія при новомъ пробужденіи личнаго самосознанія. Последнее произошло сильнѣе всего именно въ «среднемъ сословіи», въ томъ самомъ среднемъ сословіи, изъ котораго рашше вышла и бѣльшая часть гуманистовъ. Это, впрочемъ, и понятно. Этотъ классъ общества не только не пользовался соціальными привилегіями, но и самъ страдалъ отъ тѣхъ, которыя принадлежали духовенству и дворянству, а потому имѣлъ, конечно, особый интересъ дѣйствовать какъ противъ самыхъ привилегій, такъ и противъ поддерживавшей ихъ государственной системы. Состоя, далѣе, изъ зажиточной буржуазіи и людей либеральныхъ профессій, среднее сословіе обладало капиталами, профессиональными и научными знаніями, общими идеями, духовными стремленіями и не могло удовлетворяться ни своимъ приниженымъ положеніемъ въ обществѣ и государствѣ, ни тою придворно-аристократическою культурою, высшимъ продуктомъ которой былъ французскій классицизмъ «вѣка Людовика XIV». Въ то самое время, какъ въ народныхъ массахъ всѣ высшіе инстинкты человѣка подавлялись безысходною

нищетою и безпрогляднымъ невѣжествомъ, интеллигентные и буржуазные «разночинцы» составляли классъ, не отдѣлявшій еще рѣзко своихъ интересовъ отъ интересовъ народа, поскольку послѣдній также страдалъ отъ господствовавшихъ порядковъ. Ранѣе всего произошла эманципація интеллигентной буржуазіи въ Англии, и, каковы бы ни были ея социальныя стремленія на экономической почвѣ, въ культурной и политической сферѣ она проявляла либеральныя стремленія. Тамъ, гдѣ этотъ общественный классъ былъ особенно развитъ, въ немъ «философія XVIII в.» и находила наиболѣе искреннихъ своихъ почитателей, и изъ этого же класса должны были выйти и наиболѣе энергичные дѣятели на поприщѣ общественныхъ и государственныхъ преобразованій, которыхъ требовали народное благо и духъ времени.

Въ серединѣ XVIII в. эпоха общаго застоя, бывшаго результатомъ реакціи, кончается, и начинается эпоха новаго движенія впередъ, отчасти повторяющаго, отчасти продолжающаго то, что было сдѣлано или только начато въ реформаціонный періодъ западно-европейской исторіи. Только, какъ мы уже раньше это отмѣчали, на этотъ разъ движеніе, сначала пошедшее сверху, а потомъ и снизу, совершалось подъ знаменемъ «философскихъ», а не религіозныхъ идей.

Новый періодъ усиленныхъ преобразованій всей внутренней жизни европейскаго Запада до новой реакціи, наступившей послѣ паденія имперіи Наполеона I *), можетъ быть раздѣленъ на двѣ эпохи: эпоху просвѣщеннаго абсолютизма (1740—1789) и эпоху французской революціи и продолжившей ее во многихъ отношеніяхъ наполеоновской имперіи (1789—1815).

Остановимся сначала на общемъ характерѣ того историческаго явленія, которому присвоено названіе просвѣщеннаго абсолютизма. Въ исторіи западно-европейскаго абсолютизма можно различать разные эпохи, между прочимъ, въ зависимости отъ тѣхъ направленій, которыя господствовали въ то или другое время въ культурной жизни. Абсолютизмъ, утвердившійся ранѣе всего въ итальянскихъ княжествахъ конца среднихъ вѣковъ, по существу своему былъ совершенно свѣтскимъ. Его теоретическое обоснованіе было заимствовано у античнаго міра, сначала въ формѣ ученія римскихъ юристовъ о томъ, что воля государя имѣетъ силу закона, такъ какъ на него народъ перенесъ все свое право и всю свою державную власть, позднѣе въ формѣ античной тиранніи, главнымъ теоретикомъ которой сдѣлался Маккіавелли, такъ что на образовавшемся этимъ путемъ понятіи объ абсолютной власти отразился свѣтскій и классическій ренессансъ, политическая традиція котораго, представленная въ XVI в. Боденомъ, за-

*) Ср. выше, стр. 182.

вершилась въ XVII столѣтїи государственною теоріею Гоббза, положившаго въ основу абсолютизма свѣтскую же идею естественнаго права. Религіозная реформація и послѣдовавшая за нею католическая реакція дали политической мысли иное направленіе, и абсолютизмъ получилъ вѣроисповѣдную окраску, выразившуюся, быть-можетъ, лучше всего въ формулѣ: «чья страна, того и вѣра» (*cujus regio, ejus religio*). Цѣлый и притомъ весьма длинный періодъ европейской исторіи характеризуется этой формой абсолютизма, и если, напримѣръ, французская монархія при Генрихѣ IV и кардиналѣ Ришелье, повидимому, вступала на иную дорогу, то Людовикъ XIV снова вернулъ ее на путь конфессіональнаго абсолютизма. Эпоха «просвѣщеннаго абсолютизма» тѣмъ и отличается, что государственная власть въ это время начинаетъ отрѣшаться отъ традицій, которыми она главнымъ образомъ и жила съ эпохи реформаціи и реакціи. Во-первыхъ, ученіе о божественномъ происхожденіи королевской власти, развитое въ XVII в. въ сочиненіяхъ Боссюэта и Фильмера, уступаетъ снова мѣсто тѣмъ свѣтскимъ политическимъ идеямъ, которые формулировались юристами, Макіавелли, Боденомъ, и мы имѣемъ полное право смотрѣть на Гоббза именно какъ на родоначальника политической идеи просвѣщеннаго абсолютизма, поскольку теорія послѣдняго основывалась не на теологическихъ соображеніяхъ, а на понятіяхъ рационалистической философіи естественнаго права. Во-вторыхъ, обнаруживая наклонность къ вѣротерпимости, за которую ратовала та же философія XVIII в., абсолютизмъ второй половины этого столѣтїя возвращался къ политикѣ Генриха IV и кардинала Ришелье. Такимъ образомъ, въ «просвѣщенномъ абсолютизмѣ» выразилась та идея свѣтскаго государства, которая въ разныхъ формахъ и раньше выступала одинаково и противъ средневѣкового католицизма, и противъ конфессіональной политики XVI и XVII вѣковъ. Какъ вѣроисповѣдный абсолютизмъ—все-равно, католическій или протестантскій,—отразилъ на себѣ идеи религіозной реформаціи и послѣдовавшей за ней католической реакціи, такъ просвѣщенный абсолютизмъ второй половины XVIII в. былъ проникнуть воззрѣніями рационалистической философіи этой эпохи.

Но это только одна сторона дѣла, обращающая на себя наше вниманіе при разсмотрѣнїи просвѣщеннаго абсолютизма. Абсолютизмъ новаго времени, какъ мы знаемъ, былъ однимъ изъ воплощеній государственной идеи, пришедшей на смѣну средневѣковымъ принципамъ католицизма и феодализма. Прежде всего, эта идея мыслилась лишь какъ право государственной власти, заслонявшее собою понятіе о соединенныхъ съ пользованіемъ этою властью обязанностяхъ. То, что можно назвать практическимъ макіавеллизмомъ въ политикѣ новаго времени, вытекало естественно и необходимо изъ взгляда, по которому у короля

есть права, но нѣтъ обязанностей. Общее понятіе государства само представлялось уму главнымъ образомъ со стороны совокупности тѣхъ правъ, которыми оно надѣлено по природѣ вещей или по изначальному договору, лежащему въ его основѣ, и только позднѣе на государство стала возлагаться обязанность служить высшимъ цѣлямъ человеческой жизни. Въ двухъ разныхъ формулахъ выразилось различіе въ пониманіи того отношенія, въ какомъ должны находиться между собою носитель государственной власти и само государство: одна формула дѣлала изъ особы короля воплощеніе государства, подчиняда его первой, именно знаменитое «государство, это—я» (*l'état, c'est moi*) Людовика XIV, тогда какъ другая дѣлала изъ монарха «перваго слугу государства», какъ выражался Фридрихъ II, тѣмъ самымъ налагая на королевскую власть извѣстныя обязанности по отношенію къ государству. Эпохѣ просвѣщеннаго абсолютизма такимъ образомъ принадлежитъ болѣе высокое пониманіе государства, нежели то, съ какимъ мы встрѣчаемся на протяженіи всего времени, протекшаго отъ Маккиавелли до Гоббза, этихъ главныхъ теоретиковъ свѣтскаго абсолютизма. По ихъ предствленію задачи государства исчерпывались охраною внутренняго мира и внѣшней безопасности, а великій государствовникъ XVII в. Ришелье прямо находилъ даже вреднымъ, чтобы народу было хорошо, но къ XVIII вѣку мы встрѣчаемся уже съ болѣе широкимъ пониманіемъ государственной идеи. Насколько можно говорить собственно о теоріи просвѣщеннаго абсолютизма, въ ней безграничная власть государства оправдывалась какъ единственное средство создать земное благополучіе и усовершенствовать внутреннія отношенія общества. Разъ государство стало признавать за собою не одни права, но и обязанности, оно теоретически должно было наложить на себя и извѣстныя ограниченія. Правда, просвѣщенные «деспоты» (*despotes éclairés*) XVIII в. не менѣе ревниво, чѣмъ Людовикъ XIV, относились къ своей власти и не менѣе его были принципиальными противниками сословнаго представительства, но тѣмъ не менѣе они все-таки умѣряли свою власть, налагали на нее извѣстныя ограниченія (по крайней мѣрѣ, въ теоріи), становясь именно на точкзрѣнія договорнаго происхожденія государства, какъ налагающаго на монарховъ извѣстныя обязанности: этимъ умѣряющимъ абсолютизмъ факторомъ признавалось какъ-разъ тогдашнее «просвѣщеніе», которое указывало государственной власти на ея задачи въ культурной и соціальной жизни.

Но и этимъ еще не исчерпывается вопросъ объ основнхъ признакахъ просвѣщеннаго абсолютизма второй половины XVIII вѣка. Воплощая въ себѣ государственную идею новаго времени, королевская власть выросла въ борьбѣ съ средневѣковыми силами католицизма и феодализма или, говоря вѣрнѣе, съ политической стороною

того и другого. Но у католицизма была еще сторона культурная, у феодализма—сторона социальная. Мы видѣли уже, что, нанеши ударъ клиру и аристократіи, какъ политическимъ силамъ, абсолютизмъ новаго времени въ сферѣ культурно-соціальной вступилъ, наоборотъ, съ ними въ союзъ и взялъ ихъ подъ свое покровительство, самъ вмѣстѣ съ тѣмъ подчинившись ихъ вліянію въ дѣлѣ охраны всѣхъ старыхъ формъ общественной и духовной жизни. Политика просвѣщеннаго абсолютизма была возобновленіемъ прекратившейся было борьбы новаго государства съ католицизмомъ и феодализмомъ и на этотъ разъ не только въ политической ихъ сторонѣ, но и въ культурно-соціальныхъ ихъ проявленіяхъ. Продолжая, такимъ образомъ, старую антикатолическую и антифеодальную традицію государственной власти съ исхода среднихъ вѣковъ, политика второй половины XVIII в. отражала на себѣ и идеи тогдашняго просвѣщенія, отстаивавшаго право общества на свободное культурное развитіе, право личности на религиозное самоопредѣленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ вооружавшагося и противъ сословныхъ привилегій, которыя выросли на феодальной почвѣ, и противъ несвободы лица и земли въ сельскомъ быту, гдѣ наиболѣе удержались остатки средневѣкового феодализма. Весьма и весьма многія мѣропріятія просвѣщеннаго абсолютизма поэтому и были направлены противъ двухъ сословій, представлявшихъ собою старыя католическія и феодальныя традиции, а этимъ и объясняется глухая, а иногда и открытая вражда духовенства и дворянства противъ представителей новой политики. Въ этомъ смыслѣ просвѣщенный абсолютизмъ началъ дѣйствовать, собственно говоря, въ томъ же направленіи, въ какомъ потомъ дѣйствовала революція, и тѣ же общественные классы, которые явились врагами просвѣщеннаго абсолютизма, сдѣлались потомъ и врагами революціи. Такъ какъ послѣдняя, кромѣ того, приняла республиканскій характеръ, то впослѣдствіи въ вызванной ею реакціи абсолютизмъ сблизился именно съ тѣми самыми общественными классами, съ которыми онъ находился въ натянутыхъ отношеніяхъ во второй половинѣ XVIII в.

Начало эпохи просвѣщеннаго абсолютизма слѣдуетъ отнести къ 1740 г., когда вступилъ на престолъ Фридрихъ II, «король-философъ» и именно философъ въ духѣ XVIII в., другъ главнаго вождя веего просвѣщенія XVIII в., Вольтера, а конецъ—къ 1789 году, около котораго сходятъ со сцены и наиболѣе видные дѣятели эпохи, самъ Фридрихъ II и его младшій современникъ Іосифъ II, этотъ революціонеръ на тронѣ, какъ его называли. На эти полвѣка приходится царствованія—Карла III Испанскаго, при которомъ дѣйствовалъ министр-реформаторъ Арада, Іосифа-Эмануила Португальскаго и его министра Помбаля, только-что названнаго Карла III и его сына Фердинанда IV

въ Неаполѣ съ министромъ Тануччи, Леопольда въ Тосканѣ, Христиана VII въ Даніи съ министромъ Струэнзе, Густава III въ Швеции, Карла-Фридриха въ Баденѣ. Къ этимъ же представителямъ просвѣщеннаго абсолютизма нужно присоединить и Екатерину II въ Россіи.

Тѣсная связь между абсолютизмомъ и просвѣщеніемъ въ данную эпоху доказывается, между прочимъ, тѣми отношеніями, какія существовали тогда между монархами и философами, и тѣми надеждами, которыя послѣдними возлагались на первыхъ. Насколько были искренни отношенія между тѣми и другими, это вопросъ особый, но фактъ все-таки тотъ, что государи и министры второй половины XVIII в. раздѣляли многія воззрѣнія философовъ, сообщали имъ свои предположенія, искали у нихъ сочувствія и популярности, оказывали имъ поддержку, приглашали ихъ къ себѣ на службу и вступали съ ними въ дружескую переписку. Около 1765 г. Дидро не безъ основанія писалъ, что въ это время въ Европѣ не было ни одного монарха, который вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ бы философомъ. Со своей стороны «просвѣтители» XVIII столѣтія возлагали большія надежды на абсолютную монархическую власть, какъ на политическую силу, которая одна только, по ихъ мнѣнію, могла дать побѣду въ жизни новымъ идеямъ. Въ этомъ союзѣ монарховъ и философовъ совершалось сближеніе между государственностью, нашедшею свое воплощеніе въ абсолютизмѣ, и рационализмомъ, бывшимъ самою характерною чертою «философіи» XVIII вѣка: государство должно было слѣдовать указаніямъ разума, но власть въ государствѣ должна была находиться въ рукахъ абсолютныхъ монарховъ. И теоретики, и практическіе дѣятели просвѣщеннаго абсолютизма относились съ величайшимъ недовѣріемъ къ общественнымъ силамъ, такъ что ихъ девизомъ могло бы быть изреченіе: «все для народа и ничего посредствомъ народа». Системѣ этой пришлось дѣйствовать въ наиболѣе отсталыхъ странахъ, гдѣ правительства шли впереди общества, продолжавшаго жить конфессіонально-сословными традиціями, и если абсолютизмъ встрѣчалъ здѣсь какую-либо оппозицію, то главнымъ образомъ со стороны консервативныхъ элементовъ, которые были недовольны преобразованіями, затрогивавшими ихъ кровные интересы. Реформа шла сверху, отъ государственной власти, на сторонѣ которой была сила и которая считала себя въ правѣ дѣйствовать посредствомъ силы во имя общаго блага. Все дѣлалось путемъ власти, ничего не оставалось на долю общественной самодѣятельности. Впрочемъ, послѣдняя, выражавшаяся раньше въ феодальныхъ, муниципальныхъ и сословно-представительныхъ формахъ, давно находилась въ упадкѣ, такъ сказать, совершенно почти изсякла въ то время, какъ государство, наоборотъ, слѣдлавшись первѣйшею силою, въ сознаніи именно этой силы считало себя въ правѣ разсматривать

самое общество, какъ чисто пассивный матеріаль, подлежащій лишь воздѣйствію сверху. Притомъ всякое участіе общественныхъ силъ въ дѣлахъ правленія, принимая характеръ ограниченія власти, не только казалось несоотвѣтствующимъ тѣмъ правамъ, которыя должны были только ей принадлежать, но и вреднымъ, поскольку со стороны консервативно настроенныхъ общественныхъ силъ можно было только ожидать не содѣйствія, а противодѣйствія преобразовательнымъ начинаніямъ: дѣйствительно, тамъ, гдѣ сохранялись еще «чины», они проявляли оппозиціонное отношеніе по многимъ мѣропріятіямъ, которыхъ требовала новая государственная политика. Въ просвѣщенномъ абсолютизмѣ государственное начало и философскій рационализмъ сходились между собою именно въ томъ, что оба вели борьбу противъ всякаго права историческаго, во имя естественнаго права. Просвѣщенный абсолютизмъ былъ противникомъ историческихъ правъ сословій и областей, вступивъ въ борьбу съ привилегіями духовенства и дворянства и съ провинціальнымъ сепаратизмомъ, опиравшимися на старыя привилегіи, противопоставивъ имъ естественное право, на которомъ основывалась и сама государственная власть въ тогдашней политической теоріи. Неблагопріятная исторически сложившемуся социальному строю идея естественнаго права была, наоборотъ, весьма благопріятна для личной свободы. Просвѣщенный абсолютизмъ относился однако весьма двойственно къ этой послѣдней: поскольку онъ самъ былъ лишь примѣненіемъ къ жизни государственной идеи Гоббса, а главное—былъ только видоизмѣненіемъ «полицейскаго государства», постольку онъ не давалъ свободы проявленію индивидуальныхъ силъ, но это касалось преимущественно тѣхъ сферъ, въ которыхъ само государство считало себя заинтересованнымъ. Въ другихъ отношеніяхъ, гдѣ права личности подвергались ограниченію не въ интересахъ государства, а въ силу традиціонныхъ культурныхъ и социальныхъ отношеній, просвѣщенный абсолютизмъ содѣйствовалъ эманципации личности, устанавливая вѣротерпимость и вообще вводя въ извѣстной мѣрѣ принципъ свободы въ духовную жизнь общества, содѣйствуя его эманципации отъ клерикальной опеки, стремясь къ отмѣнѣ крѣпостного права или вообще къ ослабленію и ограниченію помѣщичьей власти и т. п. Эта двойственность, впрочемъ, должна считаться лишь однимъ изъ проявленій тѣхъ противорѣчій, которыми вообще отличается весь просвѣщенный абсолютизмъ XVIII в. Будучи одновременно продолженіемъ старой королевской политики и примѣненіемъ новой государственной идеи въ духѣ свѣтскаго абсолютизма, система эта не всегда жила въ ладу не только со старыми историческими силами, но и съ новыми требованіями самого просвѣщенія, поскольку послѣднее защищало права личности и общества во имя ихъ достоинства и свободы противъ всего, что наносило имъ ущербъ,

Разсматривая реформы просвѣщеннаго абсолютизма, мы не можемъ, однако, не отмѣтить того общаго факта, что въ нихъ все-таки на первомъ планѣ стояло укрѣпленіе государства, какъ нѣкотораго единаго дѣла, отстаивающаго себя въ международной борьбѣ, а не общее благо въ смыслѣ большаго подъема и болѣе равномернаго распредѣленія народнаго благосостоянія. Внутри вся дѣятельность правительствъ была направлена на улучшеніе администраціи и финансовъ. Но отъ административныхъ и финансовыхъ реформъ, равно какъ отъ реформъ въ областяхъ судопроизводства, школы, печати и т. п., какъ ни были онѣ несовершенны, имѣя преимущественно значеніе лишь благихъ начинаній, все-таки вытекали или ожидались важныя послѣдствія и для самихъ подданныхъ, матеріальное благосостояніе и духовное развитіе которыхъ стали признаваться за важное государственное дѣло. Въ католическихъ странахъ эта политика шла рука-объ-руку съ освобожденіемъ государства и общества отъ тягостныхъ послѣдствій религіозной реакціи, господствовавшей въ общемъ около двухъ вѣковъ, и весьма знаменательно то, что почти одновременно католическіе государи Португаліи, Франціи, Испаніи, Неаполя и Пармы изгоняютъ изъ своихъ странъ іезуитовъ и добиваются у папы уничтоженія самого ордена, и все это въ промежутокъ какихъ-нибудь четырнадцати лѣтъ (1759—1773). Во многихъ отношеніяхъ католическія правительства эпохи стремятся, не измѣняя ни догмы, ни культа, ни церковной организаціи, добиться для себя и для свѣтскаго общества того, что протестантскимъ странамъ дала реформація. Эпоха просвѣщеннаго абсолютизма въ католическихъ странахъ является временемъ давно небывалыхъ столкновеній государства съ церковью, и мы присутствуемъ здѣсь при томъ, какъ ограничивалась власть папы, уменьшалось число духовенства и монастырей, отмѣнялись привилегіи клира, его инквизиціонная власть и книжная цензура, секуляризировалась церковная собственность, отнималось у духовенства исключительное завѣдываніе народнымъ образованіемъ, и пр. и пр. Въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма государство впервые начинастъ также ограничивать социальныя привилегіи феодальной аристократіи, такъ какъ и интересъ государства, получавшаго главную массу налоговъ съ крестьянъ, и новыя идеи права и политики впервые заставили теперь королевскую власть болѣе дѣятельнымъ образомъ вмѣшаться въ ту сторону социальнаго феодализма, которую опредѣлялся весь крестьянскій бытъ. Впрочемъ, результаты этой дѣятельности государства до конца эпохи оставались крайне ничтожными, и значительно двинула впередъ дѣло освобожденія крестьянъ, отъ крѣпостной зависимости на Западѣ, лишь французская революція.

Еще живы были нѣкоторые государи эпохи просвѣщеннаго

абсолютизма, когда во Франціи началось страшное политическое потрясеніе, отразившееся на всей Западной Европѣ и сдѣлавшееся исходнымъ пунктомъ всей новѣйшей исторіи. Французскую революцію 1789 г. можно разсматривать и по ея значенію для исторіи самой Франціи, и по ея значенію вообще въ европейской исторіи, какъ начала цѣлаго ряда коренныхъ перемѣнъ въ жизни разныхъ странъ, испытавшихъ на себѣ ея непосредственное или косвенное вліяніе. Подобно тому, напр., какъ нѣмецкая реформація въ XVI в., объясняясь изъ мѣстныхъ причинъ и, въ свою очередь, объясняя дальнѣйшую исторію Германіи, вмѣстѣ съ тѣмъ находилась въ тѣсной связи съ болѣе общими условіями всей западно-европейской исторіи и потому оказала сильное вліяніе на другія страны.—такъ и французская революція, имѣя свое особое отношеніе къ мѣсту своего происхожденія, получаетъ и болѣе общій смыслъ съ точки зрѣнія всей западно-европейской исторіи. Вотъ два главныя историческія явленія, въ которыхъ она имѣетъ отношеніе: разрушеніе феодализма, поскольку послѣдній господствовалъ въ соціальной сферѣ и даже окрашивалъ отношенія политическія, съ одной стороны, и внесеніе въ государственную и общественную жизнь начала свободы политической и индивидуальной. Постепенное разрушеніе феодализма—одинъ изъ основныхъ фактовъ западно-европейской исторіи, другой не менѣе важный фактъ—ростъ личнаго и общественнаго самосознанія, соединенный съ стремленіемъ къ самоопредѣленію въ сферахъ индивидуальной и національной жизни. То, что вытекало во Франціи изъ условій, общихъ для нея и для другихъ странъ Западной Европы, и что по мѣстнымъ причинамъ совершилось въ ней ранѣе, чѣмъ въ этихъ другихъ странахъ (хоть и позднѣе, чѣмъ въ Англии), должно было—въ иныхъ только формахъ—произойти вездѣ, гдѣ историческая жизнь развивалась изъ такихъ же основъ. Но въ исторіи дѣйствуетъ еще и примѣръ: распространеніе французскихъ идей среди разныхъ народовъ подготовило почву для того, чтобы и примѣръ приложенія этихъ идей къ жизни, поданный Франціей, могъ найти подражаніе. Такимъ образомъ, общія условія быта и общія политическія идеи сами по себѣ были условіями для перехода движенія, начавшагося во Франціи, въ другія страны, подобно тому, какъ, повторяемъ, это было съ переходомъ реформаціи изъ Германіи къ разнымъ народамъ католической Европы. Въ данномъ случаѣ на сцену выступилъ и еще одинъ факторъ, война. Въ 1792 г. между революціонной Франціей и монархической Европой, какъ извѣстно, началась война, непрерывно почти продолжавшаяся около четверти вѣка. Въ этой борьбѣ побѣда была долгое время на сторонѣ Франціи, которая не только отстояла свои новыя учрежденія, но и произвела цѣлый переполохъ въ самой Европѣ.

принудивъ даже ея монархическія правительства вступать въ сдѣлки съ правительствомъ, вышедшимъ изъ нѣдръ революціи. Въ этотъ періодъ не только была передѣлана политическая карта Европы, но и во внутренней жизни разныхъ государствъ подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ Франціи совершались крупныя измѣненія. Вся новѣйшая западно-европейская исторія развивается въ направленіи, которое ей далъ толчекъ, вышедшій изъ Франціи. Французская революція, можно сказать поэтому, разрушала не только старую Францію, но и вообще старую Европу.

Во Франціи въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма государственная власть продолжала держаться въ общемъ старой реакціонной политики придворно-клерикальнаго абсолютизма. Между тѣмъ, ни одно государство въ такой мѣрѣ не страдало внутренними противорѣчіями, какъ тогдашняя Франція, и нигдѣ не было такой глубокой пропасти между общественнымъ сознаниемъ и общественными порядками, какъ опять-таки въ этой странѣ. Королевская власть, выступивъ здѣсь на путь социальныхъ реформъ въ духѣ культурныхъ идей, нашла бы, несомнѣнно, поддержку со стороны интеллигенціи и буржуазіи, но Бурбоны этого не сдѣлали, и въ серединѣ XVIII в. общественное движеніе стало принимать характеръ, болѣе или менѣе враждебный королевскому абсолютизму. И старыя привилегированныя сословія, и либеральная буржуазія одинаково начали видѣть въ этой власти узурпацію правъ націи, и чѣмъ больше уходило времени, и вмѣстѣ съ этимъ все менѣе и менѣе было надежды на возможность реформы сверху, тѣмъ сильнѣе французское общество проникалось мыслью о необходимости и полнаго политическаго преобразованія. Передъ глазами французовъ была англійская конституція, теорію которой далъ Монтескье въ «Духѣ законовъ», а потомъ въ качествѣ примѣра, которому они стали подражать, представилось имъ зрѣлище американской націи, учредившей у себя свободное государство. Англійское и американское движенія и были, дѣйствительно, antecedentes французской революціи.

Собственно говоря, въ трехъ странахъ западно-европейской культуры одержалъ побѣду въ три разные періода новой исторіи политическій протестантизмъ и воплотился въ соотвѣтственныя государственныя формы политической свободы: раньше всего это произошло въ Нидерландахъ, отложившихся отъ Испанской монархіи для образованія самостоятельной республики еще въ концѣ XVI вѣка; въ концѣ слѣдующаго столѣтія то же начало взяло верхъ и въ государственной жизни Англии, благодаря второй ея революціи; менѣе чѣмъ сто лѣтъ спустя, и англійскія колоніи въ Америкѣ, куда переселенцы принесли свободныя учрежденія родины и развили ихъ далѣе

на основахъ идей передоваго пуританизма XVII в., отложились отъ своей метрополіи, нарушавшей ихъ законныя права, и образовали новую республику Соединенныхъ Штатовъ *). Въ XVIII в. ля французъ Англія и Америка сдѣлались странами свободы, къ которой они стали стремиться и у себя на родинѣ. Извѣстно, что англійскія философскія и политическія идеи повліяли на французскую литературу XVIII в., и къ этому нужно еще прибавить, что и сами французы тогдашняго времени любили ѣздить въ Англію и прославляли ея внутреннюю свободу: только послѣ американской войны за независимость, въ которой Франція тоже принимала участіе, они перенесли свои политическія симпатіи и на новую свободную націю за Атлантическимъ океаномъ. Въ серединѣ XVIII в. Монтескье изобразилъ англійскую конституцію, какъ идеаль устройства, наилучшимъ образомъ, по его мнѣнію, обезпечивающаго законную свободу, и хотя его политическое построение и не вполне соответствовало дѣйствительнымъ отношеніямъ, существующимъ между англійскими государственными властями, тѣмъ не менѣе, его теорія о томъ, что свобода гражданина болѣе всего обезпечивается раздѣленіемъ властей законодательной, исполнительной и судебной между тремя самостоятельными органами, сдѣлалась своего рода политическимъ догматомъ. Еще большее впечатлѣніе произвела на французъ американская революція. Колонисты, возставшіе противъ метрополіи, которая ихъ притѣсняла, обратились ко всему цивилизованному міру съ торжественной деклараціей правъ, основывая свое отложеніе отъ Англіи на популярныхъ въ то время идеяхъ философіи естественнаго права, и французы поняли дѣло такъ, будто новое государство было связано своимъ возникновеніемъ исключительно примѣненію къ жизни отвлеченныхъ принциповъ.

Понятно, что здѣсь мы не можемъ останавливаться на самомъ ходѣ событій въ эту важную эпоху западно-европейской исторіи, но намъ въ этомъ очеркѣ происхожденія современнаго государства и общества на Западѣ и не это, конечно, нужно: главное дѣло въ томъ, чтобы выяснить то значеніе, которое французскія событія конца XVIII в. имѣютъ для остальной Западной Европы въ XIX в.—Понятіе стараго порядка, о которомъ шла у насъ рѣчь выше, сложилось для обозначенія политическаго и сословнаго строя, уничтоженнаго во Франціи революціей. Задачею своею послѣдняя поставила себѣ полную замѣну этого строя другимъ, основаннымъ на принципахъ раціоналистическаго естественнаго права, на идеяхъ свободы и равенства. Въ 1789 г. французы хотѣли, чтобы прежній абсолютизмъ былъ замѣненъ самоуправленіемъ націи,

*) Объ этомъ подробнѣе въ слѣдующемъ очеркѣ.

а сословныя привилегіи уступили мѣсто безусловному гражданству. Таковы были основныя стремленія переворота 1789 года, но то же самое можно сказать и о другихъ политическихъ движеніяхъ того же самаго характера съ конца XVIII в. Эти принципы были запечатлѣны въ цѣломъ рядѣ разнаго рода декларацій и конституцій, издавіемъ которыхъ сопровождались обыкновенно эти политическія движенія. Въ данномъ отношеніи особенно интересно сравнить между собою французскую декларацію правъ человѣка и гражданина, выработанную въ 1879—91 гг., съ соотвѣтственною частью германской конституціи 1849 г. Это сравненіе покажетъ намъ, что и въ началѣ, и въ концѣ періода чисто политическихъ революцій мы имѣемъ дѣло съ одними и тѣми же принципами политической свободы и гражданского равенства. На протяженіи 60 лѣтъ между 1789 и 1849 гг. совершился на Западѣ Европы цѣлый рядъ политическихъ переворотовъ, но всѣ они имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ. Французская декларація правъ человѣка и гражданина исходитъ изъ того общаго положенія, что «единственными причинами общественныхъ бѣдствій и порчи правительствъ» являются «незнаніе, забвеніе или презрѣніе правъ человѣка», правъ, которыя декларація называетъ «естественными, не отчуждаемыми и священными». Выводы, какіе могутъ быть сдѣланы изъ этихъ правъ, декларація провозглашаетъ простыми и безспорными. «Люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ». Таковъ первый и основной принципъ всей деклараціи. Права эти заключаются въ «свободѣ, собственности, безопасности и сопротивленіи угнетенію», причѣмъ свобода опредѣляется, какъ «возможность дѣлать все, что не вредитъ другому». Такимъ образомъ, поясняетъ декларація, «пользованіе каждаго человѣка его естественными правами не имѣетъ границъ кромѣ тѣхъ, которыя обезпечиваютъ за другими членами общества пользованіе тѣми же правами». Нѣсколькими спеціальными статьями устанавливаются разные виды индивидуальной свободы, т.-е. личная неприкосновенность, свобода совѣсти, свобода мысли, свобода слова и свобода печати. Собственность также объявляется ненарушимымъ и священнымъ правомъ, въ силу чего никто не можетъ быть ея лишаемъ, кромѣ случаевъ, когда того требуетъ общественная надобность, да и то лишь подъ условіемъ законнаго вознагражденія. Свободныя личности должны пользоваться полнымъ равенствомъ передъ закономъ: декларація допускаетъ существованіе лишь такихъ общественныхъ различій, которыя основаны на общей пользѣ. «Законъ долженъ быть равный для всѣхъ, имѣть ли онъ цѣлью защиту или наказаніе. Такъ какъ всѣ граждане передъ нимъ равны, то они должны быть одинаково допускаемы ко всѣмъ званіямъ, мѣстамъ и общественнымъ должностямъ по своимъ способностямъ и безъ иныхъ

различій, кромѣ существующихъ въ ихъ добродѣтели и талантахъ». Равнымъ образомъ декларація говорила и о равномѣрномъ распредѣленіи налоговъ между гражданами сообразно съ ихъ средствами. Совокупности свободныхъ гражданъ декларація отдавала, далѣе, верховную власть въ государствѣ. «Принципъ всей верховной власти находится существеннымъ образомъ въ націи. Законъ есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ право лично или чрезъ представителей участвовать въ изданіи законовъ», а также «право лично или чрезъ своихъ представителей опредѣлять необходимость общественныхъ налоговъ, свободно на нихъ соглашаться, слѣдить за ихъ употребленіемъ, устанавливать ихъ размѣръ, основаніе раскладки, способъ взиманія и срокъ». Поэтому декларація объявляла, что «никакое учрежденіе, никакое лицо не можетъ осуществлять власти, не происходящей прямо отъ націи», и что «общество имѣетъ право требовать отчета у каждаго публичнаго агента своей администраціи».

Приблизительно тѣ же самые принципы мы находимъ формулированными въ томъ отдѣлѣ германской конституціи 1849 г., который носитъ заголовокъ «основныя права нѣмецкаго народа». Подобно тому какъ декларація правъ челоуѣка и гражданина объявляла свои принципы стоящими выше конституціи, такъ и здѣсь провозглашалось, что упомянутыя основныя права должны «служить нормою для конституцій отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ». Въ нѣсколькихъ статьяхъ конституція 1849 г. говоритъ, какъ и декларація 1791 г., о личной неприкосновенности и о разныхъ видахъ индивидуальной свободы; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ германская конституція только обстоятельнѣе своего прототипа, прибавляя, напр., особый параграфъ о правѣ народныхъ собраній. Очень подробно говорится въ конституціи и о гражданскомъ равенствѣ. «Передъ закономъ нѣтъ различія сословій. Дворянство, какъ сословіе, отмѣняется. Сословныя привилегіи уничтожаются. Нѣмцы равны передъ закономъ. Всѣ титулы, поскольку они не соединены съ какою-либо должностію, отмѣняются и не должны быть возстановляемы. Общественныя должности одинаково доступны для всѣхъ, способныхъ ихъ занимать» и т. п. И въ Германіи конституція основывала государство на народномъ представительствѣ. «Каждое нѣмецкое государство, гласитъ одна статья этого законодательнаго памятника, должно имѣть конституцію съ народнымъ представительствомъ. Министры отвѣтственны передъ народнымъ представительствомъ. Народное представительство имѣетъ рѣшающій голосъ въ вопросахъ законодательства, налоговъ и государственнаго бюджета».

Мы видимъ такимъ образомъ почти полное совпаденіе между политическими принципами двухъ революцій, отдѣленныхъ одна отъ другой болѣе чѣмъ полууѣкомъ. Въ обоихъ случаяхъ исходный пунктъ

одинъ и тотъ же—идея свободной личности, равноправной съ другими личностями и подчиняющейся лишь закону, какъ выраженію общей воли. Разъ каждая отдѣльная личность свободна, то и народъ, какъ совокупность подобныхъ личностей, долженъ управляться самъ собою. Слѣдовательно вся разсматриваемая нами политическая программа можетъ быть выражена въ трехъ принципахъ: личная свобода, безусловное гражданство, народное самоуправленіе. Это самоуправленіе осуществляется посредствомъ представительныхъ учреждений, которыя дѣлаются на Западѣ главною цѣлью политической борьбы со стороны защитниковъ индивидуальной свободы и гражданского равенства. Представительныя учреждения не были новостью въ исторіи западно-европейскаго государства, потому что возникли еще въ средніе вѣка, но между старыми и новыми учреждениями этого характера есть большая разница: средневѣковое представительство было сословнымъ въ соотвѣтствіи съ сословнымъ строемъ общества, тогда какъ представительство новое является, по крайней мѣрѣ, въ теоріи представительствомъ національнымъ, общенароднымъ. Въ исторіи французской революціи можно отмѣтить весьма опредѣленно моментъ, когда произошла замѣна одного политическаго принципа другимъ. Именно 17 іюня 1789 года сословные генеральные штаты превратились въ безусловное національное собраніе, и это превращеніе въ исторіи представительныхъ учреждений было концомъ одного періода и началомъ другого, хотя уже раньше англійскій парламентъ утратилъ слѣды своего сословнаго происхожденія, а начало сословности продолжало еще жить и позднѣе въ нѣмецкихъ представительныхъ учрежденіяхъ XIX в. Сословное представительство возможно только въ обществѣ, расчлененномъ на сословія, но дѣло именно въ томъ и заключается, что французская революція положила конецъ сословнымъ привилегіямъ во имя идеи гражданского равенства. И въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы можемъ указать на дату, когда сразу рухнулъ весь социальный феодализмъ, и на его развалинахъ основано было безусловное гражданство. Какъ извѣстно, это произошло въ знаменитомъ ночномъ засѣданіи четвертаго августа 1789 г. Рѣшенія, принятыя въ этомъ засѣданіи представителями французскаго народа, для социальныхъ отношеній имѣли тотъ же смыслъ, какой въ политической области получило постановленіе 17 іюня. Впослѣдствіи эти рѣшенія вышли въ составъ конституціи 1791 г., которая на первыхъ же строкахъ своихъ объявляла «безповоротно уничтоженными всѣ учреждения, оскорблявшія свободу и равенство правъ»: «нѣтъ больше, читаемъ мы въ этой конституціи, ни дворянства, ни пэрства, ни наслѣдственныхъ отличій, ни сословнаго раздѣленія, ни феодальнаго режима, ни патримоніальной юстиціи, ни какихъ-либо титуловъ, званій и прерогативъ, изъ

всего этого возникающихъ, ни какихъ-либо рыцарскихъ орденовъ, корпорацій и украшеній, для которыхъ требовались бы доказательства дворянства или которые предполагали бы неравенство рожденія». Поэтому далѣе прямо заявлялось, что впредь во Франціи будетъ существовать только одно состояніе гражданъ (l'état des citoyens). Мы видѣли, что аналогичное постановленіе было включено и въ германское уложеніе 1849 г. Естественными правами всѣхъ гражданъ декларация 1791 г. признавала одинаковое для всѣхъ право занимать разныя государственныя и общественныя должности, равномерность распределенія между гражданами налоговъ и общую подсудность однимъ и тѣмъ же уголовнымъ законамъ.

Въ это состояніе гражданъ вслѣдствіе этого пересмотра вступили во Франціи и тѣ общественные классы, которые ранѣе вообще не считались полноправными гражданами государства и даже были лишены самыхъ элементарныхъ правъ свободныхъ людей. Въ такомъ положеніи находилась въ до-революціонной Франціи почти вся масса сельскаго населенія. Правда, число крѣпостныхъ здѣсь было сравнительно съ нѣкоторыми другими континентальными странами очень небольшое, но и свободная часть крестьянства все еще продолжала находиться подъ властью привилегированныхъ землевладѣльцевъ духовнаго и свѣтскаго званія. Поземельная собственность, находившаяся въ рукахъ непривилегированныхъ сословій, тоже не была свободна, такъ какъ и на нее распространялись извѣстныя права привилегированныхъ землевладѣльцевъ. Мало того: неравенство, существовавшее между лицами, переносилось и на самыя земли, тоже дѣлившіяся на благородныя и подлыя. Освобождая личность крестьянина, новый законъ вмѣстѣ съ этимъ освобождалъ и его собственность; устанавливая равенство между людьми, онъ устанавливалъ равенство и между землями. Вообще нужно сказать, что и другія политическія движенія съ конца прошлаго вѣка въ большинствѣ случаевъ были связаны съ исторіей крестьянскаго вопроса тамъ, гдѣ продолжали существовать феодальныя порядки и крѣпостничество. Окончательная ликвидація этихъ социальныхъ отношеній чисто средневѣковаго происхожденія была предпринята въ Западной Европѣ лишь подъ влияніемъ событій 1848 г. Это было естественное примѣненіе къ общественной жизни принциповъ юридической свободы и равенства передъ закономъ.

Философія естественнаго права должна была отнести отрицательно ко всѣмъ порядкамъ и учрежденіямъ, которыя не оправдывались передъ идеями разума, и съ этой точки зрѣнія все исторически сложившееся подлежало отмѣнѣ, поскольку противорѣчило новымъ понятіямъ о правахъ личности и о происхожденіи и задачахъ государства. Когда французскому національному собранію пришлось создавать

новую административную систему, то въ основу дѣленія государства на департаменты были положены не исторически сложившіяся границы провинцій, округовъ, бальяжей и т. п., а чисто отвлеченные принципы геометріи и ариѳметики: каждый департаментъ долженъ былъ быть по возможности равной съ другими величины и имѣть приблизительно одинаковое количество жителей. Это было новымъ разрывомъ съ исторіей во имя чисто отвлеченнаго представленія государства, въ которомъ все должно быть основано на отвлеченныхъ принципахъ. Философія естественнаго права знала только индивидуальную свободу и общегосударственный интересъ. Все промежуточное между отдѣльною личностью и политическимъ цѣлымъ съ этой точки зрѣнія не могло и не должно было имѣть самостоятельнаго значенія. Французскіе департаменты вышли поэтому совершенно искусственными административными единицами, которыя съ удобствомъ могли уложиться въ систему административной централизаціи. Отдѣльная личность, которой не разрѣшалось создавать общественные союзы корпоративнаго характера, равнымъ образомъ оказалась слишкомъ слабою въ сравненіи прежде всего съ государствомъ, какъ представителемъ правильно или неправильно понимаемаго общаго интереса. Принципъ личной свободы французская революція примѣнила и къ труду, къ промышленной дѣятельности человѣка. Въ этой области индивидуумъ долженъ былъ быть свободнымъ, и притомъ не по отношенію къ одному только государству. Уничтожая крѣпостничество, барщину, разнаго рода стѣсненія, которымъ крестьянинъ подвергался въ своей хозяйственной дѣятельности, революція тѣмъ самымъ освобождала личный трудъ, но тогдашняя экономическая школа фізіократовъ, опиравшаяся на идею естественнаго порядка, требовала давно отмѣны стѣсненій для свободы труда и промышленности и въ области индустріи. Свободѣ въ этой сферѣ препятствовала старая цеховая организація ремеселъ, въ которой притомъ начала эксплуатаціи въ значительной мѣрѣ расшатали старыя основы солидарности работниковъ одной и той же спеціальности. Во имя свободы личности революція не только отмѣнила всѣ цеховыя учрежденія, но даже и на будущее время запретила устраивать какія бы то ни было ассоціаціи на почвѣ общихъ экономическихъ интересовъ, дабы ни подъ какимъ видомъ старые цехи не могли возродиться къ жизни. Въ такомъ именно смыслѣ французское національное собраніе издало 14 іюня 1791 года спеціальныи декретъ. Тогдашніе французскіе законодатели усматривали въ возможныхъ попыткахъ основанія новыхъ союзовъ нѣчто «не-конституціонное и заключающее въ себѣ покушеніе на свободу и декларацію правъ человѣка». Представляя этотъ декретъ національному собранію, докладчикъ, на которомъ лежала обязанность подробно мотивировать принимаемое рѣшеніе, ука-

зываетъ на то, что въ государствѣ не должно быть иныхъ интересовъ, кромѣ частнаго интереса каждаго отдѣльнаго лица и интереса общаго: «никому, говорилъ онъ, не дозволяется вступать гражданамъ какой-то промежуточный интересъ и отдѣлять ихъ отъ общественнаго дѣла корпоративнымъ духомъ», тѣмъ болѣе, что корпораціи противорѣчатъ принципу «свободныхъ соглашеній лица съ лицомъ».

Итакъ, революція знала только отдѣльную личность и государство и ничего промежуточнаго между ними. Если можно такъ выразиться, она атомизировала общество, уничтоживъ старые общественные союзы, сословія и корпораціи и поставивъ каждаго отдѣльнаго чело-вѣка лицомъ къ лицу съ другими единичными личностями и съ государственною властью, построенною на новомъ началѣ. Самостоятельные общественные союзы стѣсняли личную свободу и мѣшали проявленію государственнаго всемогущества; но въ нихъ была и другая сторона, а именно солидарная защита общихъ интересовъ и соединенныхъ съ ними правъ: снимая съ личности прежнія путы, революція отнимала у него и возможность обороняться въ союзѣ съ другими. Вотъ почему въ той критикѣ революціоннаго законодательства, которая шла изъ консервативнаго лагеря, уже тогда не все было результа-томъ предрасудковъ и непониманія.

Кромѣ отдѣльныхъ провинцій, сословія и корпорацій, основывавшихся на историческомъ правѣ,—хотя бы такого термина тогда и не существовало,—революціи пришлось еще имѣть дѣло съ организаціей, которая ссылалась на право еще вышшаго порядка, на божественное право. Съ точки зрѣнія естественнаго права личности новый режимъ отнялъ у католической церкви ея прежнюю власть надъ обществомъ, провозгласивъ свободу совѣсти и равноправность всѣхъ исповѣданій. Но и въ этой области національное собраніе не хотѣло допустить свободной общественной организаціи, взглянувъ на церковь, какъ на чисто государственное учрежденіе, а на служителей религіи, какъ на своего рода общественныхъ чиновниковъ. Таковъ былъ именно смыслъ такъ называемаго гражданскаго устройства духовенства, декретированнаго 12 іюля 1790 г. И здѣсь отдѣльная личность, за которою признавалась свобода совѣсти, но не признавалась свобода религіознаго общенія, ставилась лицомъ къ лицу съ государствомъ, преобразовывавшимъ по своему усмотрѣнію и въ своихъ интересахъ внутренніе распоряжкіи католической церкви. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ государство не разрушало старой организаціи, а приспосаблило ее къ своимъ цѣлямъ, хотя вслѣдствіе этого ему и пришлось прійти въ столкновеніе съ принципомъ религіозной свободы. Вообще революціонныя правительства конца XVIII в. охотно расширяли индивидуальную свободу лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она не сталкивалась съ

государственнымъ интересомъ (*raison d'état*), который тоже обосновывался на идеѣ естественнаго права. Революція уничтожала старые порядки и учрежденія, опиравшіеся на историческомъ или божественномъ правѣ во имя права естественнаго—которое понималось не только въ смыслѣ индивидуальной свободы, но и въ смыслѣ государственнаго интереса. Права и привилегіи отдѣльных мѣстностей, сословій и корпорацій приносились въ жертву не только личностей, но и государства. Нивелируя общество, государство въ то же время его атомизировало, и это не могло не отразиться на взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльных классовъ общества. Мы еще увидимъ, какое значеніе получила отмѣна цеховъ въ той промышленной революціи, которая тоже положила свою печать на взаимное отношеніе социальныхъ классовъ въ XIX столѣтіи.

Намъ остается еще рѣшить вопросъ о томъ, какіе общественные элементы получили наибольшую выгоду отъ крушенія старыхъ порядковъ, отъ введенія безсословнаго гражданства и народнаго самоуправления. Проиграли, конечно, оба привилегированныя сословія — духовенство и дворянство, которыя лишились своего господствующаго положенія въ обществѣ, своихъ исключительныхъ правъ, своей власти надъ сельскимъ населеніемъ и значительной части ранѣе принадлежавшихъ имъ земель и доходовъ. Эти два сословія уже въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма представляли изъ себя консервативную оппозицію противъ задумывавшихся или проводившихся тогда реформъ. Между привилегированными и революціей могла быть только борьба, и паденіе революціоннаго движенія необходимо должно было сопровождаться клерикальной и феодальной реакціей. Выиграли отъ введенія новыхъ порядковъ вообще всѣ непривилегированные, хотя въ весьма различныхъ степеняхъ и далеко не въ одинаковыхъ отношеніяхъ. Непривилегированные сами распались на нѣсколько классовъ, различавшихся между собою и въ экономическомъ, и въ культурномъ смыслахъ. Въ общемъ, однако, мы имѣемъ право говорить о двухъ большихъ частяхъ націи, изъ которыхъ одну стали называть буржуазіей, другую—народомъ. Эти два класса были заинтересованы въ паденіи старыхъ порядковъ, но новые порядки получили для нихъ неодинаковое значеніе. Наиболѣе выиграла отъ революціи буржуазія.

Въ экономическомъ и культурномъ отношеніяхъ буржуазія при старомъ порядкѣ уже возвысилась до того уровня, на которомъ находилось дворянство, но въ отношеніяхъ юридическомъ и политическомъ между обоими классами существовала громадная разница. Зажиточный и образованный буржуа постоянно чувствовалъ приниженность своего положенія и вслѣдствіе этого дѣлался горячимъ противникомъ аристократическихъ привилегій. Паденіе стараго сословнаго строя ставило буржуазію на верхнюю ступень общественной лѣстницы, потому что

теперь положеніе человѣка въ обществѣ опредѣлялось не его происхожденіемъ, а его имуществомъ, и прежняя соціальная роль землевладѣнія распространилась и на движимое имущество. Все, что при старомъ порядкѣ могло быть достояніемъ только одного дворянства, дѣлалось доступнымъ и для буржуазіи. Разнаго рода препятствія, которыя существовали въ сословномъ строѣ для дальнѣйшаго развитія соціального значенія буржуазіи, исчезли, и средніе классы могли занять первенствующее положеніе въ обществѣ. Выиграло отъ революціи, конечно, и крестьянство, потому что и съ него снимались феодальныя путы; однако, этотъ общественный классъ благодаря революціи получалъ только возможность вести болѣе человѣческую жизнь: буржуазіи революція позволяла сдѣлаться общественнымъ классомъ, крестьянство она только выводила изъ приниженаго положенія. При томъ и въ сельскомъ населеніи существовали крестьяне-собственники и крестьяне безземельные. Первые выигрывали отъ уничтоженія феодальныхъ правъ и церковной десятины, тѣмъ болѣе, что это уничтоженіе было совершено во Франціи безвозмездно (не такъ, какъ это дѣлалось потомъ въ другихъ странахъ). Зато положеніе безземельнаго крестьянства революція мало чѣмъ измѣняла. Столь же мало измѣнила революція положеніе городскихъ рабочихъ, хотя, повидимому, низшіе классы городского населенія принимали наиболѣе дѣятельное участіе во всемъ этомъ движеніи, и на нихъ преимущественно опирались вожди французской демократіи. Пролетаріатъ, сначала возлагавшій большія надежды на революцію, мало-по-малу въ ней разочаровался и охладѣлъ къ ней. Это даже было одной изъ причинъ начавшейся во Франціи реакціи, приведшей къ владычеству Наполеона. Съ другой стороны, въ самой буржуазіи движенія, происходившія въ пролетаріатѣ, вызвали реакціонное настроеніе, которое тоже содѣйствовало установленію Наполеоновскаго режима. Средніе классы общества охотно ниспровергали старый соціальныи строй, поскольку онъ былъ для нихъ невыгоденъ, но вовсе не хотѣли поступиться тѣми выгодами, которыя вытекали для нихъ изъ ихъ экономическаго положенія въ новомъ строѣ. Въ разрушеніи привилегій буржуазія и народъ шли рука-объ-руку и дѣйствовали солидарно, но когда побѣда надъ старымъ порядкомъ была одержана, обнаружилось, что въ пониманіи свободы и равенства между буржуазіей и народомъ не было полнаго согласія. Задача буржуазіи заключалась въ томъ, чтобы консолидировать сдѣланныя ею пріобрѣтенія, въ народныхъ же массахъ существовало представленіе, что совершившееся есть только начало цѣлаго ряда новыхъ измѣненій.

Наше представленіе о происхожденіи современнаго западно-европейскаго строя было бы неполнымъ, если бы мы ограничились, какъ это дѣлалось раньше, указаніемъ на общее значеніе перемѣнъ,

произведенныхъ въ жизни политическимъ переворотомъ 1789 г. Одновременно съ нимъ происходила и экономическая, или индустриальная революція, положившая начало всему новѣйшему экономическому строю.

Экономическій переворотъ, который приурочивается къ концу XVIII и началу XIX в., былъ результатомъ трехъ тѣсно связанныхъ между собою процессовъ, изъ которыхъ каждый можетъ быть рассмотрѣнъ независимо отъ другихъ. Однимъ изъ этихъ процессовъ было образованіе пролетаріата, которое само было результатомъ обезземленія народной массы. Другой процессъ заключался въ разложеніи и паденіи стараго цехового устройства промышленности, препятствовавшего развитію крупнаго производства. Наконецъ, третій процессъ, — это изобрѣтеніе машинъ и введеніе ихъ въ производство. Связь между этими тремя процессами заключается въ томъ, что крупная промышленность могла достигнуть наибольшаго развитія лишь при существованіи большого количества свободныхъ рукъ при отбѣнѣ старыхъ установленій, поддерживавшихъ мелкое производство, и при тѣхъ новыхъ техническихъ изобрѣтеніяхъ, которыя выразились, главнымъ образомъ, въ усовершенствованныхъ механическихъ способахъ, замѣнившихъ прежній исключительно ручной трудъ.

Обезземленіе народной массы въ Западной Европѣ имѣетъ свою длинную исторію, въ которой необходимо различать юридическую и экономическую стороны. Въ средніе вѣка въ эпоху полнаго господства феодализма и крѣпостническихъ отношеній между крестьянскою массою и землею существовала самая тѣсная связь. Если крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ, то можно сказать, что и земля была прикрѣплена къ крестьянину. Освобожденіе крестьянина въ Западной Европѣ, начавшееся еще во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, сопровождалось ослабленіемъ и даже прекращеніемъ той юридической связи, которая существовала раньше между сельскимъ населеніемъ и землей. Если, однако, свободный поселенинъ во многихъ случаяхъ переставалъ быть собственникомъ или владѣльцемъ земли, изъ этого еще не слѣдовало, чтобы онъ сразу переставалъ быть самостоятельнымъ сельскимъ хозяиномъ, хотя бы и на чужой землѣ въ качествѣ половника или фермера. Мелкое крестьянское землевладѣніе могло сокращаться, и на его счетъ могла расширяться крупная помѣщичья собственность, но этотъ процессъ не влекъ за собою уничтоженія мелкаго крестьянскаго хозяйства и замѣны его крупнымъ хозяйствомъ помѣщичьяго типа, такъ что крупная поземельная собственность вполнѣ уживалась съ мелкимъ крестьянскимъ хозяйствомъ. Но лишь на почвѣ развитія крупной собственности на счетъ мелкаго землевладѣнія сдѣлалось возможнымъ и развитіе крупнаго хозяйства на счетъ хозяйства мелкаго, и въ этомъ заключается другая сторона разсматриваемаго процесса. Нужно замѣ-

тить, что юридическое состояніе лица и экономическое отношеніе къ землѣ могли находиться въ довольно различныхъ комбинаціяхъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ процессъ обезземеленія народной массы шелъ рука-объ-руку съ ея раскрѣпощеніемъ, но возможнымъ было и обезземеленіе крестьянъ при сохраненіи надъ ними старой помѣщичьей власти. Такой случай мы наблюдаемъ именно въ Мекленбургѣ, гдѣ въ XVII и XVIII вв. въ широкихъ размѣрахъ происходило обезземеленіе крестьянъ, оставшихся, тѣмъ не менѣе, до начала XIX столѣтія въ крѣпостной зависимости. Юридическое отношеніе мелкихъ хозяевъ къ обрабатываемой ими землѣ могло быть также весьма различное, но былъ ли крестьянинъ мелкій собственникъ или чиншевикъ, половникъ или денежный арендаторъ, онъ былъ все-таки самостоятельнымъ хозяиномъ, хотя бы даже и не пользовался полными правами гражданства. При замѣнѣ мелкаго хозяйства какого бы то ни было вида хозяйствомъ крупнымъ крестьяне, такъ или иначе, лишавшіеся участковъ, на которыхъ они сидѣли, превращались изъ самостоятельныхъ хозяевъ въ наемныхъ рабочихъ, въ батраковъ, которые уже работали въ чужихъ хозяйствахъ, велись ли послѣднія самими землевладѣльцами или посторонними предпринимателями, снимавшими у нихъ земли большими участками. Именно обезземеленіе крестьянства во второмъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ разрыва его хозяйственной связи съ землей, главнымъ образомъ и содѣйствовало образованію пролетаріата, безъ котораго не могла бы развиваться крупная обрабатывающая промышленность.

Въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ и съ болѣею или меньшею скоростью процессъ обезземеленія совершался во всѣхъ западноевропейскихъ государствахъ, но нигдѣ онъ не происходилъ въ такихъ размѣрахъ и съ такою быстротою, какъ въ Англіи, гдѣ уже во времена Адама Смита общество представлялось рѣзко раздѣленнымъ на три отдѣльныхъ класса: однимъ изъ нихъ были болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы, такъ какъ въ то время мелкая крестьянская собственность почти совсѣмъ исчезла; другой классъ составляли капиталисты, которые, между прочимъ, въ качествѣ болѣе или менѣе крупныхъ фермеровъ вкладывали свои капиталы въ сельско-хозяйственныя предпріятія; наконецъ, вся остальная масса населенія состояла почти исключительно изъ рабочихъ, жившихъ продажей своего труда, между прочимъ, и въ фермерскихъ предпріятіяхъ. Къ концу XVIII и началу XIX вв. этотъ процессъ въ Англіи окончательно завершился. Еще за сто лѣтъ передъ тѣмъ, т.-е. въ эпоху второй революціи Англіи, была странюю, главнымъ образомъ, земледѣльческою, но уже въ семидесятихъ годахъ XVIII в. половина всего населенія страны жила въ городахъ, тогда какъ, напримѣръ, во Франціи въ эпоху

великой революціи городскіе жители составляли лишь одну четвертую часть всего населенія государства. Нѣкоторыя стороны этого процесса съ особенною рѣзкостью бросаются въ глаза. Именно въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв. въ Англіи издано было множество парламентскихъ актовъ о такъ называемомъ огораживаніи, посредствомъ которыхъ поступали въ пользу лендлордовъ общинныя земли, находившіяся раньше въ свободномъ пользованіи сельскихъ жителей. Подобные акты издавались и прежде, но никогда это огораживаніе не производилось въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, какъ на рубежѣ XVIII и XIX вв.: съ 1760 по 1832 г. такихъ актовъ было издано болѣе трехъ съ половиною тысячъ, и благодаря имъ лендлорды приобрѣли безъ малаго семь милліоновъ акровъ. Рядомъ съ этимъ происходили такъ называемыя очистки имѣній, заключавшіяся въ томъ, что у мелкихъ фермеровъ по окончаніи аренднаго срока отбирались ихъ участки для соединенія нѣсколькихъ мелкихъ арендъ въ одну крупную или для превращенія ихъ въ пастбища и искусственные луга.

Другой процессъ, содѣйствовавшій экономическому перевороту, заключался въ паденіи средневѣковой цеховой организаціи промышленности. Пока существовала эта организація, поддерживавшая мелкое производство, развитіе крупной промышленности было сильно стѣснено. Правда, сами цехи, возникшіе еще во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, переживали въ послѣднее столѣтіе своего существованія процессъ внутренняго разложенія, но пока держались законы, ограждавшіе цеховую организацію, она охватывала собою множество производствъ и самымъ своимъ существованіемъ препятствовала развитію фабрикъ и заводовъ болѣе крупныхъ размѣровъ. Противъ цеховъ въ томъ видѣ, какъ они существовали въ XVIII в., раздавались въ общемъ довольно справедливыя жалобы, въ которыхъ указывалось на то, что эти ремесленныя корпораціи получили чисто олигархическій характеръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ одной стороны, стѣсняли свободу труда, а съ другой—тормозили техническіе успѣхи производства. Новая экономическая школа физиократовъ по отношенію къ цехамъ заняла положеніе весьма неблагопріятное, и величайшій представитель физіократіи Тюрго, въ бытность свою министромъ, сдѣлалъ даже попытку отмѣнить въ Франціи цеховую организацію промышленности. Около того же времени англійскій родоначальникъ политической экономіи, Адамъ Смитъ, равнымъ образомъ высказывался въ томъ смыслѣ, что цеховыя привилегіи нарушаютъ самыя священныя права личности. Французская революція на вѣки отмѣнила цехи на ряду съ другими учрежденіями, отжившими свое время, и во всѣхъ странахъ, на которыя въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вв. распространилось дѣйствіе революціоннаго законодательства, эта ста-

ринная промышленная организація прекратила свое существованіе. Уничтожая въ 1791 г. прежнія ремесленные корпораціи, учредительное собраніе запрещало, вмѣстѣ съ тѣмъ, какіе бы то ни было договоры и союзы между «гражданами одного и того же ремесла». Послѣ этого препятствія, которое цеховой строй ставилъ развитію крупной промышленности, исчезли, а запрещенія соглашеній между рабочими создавали въ пользу предпринимателей такія условія найма, при которыхъ трудъ вполне отдавался въ жертву капиталу. Въ Англіи до середины двадцатыхъ годовъ XIX в. тоже существовали законы, воспрещавшіе коалиціи рабочихъ, поскольку послѣднія могли быть вредны интересамъ предпринимателей, но, съ другой стороны, какъ-разъ въ это время рядомъ послѣдовательныхъ актовъ парламентъ отмѣнилъ старые законы, которые мѣшали развитію крупной промышленности и, регулируя взаимныя отношенія мастеровъ и подмастерьевъ, ограждали интересы послѣднихъ противъ чрезмѣрной эксплуатаціи. Походъ противъ цеховъ начался и въ Германіи, гдѣ тоже сторонники экономической свободы стали оказывать вліяніе на законодательство. Напримѣръ, въ Пруссіи въ 1808—1810 гг. по вопросу о цехахъ работала особая коммиссія, которая доказывала необходимость полной отмѣны этой системы, ссылаясь при этомъ на французское законодательство. Одно изъ королевскихъ распоряженій, введившее новый промысловый налогъ, дозволило каждому, купившему извѣстный патентъ, заниматься тѣмъ или другимъ ремесломъ въ данной мѣстности безъ всякой помѣхи со стороны какихъ бы то ни было корпорацій, вслѣдствіе чего принадлежность къ цеху для занятія какимъ бы то ни было ремесломъ дѣлалась излишнею, а въ слѣдующемъ году другой королевскій указъ перенесъ многія права цеховъ на представителей полицейской власти, и въ силу этого новаго закона принадлежность къ цеху не приносила ремесленнику никакой особой выгоды. Подобные законы, само собою разумѣется, только облегчали во многихъ отрасляхъ промышленности переходъ отъ ремесленного производства къ фабричному. Мастера, которые прежде были сами подмастерьями, и подмастерья, имѣвшіе бѣльшую или меньшую возможность со временемъ сдѣлаться мастерами, стали замѣняться, съ одной стороны, фабрикантами-капиталистами, съ другой—наемными рабочими: произошла такимъ образомъ соціальная дифференціація, и трудъ былъ разлученъ съ орудіями производства. Описанный процессъ обезземеленія сельской массы создалъ множество свободныхъ рукъ, которыя и нашли примѣненіе въ крупной промышленности, послѣ того какъ паденіе цеховъ уничтожило послѣднія преграды для ея развитія. Равнымъ образомъ паденіе стараго цехового законодательства очищало поле и для широкаго примѣненія

усовершенствованных орудій производства, которыя стали изобрѣтаться въ громадномъ количествѣ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв. Мы и остановимся на томъ значеніи, которое принадлежитъ въ исторіи экономического переворота введенію новыхъ орудій производства, т.-е. машинъ, въ разныя отрасли обрабатывающей промышленности, въ чемъ и заключается третья сторона разсматриваемой нами индустріальной революціи.

Въ каждой машинѣ мы должны различать, кромѣ механизмовъ, передающихъ движеніе, механизмы, приводящіе всю машину въ движеніе, и механизмы, непосредственно работающіе надъ матеріаломъ производства. На самыхъ раннихъ ступеняхъ технического развитія движущую силу представлялъ собою самъ человѣкъ или замѣнявшее его домашнее животное (лошадь, осель, волъ), а надъ матеріаломъ обработки оперировали руки самого человѣка, вооруженныя наиболѣе простыми орудіями. Движущіе и работающіе инструменты съ развитіемъ техники и стали заступать мѣсто силъ и рукъ человѣка. Еще въ древности была изобрѣтена водяная мельница, которая впоследствии (сравнительно очень поздно) была примѣнена и къ нѣкоторымъ отраслямъ обрабатывающей промышленности. Въ серединѣ XVIII в. была придумана паровая машина и вскорѣ послѣ этого стала примѣняться къ фабричному производству (1785). Это былъ цѣлый переворотъ въ исторіи обрабатывающей промышленности. Водяная сила была, такъ сказать, прикована къ извѣстному мѣсту, зависѣла отъ атмосферическихъ условій и не могла быть произвольно увеличиваема, тогда какъ паровая машина могла быть поставлена гдѣ угодно, работать независимо отъ временъ года и отъ погоды и давать по желанію человѣка ту или другую силу. Одновременно съ этимъ переворотомъ обрабатывающая промышленность переживала эпоху изобрѣтенія цѣлаго ряда механизмовъ, замѣнявшихъ собою прежніе ручные инструменты. Эти новыя орудія, въ сущности, исполняли тѣ же работы, какія и ранѣе производились при помощи старыхъ инструментовъ, но если прежде рабочій могъ дѣйствовать только однимъ инструментомъ, то машина стала дѣлать то же самое сразу цѣлою массою однородныхъ, а иногда и разнородныхъ инструментовъ. Подобно тому, какъ изобрѣтеніе паровой машины увеличивало во много разъ количество той силы, которою прежде пользовался человѣкъ въ разныхъ производствахъ, такъ и это изобрѣтеніе новыхъ рабочихъ машинъ страшно ускоряло процессъ изготовленія тѣхъ или другихъ продуктовъ. Еще въ тридцатыхъ годахъ XVIII в. была изготовлена первая самопрялка, которая съ конца шестидесятихъ годовъ стала приводиться въ движеніе водяною силою, замѣненною впоследствии паромъ. Около 1770 года другое аналогичное изобрѣтеніе сдѣлало возможнымъ

прясть одновременно нѣсколько нитей. Въ 1785 году въ то самое время, когда въ первый разъ сила пара была примѣнена къ бумагопрядильной промышленности, была изобрѣтена и механической станокъ для тканья, получившій свой окончательный видъ въ 1813 году. Новыя прядильныя и ткацкія машины были наиболѣе важными изобрѣтеніями этого рода, потому что одновременно были придуманы и стали вводиться въ употребленіе и разныя другія машины. Этотъ техническій прогрессъ коснулся точно также и добывающей промышленности. Собственно говоря, сила пара ранѣе всего была примѣнена въ горнозаводскомъ дѣлѣ, а потомъ уже на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ. Къ числу наиболѣе раннихъ рабочихъ машинъ нужно отнести и столь важную въ сельскомъ хозяйствѣ молотилку, начало которой относится къ 1798 году. Сопоставляя между собою приведенныя даты, мы видимъ, что введеніе машиннаго производства относится какъ-разъ къ той эпохѣ, когда совершилась политическая революція конца XVIII в. Нужно только прибавить, что перечисленныя изобрѣтенія были сдѣланы и примѣнены къ дѣлу въ Англии, которая не испытала на себѣ переворота, подобнаго совершившемуся на континентѣ, и что, наоборотъ, революціонная буря и послѣдовавшія за нею наполеоновскія войны только помѣшали распространенію англійскихъ механическихъ изобрѣтеній въ ихъ родину. Промышленную революцію, ранѣе всего совершившуюся въ Англии, отдѣльныя континентальныя страны переживали уже въ XIX вѣкѣ.

Разсуждая теоретически, можно было бы ожидать, что машины, увеличивая силы человѣка и ускоряя производство необходимыхъ ему предметовъ, должны были бы оказать только благопріятное дѣйствіе на жизнь рабочихъ, которые, повидимому, могли бы только съ радостью привѣтствовать всѣ эти новыя техническія изобрѣтенія. Въ дѣйствительности вышло совсѣмъ не то. Введеніе машиннаго производства имѣло своимъ слѣдствіемъ сокращеніе потребности въ ручномъ трудѣ, какъ-будто на сцену явилась масса новыхъ рабочихъ, лишившихъ старыхъ рабочихъ ихъ обычнаго заработка. Другими словами, машины сдѣлались весьма опасными конкурентами для людей, продававшихъ свой трудъ, и уменьшили спросъ на ихъ работу. Съ другой стороны, новыя техническія изобрѣтенія создали для рабочихъ новыхъ конкурентовъ въ лицѣ ихъ женъ и дѣтей, которыхъ новые способы производства тоже привлекли къ фабричному труду. Раньше рабочая семья содержалась главнымъ образомъ трудомъ своего главы, и этимъ до известной степени опредѣлялась заработная плата, но машины, требовавшія отъ работниковъ не столько физической силы, сколько ловкости и добросовѣстности, сдѣлали воз-

возможнымъ привлеченіе на фабрики женщинъ и дѣтей. Во многихъ случаяхъ предприниматели стали даже оказывать предпочтеніе этимъ новымъ категоріямъ рабочихъ, которымъ можно было давать гораздо меньшую плату, чѣмъ взрослымъ мужчинамъ. Уменьшивъ, такимъ образомъ, спросъ на физическій трудъ, машины въ то же время поставили его въ болѣе неблагопріятныя условія и въ другихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, введеніе новыхъ механическихъ способовъ производства повлекло за собою удлиненіе рабочаго времени. Владѣльцы машинъ, приобрѣтавшіе ихъ за большія деньги, прежде всего хлопотали о томъ, чтобы эти дорого стоящія орудія производства окупали себя какъ можно скорѣе, тѣмъ болѣе, что каждая машина дѣлалась негодною къ употребленію не только отъ работы, но и отъ времени, и что новыя усовершенствованія въ машинахъ дѣлали желательнымъ наискорѣйшее извлеченіе всѣхъ выгодъ изъ старыхъ машинъ для замѣны ихъ новыми. Поэтому фабриканты заставляли машины дѣйствовать непрерывно и день, и ночь, сберегая при этомъ вдобавокъ значительную часть топлива, разъ паровые котлы при непрерывности работъ могли не остывать на продолжительное время. Отсюда у предпринимателей явилось стремленіе къ удлиненію рабочаго времени. Въ 1770 г. англійскій рабочій домъ, въ которомъ заставляли работать двѣнадцать часовъ въ сутки, называли домомъ ужаса, а въ 1833 г. парламентъ устанавливалъ, какъ милость, двѣнадцати-часовой рабочій день для подростковъ. Съ другой стороны, новые приемы производства стали требовать отъ рабочихъ гораздо болѣе напряженности и вниманія и, слѣдовательно, сдѣлали его трудъ гораздо болѣе утомительнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе однообразнымъ, превративъ рабочаго какъ бы въ слугу машины, обязаннаго совершать только одно какое-либо движеніе руками. Наконецъ, вслѣдствіе введенія машиннаго производства рабочіе стали скучиваться въ тѣсныхъ и душныхъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ обречены были теперь проводить болѣшую часть своего времени, что стало отражаться крайне неблагопріятно на ихъ здоровьѣ и настроеніи духа. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, и породили среди рабочихъ въ эпоху введенія механическихъ способовъ производства крайнее озлобленіе противъ машинъ. Нерѣдко случалось, что машины и фабричныя зданія дѣлались жертвою раздраженныхъ рабочихъ и въ иныхъ случаяхъ фабриканты ограждали свою собственность отъ подобнаго рода нападений, ставя для защиты фабричныхъ зданій и машинъ настоящіе пушки. Это нерасположеніе къ техническимъ изобрѣтеніямъ конца XVIII и начала XIX вв. отразилось даже и на взглядахъ нѣкоторыхъ теоретиковъ, которые готовы были осудить

введеніе машиннаго производства какъ явленіе вредное и потому нежелательное.

Новые способы производства, ранѣе всего утвердившіеся въ Англіи, оказали громадное вліяніе на ростъ ея національнаго богатства. Машины въ много разъ увеличили производительность человѣческаго труда, и количество вырабатываемыхъ продуктовъ стало расти съ поразительною быстротою. Но у этого явленія была и обратная сторона. Если раньше общество нерѣдко терпѣло отъ недостатка нужныхъ ему товаровъ, то теперь, наоборотъ, иногда можно было жаловаться на ихъ перепроизводство, которое тоже дѣлалось своего рода зломъ. Предприниматели изготовляли слишкомъ много какого-либо товара, а потому предложеніе превышало спросъ, и масса товара оставалась нераспроданною. Это заставляло фабрикантовъ сокращать свое производство, вслѣдствіе чего многіе рабочіе или оставались совсѣмъ безъ заработка, или должны были довольствоваться уменьшенной платой. Съ періодами процвѣтанія той или другой отрасли промышленности стали чередоваться періоды угнетеннаго состоянія, и каждый разъ наступленіе кризиса вызывало цѣлый рядъ общественныхъ бѣдствій: каждый разъ промышленный кризисъ влекъ за собою банкротство торговыхъ фирмъ и банковъ, ссужавшихъ деньги предпринимателямъ, закрытіе фабрикъ или сокращеніе производства въ тѣхъ фабрикахъ, которыя могли продолжать существованіе, и уменьшеніе или полное отсутствіе заработка. Особенно частыми сдѣлались подобные кризисы въ началѣ XIX столѣтія, и если раньше представлялась возможность объяснять возникновеніе подобныхъ явленій обстоятельствомъ военнаго времени, то впослѣдствіи, когда въ Европѣ господствовалъ миръ, внѣшнія причины уже не могли отвѣчать за результаты того, что въ сущности вытекало изъ самыхъ внутреннихъ условій капиталистическаго производства. Можно даже сказать, что такіе кризисы сдѣлались хроническою болѣзнію англійской промышленности послѣ испытаннаго ею экономическаго переворота. При господствѣ мелкой промышленности и ручного труда производство было болѣе равномернымъ, заработокъ болѣе постояннымъ, а теперь прежней устойчивости производства и заработка наступилъ конецъ, и постоянныя колебанія того и другого, конечно, не могли не отражаться самымъ гибельнымъ образомъ на матеріальномъ благосостояніи рабочихъ. Статистика самымъ неопровержимымъ образомъ стала доказывать, что въ промышленныхъ округахъ Англіи въ эпохи кризисовъ всегда падали цифры браковъ и вкладовъ въ сберегательныя кассы, и, наоборотъ, поднимались цифры смертности и преступности. Это и весьма понятно, потому что каждый кризисъ для великаго множества рабочихъ семей сопровождался болѣе или

менѣ полнымъ обнищаніемъ. Нужно прибавить, что промышленные кризисы гораздо легче переживались крупными, нежели мелкими производителями, и вслѣдствіе этого, въ свою очередь, промышленные кризисы не мало содѣйствовали общей побѣдѣ фабричнаго производства надъ ремесленнымъ. Отстаивая свое существованіе въ такія трудныя минуты, предприниматели, весьма естественно, хлопотали объ удешевленіи производства, чего и стремились достигнуть, съ одной стороны, уменьшеніемъ заработной платы, съ другой—введеніемъ новыхъ техническихъ усовершенствованій въ производствѣ. Послѣдними обстоятельствами, собственно говоря, только усиливалось то дѣйствіе, какое вообще оказывало введеніе машинъ. Кромѣ того, случалось нерѣдко, что заработная плата, понизившись во время кризиса, затѣмъ уже не поднималась до своей прежней нормы. Наконецъ, каждый кризисъ оставлялъ послѣ себя цѣлую массу нищихъ и бродягъ, попадавшихъ въ рабочіе дома или тюрьмы, которые и удерживали ихъ у себя до новаго оживленія промышленности.

Такова была сущность индустріальной революціи, и таковы были ея непосредственныя слѣдствія. Этотъ переворотъ содѣйствовалъ небывалому дотошъ развитію обрабатывающей промышленности, но въ то же время раздѣлялъ промышленный классъ общества на двѣ рѣзко отличающіяся одна отъ другой части—на капиталистическую буржуазію и на рабочій пролетаріатъ. Выигрывала отъ этого переворота буржуазія, а рабочіе классы оказывались въ проигрышѣ. Въ этомъ результатѣ разсмотрѣннаго экономическаго переворота уже таился зародышъ такъ называемаго рабочаго вопроса, сдѣлавшагося главнымъ соціальнымъ вопросомъ XIX в. и осложнившаго собою демократическія движенія эпохи, вызванныя политическимъ переворотомъ конца XVIII столѣтія.

На этомъ мы и остановимся. Исторія XIX в. послѣ вѣнскаго конгресса такъ сложна, и это время къ намъ такъ близко, что для надлежащаго выясненія этой эпохи потребовалось бы гораздо больше мѣста, нежели то, какимъ мы располагаемъ въ этой книгѣ. Чтобы, однако, все-таки дать въ нашемъ очеркѣ главныхъ эпохъ новой исторіи законченное изложеніе ея событій, мы заключимъ свой обзоръ исторіей и XIX в. въ самыхъ общихъ чертаніяхъ.

Движеніе, вызванное французской революціей и революціонными войнами, улеглось только въ 1815 г., когда европейская коалиція окончательно низложила Наполеона I и на вѣнскомъ конгрессѣ переѣлала политическую карту Европы. Одновременно съ этимъ началась и повсемѣстная абсолютистическая, клерикальная и феодальная реакція противъ всего того, что вошло въ жизнь въ эпоху Наполеона, революціи и просвѣщеннаго абсолютизма, равно какъ противъ просвѣщенія

XVIII в. Съ этой реакціей, которую поддерживали духовенство и дворянство, вступило въ борьбу свободное направленіе, поддерживавшееся буржуазіей и получившее названіе либерализма. Борьба привилегированныхъ сословій со среднимъ сословіемъ представляетъ изъ себя весьма важную сторону соціальной исторіи Западной Европы въ XIX в. Въ то же время подготовлялась почва для обострившейся нѣсколько позднѣе борьбы между буржуазіей и пролетариатомъ. Пока господствовали привилегированныя сословія, у буржуазіи и у народа было много общихъ интересовъ; но съ установленіемъ гражданскаго равенства и усиленіемъ неравенства экономического, интересы буржуазіи и народа стали расходиться въ разныя стороны. На этой почвѣ и возникъ, какъ мы только-что видѣли, рабочій вопросъ, и рядомъ съ либерализмомъ явилось другое направленіе, получившее названіе социализма.

На вѣнскомъ конгрессѣ былъ произведенъ передѣлъ границъ большей части европейскихъ государствъ. Россія, отнявшая передъ тѣмъ у Швеціи Финляндію и у Турціи Бессарабію, получила бѣльшую часть этнографической Польши подъ названіемъ Царства Польскаго, которому Александръ I далъ либеральную конституцію. Австріи достались Венеція и Ломбардія, Далмація, а также Тироль. Пруссія присоединила къ своимъ владѣніямъ почти половину Саксоніи, шведскую Померанію, Познань и Прирейнскую область. Англія, успѣвшая въ эпоху предыдущихъ войнъ захватить не мало важныхъ пунктовъ внѣ Европы, приобрѣла Мальту, Гельголандъ и протекторатъ надъ республикой Ионическихъ острововъ. У Даніи была отнята Норвегія, которую отдала шведскому королю. Голландія была соединена съ Бельгіей въ одно Нидерландское королевство. Въ Германіи, въ которой до паденія Священной Римской имперіи насчитывалось около 350 государствъ, вѣнскій конгрессъ оставилъ только 36 государствъ, заключившихъ между собою союзъ съ постояннымъ сеймомъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Въ Италіи, кромѣ Ломбардо-Венеціанскаго королевства, отданнаго Австріи, были возстановлены королевство Сардинское, великое герцогство Тосканское, Папская область и королевство Обѣихъ Сицилій, кромѣ другихъ, менѣе значительныхъ владѣній. Вскорѣ послѣ окончанія вѣнскаго конгресса государи Австріи, Пруссіи и Россіи заключили между собою такъ называемый Священный Союзъ, къ которому пригласили примкнуть и другихъ монарховъ. Этотъ союзъ скоро сдѣлался органомъ, какъ извѣстно, международной реакціи, послѣ того какъ въ 1820 г. вспыхнули революціи въ Испаніи, въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій и въ Португаліи, а въ 1821 г. и въ Пьемонтѣ, одновременно съ греческимъ возстаніемъ противъ турецкаго ига. Причину этихъ революціонныхъ движеній были крайности реакціи и стремленіе къ политической свободѣ. Послѣ вѣнскаго конгресса происходили новые

съезды монарховъ и министровъ въ Ахенѣ (1818), въ Троппау и Лайбахѣ (1820 и 1821) и въ Веронѣ (1822). По порученію послѣднихъ двухъ конгрессовъ Австрія вооруженною силою подавила неаполитанскую революцію, а Франція—испанскую, послѣ чего введенныя въ обихъ странахъ конституціи были отмѣнены. Въ Германіи лишь очень немногія изъ второстепенныхъ государствъ получили конституціонное устройство. Реакція коснулась и Франціи, хотя ей и была дана возвратившимися Бурбонами либеральная хартія 1814 г. Въ 1830 г. крайніе реакціонеры довели Францію до новой революціи, получившей названіе «іюльской». Старшая линия Бурбоновъ была замѣнена принцемъ Людовикомъ-Филиппомъ Орлеанскимъ, и вмѣстѣ съ новою династіей началось во Франціи господство буржуазіи.

Іюльская революція нанесла первый значительный ударъ зданію, воздвигнутому вѣнскимъ конгрессомъ. Въ августѣ того же 1830 года вспыхнула революція въ Бельгіи, и ея результатомъ было отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи въ особое королевство съ весьма либеральною конституціей. Іюльская революція отразилась и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, гдѣ, однако, не дала особенно важныхъ результатовъ. То же самое можно сказать и о революціонныхъ попыткахъ въ Италіи. Наконецъ, іюльская же революція была сигналомъ ко взрыву, въ томъ же самомъ 1830 г., возстанія въ Царствѣ Польскомъ. Польская революція была подавлена, и конституція отмѣнена. Времена іюльской монархіи характеризуются, кромѣ продолженія прежней политической борьбы между реакціей и либерализмомъ, развитіемъ социальныхъ и національныхъ стремленій. Буржуазная монархія во Франціи вызвала противъ себя сильную республиканскую и демократическую оппозицію, въ которой все болѣе и болѣе важное значеніе стали получать экономическія требованія рабочаго сословія. Когда во Франціи въ 1848 г. произошла новая революція (февральская) и во второй разъ въ этой странѣ установилась республика, это политическое движеніе получило прямо социалистическій характеръ. Послѣ этого новыя социальные идеи стали пріобрѣтать болѣе широкое распространеніе. Съ другой стороны, въ 40-хъ гг. съ особенною силою стали обнаруживаться стремленія національныя, выражавшіяся въ желаніи раздробленныхъ національностей получить политическое единство (итальянцы и нѣмцы) и въ желаніи національностей угнетенныхъ добиться самостоятельности (мадьяры и славяне). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это сопровождалось культурнымъ возрожденіемъ къ новой жизни національностей, которыя отстали въ своемъ развитіи отъ другихъ народовъ.

Благодаря соединенію политическихъ стремленій съ социальными и національными, почти во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ февральская революція 1848 г. вызвала цѣлый рядъ полити-

ческихъ движеній, принявшихъ весьма грозный характеръ. Въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ (между прочимъ, въ Австріи и въ Пруссіи) также вспыхнула революція (мартовская), которая скоро охватила собою всю Германію, причемъ сдѣлана была неудавшаяся, впрочемъ, попытка политическаго объединенія Германіи съ обще-имперскимъ парламентомъ. Въ Пруссіи, однако, послѣ этого была введена конституція (1850). Особенно сильно революціей 1848 г. была потрясена Австрія, которой, повидимому, предстояло даже разложиться на свои составныя части. Волненія происходили и въ Вѣнѣ, и въ Прагѣ. Одновременно съ этимъ произошло возстаніе въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, и на помощь къ нему явился король Сардиніи, уже начавшей стремиться къ объединенію Италіи. Наконецъ, возстали и венгры, задумавшіе совершенно отложиться отъ династіи Габсбурговъ. Только взаимная антипатія разноязычныхъ подданныхъ Австріи и русская помощь спасли монархію Габсбурговъ отъ крушенія.

Начало 50-хъ годовъ повсемѣстно было ознаменовано сильной реакціей. Во Франціи республика не удержалась, и, опираясь на реакціонные элементы націи, президентъ республики, Наполеонъ Бонапартъ, совершилъ 2 декабря 1851 г. государственный переворотъ, который ровно черезъ годъ повлекъ за собою и возстановленіе французской имперіи. Ломбардо-Венеціанское королевство снова находилось въ полной власти Австріи. Сдѣланная-было въ Римѣ попытка установленія республики тоже была подавлена (1849), одновременно съ усмиреніемъ и венгерскаго возстанія. Въ Германіи въ 1850 г. были оставлены всѣ планы національнаго объединенія на конституціонныхъ началахъ.

Эпоха второй имперіи во Франціи была временемъ преобладанія этого государства въ международныхъ отношеніяхъ. Вскорѣ послѣ возстановленія имперіи, Франція въ союзѣ съ Англіей, Турціей и Сардиніей вела войну противъ Россіи, извѣстную подъ названіемъ Восточной или Крымской войны (1853—56). Желая отвлечь вниманіе націи отъ внутреннихъ дѣлъ блестящими внѣшними предпріятіями, Наполеонъ III рѣшился, еще въ союзѣ съ Сардиніей вмѣшаться и въ итальянскія дѣла. Въ 1859 г. вспыхнула война между Сардиніей въ союзѣ съ Франціей, съ одной стороны, и Австріей—съ другой, и окончилась полнымъ пораженіемъ послѣдней. Австрія должна была отказаться отъ Ломбардіи въ пользу Франціи, уступившей ее Сардиніи. Это было первымъ шагомъ къ дальнѣйшему объединенію Италіи. Въ 1860 г. итальянскіе волонтеры подъ начальствомъ Гарибальди овладѣли Сициліей и Неаполемъ, которые вмѣстѣ съ частью Папской области вошли въ составъ новаго Итальянскаго королевства, къ которому еще ранѣе присоединились Тоскана, Парма и Модена. Наконецъ, въ 1861 г. сардинскій король Викторъ-Эммануиль II принялъ официально названіе короля

Италіи и собралъ въ Туринѣ первый общенациональскій парламентъ. Послѣ этого Итальянскому королевству оставалось только овладѣть Венеціанскою областью, томившеюся подъ властью Австріи, и остаткомъ папскихъ владѣній съ Римомъ. И то, и другое совершилось въ непродолжительномъ времени, на этотъ разъ въ тѣсной связи съ другимъ политическимъ объединеніемъ, именно съ объединеніемъ Германіи.

Уже въ 1848 г. по вопросу объ объединеніи Италіи рѣзко обозначилось соперничество между Австріей и Пруссіей, какъ двумя самыми крупными нѣмецкими государствами. Въ 1864 г. обѣ эти державы вели войну съ Даніей, у которой онѣ отняли два герцогства—Шлезвигъ и Голштинію, но изъ-за управленія этими землями между Пруссіей и Австріей возникла война. Пруссія, гораздо ранѣе подготовившая объединеніе Германіи на почвѣ экономическихъ интересовъ такъ называемымъ таможеннымъ союзомъ, сумѣла заручиться содѣйствіемъ Франціи и Италіи. Война была непродолжительна. Пруссія напала на германскихъ союзниковъ Австріи и захватила Ганноверъ, Гессенъ и Саксонію, послѣ чего нанесла рѣшительный ударъ и самой Австріи. Желая отдѣлаться отъ войны съ Италіей, Австрія уступила Венецію Франціи для передачи ея Италіи. Результатомъ войны 1866 г. было исключеніе Австріи изъ германскаго союза. Пруссія получила Шлезвигъ и Голштинію, Гессенъ-Кассель, Ганноверъ и Нассау. Германскій союзъ распался, и вмѣсто него Пруссія организовала Сѣверо-германскій союзъ съ общимъ парламентомъ, причемъ южно-германскія государства тайно примкнули къ этому союзу, обязавшись помогать ему войсками въ случаѣ какой-либо войны. Это подготовило дальнѣйшее объединеніе Германіи подъ прусской гегемоніей. Что касается до Австріи, то она, въ 1867 г. превратилась въ дуалистическую Австро-Венгерскую монархію, и обѣ ея половины получили теперешнее конституціонное устройство. Въ 1870 г. Франція, завидовавшая успѣхамъ Пруссіи, объявила этой послѣдней войну, въ которой потерпѣла самую рѣшительную неудачу. Послѣ того, какъ Наполеонъ III попалъ подъ Седаномъ въ плѣнъ, въ Парижѣ произошла революція, результатомъ которой было провозглашеніе республики. Пользуясь этимъ, Италія заняла Римъ и положила конецъ свѣтской власти папъ. Въ началѣ слѣдующаго 1871 г. была провозглашена Германская имперія подъ главенствомъ прусскаго короля, принявшаго титулъ императора германскаго, и новая имперія получила общую конституцію. Франція лишилась Эльзаса и Лотарингіи и должна была уплатить громадную контрибуцію. Германія сдѣлалась первенствующей европейскою державой, стремясь въ то же время охранять свою гегемонію посредствомъ союзовъ (союзъ трехъ императоровъ—австрійскаго, германскаго и русскаго—въ 70-хъ гг., и тройственный союзъ Германіи, Австріи и Италіи

съ 80-хъ гг.). Грозное положеніе, занятое новой имперіей, привело, въ свою очередь, къ теперешнему франко-русскому союзу.

Во второй половинѣ XIX в. въ Западной Европѣ окончательно восторжествовали конституціонные порядки, которые стали вводиться и въ новыхъ государствахъ восточной половины Европы, возникшихъ путемъ освобожденія отъ турецкаго ига (Греція, Румынія, Сербія и Болгарія). Въ той же второй половинѣ XIX в. особенно важное значеніе получилъ социальный вопросъ. Въ 60-хъ гг. сдѣлана даже была попытка организаціи международнаго союза рабочихъ. Въ связи же съ социальнымъ движеніемъ стоитъ возстаніе Парижа весною 1871 года, извѣстное подъ названіемъ коммуны. Въ настоящее время во многихъ западно-европейскихъ парламентахъ рядомъ со старыми партіями существуютъ и партіи рабочихъ.

Въ исторіи восточной половины Европы обращаютъ на себя въ XIX в. вниманіе войны, которыя Россія вела съ Турціей, и постепенное разложеніе когда-то грозной Оттоманской имперіи. Уже въ XVIII в. возникъ такъ называемый восточный вопросъ, исторія котораго тѣсно связана съ исторіей Россіи. Православное населеніе Турецкой имперіи давно смотрѣло на Россію какъ на свою будущую освободительницу. Въ XIX в. началось освобожденіе турецкихъ христіанъ. Въ самомъ началѣ столѣтія произошло возстаніе сербовъ, которые по бухарестскому миру (1812 г.) между Турціей и Россіей получили внутреннюю автономію. Въ 1820 году началось греческое возстаніе, которое, благодаря заступничеству Россіи, Англии и Франціи, окончилось образованіемъ теперешняго Греческаго королевства (1830) съ конституціоннымъ устройствомъ. Этотъ результатъ былъ достигнутъ только благодаря войнѣ Россіи съ Турціей, и вмѣстѣ съ тѣмъ улучшено было положеніе Молдавіи и Валахіи, поставленныхъ къ Портѣ въ простыя данническія отношенія. Все это сильно ослабляло Турцію. Въ 1831 г. египетскій паша задумалъ-было не только отложиться отъ Порты, но даже отнять у нея часть азіатскихъ владѣній, и тогда султана спасло только заступничество Россіи, которая стала пользоваться особымъ вліяніемъ въ Константинополѣ, къ крайнему неудовольствію западныхъ державъ. Въ 1853 г. Франція и Англія даже предприняли войну противъ Россіи въ защиту Турціи. Между тѣмъ христіанскіе подданные Порты продолжали все болѣе и болѣе волноваться. Въ 1875 году произошло возстаніе въ Герцеговинѣ и Босніи, а въ слѣдующемъ году Сербія и Черногорія объявили Турціи войну, за которою послѣдовала новая русско-турецкая война 1877—78 гг. Результатомъ ея было то, что Румынія и Сербія (нынѣ оба королевства) были признаны независимыми государствами, и кромѣ того создано было въ вассальной зависимости отъ Турціи княжество Болгарское, а на югъ отъ него

автономная провинція подъ названіемъ Восточной Румелии (теперь фактически соединенная съ Болгарскимъ княжествомъ). Одновременно съ этимъ Боснія и Герцеговина были переданы въ управление Австріи, которая, такимъ образомъ, будучи вытѣснена изъ Италіи и Германіи, получила своего рода вознагражденіе на Балканскомъ полуостровѣ. Освобожденіе турецкихъ христіанъ и образованіе изъ нихъ новыхъ государствъ имѣло своимъ результатомъ развитіе на Балканскомъ полуостровѣ культурной жизни и проникновеніе въ эти страны европейской цивилизаціи (между прочимъ и западныхъ политическихъ формъ).

Очеркъ девятый.

Распространеніе всемірнаго господства европейскиѣхъ народовъ.

Постепенное расширеніе всемірно-исторической сцены.—Первенствующая роль народовъ арійской расы во всемірной исторіи и особое значеніе Европы.—Распространеніе трехъ міровыхъ религій въ старомъ и новомъ свѣтѣ.—Значеніе религіознаго фанатизма остальныхъ странъ.—Открытіе и колонизація европейцами новыхъ земель.—Краткая исторія Америки и Австраліи.—Экономическое и культурное развитіе новыхъ обществъ европейскаго типа въ западномъ полушаріи.—Историческія судьбы Азии и роль европейскіихъ народовъ въ отдѣльныхъ ея частяхъ.—Отсталость африканскаго материка въ историческомъ отношеніи —Раздѣлъ Африки между европейскими народами въ XIX в.—Вліяніе технического прогресса Европы.—Міровая торговля и міровая политика.

Въ нѣкоторыхъ большихъ историческихъ атласахъ можно найти картографическія изображенія того, какъ постепенно расширялась историческая сцена, или какъ постепенно «распространялась исторія» по земному шару. Возьмемъ, наприм., первую же таблицу въ прекрасномъ французскомъ атласѣ Шрадера, на которой дано шесть послѣдовательныхъ картъ «распространенія исторіи» за двѣ тысячи лѣтъ и за 450 лѣтъ до Р. Х., а послѣ Р. Х. черезъ 250 лѣтъ, 1275 лѣтъ, 1550 лѣтъ и въ новѣйшее время, причемъ разными красками на бѣломъ фонѣ материковъ и острововъ отмѣчены тѣ страны, въ которыхъ въ указанныя эпохи уже совершалась исторія. Разсматривая эту таблицу, можно самымъ нагляднымъ образомъ представить себѣ, какъ исторія мало-по-малу захватывала все большее и большее количество странъ: на первой картѣ затронуты красками едва кое-какіе пункты, на послѣдней мало, что остается незакрашеннымъ: однѣ только полярныя области Стараго Свѣта и Сѣверной Америки, внутренняя Африка да

кое-какія еще территоріи меньшихъ размѣровъ. Конечно, въ такихъ картахъ много условнаго, но какія частныя несообразности съ той или другой точки зрѣнія мы въ нихъ и ни обнаружили бы, въ общемъ онѣ даютъ очень вѣрную картину постепеннаго расширенія исторической сцены.

На названныхъ картахъ, далѣе, разными цвѣтами обозначены отдѣльныя человѣческія расы, игравшія роль во всемірной исторіи, и опять очень наглядное представленіе получается при разсмотрѣніи этихъ картъ, когда мы слѣдимъ за распространеніемъ отдѣльныхъ расъ по земному шару. Самое главное, чтó здѣсь бросается въ глаза при первомъ же взглядѣ, это—все большая и большая окрашенность розовымъ цвѣтомъ, выбраннымъ для обозначенія арійской расы, разныхъ территорій Стараго и Новаго Свѣта въ особенности преобладаніе этого цвѣта на послѣдней картѣ. Составители карты сдѣлали еще и больше: они различили разными оттѣнками одной и той же краски арійцевъ европейскихъ и арійцевъ азіатскихъ, обозначивъ первыхъ болѣе темнымъ тономъ, а вторыхъ болѣе свѣтлымъ: понятно, что именно болѣе темный оттѣнокъ розоваго цвѣта оказался занимающимъ на послѣдней картѣ и наиболѣе мѣста. Это—наглядное изображеніе распространенія европейскихъ народовъ и европейской культуры, т.-е. расширенія европейской исторіи, которая продолжается теперь не только на своей родинѣ, но и въ Сѣверной Азіи, и въ обѣихъ Америкахъ, и въ Австраліи, и на южной оконечности Африки.

Европа—настоящій центръ всемірной исторіи, опередившій другія части свѣта въ своемъ развитіи и вліяющій на нихъ и въ экономическомъ, и въ культурномъ, и въ политическомъ отношеніи. Ея народы колонизировали обширныя пространства на всемъ земномъ шарѣ; ея государства имѣютъ массу владѣній въ другихъ частяхъ свѣта; ея промышленность снабжаетъ своими товарами самыя отдаленныя захолустья, и гдѣ только нѣтъ ея торговли; ея техническія изобрѣтенія проложили себѣ путь въ самыя отсталыя страны, и въ будущемъ, наконецъ, для всего человѣчества не можетъ быть иной науки, кромѣ той, которая создана Европой.

Къ не менѣе интереснымъ заключеніямъ приводитъ насъ и разсмотрѣніе карты религій, существующихъ на земномъ шарѣ. При первомъ взглядѣ на нее мы видимъ слѣдующее распредѣленіе сплошныхъ территорій, занятыхъ послѣдователями трехъ міровыхъ религій—христіанства, ислама и буддизма. Христіане населяютъ сѣверо-западную часть Стараго Свѣта, т.-е. Европу, и имѣютъ многочисленныхъ представителей во всей Сѣверной Азіи, составляющей сѣверо-восточный уголъ этого материка, но здѣсь до сихъ поръ еще очень много язычниковъ. (сибирскіе инородцы). Юго-восточный уголъ Стараго Свѣта

является территоріей, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточены буддисты, которые, впрочемъ, во многихъ мѣстахъ живутъ бокъ-о-бокъ съ представителями другихъ религій (даосизмъ и конфуціанство, двѣ національныя религіи Китая). Что касается до магометанства, то ему принадлежитъ весь юго-западъ Азіи и сѣверъ Африки, гдѣ исламъ и въ настоящее время все болѣе и болѣе подвигается къ югу. Въ Старого Свѣта, въ Америкѣ и въ Австраліи изъ трехъ названныхъ религій лишь одна, именно христіанство, исповѣдуемое европейскими народами, имѣетъ многочисленныхъ послѣдователей. Конечно, столь широкое распространеніе каждой изъ трехъ главныхъ религій современнаго человѣчества среди народовъ, живущихъ въ разныхъ климатахъ, говорящихъ многими языками, стоящихъ на неодинаковой ступени культуры, какъ и долговременное историческое существованіе этихъ религій (буддизма 24 вѣка, христіанства 19 вѣковъ, ислама почти 13 столѣтій), имѣли своимъ слѣдствіемъ образованіе въ каждомъ изъ трехъ міровъ, исповѣдующихъ названныя религіи, мѣстныхъ и національныхъ особенностей, развѣдывающихъ и христіанскіе, и магометанскіе народы, равно какъ и послѣдователей буддизма на отдѣльныя крупныя вѣроисповѣданія и мелкія секты. Въ буддизмѣ, напр., различаются два основныхъ толка—южный и сѣверный буддизмъ, а въ послѣднемъ особое мѣсто принадлежитъ такъ называемому ламаизму, исповѣдующемуся, между прочимъ, въ Россіи бурятами, нѣкоторыми тунгусами и калмыками. Въ исламѣ съ самаго же начала также произошелъ религиозный расколъ между суннитами и шитами, и въ большей части магометанскаго міра утвердилось ученіе суннитовъ, а шиитство существуетъ главнымъ образомъ только въ Персіи. Нечего говорить (вслѣдствіе общеизвѣстности факта), что вѣроисповѣдныя раздѣленія существуютъ и въ христіанскомъ мірѣ. Несмотря, однако, на внутреннія несогласія, наблюдаемыя нами въ этихъ трехъ религіяхъ, каждая изъ нихъ держится извѣстныхъ общихъ основъ, которыя налагаютъ печать на все міросозерцаніе исповѣдующихъ эти религіи народовъ. Очень часто называютъ европейскую цивилизацію христіанскою, и это имѣетъ тотъ реальный смыслъ, что это есть цивилизація народовъ, исповѣдующихъ христіанство. Но это, конечно, не должно обозначать ни того, что христіанство является источникомъ и основою всѣхъ сторонъ европейской цивилизаціи, ни того, чтобы эта цивилизація была полнымъ осуществленіемъ высокихъ нравственныхъ истинъ христіанства. Въ первомъ отношеніи нужно имѣть въ виду, что христіанство явилось въ исторіи какъ «царство не отъ міра сего», а потому не оно, конечно, источникъ всего техническаго и научнаго прогресса Европы. Съ другой стороны, громадное воспитательное значеніе, какое должно было имѣть христіанство въ нравственномъ отношеніи, всегда оста-

валось болѣе желаніемъ высоко настроеннаго идеализма, чѣмъ реальнымъ фактомъ. Не только установленіе власти европейскихъ народовъ надъ многими дикарями и варварами и перенесеніе къ нимъ благъ цивилизаціи, но и самое распространеніе христіанства, этой религіи мира, любви и всепрощенія, сопровождалось страшными жестокостями и насиліями. Со времени отдаленныхъ морскихъ путешествій и открытія новыхъ странъ началась прежде всего дѣятельность миссіонеровъ, отправлявшихся въ разныя части свѣта для обращенія туземцевъ въ христіанство. Во второй половинѣ XVI в. въ католической церкви была даже основана съ этою цѣлью особая конгрегація для распространенія вѣры (*congregatio de propaganda fide*), по примѣру которой впослѣдствіи возникли миссіонерскія общества и другихъ исповѣданій. Проповѣдь христіанства охватила весь земной шаръ, но во многихъ мѣстахъ она встрѣтилась съ крайне неблагоприятными условіями и не только тамъ, гдѣ существуютъ старыя религіи въ родѣ буддизма или магометанства, среди послѣдователей которыхъ миссіонерская дѣятельность особенно безуспѣшна. Въ современной Африкѣ исламъ сильно распространяется даже теперь *). Въ большой именно степени мѣшала успѣху христіанской проповѣди и образъ дѣйствій европейцевъ по отношенію къ туземцамъ (истребленіе цѣлыхъ племенъ, обращеніе ихъ въ рабство, эксплуатація ихъ труда и вообще жестокое обращеніе). Между прочимъ, печальныя китайскія событія 1900 г. объясняются какъ-разъ именно этою причиною.

Разумѣется, какъ техническій и научный прогрессъ не вытекаютъ сами изъ христіанства, такъ еще того менѣе жестокости и насилія, какія позволяли и до сихъ поръ позволяютъ себѣ европейскіе «цивилизаторы» въ другихъ частяхъ свѣта, могутъ быть поставлены на счетъ христіанства. Напротивъ того, истинные христіане, т.-е. христіане не по имени только, но и по духу, находятъ лишь слова осужденія для всѣхъ тѣхъ ужасовъ и преступленій, которыми, къ сожалѣнію, такъ часто сопровождалось распространеніе европейской цивилизаціи. Здѣсь не мѣсто говорить объ историческомъ и жизненномъ значеніи христіанства, но прибавить все-таки нужно, что если и можно называть европейскую цивилизацію христіанскою, то только по ея отношенію къ тому нравственному идеалу, который одушевлялъ и одушевляеть лучшихъ ея дѣятелей. Для европейской цивилизаціи христіанство было и остается великимъ источникомъ нравственнаго идеализма, когда только оно само подъ вліяніемъ условій мѣста,

*) Христіанъ на земномъ шарѣ около 475 м., изъ нихъ 215 м. католиковъ, 160 протестантовъ и 95 м. православныхъ, магометанъ 170 м., язычниковъ съ браманнистами и буддистами 835 м. (въ круглыхъ цифрахъ).

времени и среды не превращается въ мертвую форму безъ живого содержанія. Сколько знаетъ исторія такихъ искаженій—отъ инквизиціи до насильственнаго обращенія язычниковъ въ христіанство! Въ послѣднемъ отношеніи то, что случалось при обращеніи варваровъ и дикарей Новаго Свѣта, уже раньше было испробовано въ Европѣ, когда Карлъ Великій, напр., крестилъ германцевъ или потомки этихъ самыхъ германцевъ мечемъ и огнемъ распространяли христіанство у своихъ восточныхъ сосѣдей.

Въ былыя времена приобщеніе къ европейской культурѣ мыслимо было лишь въ формѣ принятія христіанства. Это было въ тѣ именно времена, когда вся культура вообще имѣла религіозный, вѣроисповѣдный характеръ, а такъ какъ въ остальныхъ внѣ-европейскихъ странахъ и до сихъ поръ культура сильно проникнута сакральнымъ элементомъ, то религіозный фанатизмъ, соединенный съ узкимъ націонализмомъ, является однимъ изъ главныхъ препятствій къ воспріятію европейской цивилизаціи. Стоитъ только вспомнить турокъ или китайцевъ, съ ихъ нерасположеніемъ къ невѣрнымъ и къ иноземцамъ. Но вѣдь подобнаго же рода явленія возможны были и въ христіанскомъ мірѣ, когда вѣроисповѣдныя различія выдвигались на первый планъ: и нашимъ предкамъ, напр., многое въ западной культурѣ казалось порожденіемъ проклятаго «латинства» или «лютерской ереси», а потому принципиально ими и отвергалось. Къ той же категоріи явленій относится и недовѣрчиво-пренебрежительное отношеніе среднихъ вѣковъ къ античной литературѣ, какъ къ языческой мудрости. Подобнаго рода явленія исчезнутъ лишь тогда, когда вопросы религіозной вѣры не станутъ примѣшиваться къ вопросамъ чисто свѣтскаго содержанія, и та или другая идея, то или другое изобрѣтеніе, то или другое учрежденіе будутъ цѣниться по своей внутренней цѣнности, а не потому, что данную идею, данное изобрѣтеніе, данное учрежденіе можно встрѣтить у народовъ той или иной вѣры.

Послѣ этихъ общихъ предварительныхъ замѣчаній перейдемъ прямо къ исторіи распространенія «европеизма», въ широкомъ смыслѣ слова, внѣ самой Европы. Эта исторія начинается, какъ извѣстно, съ великихъ географическихъ открытій конца среднихъ вѣковъ.

Въ древности и въ средніе вѣка моряки не рѣшались пускаться въ море слишкомъ далеко: плавали вдоль береговъ, отъ мыса до мыса, отъ острова до острова. Въ XIV в., какъ извѣстно, итальянецъ Флавіо Джіойя первый воспользовался свойствомъ магнитной стрѣлки поворачиваться на сѣверъ, чтобы устроить компасъ, при помощи котораго сдѣлалось возможнымъ ориентироваться въ открытомъ морѣ и днемъ, и ночью, и въ пасмурную погоду, и во время тумана. Первымъ народомъ, воспользовавшимся компасомъ для болѣе отдаленныхъ морскихъ

плаваній. были португальцы, которые рѣшились пуститься прямо въ океанъ. Они искали тогда морского пути въ Индію, искали новыхъ земель для покоренія и новыхъ племенъ для обращенія въ христіанство. Португальскіе моряки открыли прежде всего (въ началѣ XV в.) островъ Мадейру, потомъ острова Канарскіе, Азорскіе и Зеленаго мыса и берега Сѣверной Гвинеи. Мало-по-малу португальцы дошли такимъ образомъ до экватора и перешли въ южное полушаріе, а въ 1486 г. Вартоломей Диасъ достигъ и южной оконечности Африки, т.-е. мыса Доброй Надежды. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, въ 1498 г., Васко да Гама, обогнувъ Африку и проѣхавъ вдоль восточнаго берега до экватора, черезъ Индійскій океанъ достигъ Индіи. Одновременно съ этимъ Колумбъ задумалъ другимъ путемъ проѣхать въ Индію и по дорогѣ открытъ для испанскаго владычества и распространенія христіанства новыя страны, именно плывя не вокругъ Африки, а по Атлантическому океану все на западъ. Удачливый мореплаватель вовсе не думалъ, что океанъ такъ широкъ, и что между западными берегами Европы и восточными берегами Азіи находятся два громаднхъ океана и очень большой материкъ. Такъ совершилось открытіе Америки (1492) незадолго до морского пути въ Индію. За этимъ послѣдовалъ рядъ другихъ открытій. Еще въ 1497 г. венеціанецъ Каботъ на англійскихъ корабляхъ открылъ сѣверо-восточный берегъ Америки (Лабрадоръ), послѣ чего около 1500 г. сдѣлался извѣстнымъ и весь восточный берегъ Сѣверной Америки. Около того же времени сподвижникъ Васко да Гамы, Кабраль, открылъ и занялъ именемъ Португаліи Бразилію (1500), а въ слѣдующія десятилѣтія португальцы первыми изъ европейцевъ поѣхали Мадагаскаръ и появились на островахъ Индійскаго океана. Одновременно съ этимъ испанецъ Бальбоа перешелъ Панамскій перешеекъ и объявилъ невѣдомый дотолѣ Великій океанъ собственностью своего государя (1515). Четыре года спустя португалецъ испанской службы Магелланъ обогнулъ Южную Америку, проѣхавъ изъ Атлантическаго океана въ Великій черезъ проливъ, до сихъ поръ носящій его имя (1519). Послѣ его смерти, во время этого путешествія товарищи его вернулись въ Европу вокругъ Азіи и Африки. Магелланъ думалъ, что между Южною Америкою и юго-восточной Азіей простирается обширная водная пустыня, но въ послѣдствіи мореплаватели стали здѣсь открывать новые и новые острова, а между ними въ началѣ XVII в. Австралійскій материкъ.

Эти великія географическія открытія конца XV и начала XVI вв. были сдѣланы португальцами и испанцами, между которыми и раздѣлились всѣ вновь найденные острова и земли. Силы обоихъ народовъ направились тогда главнымъ образомъ на земельныя приобрѣтенія и завоеванія за моремъ. Такъ называемые «конкистадоры» цѣлыми

толпами и чуть не каждый годъ отправлялись въ новыя страны за драгоценными металлами, за рѣдкими произведеніями природы и за индійскими товарами. Въ Африкѣ, въ Америкѣ, въ Азіи португальцамъ и испанцамъ приходилось имѣть дѣло съ народами, стоявшими въ культурномъ отношеніи ниже европейцевъ, и потому имъ легко было одерживать побѣды надъ туземцами. Часть ихъ находилась еще въ дикомъ состояніи, и европейцы безжалостно ихъ истребляли, обращали въ рабство и дѣлали предметомъ торговли. За конкистадорами потянулись въ новыя страны миссіонеры, обращавшіе туземцевъ въ христіанство. Къ чести ихъ нужно сказать, что многіе изъ нихъ заступались за несчастныхъ дикарей, но большею частью безуспѣшно. Испанцы въ Америкѣ заставили туземцевъ работать на плантаціяхъ и въ рудникахъ, что оказалось совсѣмъ не подъ силу дикарямъ, совершенно не привыкшимъ къ напряженному труду и питавшимся главнымъ образомъ растительною пищею. Тогда ихъ стали замѣнять болѣе выносливыми неграми, которыми торговали португальцы еще съ середины XV в., начавъ вывозить ихъ изъ Африки въ Америку въ самое первое время по открытіи Новаго Свѣта. Въ Африкѣ португальцы даже организовали настоящую охоту за неграми при помощи специально для этого дрессированныхъ собакъ. Только въ XVIII в. началась проповѣдь противъ такого позорнаго пятна, лежавшаго на европейской цивилизаціи, отмѣна же торговли ими произошла лишь въ XIX в.

Кромѣ дикарей, европейцы встрѣтились въ Америкѣ съ народами, уже стоявшими на извѣстной ступени цивилизаціи и государственнаго быта. Это были Мексика и Перу. Первая изъ нихъ представляла изъ себя государство, простиравшееся между двумя океанами, съ многочисленнымъ народонаселеніемъ, хорошо обработанной почвой и довольно развитой техникой. Въ 1519 г. испанецъ Кортесъ предпринялъ съ нѣсколькими сотнями храбрецовъ завоеваніе Мексики, которою и овладѣлъ въ очень короткое время, благодаря огнестрѣльному оружію и союзу съ племенами, подвластными ацтекамъ (1521). Впослѣдствіи тотъ же Кортесъ открылъ Калифорнію. Другое такое же государство было Перу. Съ еще меньшими силами, чѣмъ силы Кортеса, это государство было завоевано испанцемъ же Пизарро (1535). Одновременно его соперникъ Альмагро на югѣ отъ Перу овладѣлъ областью, извѣстною подъ именемъ Чили, и всѣ эти новыя завоеванія вошли въ составъ владѣній Испаніи. Мексиканцы и перувианцы были распределены между европейскими колонистами въ качествѣ крѣпостныхъ, обязанныхъ работать на побѣдителей.

Совершенно такъ же португальцы, открывъ морской путь въ Индію, встрѣтились въ этой странѣ съ народами, стоявшими уже на значительной ступени культуры. Туземцы не особенно дружелюбно приняли при-

шельцевъ, которые поэтому рѣшились овладѣть нужными имъ пунктами посредствомъ войны. Уже Васко да Гама съ успѣхомъ началъ вдѣсь борьбу съ однимъ изъ туземныхъ царьковъ, но послѣ него особенно много способствовалъ утвержденію власти португальцевъ въ Индіи Альбукерке, который въ началѣ XVI в. подчинилъ имъ многіе пункты на всемъ побережьи отъ Ормузскаго пролива до полуострова Малакки. Послѣ него португальцы завели поселенія и торговые агентства на островѣ Цейлонѣ и покорили Молуккскіе и Зондскіе острова.

Мы уже видѣли, какія слѣдствія имѣли для Европы всѣ эти открытія и завоеванія новыхъ земель. Прежде всего, прежніе торговые пути уступили мѣсто новымъ. Раньше торговля Европы съ Востокомъ находилась въ рукахъ венеціанцевъ и генуэзцевъ, а также городовъ по верхнему Дунаю, по Рейну и Ронѣ и у такъ называемой Ганзы. Въ XVI в. главными торговыми націями сдѣлались португальцы и испанцы, и Лиссабонъ занялъ положеніе одного изъ наиболѣе важныхъ центровъ торговли съ Востокомъ. Хищническое хозяйничанье обѣихъ націй въ новыхъ странахъ и привычка у себя на родинѣ жить на чужой счетъ безъ заботы о развитіи сельскаго хозяйства и промышленности вмѣстѣ съ водвореніемъ абсолютизма ослабили въ слѣдующемъ вѣкѣ и Португалію, и Испанію, и тогда главными торговыми странами сдѣлались Голландія и Англія. Одновременно съ развитіемъ морской торговли европейскія націи стали заводить заморскія колоніи, для охраны которыхъ онѣ начали снаряжать военные флоты, и внѣшняя политика отдѣльныхъ державъ мало-по-малу стала въ значительной мѣрѣ осложняться противоположностью и соперничествомъ ихъ торговыхъ и колониальныхъ интересовъ. Войны, которыя велись въ новое время между европейскими націями, поэтому сопровождались нерѣдко борьбою въ самыхъ отдаленныхъ колоніяхъ. Съ другой стороны, въ Европу въ XVI в. хлынула сразу масса золота и серебра, что вызвало цѣлый экономическій переворотъ. Деньги, бывшія очень рѣдкими въ средніе вѣка, упали въ цѣнѣ, и соотвѣтственно съ этимъ вздорожали разные предметы потребленія. Понятно, что этотъ приливъ въ Европу драгоцѣнныхъ металловъ сильно содѣйствовалъ развитію денежнаго хозяйства, которымъ еще раньше начало вытѣсняться средневѣковое натуральное хозяйство. Кромѣ того, въ Европѣ появились въ употребленіи новые продукты (кофе, сахаръ, табакъ и т. п.) или удешевились продукты, ранѣе стоившіе очень дорого (пряности). Нѣкоторыя дотошнѣ неизвѣстныя растенія были даже акклиматизированы въ Европѣ: такъ изъ Америки, кромѣ табаку, былъ вывезенъ картофель, изъ Китая—апельсинное дерево.

Главныя причины этого расселенія европейцевъ по вновь открытымъ странамъ были слѣдующія. Ранѣе всего проложили себѣ туда

дорогу люди особливо энергичные, стремившіся преимущественно обогатиться войною, торговлею и разнаго рода предпріятіями въ родѣ добыванія драгоцѣнныхъ металловъ или устройства плантацій. Вторую, болѣе позднюю категорію переселенцевъ составляли люди, спасавшіся отъ религіозныхъ и политическихъ преслѣдованій, которымъ они подвергались на родинѣ. Наконецъ, особенно въ XIX в. стала дѣйствовать и третья причина—перенаселеніе, заставляющее искать новыхъ мѣстъ, да и вообще экономическая нужда (ссылка преступниковъ тоже въ извѣстныхъ случаяхъ увеличивала населеніе колоній). Въ XIX в. эту эмиграцію значительно стали облегчать усовершенствованные способы передвиженія—пароходство и желѣзныя дороги. Конечно, культурное превосходство европейцевъ съ самаго же начала дало имъ перевѣсъ надъ жителями другихъ частей свѣта. Низшія расы Америки и Австраліи начали даже вымирать подъ напоромъ народовъ бѣлой расы, а болѣе живучіе народы Стараго Свѣта должны были подчиняться экономическому и политическому господству европейцевъ.

Самыя колоніи европейскихъ народовъ получали весьма различный характеръ. Въ однѣхъ дѣло ограничивалось водвореніемъ среди туземцевъ незначительнаго числа завоевателей, плантаторовъ, купцовъ и разныхъ правительственныхъ или торговыхъ агентовъ, но другія колоніи получили прямо европейское населеніе, въ которомъ съ самаго же начала были представители всѣхъ общественныхъ классовъ. Въ разные времена и у разныхъ народовъ взаимныя отношенія между колонистами и метрополіей также принимали очень различный характеръ. Въ общемъ въ болѣе раннія времена зависимость колоній отъ метрополій была болѣею, но съ конца XVIII в. началось стремленіе колоній къ освобожденію отъ подчиненія метрополіямъ. Первый примѣръ въ этомъ отношеніи былъ поданъ англійскими колоніями въ Сѣверной Америкѣ, какъ извѣстно отложившимися въ 1776 г. отъ своей метрополіи и образовавшими республику Соединенныхъ Штатовъ. Въ настоящее время почти вся Америка состоитъ изъ самостоятельныхъ государствъ, образовавшихся изъ бывшихъ колоній Англии, Испаніи и Португаліи. Изъ колоній, не разорвавшихъ политической связи со своими метрополіями, наибольшими правами, какъ мы еще увидимъ, приближающими ихъ къ полной почти самостоятельности, пользуются англійскія колоніи. Въ качествѣ купцовъ и промышленниковъ, солдатъ и чиновниковъ, миссіонеровъ и путешественниковъ или въ видѣ сплошныхъ населеній европейцы встрѣчаются такимъ образомъ на всѣхъ пунктахъ земнаго шара. вмѣстѣ съ этимъ распространились въ другихъ частяхъ свѣта и главнѣйшіе европейскіе языки, получающіе, благодаря этому, значеніе міровыхъ языковъ.

Вслѣдствіе такого расширенія исторической сцены и распространеніе

нія европейцевъ по всему земному шару политическая, экономическая и культурная исторія все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ поистинѣ міровой характеръ. Международныя отношенія въ самой Европѣ уже давно стали до известной степени опредѣляться и колониальными интересами. Наоборотъ, и крупныя войны, происходившія въ Европѣ за послѣдніе три вѣка, сопровождались очень часто и колониальнымъ соперничествомъ. Голландія не только освободилась отъ испанскаго владычества, но и завладѣла многими испанскими колоніями. Войны Англіи съ Франціей въ Европѣ тоже распространялись и на ихъ колоніи. Во многихъ случаяхъ взаимныя отношенія европейскихъ государствъ прямо стали зависѣть отъ соперничества въ другихъ частяхъ свѣта. Первыми колониальными державами въ новой исторіи, какъ было уже упомянуто, сдѣлались Испанія и Португалія. Въ серединѣ XVI в. испанскія колоніи занимали всю Вестъ-Индію, Центральную Америку, всѣ прибрежныя страны Южной Америки, кромѣ Бразиліи, а въ Сѣверной Америкѣ всю южную часть ея до Калифорніи и верхняго теченія Колораде и Рио-Гранде (Мексика) и Флориду. Кромѣ того, Испаніи принадлежали многіе острова на океанахъ. Но мало-по-малу испанцы растеряли всѣ свои колоніи. Часть ихъ была отнята другими государствами въ разное время (въ 1898 г. Куба и Филиппинскіе острова Сѣверо-Американскими Штатами), но болѣшая часть образовала въ началѣ XIX в. самостоятельныя республики въ Америкѣ. Подобная же судьба постигла значительную часть и колоній португальскихъ. Послѣ Испаніи и Португаліи развила свою колонизаціонную дѣятельность Голландія, но и ея колоніи вполнѣ частью были захвачены Англіей, часть же голландскихъ колонистовъ образовала самостоятельныя республики (Оранжевую и Трансвааль въ Южной Африкѣ, которыя недавно тоже вошли въ составъ англійскихъ владѣній). Впрочемъ, и теперь Голландіи принадлежатъ еще Зондскіе и Молуккскіе острова и небольшія области въ Америкѣ (въ Гвіанѣ) и Австраліи (на Новой Гвинее). Нѣсколько позднѣе стала заводить колоніи Франція, которая въ XVII в. предприняла заселеніе Канады, а въ слѣдующемъ столѣтіи пріобрѣла выдающееся положеніе въ Индіи, но въ серединѣ XVIII в. въ войнахъ съ Англіей она потеряла болѣшую часть своихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ и была вытѣснена изъ своей позиціи въ Индіи. За то Франція вознаградила себя въ XIX в. пріобрѣтеніями въ Африкѣ (Алжиръ съ 1830 г., Сенегамбія, часть Конго, Мадагаскаръ, о-ва Бурбонъ и Иль-де-Франсъ, протекторатъ надъ Тунисомъ и др.) и въ Ази (Сайгонъ, Кохинхина и протекторатъ надъ Аннамомъ и Тонкиномъ съ начала восьмидесятихъ годовъ). Германія и Италія стали заводить колоніи лишь во второй половинѣ XIX вв., т.-е. послѣ своего политическаго объединенія (въ 1884

и 1885 г.). Главныя свои вѣв-европейскія пріобрѣтенія Германія сдѣлала въ Африкѣ (часть Верхней Гвинеи, Камерунъ, часть юго-западной Африки и часть восточной Африки къ югу отъ экватора) и на островахъ Великаго Океана. Италіи принадлежит южная часть африканскаго побережья Краснаго моря (Эритрея) и такая же прибрежная область у Индійскаго океана между экваторомъ и 10^0 с. ш. Въ 1885 г. въ центрѣ экваторіальной Африки основано было по международному соглашенію европейскихъ державъ независимое государство Конго, отданное подъ неограниченную власть бельгійскаго короля, который въ 1889 г. передалъ свои права самой Бельгіи.

Но ни одно европейское государство никогда не достигало такого колониальнаго могущества, какъ Англія. Начало колониальной политики Англіи восходитъ къ первымъ годамъ XVII в., въ настоящее же время англійскія колоніи, разбросанныя по всѣмъ частямъ свѣта, и по пространству, и по числу жителей занимаютъ самое первое мѣсто. Кромѣ того, Англія владѣетъ многими важными морскими станціями и стратегическими пунктами (крѣпость Гибралтаръ, Мальта, Кипръ, Перимъ и Аденъ у выхода изъ Краснаго моря и т. п.).

Англійская колонизація въ Сѣверной Америкѣ началась въ XVII в., по восточному берегу, но здѣсь же по сосѣдству съ англичанами основались и французы (Луизіана, Канада, Нью-Фаундлендъ). Въ 1763 г. Англія отняла у Франціи ея сѣверо-американскія владѣнія, но въ 1776 г. сама лишилась части своихъ колоній, образовавшихъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. За Англіей въ настоящее время остается, однако, почти весь сѣверъ Сѣверной Америки (Канада, Лабрадоръ, Нью-Фаундлендъ) и, кромѣ того, ей принадлежатъ въ Америкѣ островъ Ямайка (отнятъ у Испаніи въ серединѣ XVII в.), часть Гвіаны (отнята у Голландіи) и др. Въ Азіи важнѣйшее владѣніе Англіи составляетъ Британская Остъ-Индія (весь Индостанъ съ островомъ Цейлономъ, сѣверо-западная часть Индо-Китая, южная оконечность полуострова Малакки и мелкіе острова). Первые колоніи и факторіи завели въ Индіи португальцы вскорѣ послѣ открытія сюда морскаго пути; но впослѣдствіи отсюда они были вытѣснены частью голландцами, частью англичанами. Начало распространенія англійскаго владычества въ Остъ-Индіи относится къ 1600 г., когда для торговли съ этой страной была основана особая компанія, которая съ самаго же начала стала вести очень ловкую политику, выхлопывая себѣ у индійскихъ царьковъ торговыя привилегіи и разныя монополіи, покупая за деньги земельные участки для своихъ поселеній, строя на нихъ форты и т. п. Въ концѣ XVII в. компанія даже назначила особаго «генераль-губернатора и адмирала Индіи» съ правомъ отъ ся имени вести войны и заключать договоры. Сначала англичане ужн-

вались мирно съ другими европейцами, имѣвшими колоніи въ Индіи, но въ срединѣ XVIII в. они вступили въ борьбу и съ французами, и съ голландцами. Особенно сильно было соперничество между англичанами и французами. Въ срединѣ XVIII в. Франція владѣла уже въ Индіи значительною территоріей и даже стремилась основать здѣсь настоящую колониальную имперію. Войны Англии и Франціи (ихъ участіе въ войнахъ за австрійское наслѣдство и въ семилѣтней) сопровождались борьбою за колоніи въ Америкѣ и въ Индіи. Эта борьба окончилась, какъ было уже отмѣчено, поражениемъ Франціи (1763). Около этого же времени англичане сильно стѣснили и голландцевъ. Въ концѣ XVIII в. уже вполне прочно была установлена вся будущая политика Англии относительно Индіи: единственными обладателями всей страны должны были быть англичане, а индійскіе раджи должны были сохранять лишь внѣшніе знаки власти безъ всякой политической самостоятельности. Въ XIX в. англичане распространили свое владычество уже на всю Индію, для чего имъ пришлось вести войны и подавлять возстанія. Самымъ сильнымъ изъ нихъ былъ бунтъ сипаевъ, который англичане подавили съ страшною жестокостію. Это событіе рѣшило, однако, и участь Остъ-Индской компаніи. Именно въ 1858 г. парламентъ отнялъ у нея все управленіе Индіей, которое было передано непосредственно правительству, а въ 1877 г. королева Викторія была провозглашена «императрицей Индіи». Англія имѣетъ многочисленныя колоніи и въ Африкѣ—въ Сенегамбіи и Верхней Гвинее на западѣ, почти всю южную оконечность африканскаго материка *), на восточномъ берегу область у экватора и сѣверные берега полуострова Сомаль, не считая многихъ острововъ. Сверхъ того, Англія съ 1882 г. господствуетъ въ Египтѣ. Послѣдній хотя и считается особымъ государствомъ, находящимся въ вассальной зависимости отъ Турціи, но фактически оккупированъ англійскими войсками. Наконецъ, Англіи принадлежатъ еще весь материкъ Австраліи, южная часть Новой Гвиней, Тасманія, Новая Зеландія и многочисленныя мелкіе острова, т.-е. почти цѣликомъ вся эта часть свѣта.

Разсматривая порядокъ, въ какомъ вообще выступали на поприще колониальной политики отдѣльные западно-европейскіе народы, мы видимъ, что ранѣе всего пустились въ отдаленныя плаванія и

*) Въ своемъ стремленіи захватить какъ можно больше земель, англичане встрѣтили здѣсь отпоръ со стороны двухъ республикъ (Трансваалъ и Оранжевой), населенныхъ такъ называемыми «бурами» (по національности голландцами). Эти республики въ 1899 г. начали противъ Англии геройскую борьбу, которая недавно такъ занимала весь цивилизованный міръ. Въ настоящее время обѣ республики находятся, какъ извѣстно, также въ составѣ колониальной имперіи Англии.

начали заводить колоніи государства, находящіяся у Атлантическаго океана, приче́мъ и здѣсь сначала выступили націи, населяющія юго-западный полуостровъ Европы, португальцы и испанцы, и только позднѣе болѣе сѣверныя страны, Англія, Голландія и Франція. Германія и Италія стояли внѣ колониальнаго движенія до самаго конца XIX в. Причины этого были и въ большей отдаленности ихъ отъ Атлантическаго океана и въ политической ихъ раздробленности. Чѣмъ восточнѣе лежитъ страна къ Европѣ, тѣмъ менѣе могла она участвовать въ колониальной политикѣ. Колоній никогда не заводили ни Польша, ни Венгрія, какъ не имѣетъ ихъ теперь и Австро-Венгрія. Только изъ Россіи двинулся потокъ колонизаціи, но не за моря, а сухопутный, не на западъ, а на востокъ.

Само собою разумѣется, далѣе, что потокъ европейской колонизаціи долженъ былъ раньше всего направиться черезъ Атлантическій океанъ въ Америку, и первыя колоніи въ этой части свѣта должны были возникнуть на восточномъ ея берегу. Австралія была открыта много спустя послѣ открытія Америки, а заселеніе ея европейцами началось еще позже. Въ самой Америкѣ лишь постепенно европейское населеніе подвигалось отъ востока къ западу—къ берегамъ Великаго океана. Поэтому въ первый періодъ новой исторіи роль новаго, но уже гораздо большаго средиземнаго моря стала играть Атлантическій океанъ, а очередь до Великаго океана наступила лишь тогда, когда, съ одной стороны, до него съ востока дошла волна европейской колонизаціи въ Америкѣ и русской колонизаціи съ запада въ Азіи, и развитіе океанической торговли стало втягивать въ общій ходъ исторіи Японію и Китай.

Въ Америкѣ и въ Австраліи европейцы нашли очень слабо населенныя страны, жители которыхъ находились большею частью въ дикомъ состояніи. Только въ Мексикѣ и Перу существовала уже довольно развитая варварская культура, истребленная потомъ утвердившимися въ этихъ двухъ странахъ европейцами. Отъ смѣшенія пришлаго населенія съ туземнымъ въ Америкѣ образовались новыя цвѣтнокожія разновидности человѣческаго рода, но первенствующая роль на всемъ материкѣ принадлежитъ главнымъ образомъ чистымъ потомкамъ европейцевъ, приче́мъ арійское населеніе здѣсь постоянно увеличивается, благодаря громадной иммиграціи изъ Европы, въ которой доля участія падаетъ и на національности, не имѣющія здѣсь своихъ собственныхъ владѣній; напр., въ числѣ переселенцевъ бываетъ много поляковъ, русиновъ и т. п. Мы уже видѣли, какія гдѣ владѣнія были приобрѣтены европейскими государствами въ Америкѣ, и укажемъ здѣсь лишь на то, что большая часть этихъ колоній освободилась отъ своихъ европейскихъ метрополій, организовалась въ самостоятельныя

государства и ввела у себя республиканскую форму правленія. Періодъ освобожденія американскихъ колоній — послѣдняя четверть XVIII и первая четверть XIX в., причиною же сепаратистическихъ движеній была своекорыстная политика метрополій. Первыми освободились англійскія колоніи въ Сѣверной Америкѣ, организовавшіяся въ федеративную республику Соединенныхъ Штатовъ, самое замѣчательное по своему экономическому процвѣтанію и своей культурности, по своему политическому могуществу и своей внутренней свободѣ государство Новаго Свѣта, успѣвшее въ короткое время опередить многія націи въ самой Европѣ. Испанскія колоніи въ Южной Америкѣ обнаружили стремленіе къ независимости въ самомъ началѣ XIX в., и въ 1808—1814 гг. не хотѣли признавать ни Иосифа Бонапарта, посаженнаго на испанскій престолъ Наполеономъ, ни кадикскихъ кортесовъ, которые создали знаменитую конституцію 1812 г. Во время наполеоновскихъ войнъ онѣ стали фактически независимыми и потому съ реставраціей Бурбоновъ въ лицѣ Фердинанда VII не захотѣли вернуться подъ власть метрополи. Бывшія испанскія колоніи тоже превратились въ республики. Среди европейскихъ колонистовъ не было представителей старыхъ династій, и отложеніе колоній сопровождалось введеніемъ республиканскаго строя. Единственное исключеніе составляла Бразилія, которая, сдѣлавшись независимымъ отъ Португаліи государствомъ, сохранила, однако, сначала монархическое устройство. Объясняется это, впрочемъ, чисто случайною особенностью исторіи отложенія Бразиліи. Объявленный Наполеономъ лишеннымъ престола португальскій король Іоаннъ VI бѣжалъ со всѣмъ семействомъ въ Бразилію, гдѣ уже началось броженіе противъ метрополи. Когда король вернулся въ Португалію, регентомъ Бразиліи былъ оставленъ его сынъ Педро, уже раньше примкнувшій къ національному движенію. Вскорѣ затѣмъ, въ 1822 г., онъ и сдѣлался конституціоннымъ императоромъ Бразиліи. Монархія, однако, просуществовала въ этой странѣ не до самаго конца XIX в., и въ 1889 г. она превратилась въ республику. Попытка, сдѣланная въ шестидесятыхъ годахъ XIX в. Наполеономъ III основать имперію въ Мексикѣ, какъ извѣстно, имѣла весьма печальный финалъ. Такимъ образомъ во всей Америкѣ установился республиканскій режимъ съ примѣненіемъ въ наиболѣе важныхъ государствахъ федеративнаго принципа, приводящаго къ сочетанію внѣшняго могущества съ широкой внутренней свободой. Къ несчастью, не вездѣ республиканскій режимъ создалъ прочные порядки, и американскія республики испанскаго происхожденія большею частью подвержены внутреннимъ раздорамъ и переворотамъ. Кромѣ того, на исторіи Америки съ особою рѣзкостью проявилось культурное превосходство передоваго протестантизма надъ реакціоннымъ католицизмомъ, и про-

тестантскія, англо-саксонскія колоніи оказались выше католическихъ, романскихъ. Любопытно, напр., что одна изъ нихъ, Парагвай, долгое время была настоящимъ теократически-патріархальнымъ царствомъ испанскихъ іезуитовъ. Вообще культурныя противоположности, выработавшіяся въ Западной Европѣ, перешли и въ Америку, гдѣ нерѣдко получили даже дальнѣйшее развитіе, а въ иныхъ случаяхъ и обостреніе.

Колонисты являлись въ Америку, что называется, не съ пустымъ руками, но приносили съ собою изъ Европы все, что составляетъ матеріальную, общественную и духовную культуру общества. Здѣсь, на новой почвѣ, среди новыхъ условій быта, конечно, многое измѣнялось въ этой культурѣ, но основы ея оставались тѣ же. Широкая политическая и религіозная свобода, господствующая въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, имѣетъ, напр., англійское происхождение: ее принесли сюда гонимые на родинѣ за свою вѣру и свои убѣжденія англичане XVII в., и исторія великой заатлантической республики до извѣстной степени есть поэтому только продолженіе исторіи ея европейской метрополіи, Англии. Съ этой точки зрѣнія стоить бросить общій взглядъ на исторію Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, культура которыхъ, европейская въ основѣ своей, достигла замѣчательнаго развитія.

Первоначальную территорію этого государства составляла теперешняя восточная окраина Союза, распространившагося въ XIX в. до противоположнаго берега Америки у Великаго океана. Здѣсь, на этой прибрежной полосѣ, у Англии съ начала XVII в. образовалось, какъ извѣстно, тринадцать колоній, между которыми уже на первыхъ же порахъ существовали значительныя несходства во всемъ внутреннемъ быту. Въ южной части этой территоріи земля принадлежала крупнымъ собственникамъ англиканскаго исповѣданія, которые вели плантаторское хозяйство, воздѣлывая при помощи рабовъ-негровъ табакъ, сахарный тростникъ, хлопчатникъ и рисъ. Наоборотъ, колоніи, лежавшія сѣвернѣе, были населены мелкими собственниками, державшимися строгаго пуританизма. Первая изъ этихъ колоній, Массачусетсъ, возникла во время гоненій на пуританъ при Іаковѣ I, и основателями ея были индепенденты. Пенсильванію основали нѣсколько позднѣе квакеры и т. п. Пуритане «Новой Англии», какъ назывались главныя ихъ колоніи, принесли съ собою въ Америку религіозныя и политическія идеи, за которыя боролись и страдали на родинѣ, и устроились на новыхъ мѣстахъ въ видѣ своего рода демократическихъ республикъ. Здѣсь именно самыя важныя дѣла рѣшались на собраніяхъ всѣхъ гражданъ, вообще вездѣ существовали представительныя собранія и болѣе тѣсныя совѣты, а метрополія ограничивалась лишь

назначеніемъ губернаторовъ, не стѣснявшихъ мѣстнаго самоуправленія. Колоніи мало-по-малу стали процвѣтать, и въ нихъ начали переселяться изъ Англіи всѣ, кому жилось на родинѣ дурно и кто имѣлъ охоту и возможность ее покинуть. Извѣстно, изъ-за чего и какимъ образомъ всѣ эти колоніи поссорились со своею метрополіей и затѣмъ отъ нея отложились. Когда между Англіей и колоніями началась война, конгрессъ уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ колоній издалъ знаменитую декларацію независимости, въ которой объявлялъ всему цивилизованному міру, что колоніи отдѣляются отъ своей метрополіи вслѣдствіе того, что ея правительство нарушило естественныя человѣческія права. Эта декларація была составлена въ духѣ идей философіи естественнаго права, господствовавшей тогда въ Западной Европѣ. Результатомъ отпаденія колоній отъ Англіи было превращеніе ихъ въ независимыя Соединенныя Штаты Сѣверной Америки; это былъ какъ бы первый случай примѣненія на практикѣ новыхъ политическихъ идей. Отдѣльные штаты стали вырабатывать себѣ новыя конституціи, сохраняя въ сущности прежнее свое устройство, но ссылаясь при этомъ на верховную власть народа, на раздѣленіе властей и на другіе принципы тогдашней философіи. Извѣстно, что дѣло американскіхъ колонистовъ возбудило къ себѣ сочувствіе въ Европѣ. Особенно было сильно это сочувствіе во Франціи, откуда въ Америку поѣхали волонтеры помогать сражаться за свободу. Равнымъ образомъ и основаніе новаго государства за Атлантическимъ океаномъ произвело большое впечатлѣніе въ Европѣ. Окончательное устройство Соединенныя Штаты получили въ 1789 г., въ одно время съ началомъ французской революціи. Конституція Соединенныхъ Штатовъ признала за каждой изъ 13 колоній значеніе вполне самостоятельнаго государства со своей собственной конституціей, и лишь для иностранной политики и общихъ матеріальныхъ интересовъ (торговли, путей сообщенія и т. п.), равно какъ для рѣшенія споровъ между отдѣльными штатами или гражданами разныхъ штатовъ были созданы, кромѣ того, союзныя учрежденія. Американцы приняли принципъ раздѣленія властей. Законодательная власть была отдана конгрессу, состоящему изъ палаты депутатовъ и сената; депутаты выбираются всеобщей подачею голосовъ въ числѣ, пропорціональномъ количеству жителей cadaго штата, а сенатъ состоитъ изъ уполномоченныхъ отъ штатовъ (по два отъ cadaго), избираемыхъ на шесть лѣтъ. Исполнительная власть была вручена президенту, котораго должны были выбирать на четыре года особые выборщики, тоже назначаемые всеобщей подачею голосовъ. Въ сущности это было лишь видоизмѣненіе англійской конституціи, приспособленное къ условіямъ и потребностямъ страны, но хотя въ своемъ новомъ устройствѣ американцы только

воспроизводили и развивали основныя особенности прежнихъ порядковъ, господствовавшихъ въ колоніяхъ, въ то же время оно было и какъ бы примѣненіемъ къ государственной жизни принциповъ французской политической философіи. Въ самомъ дѣлѣ, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты были и во всемірной исторіи первую большую и дѣйствительно демократическою республикою. Кромѣ того, въ новомъ государствѣ восторжествовалъ индѣпендентскій принципъ религіозной свободы. При существованіи въ странѣ множества сектъ было немислимо установить какую-либо государственную церковь, и это повлекло за собою характерную черту Соединенныхъ Штатовъ—отдѣленіе церкви отъ государства. Ни штаты, ни весь союзъ не вмѣшиваются въ Сѣверной Америкѣ въ религіозныя дѣла гражданъ. Главнымъ пятномъ, долго еще тяготѣвшимъ надъ Соединенными Штатами, оставалось и послѣ освобожденія ихъ отъ Англіи только рабство негровъ, работавшихъ въ плантаціяхъ южныхъ штатовъ, но и оно пало въ срединѣ XIX в. Изъ-за этого вопроса въ началѣ шестидесятихъ годовъ указаннаго столѣтія чуть было не распался самый союзъ вслѣдствіе нежеланія «южанъ» освободить негровъ, чего требовали «сѣверяне», но правое дѣло восторжествовало, и рабство было уничтожено—почти въ одно время съ отмѣною крѣпостного права въ Россіи.

Самымъ послѣднимъ важнымъ фактомъ въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ является выступленіе и этого государства на путь колониальной политики и заморскихъ предпріятій. Въ недавней войнѣ съ Испаніей Сѣверная Америка пріобрѣла нѣкоторыя ея колоніи, а вслѣдъ затѣмъ приняла участіе и въ томъ усмиреніи Китая, которое въ самомъ началѣ XIX в. было предпринято соединенной Европой. Въ теченіе всего XIX в. великая республика воздерживалась отъ пріобрѣтенія заморскихъ колоній, подобно Россіи расширяя свои предѣлы сухопутнымъ образомъ, и защищала принципы невмѣшательства въ европейскія дѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ охраняя и Америку отъ европейскаго вмѣшательства.

Отпаденіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ было большимъ урокомъ для Англіи, которая имъ и воспользовалась, совершенно измѣнивъ свое прежнее отношеніе къ колоніямъ. Всѣ онѣ пользуются теперь широкимъ самоуправленіемъ, граничащимъ съ полною независимостью. Благодаря этому, Канада и вообще вся самая сѣверная часть Сѣверной Америки находится еще въ обладаніи англичанъ. То же самое слѣдуетъ сказать и объ Австраліи, которая въ короткое время достигла замѣчательнаго развитія.

Въ первый разъ европейскіе корабли пристали къ берегамъ австралійскаго материка въ началѣ XVII вѣка, а европейская коло-

низация началась на восточномъ берегу только въ концѣ XVIII в., причемъ поселенцами — далеко отъ теперешняго Сиднея — были сосланные сюда въ 1788 г. изъ Англи преступники, всего нѣсколько сотъ человѣкъ. За ними, впрочемъ, вскорѣ послѣдовали и свободные эмигранты, и мало-по-малу къ серединѣ XIX в. число англійскихъ колонистовъ достигло полумилліона; особенно же стало оно возрастать только къ концу столѣтія. Въ общемъ здѣсь образовалось нѣсколько отдѣльныхъ колоній, т.-е. большихъ самоуправляющихся областей, въ каждой изъ которыхъ былъ поставленъ особый губернаторъ, и возникъ свой парламентъ. Экономическое и политическое развитіе австралійскихъ колоній пошло очень быстро впередъ во второй половинѣ XIX в. Въ настоящее время эти колоніи уже организованы, какъ представительныя демократіи, въ основу которыхъ положены принципы народнаго верховенства и гражданскаго равенства. Мало того, въ ихъ политической жизни осуществлены даже совсѣмъ новыя, еще нигдѣ раньше не бывшія испытанными начала; напр., въ нѣкоторыхъ колоніяхъ правомъ избранія въ члены парламента пользуются и женщины. Уже съ середины XIX в. стала обнаруживаться и потребность въ общихъ для всѣхъ австралійскихъ колоній федеративныхъ учрежденіяхъ. Развитіе торговли, проведеніе желѣзныхъ дорогъ и т. д. создали множество общихъ всѣмъ колоніямъ интересовъ и вызвали къ жизни, въ восьмидесятихъ годахъ XIX в., цѣлое федеративное движеніе, тѣмъ болѣе, что въ виду развитія какъ-разъ въ то время колониальной политики европейскихъ державъ Австрія стала бояться захватовъ этими державами сосѣднихъ острововъ. Въ 1885 г. большая часть колоній вошла между собою въ соглашеніе и учредила особый «федеральный совѣтъ Австріи», бывший первымъ шагомъ къ сплоченію всѣхъ колоній (кромѣ Новой Зеландіи, слишкомъ отдаленной отъ материка) въ федерацію, получившую названіе Соединенныхъ Штатовъ Австріи или Австралійской республики. Англійскій парламентъ утвердилъ новый политическій строй Австріи въ 1900 г., и съ перваго же дня XX столѣтія союзныя учрежденія новыхъ «Соединенныхъ Штатовъ» вступили въ законную силу. Образованіе этой «республики» въ общемъ составѣ Британской колониальной имперіи является однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ примѣровъ общаго направленія, принятаго англійскою политикою въ ея отношеніяхъ къ колоніямъ.

Выходитъ, слѣдовательно, такъ, что не только въ Америкѣ, но и въ Австріи западно-европейскія культурно-соціальныя формы получаютъ дальнѣйшее развитіе, и въ этомъ смыслѣ мы и на австралійскую исторію должны смотрѣть какъ на продолженіе англійской же исторіи.

Отъ Новаго Свѣта въ его двухъ материкахъ обратимся теперь опять къ Старому Свѣту, но не къ Европѣ, а къ самымъ старымъ историческимъ материкамъ, къ Азіи и Африкѣ.

Конечно, въ другихъ частяхъ свѣта европейцы могли колонизировать только такія страны, гдѣ было много пустыхъ пространствъ, населеніе отличалось рѣдкостью, культурный уровень его былъ очень низкій. Въ главныхъ областяхъ болѣе или менѣе сплошной европейской колонизаціи, въ Америкѣ и въ Австраліи, равно какъ и въ Сибири, пришельцы имѣли дѣло преимущественно съ дикарями, которые въ настоящее время большею частью даже вымираютъ. Такое государство, какъ Сѣверо-Американскіе Штаты, образовавшееся на территоріи кочевыхъ индѣйцевъ, не могло бы возникнуть въ старыхъ, густо населенныхъ, достигшихъ извѣстной ступени цивилизаціи странахъ, какъ Индіи. Англичане могли завоевать Индію, основать въ ней разныя учрежденія, наслатъ туда своихъ чиновниковъ и купцовъ и т. п., но они не могли такъ же ее заселить, какъ заселили Сѣверную Америку. Старыя историческія страны, начиная съ сѣвернаго берега Африки и кончая Японіей, сохраняютъ свое прежнее (туземное или пришлое) населеніе, хотя и находятся часто въ политической зависимости отъ европейцевъ. Что касается до господства европейцевъ именно въ этой части историческаго міра, то въ старыхъ владѣніяхъ Кароагена теперь хозяйничаютъ французы, въ Египтѣ распоряжаются англичане, на Малую Азію и Месопотамію имѣетъ большіе виды Германія, Персія все болѣе и болѣе входитъ въ сферу вліянія Россіи, Афганистанъ, пока совершенно независимый, играетъ роль государства-буфера между русскими и англійскими владѣніями, Индія принадлежитъ цѣликомъ Англійи, а въ одной части Индо-Китаю утвердились французы. Мало того, европейцы въ самое послѣднее время утвердились въ нѣкоторыхъ пунктахъ Китая, получивъ отъ его правительства такъ называемыя «концессіи» и раздѣливъ между собою сферы вліянія. Между прочимъ, послѣднее столкновеніе соединенной Европы съ Китаемъ интересно и въ томъ отношеніи, что въ немъ принимали участіе и дѣйствовали заодно съ Европой не только Сѣверо-Американскіе Штаты, но и весьма быстро цивилизующаяся съ середины XIX в. Японія—событіе, открывающее совершенно новую эпоху въ міровой политикѣ.

Само собою разумѣется, что въ старыхъ историческихъ странахъ съ сложившейся уже культурой мы больше имѣемъ дѣло съ дѣйствіемъ старыхъ традицій и такъ называемыхъ переживаній, чѣмъ съ явленіями новаго порядка, возникновенію которыхъ сильно мѣшаетъ традиціонная культура. Одна только Японія, какъ было сказано, быстро пошла по пути экономическаго и техническаго, даже научнаго и политическаго развитія. Въ ней существуютъ въ настоящее время на европей-

скій ладъ и фабрики, и пароходы, и высшія учебныя заведенія, и періодическая пресса, и даже парламентъ. Но въ общемъ новой культурѣ иногда бываетъ очень трудно одолѣть старыя, живучесть которыхъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ эти культуры старше. Китай, Индія, мусульманскій міръ, это—цѣлыя давно сложившіяся, прочно установившіяся, сросшіяся со всею жизнью традиціонныя системы отношеній и общественныхъ порядковъ, возрѣвнѣи и моральныхъ формулъ. Все это Востокъ, тотъ самый Востокъ, который мы видѣли въ Египтѣ, въ Ассиро-Вавилоніи, въ древней Персіи, въ Паряянскомъ или Ново-Персидскомъ царствахъ, въ Арабскомъ халифатѣ, въ государствѣ монголовъ, въ Оттоманской имперіи. Западъ слишкомъ далеко ушелъ отъ этого Востока, чтобы между ними обоими сразу могли установиться отношенія учителя и ученика, тѣмъ болѣе, что фактически и не въ этомъ заключается суть дѣла, а въ стремленіи Запада къ господству надъ Востокомъ и къ извлеченію изъ него матеріальныхъ выгодъ.

Уже не разъ отмѣчалось нами то обстоятельство, что двѣ очень древнія восточныя страны стояли особнякомъ во всемірной исторіи,— Индія и Китай, но за послѣднее время окончился и для нихъ періодъ изолированнаго существованія.

По отношенію къ Индіи еще можно сказать, что бѣльшая ея близость къ главной сценѣ всемірной исторіи была причиной того, что эта обширная и населенная страна все-таки чаще приходила въ соприкосновеніе съ ближайшимъ къ намъ Востокомъ. Западная окраина Индіи входила въ составъ и Персидской, и Македонской монархіи, и Бактрійскаго царства, хотя и тутъ приходится прибавить, что бѣльшая и притомъ самая важная часть Индіи оставалась совершенно въ сторонѣ отъ непосредственнаго персидскаго и греческаго вліянія (Греческое владычество въ западной окраинѣ Индіи продолжалось около двухъ вѣковъ). Другимъ періодомъ иноземнаго вліянія на Индію съ западной стороны было появленіе въ ней магометанскихъ завоевателей, безъ прочныхъ результатовъ въ VII в., болѣе частое и настойчивое съ VIII в., пока въ концѣ X в. имъ не удается упрочиться въ сѣверной части Индіи (магометанскія нашествія совершались здѣсь со стороны Ирана). Въ XIII в. начались набѣги на Индію монголовъ, продолжавшіеся и въ XIV в., а въ XVI в. въ Индіи даже основалось могущественное мусульманское царство Великихъ Моголовъ, которое распалось только въ срединѣ XVIII в., чтобы открыть дорогу для установленія сначала французскаго, а затѣмъ англійскаго владычества. Въ XIX в. уже вся Индія вошла въ составъ Британской колониальной имперіи. Слѣдовательно, Индія все-таки трижды входила въ единеніе съ остальнымъ міромъ: въ персидско-греческую эпоху въ древности, въ мусульманско-монгольскую эпоху въ средніе вѣка и въ эпоху

западно-европейской колониальной политики въ новое время. Морскія сношенія дали болѣе прочные результаты, чѣмъ сухопутныя. Китай былъ еще болѣе изолированъ въ своей исторіи, но и онъ по временамъ подвергался внѣшнимъ влияніямъ. Въ немъ распространился буддизмъ, получившій особое развитіе въ Тибетѣ, гдѣ онъ сталъ утверждаться еще въ срединѣ VII в. по Р. Х. Въ XIII в. и Китай вмѣстѣ со многими другими странами подвергся монгольскому завоеванію, а какъ это, такъ и завоеванія самихъ китайцевъ на западѣ привело ихъ въ соприкосновеніе съ мусульманскимъ міромъ. Непосредственныя сношенія европейцевъ морскимъ путемъ стали устанавливаться съ Китаемъ лишь въ началѣ XVI в., т.-е. послѣ открытія морского пути въ Индію, но до середины XIX в. китайское правительство всячески ограждало свою страну отъ посѣщенія иностранцевъ. Только во второй половинѣ минувшаго вѣка Китай вошелъ въ болѣе дѣятельныя сношенія съ Европой, отдѣльныя націи которой начали въ концѣ XIX столѣтія размежевывать въ немъ между собою «сферы вліянія». Изолированности Небесной имперіи тоже такимъ образомъ настала конецъ.

И Индія, и Китай, какъ мы видимъ, раньше испытывали культурное вліяніе лишь со стороны ближайшаго къ нимъ Запада (греческое вліяніе черезъ Бактрійское царство въ Индіи и буддистское черезъ Тибетъ въ Китаѣ) и сдѣлались доступными для европейскихъ народовъ только послѣ открытія пути изъ Атлантическаго въ Индійскій и Великій океаны, а, съ другой стороны, и завоеваніе Россіей Сѣверной и Средней Азіи поставило обѣ страны въ непосредственное сосѣдство съ европейской цивилизаціей и по сухопутнымъ границамъ. Въ обѣихъ, слѣдовательно, странахъ главнымъ образомъ и произошла встрѣча двухъ разныхъ потоковъ высшей цивилизаціи морского, западно-европейскаго, и сухопутнаго, русскаго.

Мусульманскій міръ, который еще въ началѣ новой исторіи все еще попрежнему грозилъ Европѣ, въ послѣдніе два вѣка, наоборотъ, все болѣе и болѣе отступаетъ передъ натискомъ европейскихъ народовъ, которые теперь господствуютъ надъ цѣлыми территориями съ мусульманскимъ населеніемъ и въ Азіи, и въ Африкѣ. Подобно тому, какъ раньше пришли въ упадокъ и разложились Арабскій халифатъ и Монгольская имперія, такъ и третья міровая держава мусульманскаго міра, одно время соединившая подъ своею властью многія земли въ Азіи, въ Европѣ и въ Африкѣ, Оттоманская имперія тоже стала приходить въ упадокъ. Въ Европѣ, какъ было уже сказано, у нея отняты многія земли Россіей, и Австріей, и христіанскими народами Балканскаго полуострова, такъ что здѣсь у Турціи остался лишь сравнительно небольшой клочокъ прежней ея территоріи. Въ Азіи значительныя окраины Турціи тоже отошли къ Россіи, которая рас-

ширилась здѣсь и на счетъ другихъ мусульманскихъ государствъ— Персіи и средне-азиатскихъ ханствъ. Въ Африкѣ главнымъ владѣніемъ турокъ былъ Египеть, но и онъ теперь имѣетъ особаго государя, находясь въ то же время подъ владычествомъ европейской державы—Англии. Турція въ началѣ новаго времени занимала еще всѣ области Восточной Римской имперіи, но теперь это—одно изъ второстепенныхъ государствъ.

Если, далѣе, мы возьмемъ карту Азіи и отмѣтимъ на ней одновременно предѣлы, которыхъ достигали монгольскія завоеванія, и теперешнія границы Россійской имперіи *), то увидимъ, что, по крайней мѣрѣ, одна треть первой территоріи будетъ покрыта другою. Въ восточной своей части территорія, когда-то входившая въ составъ монгольскихъ владѣній, а нынѣ входящая въ составъ азиатскихъ областей Россіи, именно отъ Великаго океана къ з. приблизительно до 105° в. д., является сравнительно узкою полосой земли, которая далѣе на з. расширяется, охватывая главнымъ образомъ громадное пространство, сѣверныя части котораго заходятъ къ с. за 60° с. ш., а южныя—къ ю. за 40° с. ш. Въ этой западной половинѣ русскихъ владѣній и именно въ южной ихъ части находится Туркестанъ, гдѣ во второй половинѣ среднихъ вѣковъ процвѣтала еще мусульманская культура, весьма быстро пришедшая въ упадокъ. Въ исторію новаго времени Туркестанъ вступилъ уже въ полномъ упадкѣ, а теперь эта обширная территорія снова приобщается къ культурной жизни послѣ того, какъ съ середины шестидесятыхъ до середины восьмидесятыхъ годовъ XIX в. здѣсь утвердилась русская власть.

Намъ остается еще сказать о подчиненіи европейцамъ Африки.

Этотъ большой материкъ Старога Свѣта лежитъ между Средиземнымъ моремъ на сѣверѣ и двумя океанами, омывающими его съ запада и востока, Атлантическимъ и Индійскимъ съ глубоко врѣзавшимся между двумя материками Краснымъ моремъ. Послѣднее такъ близко подходитъ къ Средиземному морю, что еще во времена древняго Египта возникла мысль о соединеніи обоихъ морей каналомъ и даже была осуществлена, повидимому, сносно для плаванія малыхъ кораблей того времени. Время-отъ-времени этотъ старый египетскій каналъ возобновлялся и расширялся, но съ VIII в. до Р. Х. пришелъ въ полный упадокъ, и только во второй половинѣ XIX в. новый большой каналъ отрѣзалъ Африку отъ Азіи, замѣнивъ прежній морской путь въ Индію новымъ, болѣе близкимъ. Что касается до круж-

*) Такая карта дана въ моихъ «Главныхъ обобщеніяхъ всемирной исторіи».

наго морского пути, который, какъ извѣстно, былъ открытъ въ концѣ XV в. португальцами, то и это, какъ и геперешній суэзскій каналъ, не было совершенною новостью: вокругъ Африки объѣхали еще финикійцы по порученію египетскаго фараона Нехао за шесть вѣковъ до Р. X. Такимъ образомъ доступность Африки съ морей, ее омывающихъ, фактъ давнишній: между финикійскимъ и первымъ португальскимъ объѣздомъ прошло болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, а между первой попыткой соединенія Средиземнаго и Краснаго морей и прорытіемъ Суэзскаго перешейка и того еще больше, около трехъ тысячъ лѣтъ. Несмотря на такую древность морскихъ сношеній вокругъ Африки, этотъ материкъ—самый отсталый въ историческомъ отношеніи, хотя, прибавимъ еще, именно въ сѣверо-восточномъ углу Африки и возникло первое въ исторіи большое культурное государство, Египеть. Между Средиземнымъ и Краснымъ морями еще поддерживались связи за все историческое время, но за двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ, протекшихъ между временами Нехао и Васко да Гамы, морскимъ путемъ вокругъ Африки никто не пользовался. Когда, наконецъ, со времени морскихъ открытій португальцевъ европейцы стали появляться и селиться на африканскихъ берегахъ, внутренность материка оставалась тоже долго неизвѣстной. На картахъ географическихъ открытій вся внутренняя Африка до XIX в. отмѣчается какъ совершенно невѣдомая, неизслѣдованная область.

Всемірной исторіи въ древности принадлежала только самая сѣверная окраина Африки, прилегающая къ Средиземному морю. Здѣсь возникли Египеть и Карѳагенъ, доставшіеся потомъ Римской имперіи, а финикійскіе мореплаватели основывали свои предпріятія даже за Гибралтаромъ, на берегахъ Атлантики. Съ этого отдаленнаго времени и до нашихъ дней сѣверная окраина Африки принадлежитъ всемірной исторіи. Сначала эта окраина примкнула къ греко-римскому міру въ Европѣ, эллинизировалась и романизировалась, и въ ней распространилось христіанство, утвердившееся и къ югу отъ Египта, гдѣ оно и теперь составляетъ религію абиссинцевъ. Въ VII в. африканскія провинціи Римской имперіи были потеряны для христіанскаго міра, и начался періодъ магометанскаго владычества, причемъ вся эта окраина Африки вошла въ составъ Арабскаго халифата. Событія азіатской и европейской исторіи продолжали отзываться и на всей этой полосѣ земли, и въ новое время Европа, какъ и въ греко-римскую эпоху, снова овладѣла странами, гдѣ въ древности развивались египетская и карѳагенская культуры. Уже въ первой половинѣ XVI в. Карлъ V утверждаетъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ бывшей Карѳагенской области, а въ концѣ XVIII в. На-

полеонъ дѣлаетъ попытку завоеванія Египта. Теперь вся эта старая африканская сцена всемірной исторіи находится подъ властью или вліяніемъ европейскихъ націй.

Такова въ общихъ чертахъ исторія сѣверной окраины Африки у Средиземнаго моря съ глубочайшей древности до нашихъ дней. Къ югу отъ этой полосы находятся великія Сахарская и Ливійскія пустыни, которыя и не давали цивилизаціи въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ распространяться внутрь материка. Только на востокѣ Ниль служилъ всегда хорошей дорогой для культурныхъ сношеній, протекая притомъ параллельно Красному морю: христіанство въ Абиссиніи—лучшее доказательство того, какое важное значеніе принадлежитъ въ данномъ отношеніи особымъ географическимъ условіямъ этой части Африки. Впрочемъ, давно ли европейцы узнали, гдѣ беретъ начало древнѣйшая культурная рѣка, Ниль, которому такъ много былъ обязанъ самъ Египетъ?

Мы видѣли, когда и гдѣ утвердились европейцы въ тѣхъ частяхъ Африки, которыя раньше находились внѣ связи съ всемірной исторіей. Къ концу XIX в. здѣсь совершился раздѣлъ чуть не всего «чернаго» (по своему населенію) материка между европейскими народами. Почти весь сѣверо-западъ Африки принадлежитъ Франціи или входитъ въ сферу ея вліянія—отъ Алжира и Туниса черезъ Сахару и Суданъ до экваторіальной полосы, хотя тутъ есть и чужія территоріи. Большой островъ у восточнаго берега Африки, Мадагаскаръ, тоже принадлежитъ французамъ. Англія заняла главнымъ образомъ восточную позицію, и ея владѣнія или находящіяся подъ ея политическимъ вліяніемъ страны тянутся по Нилу до экваторіальной области, а оттуда до южной оконечности Африки. Позже другихъ европейскихъ народовъ выступившіе на путь колоніальной политики нѣмцы и итальянцы тоже нашли здѣсь для себя владѣнія, а въ самомъ центрѣ Африки утвердились бельгійцы. Кое-что осталось и въ рукахъ самыхъ старыхъ колоніальныхъ странъ, Испаніи и Португаліи. Интересно при этомъ, что въ религіозномъ отношеніи внутренняя Африка дѣлается все болѣе и болѣе добычею ислама.

Вмѣстѣ съ европейскими завоеваніями распространяется и европейская матеріальная культура, достигшая въ XIX в. небывалой высоты. Изобрѣтеніе машинъ, успѣхи вообще прикладныхъ знаній и развитіе крупнаго производства совершили громадный переворотъ въ промышленности. Благодаря техническимъ изобрѣтеніямъ, сдѣлалось возможнымъ, съ одной стороны, страшно увеличить количество необходимыхъ для жизни издѣлій, съ другой—значительно понизить ихъ продажную цѣну. Сначала Англія, а потомъ и другія промышленныя страны Европы начали прямо работать на вывозъ своихъ

продуктовъ въ болѣе отсталыя части свѣта, а теперь прямо совершается перемѣщеніе туда европейскихъ капиталовъ для промышленныхъ цѣлей. Двумя новыми примѣненіями силы пара явились въ XIX в. пароходы и паровозы, во много разъ увеличившіе силу и скорость передвиженія по водѣ и по сухому пути. Первый пароходъ былъ пущенъ на воду въ Сѣверной Америкѣ въ 1807 г. Фультономъ, а послѣ 1815 г. пользованіе пароходами мало-по-малу распространилось и въ Европѣ, и въ другихъ частяхъ свѣта, гдѣ только имѣли свои владѣнія или вели торговлю европейскія націи (весьма важное, конечно, значеніе для сношеній имѣло также прорытіе въ 1869 г. суэзскаго канала). Другой американецъ, Стефенсонъ, изобрѣлъ въ 1829 г. паровозъ для перевозки тяжестей по сухому пути, и съ этого времени явились желѣзныя дороги, которыя уже въ сороковыхъ годахъ стали строиться въ очень большомъ количествѣ, а теперь связываютъ между собою даже противоположныя берега великихъ материковъ. Таковы Трансатлантическая и Сибирская желѣзныя дороги. Въ высшей степени важно было также изобрѣтеніе въ тридцатыхъ годахъ электрическаго телеграфа. Кромѣ того, сдѣланы были въ XIX в. и многія другія важныя изобрѣтенія, въ громадномъ размѣрѣ увеличившія силы человѣка надъ природою и доставившія европейцамъ окончательное торжество надъ отсталыми народами другихъ частей свѣта (между прочимъ усовершенствованное вооруженіе).

Уже въ началѣ новаго времени, съ самаго открытія Америки и морского пути въ Индію и первыхъ шаговъ европейской колонизаціи въ другихъ частяхъ свѣта, торговля вышла изъ того мало развитого состоянія, въ какомъ она была въ концѣ среднихъ вѣковъ. Крупная промышленность и паровой транспортъ въ XIX в. подняли и торговлю на небывалую прежде высоту. Промышленныя націи Европы, собственно говоря, именно для сбыта своихъ товаровъ и стали широко пользоваться усовершенствованными путями сообщенія и обратили особое вниманіе на отысканіе новыхъ рынковъ и пріобрѣтеніе новыхъ колоній. Вслѣдствіе этого торговля, а съ нею и вся экономическая жизнь получили міровой характеръ, т.-е. между отдѣльными странами всѣхъ частей свѣта установилось самое тѣсное взаимодѣйствіе. Институты учрежденія, въ родѣ всемірнаго почтового союза, который былъ основанъ въ 1874 г. и въ которомъ теперь не участвуютъ лишь очень немногія страны, сильно содѣйствуютъ этому мирному объединенію народовъ. Къ той же категоріи явленій относятся всемірныя промышленныя и художественныя выставки, которыхъ было нѣсколько во второй половинѣ XIX в. (особенно часто во Франціи) и т. п. Ради одного самосохраненія народы, отставшіе на пути развитія, считаютъ теперь нужнымъ заимствовать у европейцевъ ихъ техническія изобрѣтенія и прикладныя знанія, причемъ передовые люди этихъ

народовъ приходить къ сознанию и вообще превосходства европейской цивилизаціи. Въ указываемомъ отношеніи особенно большіе успѣхи сдѣлала во второй половинѣ XIX столѣтія Японія, въ которой въ настоящее время происходитъ сильное экономическое и культурное развитіе европейскаго характера. Въ недавней войнѣ съ Китаемъ преобразованная Японія доказала свое превосходство надъ этимъ представителемъ азіатской неподвижности, и среди китайцевъ также явились люди, которые равнымъ образомъ стали искать спасенія въ усвоеніи европейскихъ знаній. Къ сожалѣнію только, дикіе и варварскіе народы прежде всего набрасываются на приобрѣтеніе ружей и пушекъ и очень, наоборотъ, сторонятся европейскихъ идей и учрежденій.

Приняла міровой характеръ, понятное дѣло, и политика. Въ средніе вѣка, напр., счеты между Англіей и Франціей не выходили за предѣлы Западной Европы, и столкновение французовъ съ англичанами въ Палестинѣ во время третьяго крестоваго похода было лишь незначительнымъ эпизодомъ; теперь же интересы Англіи и Франціи сталкиваются и въ Азіи, и въ Африкѣ. Или другой примѣръ: старый восточный вопросъ, связанный съ существованіемъ въ Европѣ Турціи, теперь уступилъ мѣсто другому восточному вопросу (на берегахъ Великаго океана), гдѣ, какъ это показало недавнее «усмиреніе» Китая соединенными силами европейцевъ, американцевъ и японцевъ, тоже сталкиваются между собою интересы всѣхъ главныхъ европейскихъ государствъ съ прибавкою Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и Японіи.

Въ эту же всемірную торговлю и всемірную политику втянута и Россія, которая два вѣка тому назадъ вошла въ «Европу»—въ эпоху великихъ петровскихъ реформъ.

Очеркъ десятый.

Мѣсто Россіи во всемірной исторіи.

Общій взглядъ на мѣсто Россіи во всемірной исторіи.—Позднее выступленіе Россіи въ исторіи. — Географическое положеніе восточно-европейской равнины.—Значеніе великаго воднаго пути и южно-русскихъ степей.—Татарское иго.—Мѣсто Россіи въ славянскомъ мірѣ.—Порядокъ экономическаго и культурнаго развитія въ Западной и въ Восточной Европѣ.—Значеніе для Россіи Балтійскаго моря.—«Московія».—Священная Римская имперія на Западѣ и Москва въ качествѣ «третьяго Рима» на Востокѣ. — Европеизація Россіи.—Славянофильская философія исторіи.—Расширеніе границъ Россіи въ XVII—XIX вв.—Роль Россіи въ Азіи.

Разсматривая общій ходъ всемірной исторіи, мы, конечно, имѣемъ право ставить вопросъ о томъ, какое мѣсто занимаетъ во всемірной исторіи тотъ или другой народъ, та или другая страна? Случается даже, что ученые той или другой національности даже на самоѣ всемірную исторію смотрятъ съ извѣстной чисто національной точки зрѣнія. Последнее неправильно, но совершенно за то законно, интересуясь ходомъ культурнаго развитія человѣчества, искать отвѣта на вопросъ о томъ мѣстѣ, какое въ его исторіи занимаетъ родная страна сравнительно съ другими странами, участвовавшими въ историческомъ движеніи. Въ настоящей главѣ нашей книги мы и дадимъ самый общій обзоръ судьбы Россіи съ всемірно-исторической точки зрѣнія. Это не будетъ, конечно, изложеніемъ внутренней исторіи нашего отечества, а лишь отвѣтомъ на вопросъ, въ какомъ отношеніи исторія Россіи находится ко всемірной исторіи.—Принятіе русскими христіанства изъ Византіи—конечно, въ связи съ другими фактами, свидѣтельствующими о вліяніи Византіи на нашу древнѣйшую исторію—было приобщеніемъ русской исторіи къ исторіи восточно-европейскаго, греко-славянскаго средневѣковаго міра, какъ, наоборотъ, сближеніе Россіи

съ Западомъ при Петрѣ Великомъ можно назвать приобщеніемъ этой исторіи къ западно-европейскому, преимущественно романо-германскому міру. Оба эти факта нашей исторіи, одинъ въ концѣ X в., другой на рубежѣ XVII и XVIII вв., получили разную оцѣнку въ двухъ большихъ общественно-литературныхъ партіяхъ, на которыя раздѣлилась мыслящая часть русскаго общества въ срединѣ XIX в. Именно славянофилы, видѣвшіе благо въ томъ, что Россія приняла восточное-православное христіанство, признавали петровскую реформу за большое зло, за событіе именно, благодаря которому Россія сошла съ своего настоящаго историческаго пути, тогда какъ западники въ этой самой реформѣ видѣли спасеніе Россіи, какъ культурной страны, а одинъ изъ представителей названнаго направленія, Чаадаевъ, даже выразилъ сожалѣніе, что русскіе не примкнули съ самаго начала своей исторіи къ западно-европейскому, католическому міру. Настоящая историческая наука исходитъ не изъ субъективной оцѣнки фактовъ, а изъ объективнаго ихъ изслѣдованія. Для того, чтобы Россія приняла христіанство изъ Византіи, а не изъ Рима, какъ и для того, чтобы черезъ семь вѣковъ послѣ этого она сдѣлалась европейскимъ государствомъ, а не азіатскимъ, въ какое готово было, повидимому, превратиться,—и для того, и для этого существовали свои историческія причины, съ результатами которыхъ мы должны считаться, какъ съ совершившимися фактами безотносительно къ ихъ оцѣнкѣ. Между двумя событіями, о которыхъ было сказано, стоитъ еще третье, тоже не малой важности: черезъ два съ половиною вѣка послѣ принятія христіанства большая часть Руси должна была подчиниться азіатской ордѣ, которая вскорѣ приняла магометанство. Такъ называемое монгольское или татарское иго, можно сказать, связывало русскую исторію съ исторіей азіатскаго, мусульманскаго Востока, и лишь за два вѣка до петровской реформы Русь страхнула съ себя чужеземное иго, сильно отставъ за это время въ своемъ историческомъ развитіи. Крещеніе Руси по восточно-греческому обряду, подчиненіе монгольскому игу и петровская реформа,—вотъ три главныя вѣхи русской исторіи, указывающія на ея отношенія, во-первыхъ, къ Византіи и вообще къ греко-славянскому міру, во-вторыхъ, къ мусульманской Азій, которая въ концѣ среднихъ вѣковъ поглотила, въ лицѣ турокъ, весь этотъ греко-славянскій міръ, кромѣ самой Россіи, и, въ-третьихъ, къ европейскому Западу, вотъ уже около двухъ вѣковъ оказывающему на нее свое культурное вліяніе. Такимъ образомъ, русская исторія соприкасается со всѣми тремя историческими мірами, образовавшимися въ средніе вѣка въ западной части Стараго Свѣта. Развиваясь въ зависимости отъ внутреннихъ условій, въ какія ее ставили природа страны и свойства племень, ее населяющихъ, Россія въ то же время испытывала

разныя вліянія со стороны своихъ сосѣдей, и вліянія эти шли на нее съ трехъ сторонъ, съ юга, востока и запада, а именно съ юга византійское, съ востока азіатское, съ запада ново-европейское, три вліянія, соотвѣтствующія тремъ историческимъ мірамъ, о которыхъ у насъ уже столько разъ шла рѣчь. Конечно, вліянія эти были неравноцѣнны, а съ другой стороны, и сама Россія не оставалась въ бездѣйствиі по отношенію къ ближайшимъ и болѣе отдаленнымъ сосѣдямъ. Ея исторія не прошла безслѣдно какъ для европейскаго Запада, въ систему государствъ котораго она вступила двѣсти лѣтъ тому назадъ, такъ и для Балканскаго полуострова съ его славянскимъ и греческимъ населеніемъ, и, наконецъ, для обширныхъ территорій Азіи (Сибирь, Средняя Азія, Закавказье), гдѣ долгое время царило магометанство. Принявъ западную культуру, Россія понесла ее въ самыя далекія страны Востока. Въ то время, какъ совершалась заморская колонизація западныхъ народовъ, Россія совершала свою сухопутную колонизацію, и оба потока, идя въ противоположныхъ направленіяхъ, должны были, конечно, встрѣтиться. Встрѣча произошла и въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ еще въ шестидесятихъ годахъ намъ принадлежала Аляска въ сосѣдствѣ съ англійскими владѣніями, и произошла она также въ Азіи, гдѣ русскія владѣнія въ концѣ XIX в. пришли въ соприкосновеніе съ англійскими. Благодаря этому, европейская культура, какъ кольцо, охватила все сѣверное полушаріе, и однимъ изъ важныхъ звеньевъ въ этой цѣпи явилась Россія.

Изъ этого краткаго обзора внѣшнихъ отношеній русской исторіи можно видѣть, что, беря эту исторію съ чисто хронологической стороны, мы должны помѣстить ее лишь во вторую половину среднихъ вѣковъ и въ новое время, и что о всемірно-историческомъ значеніи русской исторіи позволительно говорить лишь по отношенію къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ новаго времени. И въ отношеніи къ первымъ начаткамъ культурной жизни, и въ отношеніи къ началу крупной исторической роли Россіи приходится одинаково указывать на очень позднее выступленіе нашего отечества на путь болѣе широкаго историческаго развитія. Судьба всѣхъ позже приходящихъ въ обществѣ та, что имъ больше приходится испытывать вліяній, чѣмъ самимъ вліять, болѣе повторять то, что уже было пережито другими, чѣмъ идти впереди другихъ. Притомъ Россія не только позже другихъ европейскіхъ странъ вступила во всемірную исторію, но и разными неблагоприятными условіями задерживалась еще въ своемъ развитіи. Отдаленность отъ главной исторической сцены, чисто физическія условія страны, постоянная борьба съ азіатскими кочевниками, татарское иго,—все это, вмѣстѣ взятое, крайне неблагоприятно вліяло на русскую жизнь. Поздиѣ другихъ народовъ вступивъ на большую

историческую дорогу и медленно другихъ по ней двигаясь, русскіе должны были, конечно, сильно отстать отъ своихъ западныхъ сосѣдей, и эта отсталость является однимъ изъ наиболее бросающихся въ глаза общихъ фактовъ русской исторіи. Но столь же бросается въ глаза и другой фактъ, именно весьма значительный прогрессъ, сдѣланный русскою жизнью за два послѣднія столѣтія и особенно за вторую половину XIX вѣка.

Первымъ неблагопріятнымъ условіемъ для пріобщенія народовъ, населявшихъ еще въ древности восточно-европейскую равнину, къ цивилизованному міру, была отдаленность отъ него этой обширной страны. Своими южными окраинами она, правда, соприкасается съ Чернымъ моремъ, но сѣверные берега его (и его большого залива, Азовскаго моря) были самыми крайними предѣлами древней греческой колонизаціи: дальше на сѣверъ уже шло сплошное варварство. Римская имперія тоже оканчивалась на берегахъ Чернаго моря, едва затронувъ лишь самыя южныя, прибрежныя части теперешней Россіи. Все, что лежало къ сѣверу отъ Чернаго моря, со всѣмъ, что было по ту сторону Дуная и Рейна (указывая, конечно, отъ Рима),—все это въ первые вѣка нашей эры, такъ сказать, стояло внѣ исторіи. Вообще лишь въ средніе вѣка совершилось включеніе въ европейскую сцену всемирной исторіи странъ къ сѣверу отъ рейнско-дунайской линіи и отъ Чернаго моря, если не считать сравнительно небольшихъ территорій къ сѣверу отъ этой границы въ родѣ Дакии или Тавриды (Крыма). Припомнимъ, что лишь Карлъ Великій обратилъ въ христіанство Германію, что поляки и русскіе приняли христіанство еще двумя столѣтіями позднѣе, и что еще позднѣе оно стало утверждаться въ Скандинавіи, а крещеніе народовъ въ ту эпоху и было тою формою, въ какой совершалось ихъ пріобщеніе къ высшей культурѣ. Очень поздно вошла Германія въ составъ римско-христіанскаго міра, еще позже вошла въ составъ греко-христіанскаго міра Русь. И по сравненію съ Западной Европой къ сѣверу отъ дунайско-рейнской линіи восточно-европейская равнина оказывается менѣе благопріятно расположенной по отношенію къ странамъ старой культуры. При первомъ взглядѣ на карту Европы мы видимъ, какъ эта часть свѣта принимаетъ, приближаясь къ востоку, все болѣе и болѣе континентальный характеръ, расширяется и все значительнѣе отдаляетъ одни отъ другихъ морскіе берега на сѣверѣ и югѣ: отъ Нѣмецкаго моря по прямой линіи ближе до Средиземнаго, чѣмъ отъ Бѣлаго до Чернаго. Притомъ на югѣ восточно-европейской равнины лежатъ обширныя степи, которыя съ незапамятныхъ временъ были приманкою для разныхъ кочевниковъ, отрѣзывавшихъ очень долго отъ Чернаго моря зародившееся гораздо сѣвернѣе Русское государство. Не мудрено, что историческая жизнь

возникла здѣсь позднѣе и развивалась медленнѣе, чѣмъ въ той части Западной Европы, которая въ древности и въ началѣ среднихъ вѣковъ тоже оставалась варварской. Прибавимъ къ этому и менѣе благоприятныя условія климата и даже почвы въ той части восточной равнины, гдѣ образовался ея главный политическій центръ послѣ кратковременнаго преобладанія Южной Руси съ ея черноземомъ. Тамъ, гдѣ жить было побезопаснѣе отъ набѣговъ кочевниковъ, было много лѣсовъ и болотъ,—обстоятельство тоже не особенно, конечно, благоприятное для культурнаго развитія.

Русское государство возникло, какъ извѣстно, на великомъ водномъ пути «изъ варягъ въ греки», шедшемъ отъ Балтійскаго моря чрезъ Финскій заливъ Невой до Ладожскаго озера, оттуда по Волхову въ Ильменское озеро, далѣе рѣкою Ловатью до водораздѣла между бассейномъ Балтійскаго моря и бассейномъ Чернаго моря, въ которое, перетавивъ лодки въ Дибирь, по этой послѣдней рѣкѣ и спукались. Это былъ торговый путь, и по нему образовалось нѣсколько городовъ, съ именемъ которыхъ и связана наша древняя исторія. Подобные водные пути между морями существовали и въ Западной Европѣ, и здѣсь также на водныхъ путяхъ, главнымъ образомъ, за исключеніемъ морскихъ береговъ, и развивалась въ средніе вѣка городская жизнь. Достаточно вспомнить значеніе въ этомъ отношеніи Рейна и Дуная. Въ сторонѣ отъ такихъ путей историческая жизнь развивалась поздно, и цѣлыя населенія долго оставались на очень низкой ступени развитія, примѣромъ чему могутъ служить финны и литовцы, жившіе въ лѣсистыхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ и очень поздно начавшіе пріобщаться къ исторической жизни. Наоборотъ, на торговомъ пути по Камѣ и Волгѣ довольно рано возникло государство Болгарское изъ смѣси тюрковъ и финновъ, а отчасти и славянъ: болгары находились въ дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Азіей, откуда къ нимъ въ X в. и пришло магометанство. Равнымъ образомъ по Дону съ нижнимъ теченіемъ Волги въ IX в. по Р. Х. существовало значительное царство Хозарское, въ которомъ тоже существовала большая торговля. Изъ этихъ трехъ государствъ на восточно-европейской равнинѣ ближе другихъ къ Западу было Русское, но отъ наиболѣе культурныхъ странъ оно отдѣлялось многими землями, долгое время еще остававшимися въ язычествѣ. Главный центръ, изъ котораго высшая культура могла распространяться на Руси, былъ Константинополь, но правильности сообщеній съ нимъ мѣшали кочевники, долгое время господствовавшіе въ южныхъ степяхъ, гдѣ оканчивался великій рѣчной путь. Восточно-европейская равнина въ южной своей части непосредственно соприкасается со степями Средней Азіи, и пространство между Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ было воротами народовъ, двигав-

шихся изъ Азіи въ Европу. Черезъ эти, главнымъ образомъ, ворота и прошли послѣдовательно съ IV в. по XIII гунны, авары, болгары, хозары, печенѣги, половцы и татары, такъ сказать, смѣнявшіе одни другихъ. Эти кочевые народы отрѣзывали Русь отъ черноморскаго побережья и сильно препятствовали пользоваться плаваніемъ по нижнему Днѣпру. Однимъ словомъ, въ то время, какъ великій водный путь соединялъ Русь съ двумя морями, лѣса и болота съ одной стороны, а съ другой— степи служили ей долгое время препятствіемъ къ болѣе дѣятельнымъ сношеніямъ съ цивилизованнымъ міромъ. Безпокойная жизнь въ южныхъ окраинахъ Русскаго государства была даже одною причиною отлива населенія отсюда съ богатаго чернозема на суглинокъ сѣверо-восточной Руси, гдѣ возникло Московское государство, бывшее ядромъ теперешней Россіи.

Кочевники вообще причиняли много зла мирному земледѣльческому населенію южныхъ окраинъ Русской земли. Главнымъ образомъ онѣ же пострадали и во время татарскаго нашествія, которое ихъ разорило и обезлюдило, вслѣдствіе чего юго-западная Русь не въ силахъ оказалась сопротивляться Литовскому княжеству, образовавшемуся въ то время на ея сѣверной границѣ и покорившему всю эту часть Русской земли. Но и надъ другою половиною, сѣверо-восточной, установилось чужеземное иго азіатской орды, препятствовавшее культурному ея развитію. Это иго тяготѣло надъ Русью два съ половиною вѣка, но и потомъ еще долгое время ей приходилось вести тяжелую и упорную борьбу съ магометанскими царствами на востокѣ и югѣ великой восточно-европейской равнины. Завоеваніе одной части Руси Литвою, съ которою она въ XIV в! подчинилась политическому преобладанію и культурному вліянію Польши, и подчиненіе другой части Руси татарамъ создали, такъ сказать, двѣ разныя русскія исторіи, которымъ суждено было соединиться воедино лишь много позднѣе. Обѣ части Русской земли, однако, не утратили своего національнаго облика, чему особенно способствовала принятая изъ Византіи вѣра. Конечно, татарское вліяніе на сѣверо-восточную Русь, которой суждено было разростись впоследствии въ Россійскую имперію, не могло быть благотворнымъ ни въ культурномъ, ни въ политическомъ отношеніи. Входя въ составъ владѣній Золотой Орды, будущая Россія отрывалась отъ Европы, чтобы стать Азіей. Хотя она и сохранила христіанство, какъ основу своей духовной культуры, но въ другихъ отношеніяхъ она все менѣе и менѣе начинала походять на европейское государство, все болѣе и болѣе принимая, наоборотъ, восточныя формы. вмѣстѣ съ народами германскими и съ другими славянами Русь вступила въ исторію какъ молодое государство одного съ ними типа, развившагося изъ условій европейской жизни и культурныхъ вліяній Римской имперіи въ

объихъ ея половинахъ, но вслѣдствіе разобщенности съ остальной Европой и вслѣдствіе татарскаго ига Московское государство потребовало въ послѣдствіи европеизаціи, т. е. новаго приобщенія къ европейскому міру. Оно и совершилось на рубежѣ XVII и XVIII вв.

Особое значеніе въ исторіи Россіи имѣеть принадлежность ея къ славянскому міру. При раздѣленіи главныхъ европейскихъ народовъ на романскіе, германскіе и славянскіе мы должны обратить вниманіе на то, что въ выступленіи ихъ на историческое поприще и во внутреннемъ ихъ развитіи замѣчается извѣстная послѣдовательность, которая состоитъ въ томъ, что раньше другихъ вступили въ исторію народы романскаго корня, позже всѣхъ—славяне, народы же германскаго происхожденія заняли среднее мѣсто. Романскіе народы состоятъ изъ потомковъ романизированнаго населенія Римской имперіи, изъ котораго культура прежде всего должна была перейти къ германцамъ, какъ болѣе близкимъ сосѣдямъ, потому что славяне въ общемъ занимали области, болѣе отдаленныя отъ культурныхъ центровъ. Только часть славянскаго племени—сербы и болгары—пришла въ непосредственное соприкосновеніе съ Византійской имперіей, занявъ сѣверную часть Балканскаго полуострова, остальные же съ самаго начала были отдѣлены отъ главной исторической сцены странами съ не-славянскимъ населеніемъ. Если византійская культура могла непосредственно передаваться сербамъ и болгарамъ на Балканскомъ полуостровѣ и, благодаря великому водному пути, славянамъ русскимъ, то влияніе западной культуры на славянскій міръ шло главнымъ образомъ черезъ Германію и совершалось, такъ сказать, уже въ германской переработкѣ. Самые западные славяне подверглись даже полному онемеченію, чехи вошли въ составъ Священной Римской имперіи германской націи, а Польша сдѣлалась главнымъ оплотомъ католицизма въ восточной Европѣ. Благодаря территоріальной непрерывности, западное, преимущественно германское влияніе и господство католицизма въ средніе вѣка все болѣе и болѣе подвигались на востокъ, включивъ въ область романо-германской культуры страны, которыя находились въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ тогдашней Русью. Кромѣ крещенія поляковъ по католическому обряду, достаточно вспомнить такіе факты, какъ основаніе въ XIII в. на берегахъ Балтійскаго моря нѣмецкаго духовно-рыцарскаго ордена, движеніе шведовъ къ берегамъ Невы, принятіе въ XIV в. католицизма Литвой и соединеніе ея и подвластныхъ ей русскихъ земель съ католической Польшей, наконецъ, движеніе самой Польши на востокъ. Вѣроисповѣдная рознь, образовавшаяся между Востокомъ и Западомъ въ эпоху основанія и крещенія Руси, сильно мѣшала послѣдней войти въ болѣе тѣсныя культурныя связи со своими западными сосѣдями; отъ своихъ же единовѣрцевъ,

византійскихъ грековъ и балканскихъ славянъ, Русь географически была отрѣзана. Послѣдовало затѣмъ завоеваніе самой Руси татарами, паденіе юго-славянскихъ царствъ, и въ ту же эпоху на западныхъ границахъ Руси образовалось большое Польско-литовское государство, сдѣлавшееся въ концѣ среднихъ вѣковъ наиболѣе обширной, могущественной и образованной славянской державой. Условія общей исторіи славянскаго племени сложились такимъ образомъ, что въ новую исторію въ качествѣ вполне самостоятельныхъ государствъ вступили только Польша и Россія, изъ которыхъ одна представляла собою западную культуру, другая—восточную, одна въ культурномъ отношеніи примыкала къ прогрессивизованному въ то время романо-германскому міру, другая сдѣлалась послѣ завоеванія Константинополя турками единственнымъ христіанскимъ государствомъ на Востокѣ, притомъ только-что еще покончившимъ свои счеты съ татарскимъ игомъ. Несмотря на такія неблагопріятныя условія, Россія въ новое время достигаетъ важныхъ историческихъ результатовъ въ борьбѣ съ враждебными ей силами, и образованіе въ XVIII в. Россійской имперіи является однимъ изъ важнѣйшихъ въ указанномъ столѣтіи событій.

Какъ часть славянскаго міра въ Европѣ, Россія во многихъ отношеніяхъ раздѣляла и раздѣляетъ судьбы этого міра, благодаря общему ея географическому положенію. Если сосредоточить свое вниманіе лишь на той части Европы, которая по отношенію къ странамъ античной цивилизаціи лежала по ту сторону Рейна, Дуная и Чернаго моря, то можно установить, что въ общемъ на этой громадной территоріи пріобщеніе отдѣльныхъ странъ къ исторической жизни шло съ запада на востокъ. Если бы не было великаго воднаго пути «изъ варягъ въ греки», какъ проводника византійской культуры, и культура шла бы сюда только съ романскаго запада черезъ Германію, по всей вѣроятности, русская исторія началась бы еще позже, можетъ-быть, позже того, какъ вошли въ составъ историческаго міра страны къ югу отъ Балтійскаго моря и та территорія, гдѣ возникло первоначальное государство Литовское, т.-е. послѣ германизаціи полабскихъ и поморскихъ славянъ, образованія духовно-рыцарскихъ орденовъ на Балтійскомъ морѣ, возникновенія Ганзейскаго союза и расширенія границъ Польскаго государства къ востоку. Во всякомъ случаѣ, когда великій водный путь восточно-европейской равнины утратилъ свое значеніе, культурное движеніе въ сѣверо-восточной Европѣ за рейнско-дунайской линіей шло главнымъ образомъ съ запада на востокъ, не встрѣчая уже на своемъ пути другого аналогичнаго потока, который шелъ бы съ юга, изъ Византіи, да и сама Византія впоследствии исчезла. Общее направленіе культурнаго движенія съ запада на востокъ, отъ романскихъ народовъ къ германскимъ и отъ германскихъ къ славянскимъ объ-

ясняется, конечно, не изъ племенныхъ, или расовыхъ, что ли, свойствъ этихъ народовъ, т.-е. не изъ прирожденныхъ имъ особенностей, а изъ условій географическихъ, условій климата, почвы и т. п. На долю славянскихъ народовъ достались мѣста, гораздо менѣе благоприятныя для экономическаго ихъ развитія, которое тѣмъ раньше начиналось и тѣмъ быстрѣе совершалось, чѣмъ западнѣе оно происходило, а отъ экономическаго развитія, отъ матеріальнаго быта зависитъ и культурное, и политическое развитіе. Примѣрной иллюстраціей этого общаго явленія можетъ служить вотъ какое историческое наблюденіе.

На извѣстныхъ ступеняхъ экономической эволюціи большая часть европейскихъ народовъ переживала стадію крѣпостничества, т.-е. закрѣпощенія земледѣльческой, или крестьянской массы. Эта социально-экономическая форма характеризуетъ эпохи замкнутаго, натуральнаго хозяйства при распаденіи общества на землевладѣльческую и служилую знать и подневольную народную массу. Романскія страны вступили въ средневѣковую исторію именно съ такою формою сельскихъ отношеній въ видѣ римскаго колоната, который и былъ основою средневѣкового серважа. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и подчиненіе сельской массы вообще власти крупныхъ землевладѣльцевъ существовали и въ Византійской имперіи, гдѣ только законодательство императоровъ-иконоборцевъ начало подкапывать крѣпостной строй сельской жизни. У «варваровъ», вступившихъ въ общую историческую жизнь въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ, въ основѣ социальной организаціи лежали сельскія общины, состоявшія изъ свободнаго крестьянства, и процессъ закрѣпощенія начался у нихъ позднѣе. Вотъ мы и наблюдаемъ, слѣдя за тѣмъ, какъ устанавливались крѣпостныя отношенія въ средневѣковой Европѣ, что распространеніе этой формы шло съ запада на востокъ. Это значить, что экономическія и политическія условія, вызывавшія появленіе этой формы, возникали на Западѣ раньше, чѣмъ на Востокѣ, во Франціи ранѣе, чѣмъ въ Германіи, а въ этой послѣдней ранѣе, чѣмъ въ Польшѣ, позднѣе же всего въ Россіи. Наоборотъ, и раскрѣпощеніе совершалось въ той же послѣдовательности, т.-е. чѣмъ западнѣе, тѣмъ раньше, чѣмъ восточнѣе, тѣмъ позже. Въ этомъ же смыслѣ нужно понимать и постепенную замѣну натуральнаго хозяйства денежнымъ, особенно усилившуюся въ концѣ среднихъ вѣковъ и начавшую играть особенно важную роль въ жизни европейскихъ народовъ, въ новое время. И здѣсь стоитъ только обратить вниманіе на то, что современный капиталистическій строй постепенно тоже надвигается отъ запада къ востоку. Весьма естественно, что все это можетъ свидѣтельствовать намъ только объ одномъ, о большей въ теченіе вѣковъ экономической отсталости европейскаго Востока сравнительно съ европейскимъ Западомъ, для чего, конечно, есть свои причины, отчасти

уже и разсмотрѣнные нами въ этомъ же самомъ очеркѣ. Это—менѣе развитая береговая линія и большая отдаленность внутреннихъ странъ отъ материка, болѣе суровый климатъ и менѣе богатая природа, меньшая населенность территоріи и большая опасность варварскихъ нашествій Татарское иго, правда, не коснулось ни Польши, ни Венгріи, но обоими этимъ государствамъ пришлось выдерживать сильную борьбу съ турками, опасность отъ которыхъ для Германіи не была такъ непосредственна и велика, какъ для болѣе близкихъ къ Балканскому полуострову странъ, особенно для Венгріи, большая часть которой даже входила временно въ составъ грозной мусульманской державы, раскинувшейся въ трехъ частяхъ свѣта въ областяхъ древней эллинистической цивилизаціи.

Этотъ обзоръ географическихъ и историческихъ условій экономического и культурнаго развитія Россіи показываетъ намъ, что послѣ установленія въ восточныхъ и юго-восточныхъ окраинахъ Европы татарскаго и турецкаго владычества, единственною стороною, откуда на Русь могло идти высшее культурное вліяніе, былъ Западъ. Оно и шло, на самомъ дѣлѣ, особенно черезъ старый Новгородъ, который, какъ извѣстно, игралъ очень видную роль въ торговлѣ германской Ганзы. Изъ двухъ морей, между которыми на великомъ водномъ пути возникло Русское государство, болѣе важное значеніе получило къ концу среднихъ вѣковъ то, которое лежало къ сѣверу, Балтійское. Правда, предѣлы Русской земли расширились до Сѣвернаго океана съ его глубоко врѣзывающимся въ материкъ большимъ заливомъ, Бѣлымъ моремъ, и на этомъ морѣ у русскихъ завязались торговыя сношенія съ Западомъ, но крайне сѣверное положеніе дѣлало изъ этого моря все-таки не очень-то удобное «окно въ Европу». Такимъ окномъ суждено было стать именно Балтійскому морю, а между тѣмъ и отъ него Русь оказалась, въ эпоху наибольшаго своего ослабленія, отрѣзанною болѣе счастливыми сосѣдями. Извѣстно, какое важное значеніе получилъ въ XVI и XVII вв. такъ называемый балтійскій вопросъ, борьба за господство надъ Балтійскимъ моремъ прилегавшихъ къ нему государствъ. Сюда, въ эту сторону съ середины XVI в. направились и политическія усилія Московскаго государства, которыя завершились основаніемъ, въ началѣ XVIII вѣка, Петербурга у самаго исходнаго пункта стараго великаго воднаго пути. Съ конца среднихъ вѣковъ, со времени политическаго объединенія и сверженія татарскаго ига московская Русь, какъ не разъ уже это отмѣчалось историками, поворачивается лицомъ къ Европѣ, т.-е. къ Западу, потому что Восточная Европа, находившаяся въ рукахъ казанскихъ, астраханскихъ и крымскихъ татаръ, а за Чернымъ моремъ въ рукахъ турокъ, въ культурномъ отношеніи была не Европой, а Азіей.

Въ исторію новаго времени политически независимая часть Руси, основа будущей Россіи, вступаетъ въ видѣ Московскаго государства или Московіи, какъ его называли въ Западной Европѣ. Какъ политическая сила, оно выросло въ области, лежавшей въ сторонѣ отъ великаго воднаго пути и потому сравнительно поздно получившей историческое значеніе. Московія была уже гораздо болѣе еще удалена отъ «Европы», чѣмъ въ свое время Кіевъ или Новгородъ. Это было, если такъ можно выразиться, настоящее историческое захолустье, гдѣ очень легко было отстать отъ общаго движенія исторической жизни. Особыя условія существованія выработали тутъ своеобразный общественный укладъ, въ которомъ бросаются въ глаза сильное развитіе государственности, хотя бы и въ очень примитивныхъ формахъ, и, наоборотъ, весьма слабое развитіе личности. Западнымъ европейцамъ, попадавшимъ въ Московію, она должна была казаться совершенно варварскою, азиатскою страной, лишь областью, такъ сказать, нѣкоторой обширной «Татаріи», гдѣ вся жизнь приняла чисто восточныя формы. И, на самомъ дѣлѣ, жизнь складывалась здѣсь не по-европейски, хотя Московія не такъ-то ужъ совсѣмъ была изолирована по отношенію къ Западу.

Между тѣмъ какъ-разъ въ эту эпоху у людей Московскаго государства развился весьма гордый націонализмъ, для котораго было подыскано и теоретическое обоснованіе и даже съ всемірно-исторической окраской. Московскіе книжники, впрочемъ, не сами выдумавшіе эту идею, объявили Москву третьимъ Римомъ, что поднимало ея значеніе на недосягаемую высоту и до-нельзя льстило національной гордости. Но, въ сущности, такое о себѣ мнѣніе, соединенное съ очень слабымъ культурнымъ развитіемъ, есть черта, характеризующая восточные народы, въ наше время, напр., турокъ и китайцевъ.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ представленіи о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ. Это былъ такой же отголосокъ античной идеи о всемірномъ господствѣ Рима, какимъ на Западѣ была фикція о продолженіи Римской имперіи, представительницею которой сдѣлалась нѣмецкая нація. Мы еще не говорили подробно объ этой идеѣ средневѣковаго Запада и потому можемъ здѣсь и на ней остановиться нѣсколько больше.

Уже въ самомъ началѣ исторіи германскихъ народовъ Римская имперія была для нихъ чѣмъ-то высшимъ, и они стремились занять въ ней опредѣленное мѣсто въ качествѣ союзниковъ или вспомогательныхъ войскъ. Высшимъ проявленіемъ честолюбія германскихъ вождей было добиваться титуловъ имперіи и стремиться къ возстановленію самой имперіи. Съ паденіемъ Западной имперіи ея права были перенесены на восточнаго императора, и германскіе короли стали смо-

трѣть на него какъ на своего главу, номинально признавая его верховенство и дорожа раздаваемыми имъ титулами. Въ Византіи сохранилась та же идея, и ею руководился въ VI вѣкѣ Юстиніанъ Великій, когда отнималъ у вандаловъ Африку, у остъ-готовъ Италію и у вестъ-готовъ южную окраину Испаніи. Со временъ Константина Великаго эта идея непрерывнаго существованія имперіи стояла въ тѣсной связи съ идеей христіанской церкви; для послѣдней имперія была главной опорой и защитой. Послѣ 476 г. восточный императоръ въ глазахъ христіанскаго міра былъ не только его господиномъ, но и защитникомъ, и охранителемъ въ немъ истинной вѣры. Но на Западѣ власть императора не могла имѣть реального значенія, вслѣдствіе своего безсилія въ борьбѣ съ варварами, а потеря имперіей Палестины и Сиріи и иконоборство въ VIII вѣкѣ и совсѣмъ уронили восточную имперію въ глазахъ Запада. Фактически связь его съ Византіей все болѣе и болѣе ослабѣвала, а въ 800 году возложеніе императорской короны на голову Карла Великаго и совсѣмъ порвало эту номинальную связь. Но для Византіи западные императоры были лишь узурпаторами, ибо Византія считала себя истинной наслѣдницей Римской имперіи, госпожей всѣхъ народовъ, не обращая вниманія на то, что болѣшая часть провинцій ускользнула изъ-подъ ея власти. Даже слѣпой Исаакъ Ангелъ за нѣсколько лѣтъ до завоеванія Византіи крестоносцами четвертаго похода, приведшаго къ временному установленію Латинской имперіи, мечталъ о всемірной монархіи. Только императору Византіи могъ принадлежать священный титулъ императора—*βασιλεύς* (царь). Василій Македонянинъ упрекалъ Людовика Нѣмецкаго (внука Карла V.) въ томъ, что онъ сталъ именоваться титуломъ, который могъ принадлежать только ему одному. Никифоръ Фока столь же неприязненно смотрѣлъ на присвоеніе императорскаго титула Оттономъ Великимъ. Византія стремилась къ тому, чтобы иностранные государи пригнали титулы ея намѣстниковъ, но никому не уступала самаго высшаго титула—*басилевса*. Въ свою очередь, если на Западѣ восточнаго императора и называли императоромъ, то нерѣдко старались умалить титулъ: Людовикъ Нѣмецкій писалъ къ Василію Македонянину какъ къ «императору новаго Рима»; базельскій соборъ въ 1437 г. обращался къ Іоанну Палеологу какъ къ императору ромэевъ (*imperator romanorum*), т.-е. употребляя грецизированную форму, чтобы не употребить формы *romanicum* (римлянъ). Существовало, однако, различіе между обѣими имперіями. Во-первыхъ, византійскій императоръ видѣлъ въ своихъ правахъ, какъ защитника вѣры, лишь прямое слѣдствіе своего положенія, въ качествѣ міровладыки и наслѣдника древнихъ цезарей, а на Западѣ скорѣе изъ титула защитника церкви выводились остальные права наслѣдниковъ цезарей.

Здѣсь, какъ мы знаемъ, установился дуализмъ свѣтской и духовной власти, въ которомъ императоръ и папа взаимно дополняли другъ друга, между тѣмъ какъ въ Византіи произошло подчиненіе церкви государству. Во-вторыхъ, на Западѣ «римскій» императоръ, въ концѣ концовъ, превратился въ сюзерена феодальной іерархіи, тогда какъ Византія не знала феодализма, сохранивъ въ своихъ областяхъ зависѣвшихъ отъ центрального правительства и смѣняемыхъ губернаторовъ, которые присылались прямо изъ столицы. Вотъ это-то особое положеніе императорской власти на Западѣ и по отношенію къ церкви, и по отношенію къ аристократіи (землевладѣльческой и сановной) и произвело то, что средневѣковая имперія на Западѣ была только фикціей, принявъ католико-феодальный характеръ. Въ теоріи имперія стояла высоко, но только въ теоріи можно было смотрѣть на другихъ европейскихъ государей какъ на провинціальныхъ королей. Пророчество Данила, примѣненное къ чередованію монархій Вавилоно-ассирійской, Персидской, Македонской и Римской, которая должна существовать до скончанія вѣковъ, титулъ защитника церкви, охранителя и распространителя вѣры, значеніе императорской власти, какъ власти свѣтскаго главы, дополняющаго духовнаго главу—папу, все это сообщало идеѣ имперіи религіозный, даже мистическій характеръ.

Религіозный характеръ имѣла, конечно, и императорская власть въ Византіи. Отношеніе къ ней славянскихъ народовъ и ихъ князей сильно напоминаетъ то, что мы наблюдаемъ въ варварскихъ государствахъ на Западѣ. И здѣсь, т.-е. на Востокѣ могла, зародиться идея о перенесеніи имперіи съ одного народа на другой, какъ то было на Западѣ, гдѣ при Карлѣ Великомъ она перешла къ франкамъ, при Оттонѣ Великомъ—къ нѣмцамъ. Минюя развитіе аналогичныхъ взглядовъ у южныхъ славянъ, мы встрѣчаемся, наконецъ, съ этой идеей перенесенія имперіи съ грековъ и на русскихъ, и Москва, какъ третій Римъ, была тоже своего рода «Священной Римской имперіей Московскаго государства». Только здѣсь эта идея нашла болѣе благоприятную почву для своей реализаціи, конечно, не въ смыслѣ универсальной монархіи, а въ смыслѣ осуществленія той полноты власти, которая принадлежала московскому государю, сдѣлавшемуся изъ великаго князя царемъ. Здѣсь не мѣсто останавливаться на внутреннемъ процессѣ, приведшемъ къ московскому самодержавію, но слѣдуетъ, конечно, отмѣтить фактъ его установленія одновременно съ тѣмъ, какъ и на Западѣ воскресаетъ римская государственная идея, нашедшая свое воплощеніе не въ римско-германскомъ императорѣ, а въ національныхъ короляхъ. Отношенія между государственною властью, съ одной стороны, и какъ церковью, такъ и со-

словіями, съ другой, сложились въ Московскомъ государствѣ иначе, чѣмъ на католико-феодальномъ Западѣ, т.-е. ближе къ византійскому типу, и потому византійская традиція больше соответствовала «Москвѣ, третьему Риму», чѣмъ древне-римская—«Священной Римской имперіи нѣмецкой націи».

Формула: «Москва—третій Римъ»—получила не только политическое, но и національное значеніе. Въ ней содержалась своего рода націоналистическо-философская исторія, отводившая русскимъ особое мѣсто во всемирной исторіи, ибо въ формулѣ этой заключалось опредѣленіе культурной роли Москвы, какъ наслѣдницы византійскаго идеала, извѣстное пониманіе миссіи ея въ мірѣ, какъ хранительницы истиннаго благочестія. На почвѣ раздѣленія церковей для православнаго Востока истиннымъ главою христіанства былъ Царь-градъ, какъ второй Римъ, къ которому перешло отъ перваго Рима, отшатнувшагося отъ православія, законное главенство въ христіанскомъ мірѣ. Но и этотъ второй Римъ тоже палъ: принятіе официальной Византіей флорентійской уніи (1439), подчинявшей греческую церковь папѣ, и вскорѣ послѣдовавшее за этимъ завоеваніе Константинополя турками (1453) были монеты, какъ причина и слѣдствіе, какъ измѣна православію и Божія кара за эту измѣну. Пусть, однако, второй Римъ и палъ, но не можетъ пасть православное христіанское царство вообще, которое, наоборотъ, должно стоять до скончанія вѣка. Вотъ этимъ царствомъ, т.-е. «третьимъ Римомъ» и являлось въ глазахъ русскихъ людей XVI вѣка Московское государство, только-что объединившее удѣлы, освободившееся отъ татарскаго ига и потомъ даже завоевавшее два татарскихъ царства на Востокѣ. Два Рима пали, Москва—третій Римъ, а четвертому уже не бывать. Задача третьяго Рима была въ томъ, чтобы хранить древнее благочестіе и бороться съ его врагами. Бракъ великаго князя московскаго, Ивана III, съ Софьей Палеологъ, племянницей послѣдняго византійскаго императора и какъ бы наслѣдницей его державныхъ правъ, а также палская и венеціанская дипломатія, внушавшая московскимъ государямъ, дабы заставить ихъ воевать съ Турціей, что они прямые и законные наслѣдники Византіи,—тоже содѣйствовали утверженію такого взгляда. Конечно, что эта теорія могла только поддерживать національное самонѣніе и исключительность. Она обособляла Московію отъ остальнаго европейскаго міра, и это обособленіе сильно мѣшало идейному вліянію Запада на тогдашнюю Россію. Во всемъ этомъ историческомъ явленіи нельзя не видѣть продолженія того культурнаго обособленія, которое характеризуетъ средневѣковую исторію, и любопытно, что теорія о третьемъ Римѣ, о Москвѣ, какъ политической и культурной наслѣдницѣ Ви-

зантіи, стала формулироваться, когда на западѣ изъ Византіи шло новое подкрѣпленіе широкому гуманистическому движенію, и сама средневѣковая Римская имперія утратила свое обаяніе надъ умами. Московскій націонализмъ XVI—XVII вв. заключалъ въ себѣ осужденіе всего того, что было выработано и вновь выработывалось Западной Европой въ мірѣ идей, и былъ въ сущности проповѣдью культурнаго застоя и, какъ сказано выше, національной исключительности.

Разумѣется, въ этомъ бѣгломъ очеркѣ не можетъ быть дано исторіи «европеизаціи» Россіи, т.-е. разсказа о томъ, когда она началась, какими путями шла, какія препятствія встрѣчала и какіе результаты дала. Достаточно указать нато, что со времени петровской реформы, подготовленной, впрочемъ, всѣмъ предыдущимъ историческимъ развитіемъ, Россія мало-по-малу заняла мѣсто въ Европѣ, понимаемой и въ смыслѣ извѣстной системы государствъ и народовъ, и въ смыслѣ территоріи, на которой господствуетъ высшая культура, хотя, конечно, наша историческая отсталость и до сихъ поръ даетъ себя знать. Играть роль въ общеевропейской политикѣ Россія стала въ одно время съ тѣмъ, какъ на нее самоѣ сильнѣе стала дѣйствовать европейская культура. Но и традиція третьяго Рима не умерла окончательно въ сознаніи нѣкоторой части русскаго общества, особенно въ такъ называемыхъ славянофильскихъ ученіяхъ.

Въ то самое время, какъ общій ходъ всемирной исторіи за послѣдніе два вѣка все болѣе и болѣе втягивалъ Россію въ Европу и все болѣе и болѣе преобразовывалъ ее внутри на европейскій ладъ, славянофильство старалось, наоборотъ, проповѣдывать обособленіе и самобытность, уча, что Западъ гниетъ и что все наше спасеніе—въ отказѣ отъ послѣдствій петровской реформы. Однимъ изъ выраженій славянофильской философіи исторіи является книга Данилевскаго «Россія и Европа», еще недавно, повидимому,—судя по числу изданій,—находившая многочисленныхъ читателей. Въ первомъ очеркѣ, гдѣ у насъ шла рѣчь о всемирно-исторической точкѣ зрѣнія, мы уже коснулись теоріи культурно-историческихъ типовъ*), которую Данилевскій развивалъ въ своей книгѣ, желая обосновать свое положеніе о томъ, что Россія съ остальнымъ греко-славянскимъ міромъ, съ которымъ она должна тѣснѣе объединиться, составляетъ отдѣльный и самобытный культурно-историческій типъ. Все историко-философское построеніе автора «Россіи и Европы» было рассчитано на то, чтобы содѣйствовать охранѣ самобытности восточнаго типа, объявляемого авторомъ за наиболѣе совершенный, отъ западнаго вліянія, призна-

*) См. выше, стр. 22—23.

ваемаго, наоборотъ, за нѣчто весьма пагубное. Мы видѣли, что эта теорія по существу дѣла отрицаетъ культурное объединеніе человечества путемъ исторической преемственности цивилизаціи и взаимодѣйствія между народами одной и той же исторической эпохи, т.-е. отрицаетъ очевидность въ угоду предвзятой мысли. Развивая логически основныя положенія теоріи Данилевскаго, мы должны были бы признать въ культурно-историческихъ типахъ своего рода изначальныя и самобытныя единицы, рѣзко одиѣ отъ другихъ отграниченныя и одна въ другую не переходящія, не соединимыя между собою и вмѣстѣ съ тѣмъ нераздѣлимыя цѣлыя, подобныя схоластическимъ сущностямъ или біологическимъ видамъ по старому на нихъ взгляду. Такими именно типами рисуются въ этой теоріи романо-германскій и греко-славянскій историческіе міры Европы. Несомнѣнно, между этими мірами исторія выработала существенныя черты различія, но оба они на самомъ дѣлѣ являются лишь неодинаково видоизмѣненными продолженіями одного греко-римскаго историческаго міра, да и черты различія все болѣе и болѣе сглаживаются между ними: такъ, воды одной и той же рѣки, встрѣчая на пути своего теченія островъ, временно радѣляются на два рукава и опять сливаются въ одномъ руслѣ, миновавъ раздѣлившую ихъ преграду. Взаимодѣйствіе между отдѣльными народами, поставленными въ удобныя для того условія, совершаетъ выработку нѣкоторой болѣе универсальной цивилизаціи, а народы, позднѣе выступающіе на историческое поприще, поддаются подъ вліяніе болѣе старыхъ націй и часто, приходя къ нимъ на смѣну, по-своему продолжаютъ начатое ими дѣло, въ чемъ и заключается такъ-называемая историческая преемственность. Обособленіе, совершающееся въ силу тѣхъ или другихъ причинъ,—какъ это, на примѣръ, произошло съ Западной Европой въ средніе вѣка или со старою Русью,—конечно, способствуютъ выработкѣ извѣстнаго типа, имѣющаго чисто мѣстный характеръ, но свойства дѣйствительной исконности и полной самобытности такому типу можно приписывать только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы передъ эпохой замкнутости, какъ въ Китаѣ, не существовало эпохи болѣе широкаго общенія. Въ нашей Европѣ періоду обособленія двухъ типовъ предшествовалъ долгій періодъ греко-римскаго объединенія всего цивилизованнаго міра, бывшаго своего рода синтезомъ всѣхъ древнихъ культурно-историческихъ типовъ, и обѣ половины Европы получили изъ этого міра общее наслѣдіе, которое особенно и сдѣлало возможнымъ новое объединеніе, когда историческія условія позволили и Западу, и Востоку выйти изъ своей замкнутости и обособленности. Во всемірной исторіи совершается постоянно соединеніе элементовъ, первоначально одиѣ другому чуждыхъ, и разьединеніе элементовъ, уже жившихъ одною общею жизнью:

первый процессъ ведетъ къ прогрессивному объединенію человѣчества, второй, наоборотъ, является процессомъ прямо регрессивнымъ. Создавая, далѣе, изъ романо-германскаго и греко-славянскаго міровъ двѣ рѣзко различающіяся историческія противоположности, авторъ «Россіи и Европы» стремится представить второй изъ нихъ, какъ такой, которому не только невозможно, но и не слѣдуетъ дѣлать никакихъ заимствованій у другого, ибо греко-славянскій міръ представляетъ изъ себя высшій культурный типъ, сравнительно съ другимъ, романо-германскимъ. Какъ бы мы ни гадали относительно будущаго, но по отношенію къ прошлому и настоящему мы должны признать, что изъ двухъ рукавовъ, на которые въ началѣ среднихъ вѣковъ раздѣлилось европейское историческое теченіе, значеніе главнаго русла принадлежитъ рукаву западному, и что романо-германскій міръ съ бѣльшимъ правомъ, чѣмъ греко-славянскій, можетъ называться наслѣдникомъ древней цивилизаціи, наиболѣе универсальной, какая когда-либо существовала до возникновенія цивилизаціи современной.

Правда, въ началѣ среднихъ вѣковъ европейскій Западъ не избѣгъ общей участи, обособился и замкнулся; образованность и у него пришла въ упадокъ, и даже одно время арабская наука стояла далеко впереди западно-европейской. Но тотъ же Западъ первый и началъ выходъ изъ этого состоянія, сдѣлавшись продолжателемъ объединительной и цивилизаторской дѣятельности греко-римскаго міра. Средневѣковая католико-феодалная культура, проникнутая мѣстными и временными вліяніями романо-германскаго міра, подверглась критикѣ съ болѣе универсальныхъ и непреходящихъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ стали открываться и болѣе широкіе умственные горизонты. Историческое развитіе личности подняло Западъ на ту культурную высоту, на какой дотолѣ никто еще не стоялъ. Возрожденіе и реформація были какъ бы возвращеніемъ къ самимъ источникамъ европейской цивилизаціи, къ античной древности и первоначальному христіанству, изсякшимъ и искаженнымъ въ средніе вѣка, и къ тому, что было наиболѣе универсальнаго и непреходящаго въ этихъ источникахъ. Классическая литература въ рукахъ гуманистовъ и Библія въ рукахъ протестантовъ сдѣлались двумя главными орудіями въ борьбѣ съ отжившими свой вѣкъ соціально-культурными формами, но и та, и другая могли получить такое значеніе, лишь благодаря тому, что народилась личность, сознательно противопоставившая свое *я* вѣвшему міру и потребовавшая возрожденія и преобразованія жизни на новыхъ началахъ. Это-то и было залогомъ дальнѣйшаго прогресса, къ которому стали приобщаться и другіе народы. Между тѣмъ теорія, принижающая романо-германскій типъ передъ греко-славянскимъ, хотя и признаётъ превосходство западной науки, ставитъ, однако, «Европѣ» въ вину

какъ-разъ то, въ чемъ вся ея сила и безъ чего не могло бы въ ней быть и науки,—и вмѣстѣ съ тѣмъ щедро надѣляетъ греко-славянскій типъ качествами, имѣющими для адептовъ школы идеальное значеніе и будто бы уже характеризующими въ этомъ идеальномъ значеніи весь греко-славянскій культурный типъ. Признаками западно-европейскаго типа считаются именно чрезмѣрное развитіе личности, неуваженіе къ преданію и приверженность къ формѣ, подъ которыми разумѣются стремленіе къ самостоятельному проявленію личнаго я, духъ изслѣдованія и исканіе наилучшихъ основъ общежитія и которымъ противопоставляются, какъ признаки типа восточнаго, соборное начало, вѣрность искони воспринятой вселенской истинѣ и предпочтеніе, оказываемое внутреннему содержанию и духу передъ внѣшней формой и буквой. Индивидуализмъ, пытливая мысль и преобразовательныя стремленія составляютъ дѣйствительно существующія, реальныя явленія, характеризующія новое западно-европейское развитіе и вообще культурную и социальную жизнь всякой страны, идущей по дорогѣ прогресса. Безъ того, что теорія считаетъ основными грѣхами «европейской» цивилизаціи, не могла бы существовать сама наука, прежде всего требующая высокаго личнаго развитія, критическаго отношенія ко всему, существующему въ силу одной традиціи, и такихъ формъ жизни, которыя обезпечивали свободное развитіе ума,—наука, сама содѣйствующая личному развитію, воспитывающая умственную пытливость и ставящая себѣ задачу, между прочимъ, и выработку наиболѣе въ нравственномъ смыслѣ справедливыхъ, а въ общественномъ смыслѣ полезныхъ формъ народной жизни. Въ свою очередь, выставяемые теоріей признаки греко-славянскаго типа суть простыя понятія, подъ которыми или не мыслится ничего реальнаго, или разумѣются явленія, обобщаемыя совершенно произвольно, или же имѣются въ виду вещи, вовсе не соответствующія той роли, какую имъ приходится играть. Въ концѣ концовъ, вдобавокъ славянофильская теорія и не въ состояніи указать, какимъ образомъ восточныя начала могли бы создать что-либо равносильное западной наукѣ.

Славянофилы совершенно вѣрно характеризуютъ современную Западную Европу, какъ міръ развитой личности, критической мысли, сознательной выработки общественныхъ формъ, но совершенно напрасно представляютъ дѣло такимъ образомъ, будто бы всѣми этими признаками опредѣляется самъ романо-германскій типъ на протяженіи всего своего культурнаго и социальнаго развитія, а не извѣстный историческій моментъ въ этомъ развитіи. Столь же напрасно утверждаютъ они и то, будто міръ греко-славянскій изначала и до конца вѣковъ былъ и долженъ оставаться на той ступени культурнаго и социальнаго развитія, на которой личность мало выступаетъ, какъ само-

бытное я, затериваясь въ однородной массѣ, индивидуальная мысль не обнаруживаетъ оригинальности, вращаясь въ кругу традиціонныхъ идей, а общественныя формы не подвергаются измѣненіямъ во имя обезпеченія за личностью правильного развитія, представляясь неразвитому уму какъ совершенно безразличный и въ то-же время неприкосновенный порядокъ вещей. Если даже указанное противоположеніе между европейскимъ Западомъ и Востокомъ и было вѣрно,—а безусловная вѣрность его сомнительна,—то оно имѣло бы совсѣмъ не такое значеніе, какое ему приписывается разсматриваемой теоріей. Личное начало въ исторіи съ его необходимыми слѣдствіями, т.-е. съ самостоятельной работою ума надъ вопросами мысли и жизни и стремленіемъ къ осуществленію въ дѣйствительности новыхъ общественныхъ идеаловъ, какъ и все другое въ исторіи, способно къ большому или меньшему развитію и притомъ въ зависимости, конечно, отъ разныхъ культурныхъ и социальныхъ условий: чѣмъ ниже культурный уровень и несовершеннѣе социальная организація, тѣмъ менѣе средствъ дается обществомъ отдѣльнымъ его членамъ для ихъ личнаго развитія, тѣмъ менѣе личность способна проявить себя, какъ самостоятельное и самобытное я. и наоборотъ, чѣмъ выше стоитъ общество въ культурномъ и социальномъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе оно помогаетъ проявленію въ индивидуальной жизни и дѣятельности того, что вырабатываетъ въ человѣкѣ личность, какъ развитое я со своей оригинальной фізіономіей, со своими мыслью, чувствомъ и волей. По основному закону развитія цивилизаціи культурно-социальный прогрессъ влечетъ за собою то, что можно назвать ростомъ личности, и самъ вмѣстѣ съ тѣмъ обусловливается этимъ ростомъ. Личное начало присуще исторіи на всѣхъ ступеняхъ ея развитія, потому что самъ историческій процессъ въ послѣднемъ анализѣ сводится весь къ взаимодѣйствию между личностью и культурно-социальною средою, и вопросъ можетъ быть лишь о степени развитія, о количествѣ и о силѣ этого начала въ тотъ или другой моментъ историческаго бытія отдѣльной націи или цѣлаго культурнаго міра въ родѣ, напримѣръ, западно-европейскаго. Если въ этомъ послѣднемъ индивидуализмъ достигаетъ большаго развитія въ наибольшемъ количествѣ случаевъ и съ наибольшею силою противопоставляетъ себя косности или безсознательному саморазвитію культурно-социальной среды, то это служитъ лишь однимъ изъ признаковъ, свидѣтельствующихъ объ особенно значительномъ прогрессѣ, совершенномъ Западною Европою въ духовномъ и общественномъ отношеніяхъ. Сами по себѣ культурныя и социальныя формы, зависящія отъ данныхъ условий мѣста и времени, лишь тогда получаютъ болѣе универсальное и непреходящее значеніе, когда въ нихъ вложено много

такого, что является результатомъ чисто личной, отрѣшенной отъ вліяній мѣстныхъ и временныхъ формъ, такъ сказать, общечеловѣческой мысли, говорящей уму и сердцу человѣка, какъ такового, а не какъ представителя той или другой культурной группы. Заключается ли въ такомъ развитіи преимущество или, какъ кажется другимъ, недостатокъ, во всякомъ случаѣ, и преимущество это, и этотъ недостатокъ,—если только права, конечно, теорія культурно-историческихъ типовъ,—не могутъ считаться признаками одного романо-германскаго міра, такъ какъ личное начало присуще исторіи вообще, хотя и не всегда въ одинаковой степени, а изъ всѣхъ цивилизацій наиболѣе благоприятною для его развитія является та, родоначальниками которой въ Европѣ были древніе греки, а наслѣдниками сдѣлались всѣ христіанскіе народы какъ западной, такъ и восточной половины Европы.

Указавъ на то мѣсто, которое Россія заняла въ всемирной исторіи, какъ одинъ изъ младшихъ по времени членовъ міра европейскихъ народовъ и государствъ, мы закончимъ этотъ очеркъ общимъ обзоромъ внѣшнихъ отношеній, которыя создали Россіи ея теперешнее международное положеніе. Приблизившись и географически, вслѣдствіе расширенія границъ въ XVIII и XIX вв., къ Западной Европѣ, Россія въ то же время заняла важное положеніе на Востокѣ, гдѣ, несомнѣнно, ей принадлежитъ цивилизаторская миссія.

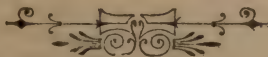
Главными политическими силами, которыя не хотѣли, такъ сказать, пускать Россію въ Европу, были какъ извѣстно, Швеція и Польша, а вмѣстѣ съ ними эту антирусскую политику вела и Турція. На счетъ этихъ государствъ и создала Россія себѣ положеніе на Западѣ. Отстоявъ въ началѣ XVII в. свою національную независимость отъ агрессивной политики Польши, Московское государство отняло у Польши въ томъ же столѣтіи восточныя ея владѣнія по Днѣпру, а въ началѣ XVIII в. рѣшила пробиться къ Балтійскому морю и въ союзѣ съ Даніей и Польшей вела для этого войну съ Швеціей, отобравъ отъ нея Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію, Карелію и небольшую часть Финляндіи. Побѣды надъ Швеціей, собственно говоря, и превратили прежнее Московское государство, которое считалось въ Европѣ чуть не азиатскимъ, въ Россійскую имперію, отъ которой три названныя государства и получили самые тяжелые удары. Швеція въ началѣ XIX в. потеряла и всю Финляндію, Польша во второй половинѣ XVIII в. перестала вовсе существовать, усиливъ Россію своей восточной, литовско-русской половиной, и Россія же играла первенствующую роль въ разложеніи Турціи въ XVIII и XIX вв. Исчезновеніе Польши съ политической карты Европы принадлежитъ къ числу особенно важныхъ событій XVIII в. Это государство, достигшее наибольшаго могу-

цества въ XV—XVI вв. при Ягеллонахъ и простиравшееся «отъ моря до моря», въ XVII в. стало клониться къ упадку и вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивать цѣлыя области. Польша въ это время лишилась находившейся въ вассальной отъ нея зависимости Пруссіи, лишилась Лифляндіи, лишилась части Западной Руси со Смоленскомъ и Кіевомъ. Но и въ урѣзанныхъ предѣлахъ Польша все еще оставалась большимъ государствомъ. Ею ослабили внутреннія смуты, которыя позволили Россіи, въ самомъ началѣ XVIII в., взять ее подъ свою опеку. Внешняя независимость Польши поддерживалась соперничествомъ ея сосѣдокъ, но во второй половинѣ XVIII в. по инициативѣ Пруссіи онѣ пришли къ соглашенію относительно дѣлежа польскихъ владѣній, и въ три приѣма Польша была раздѣлена между Россіей, Пруссіей и Австріей. Литовско-русскія части Польши достались Россіи, чисто-польскія—двумъ великимъ германскимъ державамъ—Австріи и Пруссіи. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ окончательнаго раздѣла Польши изъ нѣкоторыхъ ея прусскихъ и австрійскихъ частей возникло новое царство Польское, которое было присоединено къ Россіи. Расширилась въ Европѣ Россія въ XVIII и началѣ XIX в. и на счетъ Турціи. Въ эти два столѣтія совершался постепенный процессъ разложенія Европейской Турціи, причѣмъ Россія присоединила къ своимъ владѣніямъ земли между устьями Днѣпра и Днѣстра и Крымъ (во второй половинѣ XVIII в.) и Бессарабію (въ началѣ XIX в.), утвердившись такимъ образомъ на Черномъ морѣ. Съ присоединеніемъ къ Россіи, въ началѣ XIX в., Финляндіи, Бессарабіи и царства Польскаго уѣстановилась та западная ея граница, которая оставалась потомъ почти неизмѣнной до нашихъ дней.

Таково было движеніе Россіи въ сторону европейскаго Запада, но совершалось движеніе ея и въ сторону азіатскаго Востока. Оно началось съ завоеванія въ серединѣ XVI в. царствъ Казанскаго и Астраханскаго, за которыми уже начиналась настоящая Азія. Въ тѣ же самые вѣка, когда западные народы приобрѣтали новыя земли за морями, Россія постепенно расширяла свои сухопутныя границы и присоединяла громадныя пространства въ Азіи. Распространеніе русской территоріи совершалось здѣсь именно въ трехъ направленіяхъ. Въ концѣ XVI в. началось завоеваніе Сибири, а въ серединѣ XVII в. русскіе дошли уже до Охотскаго и Берингова моря, въ серединѣ же XIX в. Россія утвердилась и на нижнемъ теченіи Амура. Далѣе, въ первой половинѣ XIX в. Россія овладѣла Кавказомъ, гдѣ столкнулась съ Турціей и Персіей. Наконецъ, во второй половинѣ XIX в. ею были приобрѣтены большія владѣнія въ Средней Азіи и поставлены въ зависимость Хивинское и Бухарское ханства. Послѣднія приобрѣтенія Россіи приблизили ея границы къ границамъ Британской Индіи.

Такое расширеніе границъ Россіи и въ Европѣ, въ сторону наиболѣе культурныхъ ея націй, и въ Азіи, въ сторону народовъ, отсталыхъ въ культурномъ отношеніи, сдѣлало Россію одною изъ величайшихъ по размѣрамъ своихъ міровыхъ державъ, какія только существовали въ исторіи, превративъ ее въ главную посредницу въ передачѣ европейской цивилизаціи обширнымъ территориямъ азіатскаго Востока. Прилагая къ исторіи Россіи схему перехода отъ рѣчного періода черезъ морской къ океаническому, мы видимъ, что и здѣсь совершился тотъ же процессъ, такъ какъ на Дальнемъ Востокѣ Россія дошла до Великаго океана, которому въ будущемъ предстоитъ, повидимому, громадная роль всемірнаго значенія. Съ другой стороны, европейскія націи, съ которыми Россія сталкивалась прежде лишь по отношеніямъ чисто-европейскимъ, встрѣтились съ Россіей и въ Азіи, гдѣ у главныхъ европейскихъ государствъ есть, какъ извѣстно, свои интересы.

Изъ этого движенія Россіи на Востокъ нѣкоторые наши публицисты дѣлаютъ тотъ выводъ, что ей нужно быть и признавать себя державой по преимуществу азіатской не только въ географическомъ смыслѣ, но и по духовному якобы родству нашему съ міромъ восточныхъ народовъ. Если славянофилы въ качествѣ преемниковъ теоріи третьяго Рима, прежде всего, хотятъ видѣть въ Россіи преемницу Византіи, то новѣйшіе публицисты, о которыхъ только-что сказано, должны были бы видѣть въ Россіи прямую наслѣдницу средневѣковой державы монголовъ, многія части которой, дѣйствительно, входятъ въ составъ азіатскихъ областей имперіи. Это—тоже предложеніе отказаться отъ болѣе тѣснаго общенія съ европейскимъ Западомъ, гдѣ главнымъ образомъ и развивается передовая цивилизація человѣчества. Весь, однако, ходъ всемірной исторіи и внутреннее развитіе самой Россіи приводятъ къ тому, что Россія не должна быть ни Византіей, ни Азіей, а должна быть Европой.

Оглавленіе.

	Стр.
Предисловіе	III
Очеркъ первый. Всемирно-историческая точка зрѣнія	5

Постепенное объединеніе судебъ отдѣльныхъ странъ и народовъ. — Бѣглый взглядъ на цѣлое всемірной исторіи. — Необходимость изученія общаго хода исторіи и задача философіи исторіи. — Два способа философскаго построенія всемірно-историческаго процесса. — Примѣненіе идеи законмѣрности къ пониманію всемірно-историческаго процесса. — Разборъ нѣкоторыхъ возраженій противъ всемірно-исторической точки зрѣнія. — Обычное дѣленіе всемірной исторіи и его ненаучность. — Схема, предложенная Л. Мечниковымъ. — Теорія культурно-историческихъ типовъ.

Очеркъ второй. Древнѣйшія восточныя цивилизаціи	24
---	----

Три отдѣльныхъ историческихъ міра въ древности. — Особенное значеніе ближайшаго Востока. — Начало всемірной исторіи. — Главные періоды общей исторіи Востока. — Что можно считать концомъ исторіи древняго Востока? — Причины возникновенія древнѣйшихъ цивилизацій въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ. — Историческое превосходство ближайшаго Востока надъ Китаемъ и Индіей. — Причины гибели древнѣйшихъ цивилизацій и культурнаго застоя въ исторіи восточныхъ народовъ. — Значеніе Востока въ религіозной исторіи человѣчества. — Культурное вліяніе Востока на европейскую исторію. — Неодинаковое значеніе отдѣльныхъ восточныхъ народовъ во всемірной исторіи.

Очеркъ третій. Греко-римскій міръ	47
---	----

Важность знакомства съ исторіей классическаго міра. — Географическія условія греко-римской исторіи. — Сравнительная характеристика грековъ и римлянъ. — Различіе греческаго и римскаго наслѣдства. — Различіе въ по-

литической исторіи Греціи и Рима.—Превосходство греко-римской цивилизаціи, надъ восточной. — Начало политической свободы и свѣтской культуры въ античномъ мірѣ.— Вопросъ о различномъ пониманіи и осуществленіи принципа свободы въ античномъ и новомъ мірѣ. — Вопросъ о рабствѣ въ античномъ мірѣ.—Греко-римское объединеніе культурнаго міра. — Романизація варваровъ. — Натискъ варваровъ на Римскую имперію.—Постепенный упадокъ имперіи. — Прогрессъ въ античномъ мірѣ.

Очеркъ четвертый. Общій взглядъ на средніе вѣка 90

Три параллельныя средневѣковыя культуры: византийская, арабская и западно-европейская. — Распаденіе единаго историческаго міра на три обособленныхъ культурныхъ міра.—Культурный кризисъ въ концѣ античнаго міра.—Особенная важность западно-европейской исторіи.—Взаимныя отношенія мусульманскаго Востока и христіанской Европы въ средніе вѣка. — Средневѣковыя отношенія въ самомъ мусульманскомъ мірѣ. — Образование въ средніе вѣка романо-германскаго и греко-славянскаго міровъ въ Европѣ и ихъ взаимныя отношенія.

Очеркъ пятый. Западно-европейское средневѣковье 108

Три источника средневѣковой западно-европейской культуры: античное наслѣдіе, христіанство, древне-германскій бытъ.—Различіе въ пониманіи ихъ взаимоотношеній у разныхъ историковъ. — Былъ ли переходъ отъ античности къ средневѣковью прогрессомъ или регрессомъ?—Современный споръ объ экономическомъ развитіи древности и среднихъ вѣковъ.—Дѣленіе западно-европейскаго средневѣковья на періоды.—Обособленіе Западной Европы, какъ отдѣльнаго историческаго міра.—Значеніе монархіи Карла Великаго.—Средневѣковой соціально-политической бытъ и феодальная система. — Общая характеристика средневѣкового католицизма.—Мѣсто среднихъ вѣковъ въ исторіи прогресса.

Очеркъ шестой. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. 139

Отношеніе новаго времени къ среднимъ вѣкамъ.—Вступленіе всемірной исторіи въ океанической періодъ.—Новое экономическое развитіе Европы.—Общее значеніе ренессанса и гуманизма.—Судьба классической литературы въ средніе вѣка.—Дѣйствительно ли завоеваніе Константинополя турками было причиною возрожденія классической древности на Западѣ?—Значеніе классическаго элемента въ исторіи новаго умственнаго движенія.—Развитіе индивидуализма и секуляризаціонныхъ стремленій.—Начало новой науки и философіи.—Упадокъ средневѣкового католицизма и «порча церкви».—Вліяніе религіозной ре-

формації на гуманізмъ и возрожденіе послѣдняго въ «просвѣщеніи» XVIII в.—Состояніе политическаго міра въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ началѣ новаго времени. — Напоръ мусульманства. — Образование національныхъ государствъ на Западѣ. — Сословная монархія и начало абсолютизма.

Очеркъ седьмой. Главныя культурныя эпохи новой европейской исторіи

165

Два главные отдѣла новой западно-европейской исторіи.—Общій взглядъ на исторію четырехъ послѣднихъ столѣтій.—Разныя стороны реформаціоннаго движенія.—Неодинаковость участія отдѣльныхъ народовъ въ этомъ движеніи.—Общіе принципы реформаціи.—Католическая реакція.—Просвѣщеніе XVIII вѣка. — Философія естественнаго права.—Реакція противъ идей XVIII в. въ началѣ XIX столѣтія. — Развитие положительной науки въ XIX в.—Значеніе этого развитія въ исторіи техники. — Важность его въ исторіи новѣйшаго міросозерцанія.

Очеркъ восьмой. Происхожденіе современнаго западно-европейскаго общества и государства

203

Постепенная дефеодализація общества и государства на Западѣ. — Общее значеніе развитія городовъ въ концѣ среднихъ вѣковъ.—Судьбы народной массы.—Политическія и социальныя движенія реформаціонной эпохи.—Связь религіозной реакціи съ политическою. — «Старый порядокъ».—Настроеніе буржуазіи при старомъ порядкѣ.—Просвѣщенный абсолютизмъ.—Общевропейское значеніе французской революціи.—Ея antecedentes и ея принципы и слѣдствія.—Экономическій переворотъ конца XVIII и начала XIX вв.—Вѣглый обзоръ новѣйшей европейской исторіи.

Очеркъ девятый. Распространеніе всемірнаго господства европейскихъ народовъ

252

Постепенное расширеніе всемірно - исторической сцены.—Первенствующая роль народовъ арийской расы во всемірной исторіи и особое значеніе Европы. Распространеніе трехъ мировыхъ религій въ старомъ и новомъ свѣтѣ. — Значеніе религіознаго фанатизма отсталыхъ странъ. Открытіе и колонизація европейцами новыхъ земель.—Краткая исторія Америки и Австраліи.—Экономическое и культурное развитіе новыхъ обществъ европейскаго типа въ западномъ полушаріи. — Историческія судьбы Азіи и роль европейскихъ народовъ въ отдѣльныхъ ея частяхъ.—Отсталость африканскаго материка въ историческомъ отношеніи. — Раздѣлъ Африки между европейскими народами въ XIX в. — Вліяніе технического прогресса Европы. Міровая торговля и міровая политика.

Очеркъ десятый. Мѣсто Россіи во всемірной исторіи	278
---	-----

Общій взглядъ на мѣсто Россіи во всемірной исторіи.—Позднее выступленіе Россіи въ исторіи.—Географическое положеніе восточно-европейской равнины.—Значеніе великаго воднаго пути и южно-русскихъ степей.—Татарское иго.—Мѣсто Россіи въ славянскомъ мірѣ.—Порядокъ экономическаго и культурнаго развитія въ Западной и въ Восточной Европѣ.—Значеніе для Россіи Балтійскаго моря.—«Московія». — Священная Римская имперія на Западѣ и Москва въ качествѣ «третьяго Рима» на Востокѣ.—Европеизація Россіи.—Славянофильская философія исторіи.—Расширеніе границъ Россіи въ XVII—XIX вв.—Роль Россіи въ Авіи.

